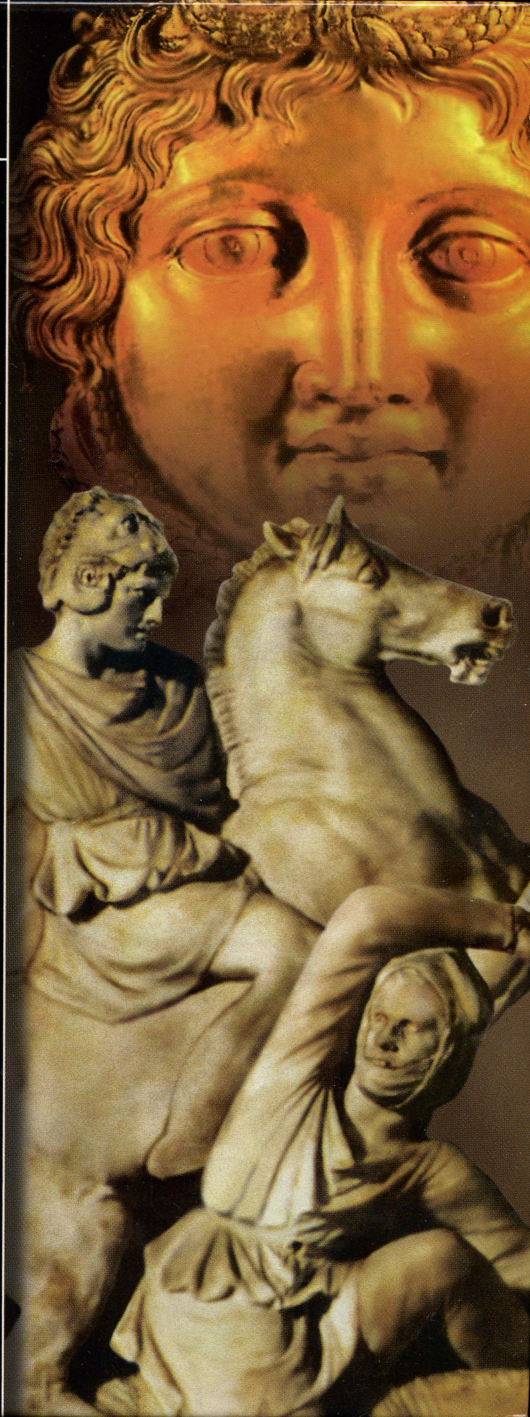

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Поль Фор

ПОВЕЛЕНИЕ ЖУЗУ

АРМИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

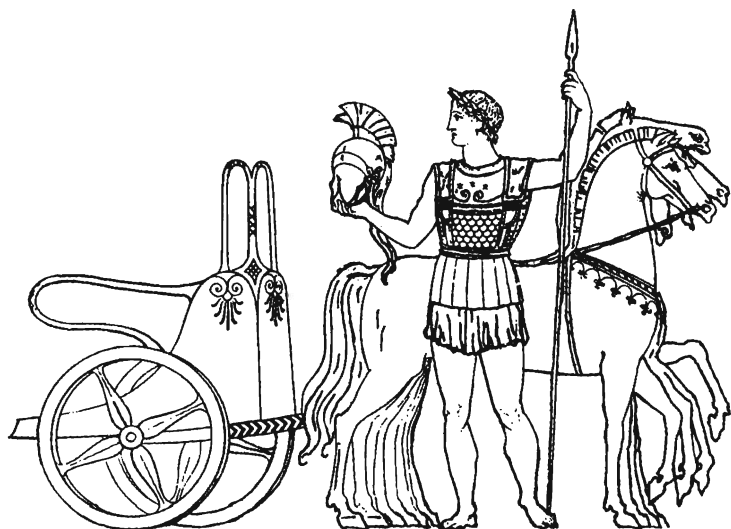

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Поль Фор

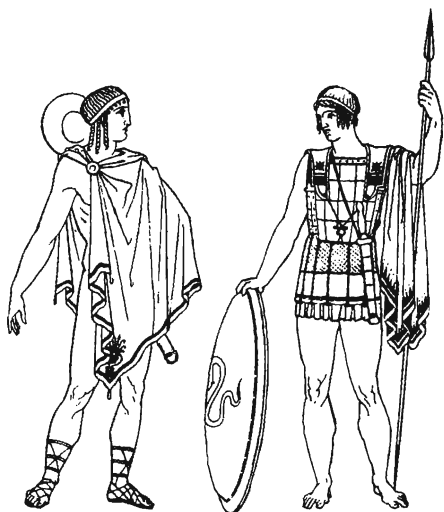
Paul Faure

LA VIE QUOTIDIENNE DES ARMÉES
D'ALEXANDRE

HACHETTE LITTÉRATURES

ЖИЗНЬ АРМИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

УДК 94(3)“-4”:355.1
ББК 63.3(0)32
Ф 79

Перевод с французского
Т. А. ЛЕВИНОЙ
под редакцией
И. И. МАХАНЬКОВА

Предисловие, научная редакция
И. И. МАХАНЬКОВА

Художественное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

Перевод осуществлен по изданию:
Paul Faure. La Vie quotidienne des armées d'Alexandre.
Paris: Hachette Littératures, 1982

ISBN 978-5-235-03028-2

© Hachette Littératures, 1982
© Левина Т. А., перевод, 2008
© Маханьков И. И., предисловие, 2008
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2008
© «Палимпсест», 2008

Вышедшая и переизданная в серии «ЖЗЛ» монография Поля Фора об Александре Македонском обретает теперь продолжение и дополнение: книгу того же автора, посвященную уже не самому герою, но его окружению, людям, чьими усилиями и было совершенно величайшее завоевание в мировой истории.

Книга преследует двоякую цель. Во-первых, она призвана сделать более понятной для читателя обстановку, в которой проходил поход, и обрисовать его участников. В этом масштабном полотне отыскивается место едва ли не каждому — и заслуженным военачальникам, служившим еще Филиппу, отцу Александра, и новой поросли талантливых полководцев, возвращенной уже самим Александром, и командирам, и всадникам, и рядовым воинам, и морякам, и пестрой толпе обоза, образованной учеными и историками, маркитантами и купцами, слугами и рабами, женами воинов и девицами для утех.

Еще до Второй мировой войны, сравнительно молодым человеком, Поль Фор (род. 1916) прошел маршрутом, которым следовала армия Александра Македонского. Значительная часть пути им была преодолена пешком. Это сделало из Поля Фора ученого, который может рассуждать о трудностях похода не теоретически, меряя расстояния по картам и погружаясь в отчеты путешественников, а практически, прочувствовав значительную

часть препятствий и лишений на самом себе. Принимая же во внимание глубину его познаний в истории так называемой эллинистической эпохи, исследованию которой (с упором на историческую географию) Фор посвятил многие экспедиционные сезоны, мы смело можем назвать его одним из наиболее сведущих в истории Древней Греции специалистов.

Часто Грецию и Персию представляют как абсолютные противоположности, с каким-то тайным (и даже явным) сочувствием греческому оружию. Демократическая и просвещенная Греция — против прозябающей под гнетом деспотизма, во мраке невежества и азиатчины Персии. Поль Фор правильно перемещает акценты. Персия уже давно выдвинулась на арену средиземноморской политики, стала полноправным и сильным (прежде всего своими необъятными финансовыми возможностями) игроком в этом регионе. Вот и греков в их борьбе с македонским империализмом она поддерживала сколько могла — чем отчасти, себе на горе, и сделала еще более неотвратимым нападение на Элладу раздраженной этим македонской монархии. Важно, как говорит автор, и то, что при всем культурном несходстве сторон постепенное сближение между ними — как раз на уровне культурном — шло постоянно. Немало греков (помимо тех, что оказались в Персидской империи в качестве обитателей завоеванных или добровольно покорившихся персам греческих городов) переселялись и оседали здесь как специалисты (врачи, художники, ремесленники и т. д.), негоцианты, воины. Рядовому человеку, естественно, жить в империи гораздо спокойнее и безопаснее, чем в мелких греческих полисах, постоянно враждующих друг с другом. Сами же греческие города никакой самостоятельной внешней политики после разгрома при Херонее в 338 году до нашей эры уже не проводили. Впрочем, большинство из них утратили права на нее еще в Пелопоннесскую войну, когда были вынуждены принять ту или другую сторону в конфликте Спарты и Афин.

Разумеется, на уровне отдельного города, организации армии в целом, на уровне самосознания отдельно-

го человека различия никуда не исчезли. В области внутреннего управления греческие города продолжали традиции самоуправления, с сохранением всех выработанных столетиями демократических норм. По такому же образцу — и это очень важно — функционировала власть и во всех вновь создаваемых греческих городах на территории бывшей Персидской державы. Конечно, это приводило к формированию совсем иного типа личности гражданина, а не подданного. И теперь такие люди (значение этого факта невозможно переоценить) появились во множестве и на Востоке. Армия Александра также разительно отличалась от армии его противников. Фактически это был «полис на марше», с достаточно регулярно проводившимися собраниями, с выступлением ораторов, прениями и выносившимся в конце постановлением. В книге Поля Фора воинские собрания рассмотрены подробно и аргументированно, им посвящен особый раздел одной из глав.

Большое внимание в книге уделено инженерному делу и военным машинам. И действительно, в этой области с именами Филиппа и его сына связаны величайшие достижения и качественно новая ситуация в тактике ведения войны. Ведь несмотря на отдельные попытки взятия городов с помощью осадных орудий (можно вспомнить осаду Пароса Мильгиадом в 489 году), греки, по сути, не умели штурмовать крепости, чьи стены были достаточно прочны и высоки. Можно вспомнить Пелопоннесскую войну 431—404 годов до нашей эры, когда на протяжении многих лет тактика спартанцев, имевших полное превосходство над афинянами в сухопутном бою, сводилась к ежегодному опустошению сельской местности Аттики, однако никаких серьезных попыток штурма самих Афин не предпринималось. Не так уже обстояло дело при Филиппе и его сыне. Александр взял за правило не оставлять за спиной никаких не взятых крепостей, каких бы усилий это ни стоило. В книге Поля Фора прекрасно показаны упорство и мастерство, с которыми штурмовала города армия Александра.

Особого внимания заслуживает глава, посвященная флоту. Не говоря о том, что эта тема интересна сама по

себе как сравнительно малоизученная, Поль Фор еще предлагает довольно оригинальную концепцию классификации античных судов. Известно, что первоначально гребные суда в Античности имели один ряд весел. Затем, по мере совершенствования технологии кораблестроения и появления потребности в более скоростных и мощных судах, способных решать сложные боевые задачи, гребцов стали сажать друг над другом, сначала в два этажа, а затем и в три. Понятно само собой, что управлять тремя рядами весел сложно, это предполагает большую слаженность гребцов, но впоследствии новые задачи потребовали еще увеличить мощь удара. Появились так называемые (в латинской терминологии) квадриремы и квинкверемы. Долгое время было принято считать (поскольку в первом слове явно присутствует «четыре», *quattuor*, а во втором — «пять», *quinque*), что древние пошли по пути надстраивания ярусов. Ясно, однако, что уже пятиярусный корабль трудно себе представить, а ведь были еще и корабли с упоминанием в названии куда больших чисел: вплоть до двадцати. Так вот, по гипотезе, получающей теперь всё большее распространение, все эти числа говорят не о числе ярусов, но о количестве рядов гребцов с каждого борта, открывавшихся взгляду, брошенному с мостика. Дело в том, что с целью увеличения энергии гребка на весла, а также увеличения времени, на протяжении которого корабль мог выдавать крейсерскую скорость, на часть весел стали теперь сажать не по одному гребцу, а по два или даже больше. Число же ярусов, на которых они размещались, было оставлено (видимо, как оптимальное) равным трем.

Особая тема книги, то и дело всплывающая вновь и вновь, — причины похода, силы, погнавшие колоссальную массу людей (около 100 тысяч, по оценке Поля Фора) навстречу неизведанным опасностям, перенесшие их в совершенно новые, непривычные условия. Ведь природный грек никогда не отходил от моря на значительное расстояние — такова уж природа Греции, изрезанной узкими и длинными бухтами. Сама мысль о длительном походе по пустынным, удаленным на десятки и сотни переходов вглубь континента областям

должна была их повергать в смятение. Не зря так запомнился афинянам «марш смерти» по гораздо меньшей, но столь же засушливой Сицилии, когда при отступлении их войска от Сиракуз в 413 году до нашей эры его в основном уничтожили, а оставшихся воинов пленили и отправили на каменоломни. И если в 401 году до нашей эры 10 тысяч греков продвинулись достаточно далеко вглубь азиатского континента (подробный рассказ об этом имеется в «Анабасисе» Ксенофонта), то была совсем иная история, поскольку перед вспомогательным греческим корпусом, привлеченным Киrom, рвавшимися отобрать у брата трон, стояли достаточно ограниченные цели: посадить нового претендента на царство, как это уже бывало в истории, и не только Персидской империи. К тому же греков вел тогда за собой Кир — местный, законный или незаконный, но претендент на корону. Успешно действовавший в Малой Азии против сатрапов персидского царя Агесилай (396 год) также решал достаточно мелкие задачи: ему и в голову не могло прийти напрочь смахнуть с средиземноморской шахматной доски такую фигуру, как Персидская империя.

Всё же представляется, что тех причин, которые выдвигает в качестве возможных оснований для похода автор, недостаточно. Вся эта «жажда завоеваний» македонской и греческой аристократии, мечта о легком и быстром обогащении рядовых воинов, открытие «новых рынков» и «источников сырьевых ресурсов» для купечества не очень подходят как объяснение таких радикальных шагов в жизни каждого отдельного человека. Все равно как Стефан Цвейг объяснял открытие Америки живейшей, прямо-таки неодолимой потребностью европейцев в пряностях. Конечно, причины для похода были в том числе и материального характера. Скажем, возникавшее время от времени в греческих метрополиях перенаселение находило себе выход в выводе колоний. Но так было раньше. Теперь многие основанные в прежние века города средиземноморского и черноморского побережий сами оказались перенаселенными, а основанию новых поселений мешали новые игроки: Карфаген на западе и Персидская

держава на востоке. Так что низвержение уже показывавшего свою неуклюжесть и неповоротливость колосса могло показаться естественным средством решения многих проблем.

Но важнее, пожалуй, все-таки другое — причины духовные. Греческая культура должна была продвинуться на Восток — хотя бы для того, чтобы подготовить почву уже близящемуся христианству. Не случайно, как очень уместно отмечает Поль Фор, границы империи Александра Македонского практически совпадают с границами распространения христианства. По сути, это духовные силы персидско-вавилонской культуры отступили, освобождая арену действия культуре, которая должна была прийти ей на смену, — христианской. Армия, организованная и обученная Филиппом и приведенная в Азию его сыном, явилась одним из орудий подготовки явления в мир Спасителя.

И. Маханьков

*Посвящается памяти Дени Бюрнуфа,
потомка великих востоковедов, моего
проводника и компаньона на дорогах
Азии, скончавшегося в 1978 году.*

*Мои благодарности: премного обязан
двум феям, чьи прелестные пальчики
переписали и украсили это произведение:
мадам Мари-Жанн Геньеро и мадам
Мишель Фор.*

*Мои благодарности адресованы
также тем моим друзьям, которые
позволили мне воспользоваться
их здоровыми наблюдениями
и конструктивной критикой: Альберу
Анжеру, исследователю; Люсьену Башу,
историку морского дела; Пьеру Бизу,
философу и художнику; Жаку Метра,
дипломату; Марку Сантони,
генеральному инспектору народного
просвещения; Пьеру Тилле, эллинисту
и арабисту.*

БОГ ИЛИ ЧЕЛОВЕК?

Пришло время воздать справедливость этим, говоря словами Ростана («Орле-нок», II, 9), «неприметным и безвестным воинам», создавшим славу Александра Македонского. Он писал свою эпопею их побтом, страданиями и кровью. Наш мир, также уставший от героев, как устали сами герои, предпочитает королям, даже если они нефтяные или стальные, неприметных добровольцев, чья повседневная жизнь и создает ткань истории. От культа личности исходит дыхание смерти и разложения. На смену хронике частных жизней постепенно приходит изучение целых цивилизаций; на смену частной истине — истина статистических цифр; на смену застывшим маскам великих покойников — «тяжелая поступь легионов на марше». Однако мы не собираемся возводить их на пьедесталы — мы вообще больше не желаем возводить пьедесталов. Подобно Диогену, мы ищем людей, но не тех, что заслоняют от нас солнце*.

К тому же у Александра Македонского нет недостатка в биографах, почитателях и даже льстецах. Помимо

* Обыгрываются два известных эпизода из жизни Диогена: то, как он искал с фонарем в руках «человека» среди бела дня на кишашей людьми базарной площади, а также как попросил Александра Македонского отойти от света в ответ на вопрос об имеющихся просьбах к царю. — *Здесь и далее прим. науч. ред.*

переработок поэмы Ламбера ле Тора, написанной около 1170 года двенадцатисложным (так называемым «александрийским») стихом и вдохновившей стольких авторов, стоит обратиться к современным исследованиям И. Г. Дройзена (1833)*, Ульриха Вилькена (1931), Уильяма Тарна (1948—1950), Жоржа Раде (1950), Ч. А. Робинсона (1953), Бенуа-Мешена (1964), П. Бамма (1969), Питера Грина (1970), К. Крафта (1971), Фрица Шахермайера (1973)**, Р. Лейна Фокса (1973), к четвертому тому «Истории греческого народа» («Histoire du peuple grec», 1973), а также к работам Роже Пейрефитта (1979—1981). И тем не менее в них больше воображения, чем надежности, а романтизма или идеализации — больше, чем объективной критики. И даже те, кто, подобно Крафту («Der “rationale” Alexander», 1971), пытался внести логику и необходимость в эту жизнь, полную случайностей и представляющую собой исключение с начала и до конца, всего лишь произвольно толковали крайне скудные сведения, которыми мы располагаем. Не имея обоснованной точки отсчета, каждый из них, что бы ни думал на этот счет, был вынужден изобретать, дополнять, измерять величие Александра своей собственной меркой, одним словом, самому пряхь нить его судьбы, вплетая в нее греческую шерсть, египетский лен и индийский хлопок.

Двойственный персонаж

В конце концов, какая разница, был ли Александр III Македонский (356—323 годы)*** существом сверхчеловеческим, гением, если не сказать воплощением Диониса, «непобедимым богом», как официально он стал именовать себя в 325 году, или кровавым завоевателем, с момента своего восшествия на престол, а затем тираном, опьяненным успехом, лестью приближенных и

* История Александра Великого // История эллинизма. Т. 1. М., 1891.

** Книга вышла в русском переводе в 1984 году.

*** Все трехзначные и двузначные даты по умолчанию относятся ко времени до Рождества Христова.

чрезмерным потреблением вина, героем, наследником Геракла и Ахилла, ясновидящим или полубезумцем, чьи излишества приблизили его смерть в возрасте тридцати двух лет. При жизни и на протяжении, по крайней мере, двадцати лет после смерти у него было множество почитателей и хулителей, и тех и других одинаково страстных. Столько заговоров организовывалось против него, столько восстаний в Европе и Азии, замешенных на обоснованной ненависти! Его ненавидело больше половины греков, не рисковавших однако в открытую поднять оружие против его вельмож и ставленников. В самой Македонии его преемник Кассандр за период с 315 по 310 год приказал казнить мать, жену, сына Александра, что не вызвало ни малейшего возмущения. Заметим, что «сын Зевса-Амона», «бог» Александр не оставил по себе добрую память и в своей собственной стране: опубликованные новой македонской династией «царские ежедневники», как и личные письма пестрят разоблачениями и обвинениями в его адрес. Философ Теофраст, ученый Эратосфен, историк Тимей единодушны с оратором Демосфеном, настраивавшим афинских граждан против Александра. Но признаюсь, я не доверяю попыткам соединить крайности как в благую, так и в дурную сторону, как, впрочем, и монотонности, и полутонам. Я нахожу их столь же фальшивыми, как и заведомую предвзятость. Двойственность персонажа нимало меня не заботит.

Источники

Начиная с XVIII века нет ни одного труда об Александре Македонском, который не начинался бы с критики источников, касающихся его истории, настолько велика боязнь попасться в ловушку бога всеведущего и вездесущего, «властителя вселенной», *космократора*, поддаться обаянию мифа, поддерживаемого его почитателями, поклоняющимися его изображению и каменному саркофагу, а затем — хрустальному гробу в египетской Александрии. Ибо, если не принимать в расчет очень редкие иконографические документы в

виде официальных скульптур и предметов живописи, а также монет; если подходить с осторожностью к льстивым надписям, происходящим из греческих городов или святилищ; если не рассматривать, по причине пристрастности, переписку, к тому же часто апокрифическую, глав государств и яростные нападки аттических ораторов, то, за исключением очень малого числа современных Александру материалов, вся наша информация покоится всего на трех произведениях, задуманных, написанных и опубликованных в Александрии после смерти великого завоевателя.

1. *«История военных походов Александра»*, по крайней мере в дюжине книг, которую философ и моралист Клитарх из Колофона, впоследствии из Александрии, написал и опубликовал в период между 320 и 300 годами. Мы располагаем также следующими сведениями об Александре и его походе: у Диодора в XVII книге его «Исторической библиотеки» (54—36 годы); у Помпея Трога (между 20 и 2 годами); в «Истории Филиппа», книги XI—XII в изложении Юстина (III век); у Квинта Курция Руфа в «Истории Александра Македонского», книги III—X (между 41 и 50 годами); у Плутарха в «Сравнительных жизнеописаниях» Александра и Цезаря и «Об удаче и доблести Александра Великого» (начало II века); и наконец, в «Эпитоме деяний Александра и его смерти», той, что называют «Метцкой эпитомой» (IV или V век). Эти пять биографов излагают факты не только в одном и том же порядке, но даже в одном духе, а порой и в одинаковых выражениях. И хотя, например, Плутарх привлекает дополнительные источники, такие как сочинения Хареса или Сатира, все же и он не выходит из рамок традиции, основанной на курьезах и имеющей в виду нравоучительность и морализаторство, делая упор на чудо или восхищение. Утраченное произведение Клитарха, столь часто упоминаемое и представляемое в сжатом виде, является не чем иным, как тем, что эрудиты вот уже столетие называют *«Вульгатой»*, то есть *«Народной версией»* жизнеописания Александра.

2. *«Записки»* царя Египта Птолемея Сотера («Спасителя»), сына Лага. Птолемей был тем самым военачальником, о котором передавали, что он спас Александра,

после же смерти правителя он препроводил его мумию из Вавилона в Мемфис, а затем захоронил ее в центре Александрии. Посредством этого деяния и своих «Записок», опубликованных около 285—283 годов, он рассчитывал стать достойным наследником умершего бога. Эти «Записки», наряду с «Записками» другого очевидца, Аристобула Македонского, написавшего их в конце жизни (между 305 и 300 годами), послужили главным источником для Флавия Арриана из Никомедии, написавшего около 150 года «Анабасис Александра» (буквально: «Восхождение», то есть из Европы в Азию). Современная критика, падкая на подлинные исторические свидетельства, придает больше ценности этим свидетельствам командиров и друзей Александра, чем всем упомянутым выше биографиям, особенно если по времени написания они далеко отстоят от описываемых событий. Аристобул, например, дает рациональное толкование известной истории о гордиевом узле. И он, и Птолемей опираются на официальные сообщения и дневники, на документы старших офицеров, опубликованные Эвменом из Кардии, секретарем Александра. Но уж как-то так получается, с умыслом или нет, что дружба, интерес, страсть к политике подтасовывают факты в пользу Египта. Изображенный ими Александр является прежде всего сыном египетского бога Амона, как стал им впоследствии сам Птолемей.

3. *«Роман об Александре Македонском, или Александрия»*, ошибочно приписываемый Каллисфену из Олинфа, историографу Азиатского похода, осужденному на смерть в 327 году. Известно, что на самом деле это беллетристическое произведение, которому было суждено на протяжении более чем тысячелетия вдохновлять поэзию и авантюрные романы западного мира, является сборником различных легенд, греческих, восточных и африканских, бытовавших в Египте в середине III века нашей эры, многие из которых, однако, восходят к эпохе Александра и более или менее подтверждают культурологические факты, некогда упомянутые настоящим Каллисфеном. Историки, основывающиеся на положительных фактах, отвергают «Роман

об Александре». А вот этнологи и историки идей всё больше им интересуются. Часто герой или, скорее, идея, сформировавшаяся относительно какой-то незаурядной жизни, в большей степени свидетельствует о цивилизации, нежели сама история. Каждая эпоха любой страны рисует себе героя на свой лад. «Роман об Александре» больше рассказывает о египетских и африканских почитателях и последователях завоевателя, чем о самом герое.

Разумеется, еще остаются сведения, которые придется собирать по крупичкам из фрагментов, часто совершенно ничтожных, примерно сорока античных рассказчиков и мемуаристов, которые упоминаются, к примеру, у историка Полибия (II век до нашей эры), географа Страбона (I век), рассказчика Лукиана из Самосаты (II век), или у таких компиляторов, как Полиен (II век) или Афиней (III век). А пожелаем мы узнать о жизни моряков, то, вполне очевидно, мы стали бы изучать ее с помощью трудов Арриана и сохранившихся фрагментов из Неарха, Онесикрита, Мегасфена и Эратосфена. Но каким из трех крупных александрийских источников воспользоваться, чтобы познакомиться с жизнью сухопутных войск? Выказавшей свою крайнюю неразборчивость «Вульгатой»? «Записками» Птолемея и Аристубула, хотя они и замышлялись изначально для правителей? Изобилующим чудесами «Романом об Александре»? Следует ли нам пытаться увязывать их, если они расходятся во мнениях, или использовать только те фрагменты, где авторы единодушны? Ясно, если отместить всё, чему отыскиваются противоречия, останутся жалкие крохи. Возможно, стоит выбрать из каждого произведения самые правдоподобные, самые вероятные, наиболее подтвержденные вспомогательными науками сведения. Иными словами, повторить поход Александра, не выходя из дома, — с помощью штабных карт, которых не знал мир Античности? Напрасный труд, уже проделанный множеством людей до нас. Потому что, если нас больше интересует не бог, а человек — я имею в виду пехотинца, того, кто прошел пешком 18 тысяч километров, чтобы создать недолговечную империю и затем грезить о ней

до конца своих дней, — нам следует обратиться к тем авторам, которые писали об этом человеке, о его страданиях и восторгах: не к стратегам, политикам, жрецам, а к рассказчикам, повторявшим вслед за Протагором из Абдеры (480—410 годы): «Человек есть мера всех вещей — как сущих в их бытии, так и не сущих в их небытии. Что до богов, я не могу знать, есть ли они, или их нет, или же они только видимость, потому что слишком многое препятствует такому знанию, — и вопрос тмен, и людская жизнь коротка». Может, предпочесть этот вариант? Мы станем следовать за повествованием «Вульгаты» всякий раз, когда бог в нем станет уступать место людям. Но будем обращаться и к другим свидетельствам, когда найдем в них точные и конкретные детали о жизни войска: скорее к Клитарху, чем к Птолемею.

Клитарх

Кропотливое сравнение пяти текстов «Вульгаты» позволяет обнаружить источники, которыми пользовался Клитарх. Сын историка Динона из Колофона, ученик (вероятно, в Афинах) ритора Аристотеля из Кирены, и диалектика Стильпона из Мегары, в 334 году Клитарх был слишком юн, чтобы отправиться в Азиатский поход. Однако у афинских интеллектуалов, учеников Платона, Аристотеля и Диогена, он позаимствовал любознательность этнографа и натуралиста, коллекционера и эрудита, что весьма сближало его с перипатетиком Теофрастом. Его «История военных походов Александра Македонского» в тринадцати (?) книгах, начатая в Афинах около 320 года и завершенная в Александрии двадцать лет спустя, представляла собой разнохарактерное собрание: рассказы греческих и македонских ветеранов и наемников, реляции послов, письма, ходившие под именами правителей, официальные документы, опубликованные письмоводителями, «Записки» официального историографа Каллисфена из Олинфа, составленные около 329 года, утраченные сочинения Анаксимена из Лампсака и Поликлета из Лариссы, оказавшиеся на соседних страни-

цах вместе с многочисленными свидетельствами. Всё это не давало поместить произведение Клитарха ни в один из существовавших в то время литературных жанров. Сплошной поток рассуждений, драматических сюжетов и романов. Цицерон охарактеризовал этот труд двумя наречиями: «rhetorice et tragice» («риторично и трагично»; Брут, 43). Но даже век спустя после Цицерона это произведение входит в учебную программу по литературе в Риме. Автор не обращал внимание на критику; его упрекали в напыщенности, вымысле; он же выверял всё в соответствии со своей жизнью, своим увлечением и предрасположенностью к единству, к незаменимому: устной традиции. «Это стремительно ставшее знаменитым произведение, — пишет Поль Гукowski, — не являлось образцом объективности, каким, впрочем, считали его древние критики. Ошибки не только способствовали успеху книги, они превратили ее в документ, более всего выражающий чувства публики» (*Essai sur les origins du mythe d'Alexandre. Nancy*, 1978. P. 136). И, как это ни парадоксально, оказывается, что это наименее историческое произведение — самое человеческое и правдивое. Если мы отбросим из образа Александра и из его частной жизни все легендарное, то сможем лучше понять его сторонников и их моральные поступки, тем более что древние считали Клитарха искусным и красноречивым оратором. Во всяком случае, все рассуждения, приписываемые персонажам, были им тщательно и любовно переписаны.

Вероятно, двенадцать книг «Истории военных походов Александра» в Африке, Азии и Индии имели вид летописи. Каждая книга соответствовала одной военной кампании, начинавшейся весной и завершавшейся, когда армия становилась на зимние квартиры. Если не принимать в расчет кампании совсем юного правителя, желавшего упрочить свои тылы на Балканском полуострове, между сентябрем 336 года, датой его восшествия на престол, и ноябрем следующего 335 года, когда в честь Зевса Олимпийского в Дионе были устроены триумфальные торжества, ему понадобилось полных двенадцать лет, чтобы достичь восточных границ Персидской империи — и исчезнуть. Чтобы придать

хронологические рамки тому, что нам предстоит проанализировать и описать, предлагаем ознакомиться с вероятным порядком событий.

Хронология

Год 334-й

В начале весны «друзья» Александра (или «совет гетайров» — своеобразный македонский штаб), фаланга и отборная кавалерия выдвигаются из столицы Пеллы в Амфиполь, где фракийские и пеонийские воины уже соединились с всегреческой армией и флотом и откуда все они отправляются в Сест, переправляются через Дарданеллы, встречаются около Абидоса македонские войска Калласа и уничтожают в месяце *дайсие* (то есть мае) на берегах реки Граник греческих и азиатских наемников персидских сатрапов под командованием Мемнона с Родоса. Сатрап Мифрен без боя сдает крепость и сокровища Сард. Форсированным маршем армия захватывает берега Ионии, Карию, Ликию и освобождает города от иностранных гарнизонов. После упорной осады взяты Милет, Галикарнас, Термесс. Зимой войско проводит в прибрежных областях Ликии и Памфилии. Разоблачен заговор Александра Линкеста, зятя регента Македонии.

Год 333-й

Армия овладевает проходами из Писидии во Фригию и летом в Гордии, в 75 километрах к востоку от современной Анкары, соединяется с войсками Пармениона (чудесная история гордиева узла). Тем временем царь Персии Дарий III Кодоман собирает в Вавилоне огромное войско и движется к Киликии и Александреттскому заливу (теперь чаще залив Искендерун). Хиос и города на Лесбосе переходят на сторону персов, но, к счастью, внезапно умирает Мемнон, командующий греческими наемниками Великого царя. Македонская армия проходит ущелье Киликийские ворота, и царь Александр, искупавшись в ледяных водах реки Кидн, заболевает. Чудесным образом он исцеляется. В

ноябре македоняне и их союзники одерживают победу при Иссе и захватывают семейство Дария. С родственниками Дария Александр обходится весьма великодушно, однако его лагерь разграблен. Македоняне устраиваются в Северной Сирии и овладевают сокровищами Дамаска. Цари Кипра покоряются победителям.

Год 332-й

Возобновив поход в направлении Египта, армия подчиняет большую часть финикийских городов, но вынуждена осаждать Тир (февраль—август) и Газу (сентябрь—ноябрь), что дает повод к замечательным деяниям. Тем временем персидские сатрапы переходят в наступление в Милете, на Хиосе, Андросе и Сифносе, афиняне захватывают Митилены на Лесбосе, а Аристомен из Фер пытается овладеть Дарданеллами. Аминта с десятью триерами отправляется в Македонию, чтобы набрать новые войска. К концу года воины Александра через Пелусий доходят до Мемфиса в Египте, местные жрецы встречают их как освободителей.

Год 331-й

В начале января царь со своими ветеранами спускается по западному рукаву в дельту Нила и близ деревни Ракотида закладывает будущую Александрию. В феврале Александр с горсткой друзей верхом за десять дней преодолевает 250 километров пустыни между Мерса-Матрухом и оазисом Сива, где жрецы объявляют его сыном бога Амона. Посольство греков из Кирены, столицы Ливии, доставляет ему царский венец и богатые подарки. Через впадину Каттара паломники возвращаются в Мемфис, после чего окончательно устраивают дела в Египте. Официально Александрия основана 25-го числа месяца *тиби* (7 апреля по римскому календарю), на деле же это произошло 20 января по нашему календарю. В конце марта армия оставляет Мемфис, вновь возвращается в Тир и устраивает большие празднества. Царь Дарий шлет к Александру новых послов в надежде достигнуть соглашения. Греки устраивают великолепные похороны жены Дария и отвергают любые

предложения мира. Дарий распоряжается собрать и снарядить еще большее войско, а Мазея назначает охранять переправу через Евфрат в Тапсаке (ныне Джераблус), но, узнав о приближении неприятельской армии, тот бежит (июль 331 года). Греческая армия переходит Тигр во время полного лунного затмения в ночь с 20 на 21 сентября через брод Джезират в 160 километрах к северо-востоку от современного Мосула. 1 октября она одерживает на Гавгамельской равнине великую победу в 27 километрах к северу от древней Ниневии. Это сражение называют еще Арбельским (ныне Эрбиль в Ираке). В ноябре после 400-километрового марша войско отдыхает в Вавилоне и Ситтакене: четыре месяца «на зимних квартирах». Солдат вознаграждают, армию реорганизуют. Александр приносит жертвы вавилонскому богу Мардуку.

Год 330-й

Македоняне с греками овладевают Сузами, Персеполем, Экбатаной (столицей персидских царей) и захватывают царские сокровища. 25 апреля 480 года по предложению куртизанки Таиды сожжен дворец в Персеполе, «чтобы отомстить за Афины и преступления, совершенные Ксерксом». 9 июня элита армии бросается из Экбатаны в погоню за Дарием и его наемниками и обнаруживает царя убитым по приказу сатрапа Бесса в 30 километрах западнее Дамгана (в 320 километрах к востоку от Тегерана). Александр, став царем Персии, приказывает устроить Дарию торжественные похороны и перенимает персидские обычаи. Отныне перед ним все простираются ниц. Первые волнения в войсках. Александр распускает своих греческих союзников, но распоряжается формировать армию из восточных воинов по греческому образцу. Военная экспедиция в Гирканию (ныне Горган на севере Ирана), затем к мардам к югу Каспийского моря, где Александр, как передают, встретился с царицей амазонок Талестрией. Похищение и выкуп коня Букефала. Покинув Гекатомпилы (в Парфии близ нынешнего Шахруда), войско пересекает взбунтовавшуюся Азию (от Сузии около Мешхеда в Иране до Герата в Афганистане),

Дрангиану, страну ариаспов (к северу от озера Зарангай), Арахозию (около Кандагара). В октябре в Профгасии (ныне Фарах) раскрыт заговор Филоты, сам он казнен, а его отец Парменион убит в Экбатане. В конце ноября изнемогшее войско достигает пределов горного хребта Паропанисада (Кох-и-Баба, 5143 метра) и в середине декабря в Ортоспане оказывается около современного Кабула. В 70 километрах к северу, между Баграмом и Чарикаром у подножия Гиндукуша оно закладывает Александрию Кавказскую.

Год 329-й

Во время таяния снегов остатки армии с трудом преодолевают массив Гиндукуша, видят пещеру Прометея и его орла (на самом деле в Гандхаре?), покоряют Аорн (Ташкурган, или Хульм) и Бактру (около Балха, современного Вазирабада на севере Афганистана), переправляются через вздувшийся летом Окс (Амударью) немного ниже Тармиты (Термеза) и основывают Александрию Окскую, чтобы контролировать переправу через реку. Они преследуют сатрапа Бесса в Согдиане (современный Узбекистан). Он пленен в августе отрядом Птолемея в степях Карши (Кашкадарьинская область). Пройдя от Самарканда навстречу скифам на северо-запад, войско пересекает Яксарт (Сырдарью) и основывает Александрию Эсхату («Крайнюю», ныне Худжанд южнее Ташкента) и шесть крепостей. Убито множество восставших согдийцев, за непокорность наказаны бактрийцы. Зимует армия в Бактрии, где устроено суд над цареубийцей Бессом.

Год 328-й

В третий раз восстают согдийцы. В конце зимы отборный отряд захватывает крепость Аримаза (Байсун в 20 километрах к востоку от Дербента в Узбекистане и около 120 километров севернее Термеза). В Паретакене Александру удается принудить к сдаче Скалу Хориена, занятую Сисимитром в Кох-и-Норе на берегу Вахша, в 80 километрах к юго-востоку от Душанбе. Войско проводит лето в различных кампаниях в Алайских горах и долине Зеравшана (в Античности Политимет)

вплоть до Бухары (античная Согдиана). В июле казнен после пыток Бесс, переданный семье Дария. В Мараканде (Самарканде) осенью во время попойки Александр убивает своего молочного брата и друга Клита Черного. Его советник философ Каллисфен тайно казнен в тюрьме летом 327 года. Войско устраивается на зимние квартиры в Наутаке (Шахрисабз в 70 километрах к югу от Самарканды), между тем как Александр готовится вторгнуться в Индию.

Год 327-й

Весной царь женится на Роксане («Прекраснолицей»), дочери Оксиарта, персидского владыки Бактрианы в Бактрии (около Балха, в 330 километрах к северо-западу от Кабула) и призывает пришельцев с Запада заключать браки с дочерьми Востока. Он приказывает набрать в глубинных сатрапиях 30 тысяч новобранцев. Аристотель пишет Александру письмо об управлении государством. Неудачный заговор Гермолая и нескольких его товарищей-пажей. Пополнившаяся новыми воинами армия, насчитывающая 120 тысяч человек пехоты и 15 тысяч всадников, спускается по реке Кабул, переваливает Хайбарский перевал и разделяется. Отряд Александра уничтожает или покоряет горное население севера Пакистана: аспасиев, гурийцев, асакенов — и захватывает такие укрепления, как Массага. Взятие горной крепости Аорн (Аварана, «укрепление») позволяет переправиться через Инд. Омфис, раджа Таксилы (Бхира) к западу от Исламабада, радостно приветствует Александра.

Год 326-й

Соединившись с силами раджи, воины Александра, Гепестиона и Пердикки обращают в бегство слонов и пехотинцев индийского царя Пора (Паурава на санскрите) близ Джелама на реке Гидасп и основывают города Никея и Букефалия. Они покоряют страну Сопеита. В сентябре войско отказывается переправиться через реку Биас, приток Сатледжа, и возводит двенадцать алтарей олимпийским богам близ Лахора (Северный Пакистан). Осенью поход против сивов, малавов и

оксидраков, подстрекаемых брахманами. Царь ранен: грудь пробита стрелой. Лагерь у Мултана и строительство флотилии позволяют армии семь месяцев спустя достичь Индийского океана.

Год 325-й

Спуск по Гидаспу и Инду. В начале года основана Александрия Согдийская (или Индская, около Раджанпура). Весной армия и флот находятся в Патале (около Хайдарабада), где выстроены порт и корабельные верфи. Кампания против оритов и основание еще одного «Порта Александра» около современного Карачи. Войско Кратера возвращается в Персию через север (Махорта, Кандагар, Буст и далее вдоль реки Гильменд). Войско Александра на юге за лето и осень с огромными трудностями пересекает пустыни Гедрозии (Белуджистан) и Маки (Макран). Вверенный Неарху флот из-за муссонов в конце лета выходит из устья Инда и достигает Персидского залива. Севернее Ормузского пролива основана новая Александрия. Воины Кратера и Александра в ноябре соединяются в Ширазе. Устроена грандиозная вакхическая процессия. По приказу царя казнены или смещены многие сатрапы.

Год 324-й

Через Персеполь всё, что осталось от армии, прибывает в Сузы, где празднуется бракосочетание десяти тысяч выходцев с севера с азиатками. Александр, уже женатый на Роксане, женится в марте на двух персидских царевнах, Парисатиде, дочери Артаксеркса III, и Барсине-Статире, старшей дочери Дария III. Он пополняет войско тридцатью тысячами новобранцев с Востока, экипированными и выученными по македонскому образцу. Он обеспечивает денежным пособием десять тысяч юных преемников, «эпигонов». Он формирует пятую гиппархию (кавалерийский полк) и передает ее Гистаспу, знатному бактрийцу. Он выплачивает долги самых старых македонян и отпускает их со службы. Подготовленный в Сузах весной 324 года указ повелевает греческим городам вернуть на родину политических изгнанников ради восстановления согласия.

Кроме того, особым циркуляром (*diatagma*) им приказано ввести культ в честь Александра, «непобедимого бога». Гарпал, правитель Вавилона, бежит с наемниками в Грецию, захватив царские сокровища. В августе македонские солдаты поднимают восстание в Сузах и Описе. Казнь бунтовщиков. В ноябре в Экбатане, в Мидии во время колоссальной попойки умирает Гефестион. Неутешный царь приказывает всем народам Азии надеть траур, как по поводу смерти Великого царя, и устраивает ему погребальные церемонии, как герою.

Год 323-й

Идут операции по истреблению коссеев (касситы высокогорного района Загроса и Луристана). Несмотря на мнение прорицателей и советы Неарха, вернувшегося из Индии, весной царь обосновывается в Вавилоне и принимает там многочисленные посольства западных народов. Он тратит огромные суммы на погребальные почести Гефестиону. Обещанные десять тысяч македонских рекрутов не являются, но Александру удается набрать фалангу из персов в обрамлении македонян, и он планирует сухопутную и морскую экспедицию против Аравии, страны ладана и мирры, а на Средиземном море — против Карфагена и его колоний. Чрезмерно восславив Диониса, Александр умирает, 10 дней проболев лихорадкой, 28-го числа месяца *декия* (10 июня 323 года) в возрасте 32 лет и 8 месяцев. Птолемей, сын Лага, распоряжается набальзамировать его тело и с величайшими почестями перевозит его в Египет. Последний покой Александр находит в небольшом мавзолее к востоку от александрийской агоры, на так называемой Соме («Тело»). Клитарх, повествователь, стоявший у истоков «Вульгаты», около 317 года передает слухи, распространяемые Олимпией, матерью Александра, что царя отравили по приказанию регента Антипатра, стратега Македонии. Сокрушенная горем армия тут же разделяется. Солдаты следуют за своими командирами, каждый из которых урывает себе царство из добычи покойного властелина Азии.

Дух похода

Если мы, увлекшись историей в современном смысле этого слова, захотим оказаться во времени и пространстве приключений и событий, которые авторы связывают лишь в их последовательности и направлении (двенадцать лет походов, сражений и страстей, какое изобилие!), нам без конца придется обращаться к вышеприведенному резюме и картам. Два века ученой критики позволили установить места и даты, исправить имена и события. Но чтобы объять необъятное, я имею в виду, понять идею похода, самую его душу, нам придется обратиться к другим, неисторическим авторам: моралистам, этнологам, деловым людям, торговцам, сопровождавшим Великую армию*, а также современным исследователям и искателям приключений, проделавшим тот же путь. Признаюсь, во времена юности я был одним из них. Как бы иначе я понял, сколько воли и выносливости понадобилось этим мужчинам (воинам) и женщинам (их супругам или наложницам), если бы лично не пересек в самый разгар лета бесконечные пустыни Анатолии, Сирии и Ирана, если бы не преодолел пешком горные цепи, гораздо более высокие, чем наш маленький Монблан, не прошел через Железные, Киликийские, Персидские, Каспийские ворота, через высокогорные перевалы, соединяющие степи Центральной Азии и высокогорные долины Пакистана, если бы не увидел медных гор под их шапкой из железа и руд, которые заставляют вас грезить. При этом на солнце столбик термометра поднимался до 80 градусов, а в какие-то ночи в горах головокружительно падал до минуса. Я не собираюсь петь гимны человеческому телу, как и величию древних персов, владевших этим миром. Я лишь пытаюсь представить, что могло воодушевить завоевателей на подобные свершения. И подобно тому, как Никос Казандзакис писал: «Чтобы понять античную Грецию, ее идеи, искусство, ее богов, существует лишь одна отправная точка: земля, камни, вода, воздух Греции», — я бы рискнул сказать, что для

* По аналогии с армией Наполеона.

понимания войска Македонии и Греции существует лишь одна отправная точка: империя, которую для себя наметил их предводитель.

Официально верховный правитель (*гегемон*), «руководитель» (буквальное значение термина «гегемон»), избранный Союзом греческих народов в октябре 336 года для вторжения в Персидскую державу, руководствовался двумя соображениями: освобождением азиатских греков от ига Великого царя и отмщением за Македонию и Грецию, испытавших вторжение персов и ужасы 490 и 480 годов. Словом, война была представлена как разновидность национального крестового похода и как карательный акт. Что же, предлоги как предлоги! В реальности всё было несколько иначе. В 328 году историограф похода Каллисфен из Олинфа вслух признал то, что уже давно думали про себя военачальники из ближайшего окружения македонского царя: «Александр, я требую, чтобы ты вспомнил о Греции, ради которой и предпринят весь этот поход, чтобы присоединить Азию к Греции» (*Арриан. Анабасис, IV, 11, 7*)*. Мы же со своей стороны должны помнить, что Македония, государство-хищник, вот уже столетие вела территориальную экспансию и что все Балканы были заселены «кочевниками на пути к оседлости» (как называют это социологи). Двигавшаяся впереди своих стад лошадей, рогатого скота и овец, а вернее подталкиваемая ими, большая часть населения всё время искала новые пастбища. С другой стороны, пытаясь разрешить двойную проблему увеличения населения и нехватки земель, такие философы, как Платон и Аристотель, литераторы Исократ и Каллисфен, прямо призывали к колонизации, то есть к расселению греков на пока еще свободных землях Египта и Ближнего Востока, которые, как говорят, изобилуют невероятными богатствами. Греческие торговцы, люди искусства, врачи селятся рядом с азиатскими и африканскими сатрапами, сколачивая состояния и внедряя в умы европейцев

* В дальнейшем во всех случаях, где имеется в виду именно «Анабасис» Арриана, мы будем ограничиваться одним указанием имени автора.

мифы о роскоши и неге Востока. Мы всё еще живем этими же сказками. Просто азиатских властителей сменили эмиры, как «Тысяча и одна ночь» пришла в XVIII веке в культуре Европы на смену средневековому «Роману об Александре». В действительности, сознательно или бессознательно, но основной задачей похода 334 года, прямой целью войны, которой не желали ни Спарта, ни Афины, но которую методично, на протяжении двадцати лет, готовила македонская монархия, было завоевание Персии. Аристотель, пять лет проживший в Малой Азии, прежде чем стать советником Филиппа и наставником Александра, прямо пишет в своей «Политике» (V, 10, 7—8): «Главная цель македонской монархии — захват земель». Александр, щедрый, как и его отец, нередко говорил, что такова уж судьба царей — делать добро, а в ответ слышать хулу (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Александр: 41, 2)*.

Моральные факторы

Не стоит забывать также и о моральных факторах, пытаясь объяснить подобный порыв и массовый исход балканских народов от Дарданелл до самой Индии. Анализируя, как обычно, причины войны с Персией, Полибий около 150 года ссылается на осознание Филиппом Македонским (359—336) своего собственного величия и величия македонян в военном деле в противоположность лености и слабости персов; он напоминает, что в 401—399 годах десять тысяч греческих наемников с Ксенофонтом смогли совершить поход с берегов Евфрата через всю Малую Азию; он напоминает о легких успехах экспедиции спартанца Агесилая против сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза в 396 году. Он мог бы также добавить, что тот же царь Филипп уже подготовил кампанию своего сына, отправив в 337 году своих лучших полководцев Пармениона и Аттала с десятью тысячами воинов в Малую Азию для овладения проливами. Размеры и необычайные достоинства при-

* В дальнейшем будет цитироваться как «Жизнь».

зов, которые могли быть получены в результате такой войны, для Полибия (История, III, 6, 9—14) — всего только предлог (*prophasis*). Никакого сомнения, что этому маленькому народу потребовалось много храбрости и упорства, чтобы исполнить задуманное и добиться успеха.

Другие ставят во главу угла любознательность спутников Александра и их симпатию к народам, с которыми они познакомились. Действительно, начиная составлять список видных греков, перешедших на службу к персам с начала греко-персидских войн, поражаешься: Гиппий, тиран Афин, и Демарат, царь Спарты, были приняты при дворе в Сузах; Мильтиад, военачальник персидской армии до Марафона*, затем тиран Херсонеса, персидской провинции; Фемистокл, победитель флота Ксеркса при Саламине в 480 году, укрывшийся при дворе Великого царя спустя десять лет; спартанец Павсаний, победитель при Платеях в 479 году, предавший Спарту в пользу Персии в 471 году; Каллий, глава афинского посольства в Сузы в 469 году, герой, которого его соотечественники обвинили в том, что он продался персам; врач и историк Ктесий, находившийся на службе Артаксеркса Мнемона; Алкивиад, гостеприимец сатрапа Тиссаферна; флотоводцы Лисандр, Конон, Анталкид, стратег Ксенофонт, который служил в армии Кира Младшего и превозносил невероятные добродетели персов... Словом, претензии Александра на трон Дария не более удивительны, чем такие же претензии Бесса, сатрапа Бактрианы: в IV веке до нашей эры Македония и Фракия признавались персидскими правителями частью, по крайней мере теоретической, азиатского царства, так же как «Яуна широкошляпная» (то есть европейские греки, носившие широкополые шляпы)**. Психологи могли бы сказать, что война стала актом неудавшейся любви.

* При Марафоне он был уже во главе противостоявшего персам афинского войска.

** Слова из списка подвластных царю Персии народов с гробницы Дария I; персы именовали греков «яун» (видимо, по Ионии, заселенной греками области в Малой Азии): Яуна — Иония, Яуна широкошляпная — европейская Греция и Македония.

Роль Филиппа, отца Александра

Наконец, поскольку завоевание состоялось благодаря человеческой воле и энергии, именно Филипп, а не Александр, открыл амбициозным устремлениям греков богатые страны Ближнего Востока. Это признано всеми современными историками: если бы за двадцать три года царствования глава династии Аргеадов не преобразовал простую совокупность племен, подчиненных его предшественниками или им самим, в единое превосходно организованное государство Македонию, если бы он не подготовил его в военном и дипломатическом отношении к борьбе против огромной азиатской империи, никогда бы у его сына, этого «юнца», как назвал его Демосфен, несмотря на всю его горячность, не возникло бы и мысли завоевать государство в сто крат более богатое и великое, чем его собственное, уж не говоря об отсутствии элементарных средств для этого. Здесь мы не можем подробно рассмотреть жизненный путь Филиппа. Впрочем, весь мир знает основные его этапы: регент в 359 году в возрасте двадцати четырех лет, царь в 356 году, он вводит национальную армию, покоряет угрожающих его границам иллирийцев, фракийцев, пеонийцев, завоевывает две провинции в Эпире и женится на племяннице молосского царя Олимпиаде, которая становится матерью Александра. В 346 году, несмотря на робкое сопротивление Афинского союза, Филипп, повелитель Халкидики и ее серебряных и медных рудников, собственник золотого рудника на горе Пангей к западу от устья реки Стримон во Фракии, господин Фессалии и предводитель в священной войне против живущих в Центральной Греции фокейцев, заставляет прочих греков передать себе отнятые у них два места в совете управляющих святилищем в Дельфах и председательствует на Пифийских играх. Он осаждает Византий при входе в Черное море, а затем, воспользовавшись новой священной войной против локров из Амфиссы (339), захватывает Элатею к северу от Беотии и 1 сентября 338 года при Херонее наголову разбивает объединенную греческую армию. В следующем году в Коринфе он созывает всегреческий союз. Союз избирает Филиппа главой всех греческих

войск для войны против Персидской империи, но во время свадьбы дочери царя Клеопатры в Эгах его убивает знатный македонянин. Филиппу было сорок семь лет. В городском музее Фессалоник можно полюбоваться великолепным оружием, произведениями искусства и драгоценностями, которые извлек из царской гробницы Манолис Андроникос пять лет назад*.

Теперь обратимся к двум текстам, говорящим об этом человеке больше, чем все упоминавшиеся богатства. Один принадлежит самому последовательному его противнику, афинскому оратору Демосфену, провозгласившему в 330 году в своей «Речи о венке» (67—68): «Видел я этого самого Филиппа, с которым мы боремся, как в схватке за власть и преемство он лишился глаза, как ему переломили плечо, как поранили руку и бедро, но он был готов пожертвовать фортуне любую часть своего тела, лишь бы только то, что у него останется, жило в почете и уважении. А между тем кто мог отважиться утверждать, что кому-то, выросшему в Пелле, доньше никому не известном городишке, могла достаться столь возвышенная душа, чтобы возжелать власти над греками и задаться такой целью. Вам же, афинянам... достало трусости на то, чтобы добровольно уступить Филиппу свою свободу?» Другой текст принадлежит одному из его друзей, историку Теопомпу («История Филиппа», книга 49): «Став однажды хозяином необъятного богатства (более тысячи талантов, то есть 2600 килограммов, золота, извлекаемого ежегодно из приисков во Фракии!), Филипп тратил его не просто быстро: он его проматывал, он его рассеивал направо и налево. То был самый нерасчетливый на свете человек, и не только он сам, но и всё его окружение... Настоящий воин, вследствие занятости он не был способен подсчитывать доходы и расходы. Он считал преданными себе (*гетайрами*) приходивших к нему густыми колоннами людей, как из греков, так и из варваров, — не за их благородство, а за их жестокость, безнравственность и отвагу». Надо понимать так, что Филиппу удавалось окружать себя верными людьми, не

* В октябре 1977 года.

придерживавшимися ни принципов, ни традиций: искателями приключений, людьми деятельными, с крепкой хваткой — такими же, как он сам. Увеличив численность приближенных «гетайров» царя до восьмисот, он решил создать из них элитный отряд, известный своей храбростью и дисциплиной. Им он давал ответственные дипломатические, административные и военные поручения, а взамен одаривал землями: в среднем по двенадцать наделов лучших земель каждому. В ходе ритуальных попок между царем и обязанными ему людьми завязывались тесные личные связи. В целом Демосфен и Теопомп согласны меж собой: македонянин считался человеком нещепетильным, но с сильным характером, вождем, способным на любой подкуп, включая подкуп золотом.

Государственное устройство Македонии

Сведения о государственном устройстве Македонии на момент прихода Александра к власти очень скудны. Политические институты, похоже, совпадали с социальными классами. Вообще то была наследственная монархия по божественному праву, на основе первородства по мужской линии. И правда, вернее всего закон действовал в клане Аргеадов. Царь набирал войска и их возглавлял, задумывал операции и разрабатывал стратегию, заключал договоры. Как нравы, так и одежда были сугубо военными: кожаные сапоги, развевающийся пурпурный плащ, шлем или красная шляпа с широкими полями. Опираясь лишь на доверие и одобрение воинов, в ответ царь одаривал их плодами их же завоеваний. Следить за исполнением его приказов должны были распорядители, *skoidoi*, и управители, *peligones*. Делегирование властных полномочий — канцлеру, секретарям, военным правителям и казначеям — происходило на основе чистой прихоти в пользу личных друзей.

Знать насчитывала несколько тысяч коннозаводчиков, занимавшихся исключительно дрессировкой лошадей, охотой, войной и появлявшихся в своих укрепленных усадьбах лишь на время отпуска со службы.

Подобно «равным» среди спартиатов, эти всадники оставляли заботу о снабжении себя всем необходимым мелким землевладельцам, предоставляя им взамен военную и гражданскую защиту. В основном они составляли командный состав войска, *tagoi*, а также входили в конные отряды во время Азиатского похода. Другие македоняне, разделенные на кланы, племена и округа — земледельцы, животноводы, скотоводы, лесорубы, а также вольные ремесленники из редких населенных пунктов, образовывали пехоту и легкую кавалерию царских войск и становились колонистами новых городов: Филипп в 356 году в области эдонов во Фракии, Александрополя в 340 году в области медов (там же). Что до крепостных, составлявших прочее подвластное население, то из их среды армия получала прислугу и вспомогательные части, господские земли наделялись рабочей силой, а царская администрация имела в них работников, исполнявших тяжелую работу по строительству дорог, рудников и крепостей, по осушению болот. Финансы контролировал царский казначей, одновременно являвшийся главным контролером, *dioiketes*. Складывались они из доходов с рудников, царских земель, таможенных пошлин и дани. Под началом казначея была целая служебная лестница чиновников. А поскольку Македония находилась в состоянии перманентной войны с весны до осени, начиная с царствования Архелая I (413?—399), постепенно как на исконных землях, так и на завоеванных территориях сложилась целая система баз, цехов, армейских магазинов и арсеналов, располагавшая огромными запасами пищи, формы, оружия и провианта под контролем местных стратегов. Македония Филиппа — это великолепная военная машина, напоминающая, с приличествующими изменениями, другие, более недавние государственные системы, которые мы находим в Северной Европе...

Мнение персов

Итак, с точки зрения как историка, так и этнолога Александр вовсе не был ни богом, ни гением, ни героем. Его многочисленные победы являются прежде все-

го победами, одержанными при помощи оружия, выкованного ему отцом, или, говоря прежде всего о людях, то были победы военачальников, инженеров, снабженцев, воинов, которых подобрал и выучил Филипп. И если у кого-то остается хоть сколько-то желания продолжать обожествлять Александра (которого, как довелось мне слышать в Тегеране, образованные иранцы называют Малым), следовало бы узнать, что думали о нем персы несколько веков спустя после его похода: «Проклятый Ариман задумал заставить людей утратить Веру и уважение к Закону, для чего он побудил окаянного Искандера, грека, прийти в Иран и принести сюда гнет, войну и разруху. Он явился и предал смерти правителей иранских провинций. Он разграбил и разрушил Царские Врата (Баба-и-Хутайн), столицу. Закон, написанный на шкурах быков золотыми буквами, хранился в столице в крепости для писаний. Но жестокий Ариман подговорил Искандера, и тот сжег книги Закона. Он погубил мудрецов, людей Закона и ученых Ирана. Он посеял вражду и раздор среди знати, пока сам, надломленный, не низвергся в Ад». Так пишет во вступлении автор «Arta Viraf Namak», сочинения, относящегося к прекрасной эпохе Сасанидов, не забывший уничтоженный в огне Персеполь. Да, сомнения нет: кто слишком уж метит в ангелы, кончит скотством. Итак, решение суда однозначно. Мы больше не станем превозносить имя человека, замыслившего забыть своего отца, Филиппа Македонского, после того как в один из январских дней 331 года старый жрец в оазисе Сива провозгласил его сыном бога Амона. Отныне мы будем выступать поборниками исключительно воинов его армии.

Уместный вопрос

А поскольку они-то уж точно не были богами, напоследок мы просто зададимся вопросом: чего они сделали больше — разрушили или создали? Кем были эти люди — заурядными солдафонами, завоевателями или строителями империи?

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ

Личный состав

В начале весны 334 года (и почему бы не в день весеннего равноденствия, 21 марта) 32 тысячи пехотинцев и немногим более 5 тысяч всадников сходятся к Амфиполю при впадении Стримона в море. Проходя по двадцать километров в день, три недели спустя они прибывают в Сест, где грузятся на 160 трирем и примерно 400 грузовых судов и переправляются через Дарданеллы. И когда они соединятся с экспедиционным корпусом Пармениона, посланным Филиппом двумя годами ранее, чтобы захватить плацдарм в Малой Азии, армия будет насчитывать 43 тысячи пехотинцев и 6100 всадников плюс приблизительно 800 конных разведчиков, что в целом, с учетом отставших, составит около 50 тысяч строевых единиц. К тому же постоянно прибывают новые вспомогательные части. Но откуда?

Македоняне

Более двух третей личного состава, то есть весь сок и цвет армии, происходило из Македонии и с Балкан. Остальные принадлежали союзникам-грекам, которых сопровождали лишь 600 лошадей. Командование же испытывало больше доверия к пусть даже половинному военному потенциалу македонян, чем ко всем гре-

ческим наемникам, вместе взятым: те сражались скорее по принуждению и в любой момент были готовы повернуть назад. Другая половина войска осталась с Антипатром в Македонии. Так что выкованная покойным царем и проверенная в последних кампаниях, вплоть до Дуная, армия была национальной, шедшей в бой ради захватнических планов Македонии. Первым делом юный правитель, высадившись в Кум-Кале в Малой Азии, вонзил в землю копье, объявляя эту землю своей. А когда во время возмущения в Описе в 324 году он будет поднимать ослабевший моральный дух своих воинов, то скажет недовольным: «Речь я хочу начать со своего отца Филиппа. Ведь Филипп принял вас бесприютными и бедными. Одетые в шкуры, вы пасли в горах жалкие отары, из-за которых были вынуждены отчаянно сражаться с иллирийцами, трибаллами и соседними фракийцами. Вместо шкур Филипп нарядил вас в плащи, спустил вас с гор на равнины... Он присоединил к Македонии большую часть Фракии и, овладев наиболее удобными приморскими областями, раскрыл страну для торговли, а также устранил помехи для разработки рудников. Филипп сделал вас правителями фессалийцев, которые прежде заставляли вас умирать со страху, и, усмирив племя фокейцев, открыл вам широкую и гладкую дорогу в Грецию...» (*Арриан. Анабасис*, VII, 9, 2—4). Да, в недавнем прошлом пастухи, боявшиеся высунуть нос с Балкан, ныне они, одетые в доспехи, готовы были командовать всем родом человеческим. Армия вторжения состояла исключительно из македонян, иллирийцев, фригийцев, фракийцев, фессалийцев, соседствующих с Олимпом, словом, включала в себя все народы севера Балканского полуострова между Дунаем и Эгейским морем, доказывая, что как минимум большая часть восточной Европы осознает свое культурное единство перед лицом остальной части полуострова и монархий Африки и Азии.

Для географов и геологов Македония представляет собой совокупность известковых или же кристаллических горных массивов, с которых стекают реки Галиакмон (ныне Альякмон) на юге и Аксий (ныне Вардар) на севере — две полноводные реки, впадающие в залив

Термаикос (Салоникийский) чуть западнее современных Салоник. Древние историки пишут, что македоняне, или «жители высокогорной страны», занимают с конца IV века до нашей эры гористую местность, болотистые холмы и равнины, протянувшиеся от озера Преспа, границы современной Албании, на западе, до реки Нестос прямо против острова Фасос на востоке, и от горы Бабуна на севере, между Скопье и Прилепом, до границ Халкидики на юге, обладая плодородными почвами площадью около 2 тысяч квадратных километров. Взрослое мужское население, пригодное к воинской службе, составляло, по утверждению *Вульгаты* (Диодор, XVII, 17, 3—5) 24 тысячи пехотинцев и 3100 всадников, а если плотность населения, оцененная по данным топонимики и археологии, была аналогична плотности другой области, сравнимой с Македонией, а именно острова Крит в прекрасную эпоху Ренессанса, общая численность населения должна была колебаться в диапазоне между 520 тысячами и 550 тысячами человек. В Македонии сошлись вместе четыре изначальных племени, перегонявших свои отары от долины Галиакмона до склонов Пинда и Олимпа: линкесты, или «люди рыси», на севере (около современных Флорины и Битола); орестии, или «люди гор», на западе (вокруг современной Кастории и в районе Войона); элимии, или «племя проса», на юге (около Козани, а также Гревены); эмафии, или «люди песка», на юго-востоке (около современной Верии, античной Берри). Это последнее племя, уже в VIII веке до нашей эры известное Гомеру и знаменитое своими лошадьми, в первой половине VII века до нашей эры дало династию правителей, знаменитых Аргеадов, чье имя, возможно, произошло от одного из многих рассыпанных по полуострову Аргосов («Белых»)*. Они-то и основали первое единое царство — (Верхнюю) Македонию. Согласно легенде, пересказанной Геродотом (VIII, 137),

* Имеются в виду многочисленные в Греции и соседних землях города, носившие это название. Этимология слова не вполне ясна. Возможно, оно означало «блестящий», «сверкающий» (есть еще античное толкование: «равнина»).

первые правители, три «брата», носили имена трех животных: Пердикка — куропатка, Гаван — сова, Аэроп — оса и пасли, соответственно, овец, лошадей и быков. Это говорит о том, насколько, еще в самый разгар классической эпохи, сохранялось здесь в качестве основного занятия населения скотоводство: оно целиком и полностью охватывало эту область, наполовину лесистую, наполовину луговую, хорошо орошаемую, холодную зимой и относительно дождливую летом. Понятно также, что царство жило в условиях клановой организации, с полностью сохраняющимися чертами тотемизма, экзогамии и кочевничества. Три талисмана власти: золотой «солнечный» кубок, тесак, священный хлеб — хранил у себя (начиная с IX века до нашей эры?) клан Пердикки, а затем их поместили в крепости Эги. Это поселение находилось у Палатицы, возле современного города Вергины, в нижнем течении Галиакмона, где и были обнаружены гробницы семейства Филиппа II. Правители, неизменно избираемые посредством одобрительных возгласов вооруженных воинов, скотоводов и земледельцев, обосновались также в Эдессе («городе воды») и в Пелле («камне»).

С 650 по 410 год к четырем изначальным пастбищным областям добавились еще четыре. В основном это были области равнин, озер, болот, морское побережье к западу от Аксия, пригодные и для выпаса, и для земледелия, благодаря которым жители гор могли вступить в контакт с торговцами и ремесленниками побережья Эгейского моря. Это была *Пиерия*, или «жирная, плодородная земля», на юго-востоке; на востоке — Олимп, отвоеванный у фессалийцев; на севере *Дордания* или *Дордия*, иначе «район на востоке», вокруг озера Острово (Вегоритис) и равнины Саригол, в направлении Эдессы и Наусы, чьи древние жители, бриги (или фригии), были изгнаны до самого Стримона, на 150 километров; *Боттиция* или *Боттия* на востоке, вокруг озера Лидия, жители которой, того же происхождения, вынуждены были перебраться в Халкидику; на северо-востоке *Алмотия* у подножия хребта Барнунт и вдоль течения Аксия, от места его вступления в современную Грецию и до Гуменисы. Страна зерновых

культур, фруктовых садов и пастбищ для лошадей и коров, Нижняя Македония страдает от перепадов континентального, несредиземноморского климата, холодного зимой и неблагоприятного для выращивания инжира и олив. В конце лета на равнины опускается жара, прерываемая лишь ужасными грозами и дождями — в пять раз чаще, чем на полуостровной Греции. Но по крайней мере болота и стоячие цветущие воды имеют то преимущество, что через них холм, на котором стоит Пелла, можно было напрямую соединить с морем. Увлекаемые вслед за своими стадами скотоводы мечтали лишь о том, как бы перебраться на другой берег Аксия. А изнуренные малярией земледельцы думали, как откачать стоячие воды и, начиная с правления Архелая I до конца V века до нашей эры, они рыли каналы, строили прочные стены, возводили дамбы вокруг новой столицы. Этим вышеперечисленным восьми древним районам Верхней и Нижней Македонии соответствовали восемь ил (эскадронов) царской кавалерии.

В первой половине IV века до нашей эры к вышеперечисленным восьми добавляются шесть новых областей, живущие же здесь племена покоряются или изгоняются: полоса древней *Леонии* по правому берегу Аксия — примерно до того места, где находится Пелла; *Пелагония*, или «Равнинная страна», совсем к северу, в бассейне Эригона (река Црна), к которой следует прибавить страну дерриопов к северу от хребта Барнунт; *Крестония* к юго-западу от нижнего течения Аксия в направлении Килкиса; *Бисалтия* близ озер Корония и Волви, называемая также Лангадха, «Равнина», иначе говоря, район Салоник; *Мигдония*, откуда изгнаны фракийские эдоны, между Аксием и Стримоном; *Крусиды* на западном берегу Халкидики. Наконец, мечта о серебре Халкидики и золоте горы Пангей, Филипп II Македонский захватывает греческие города, фактории и все земли фракийских эдонов и бистонов между Стримоном и Нестом. Используя еще турками в XVI веке золотые рудники сложенного кристаллическими породами Пангея были вновь открыты в начале XX века между Правицей и Косфиницей, а также напротив Али-

лы около Ракчии. Чуть севернее проходит современная дорога Палеокоми—Проти. Среди тех, кто трудился в горах, кто врезался в северный склон горы Вронду близ Ахладокори, были в основном крепостные лесорубы и заключенные, а не свободные македоняне. Однако у крепостных и их хозяев обнаруживалась одна общая черта: все они смело поднимались на самые головокружительные горные склоны, изумительно ловко взбирались по изобилующим дичью кручам, где еще в V веке до нашей эры водились медведи, волки и даже львы; все они выказывали равную стойкость в отношении крепчайших зимних холодов, «губительных для птиц снегов», сумрака ущелий и густых зарослей. Напомним, что гора Пангей являлась местопребыванием певца Орфея, духа Тьмы. Дважды — у согдов и индов — отвесные скалы не устоят перед подготовленными людьми, привыкшими у себя на родине водить стада, пробираться по самым непроходимым тропам и скалам.

Гораздо меньше было тех, кто происходил из городов, — по той простой причине, что помимо полудюжины городов и факторий, основанных греками и в той или иной степени разрушенных Филиппом II, в Македонии, как и в завоеванных Пеонии и Фракии, имелись лишь деревни и села. Греческий город напоминала лишь Пелла, которую Демосфен несправедливо назвал никому не известным городишкой. Раскопки, ведущиеся с 1957 года на территории Неа-Пеллы, в 40 километрах к северо-западу от Салоник, открыли нам часть античного акрополя и нижнего города. Здесь высились двухэтажные каменные и кирпичные дома с внутренними двориками и перистилиями с дорическими колоннами в подражание греческим городам Олиффу, Потидее и Менде. Царский дворец имел широкий двор, украшенный галечными мозаиками с мифологическими и охотничьими сюжетами. Знаменитый художник Зевксид расписал громадными панно стены, от которых до нашего времени дошли лишь фундаменты. Кроме царской семьи во дворце также жили доверенные лица царя, телохранители, секретари, педагоги, казначеи и царские гости: ученые, поэты, художники, приезжавшие со всех сторон греческого мира и преж-

де всего из Афин. Иностранцы изобретатели и техники, привлеченные немалыми заработками, демонстрировали здесь правителю свои методы обработки руд, свои открытия в области гидравлики, баллистики, несли ему отчеты о своих исследованиях, географические карты. Знает ли он, что они нашли золото, серебро и медь около Киликии, золото в нижнем течении Галиакмона и к северу от Птолемаиды, медь около Кастории и Гревены? В Миезе, около современной Наусы, Филипп основал «Нимфею», высшую школу философских и политических наук, где учениками Аристотеля стали царские сыновья и их «гетайры». В Миезу отовсюду стекались архитекторы, скульпторы и декораторы, не говоря уже о желающих пополнить Великую армию.

Необходимо себе представить, какими были эти воины. О них мы можем судить по обмерам скелетов, а также редким изображениям, описаниям, которыми мы располагаем, но прежде всего по статистическим данным переписей, проводимым ежегодно в современной Греции. Вероятно, они были на 3—4 сантиметра выше, чем более древнее средиземноморское население, обосновавшееся на полуострове Эллады с VIII или VII тысячелетия до нашей эры. Эта группа людей нового типа, называемая иногда альпийско-динарской или балкано-средиземноморской, отличалась от предшественников более высоким сводом черепа, более узким овалом лица, прямым лбом, средним и даже широким по размеру, относительно маленькими глазницами, носом, от тонкого до среднего, коричневыми волосами и бледной кожей, преобладанием I группы крови (как минимум 63 процента), 23 процента — II группы, остальные — III группы. Спускаясь последовательными волнами из бассейна Среднего Дуная на протяжении III тысячелетия до нашей эры, их предки естественным образом смешивались с предшествующими им и соседними племенами. Отсюда великое разнообразие гибридных типов. Представьте, что происходит, когда крупные темноволосые брахицефалы смешиваются с мелкими чернявыми долихоцефалами! Но и до наших дней можно с легкостью отличить крупного здоровяка-македонянина от щуплого и хрупкого критянина.

Языки

Воины, которые набирались в Македонии по областям, а в подчиненных и союзных странах — по этносам, говорили на разных языках. Команды в подразделениях, очевидно, отдавались по-македонски (за исключением, разумеется, частей, образованных исключительно греческим контингентом). При том, что во хмелю или в гневе царь вспоминал лексикон, усвоенный им в школе «пажей», к своей охране он обращается по-македонски, как, например, при убийстве Клитта Черного в 328 году (*Плутарх* «Жизнь», 51, 6). Немного, что нам известно об этом диалекте благодаря античным лексикографам, ономастике и топонимике, говорит о том, что язык этот был довольно близок к фессалийскому. Здесь имелся аналог английского *w*, а придыхательные согласные, характерные для общегреческого языка, переходили в нем в звонкие: так, здесь говорили *dorax*, «панцирь» (вместо *thorax*), *Berenika*, «Победоносная» (вместо *Ferenike*), *Bilippo* (вместо Филипп). Краткое начальное греческое *a* становилось долгим э, безударное *ai* — превращалось в простое *a*, *y* (ипсилон) произносилось как *u*. Говорили *sigounnos* (вместо *sigyne*) — копье, *ankbarmon* — «на караул!», *ptolemos* (вместо *polemos*) — война, *dramis* — хлеб, *wedes* — вода. Нет сомнений, что по мере того как македоняне продвигались на север к потомкам фригийцев, на восток — к пеонийцам и фракийцам и на запад — к илирийцам, они смешивали в своем языке различные диалектические элементы. Следует помнить, что все эти языки, относящиеся к индоевропейской группе, известны нам очень плохо (если вообще известны). На трезвую голову македонские аристократы, как и царь, изъяснялись на аттическом диалекте.

Агриане

Среди воинов, упоминаемых в наших источниках, чаще всего мы видим агриаев или агриан: сорок семь раз в одном только «Анабасисе» Арриана. На их счету

все самые трудные поручения, все рискованные предприятия, все преследования. Они всегда впереди, чаще всего на правом крыле, которое стремительно нападает и опрокидывает неприятеля. Отсюда и потери, донесения о которых составляют их командиры. Они первыми занимают перевалы и теснины. Аталл, один из их предводителей, участвует в поисках Дария и вместе со своими агрианами и легкой элитной кавалерией преодолевает расстояние от Экбатаны до Парфиены — фантастическая гонка более чем в 600 километров. От Сузии до Артакоаны в Арии, в районе современного Герата в Афганистане, агриане преследуют сторонников цареубийцы Бесса и вместе с царскими конными гетайрами, тяжелой конницей, конными лучниками и лазутчиками македонской фаланги за два дня верхом преодолевают 600 стадиев (около 110 километров). Именно они вместе с лучниками карабкаются на уступы Авараны, крепости Пир Сар, в верхнем течении Инда: 190 метров практически отвесной скалы. Судя по описаниям, это были воины, вооруженные двумя (или тремя?) простыми дротиками со стальными пирамидальными наконечниками — в принципе оружие метательное, но в случае необходимости им можно проткнуть врага в рукопашном бою. То были настоящие летучие отряды пехоты, эти стремительные воины, которым однажды под современным Ходженгом удалось прорвать окружение тюркской кавалерии. Но откуда они взялись? Фукидид (II, 96) сообщает, что Стримон, сегодняшняя Струма (берущая свое начало на горе Скомбр, современная Витоша), протекает в 20 километрах к югу от античной Сердики, современной Софии, «через страну агрианов», что подтверждается также и фрагментом Страбона (VIIa, 36). Когда в 335 году войско направлялось к «агрианам и пеонам», оно проходило долину Аксия (ныне Вардар) до Стоби, затем — долину Астика (Брегельницы) к истокам Стримона в направлении Кратово и Кюстендила. Это был один из наиболее богатых золотом, серебром, свинцом и медью районов Болгарии. Судя по всему, агриане являлись пеонийским племенем в области нынешней Софии, со-

юзным македонянам благодаря общей вражде к фракийцам, общему стремлению побеждать, стадам и золоту, — племенем скотоводов, садоводов и золотоискателей, имевшим те же нравы и интересы, что и горцы Верхней Македонии.

Конница

Любой поход начинается со смотра войск. Глава союзных сил, македонский правитель, не забыл об этом обычае в середине мая 334 года, собрав на равнине близ Арисбы, в 10 километрах севернее от места высадки, армию, которой предстояло сражаться на берегах Граника. Все рассказчики, от Птолемея Лага до Клитарха, сына Динона, начинают свое повествование с этого, вполне гомеровского, перечисления войск. Во главе — конница, затем македонские и союзные отряды пехоты, наемники, легкие войска, метательные машины и осадная техника, повозки, инженерные войска. И, наконец, арьергард. А дальше и позднее проходит длинная колонна нестроевых, то, что обычно называют обозом — слуги, вспомогательный персонал, служащий как для удовольствия, так и для дела.

При отправлении, пишет Диодор (XVII, 17, 4), «конницу составляли 1800 македонян под командой Филоты, сына Пармениона, и 1800 фессалийцев под командой Калланта, сына Гарпала. Прочих греков было всего 600, и командовал ими Эригий. Конных застрельщиков, фракийцев и пеонийцев — 900 под командой Кассандра. Итак, всего всадников было 4500 человек» (на деле, подсчитав, получаем 5100). Это и в самом деле огромная для той эпохи сила, если сравнить ее с тысячью двумястами всадников бывшей Афинской державы*, особенно если добавить к этой цифре тысячу всадников экспедиционного корпуса Пармениона, уже закрепившегося на азиатском берегу проливов, но фактически ничтожная, если сравнить ее с десятью или даже двадцатью тысячами всадников с персидской стороны,

* Имеются в виду вооруженные силы Афинского морского союза.

о которых Диодор и Арриан упоминают в связи с битвой при Гранике. Силу и победоносность европейской конницы не объясняют ни свойства коней, ни их выучка, ни даже безудержная пылкость македонского полководца в мае 334 года; дело, скорее, в организации и вооружении.

Эти соединения были образованы тяжелой и мощной конницей, в первую очередь восемью территориальными илами, сформированными из царских *гетайров*, аристократической гвардии главнокомандующего. Вплоть до 330 года в одну илу входило двести двадцать пять всадников, затем ее разделили на два подразделения по сто двадцать восемь. Еще задолго до прихода Филиппа к власти конница являлась национальной элитной силой Македонии. Именно в Нижней Македонии был обнаружен самый древний скелет домашней лошади, выведенной в начале II тысячелетия до нашей эры путем скрещивания подвида, ведущего свое происхождение от тарпанов, с другим — из степей Центральной Азии. Македонские и фессалийские лошади, самые знаменитые из всех, потомки маленьких фракийских лошадей белой масти, явились результатом селекции, объезжались и обучались на конных заводах македонской знати. После набегов в направлении Дуная в 335 году удалось добыть достаточное число скифских лошадей для пополнения конского состава. Знаменитый Букефал, царский гнедой с меткой в виде головы быка (откуда и происходит его кличка), был за огромные деньги куплен тремя годами ранее у коневода из Фессалии. Эти кони с точеными шеями, широкими грудинами, массивными неподкованными копытами были в холке, как правило, на несколько сантиметров ниже высоких коней персидской кавалерии. Одной из целей предстоящей войны, не слишком известной широкой публике, являлся захват любой ценной коней и тонконогих кобылиц из личных конюшен Великого царя. Македонские всадники не пользовались ни седлами, ни стременами. Их кони имели богато украшенную упряжь, укрывались чепраками или шкурами животных, например пантер, как можно видеть на скульптурах, мозаиках и муляжах эллинской

эпохи. В 334 году царские гетайры носили панцири, были вооружены коротким мечом, копидой (*kopis*), короткой пикой или дротиком, ксисгон (*xiston*) или дорю (*dory*), с тридцатисантиметровым наконечником, и прикрывались небольшим круглым металлическим щитом, пелтой (*pelta*). Панцирь из гробницы Филиппа был изготовлен из листового железа и украшен золотыми полосками с гильошированными на них кругляшами с львиными головами; к панцирю крепились наплечники и кожаная юбка. Командующие и командиры отрядов, передовые всадники, первыми встречавшие врага, были облачены в доспехи из металлических и кожаных пластин или панцири из листового железа, низ которых сильно расширялся, позволяя воинам сидеть на лошади, в то время как воины последних рядов, возможно, надевали на себя лишь нагрудники и наспинники из набитого шерстью холста. За спинами главных на поле боя действующих лиц на ветру развевались пурпурные плащи. Позолоченный шлем с забралом, с плюмажем или султаном из перьев являлся отличительным знаком царя. В музеях встречаются конические шлемы, аналогичные фригийским колпакам, а также подвижные нащечники, на которых можно видеть выгравированные бороду и усы. Первая из восьми ил, самая аристократическая, но и самая отважная, под командованием Клита Черного, служила личной гвардией царя, который во главе ее шел в бой. Эту боевую единицу обозначали словом *agema*, «головная». Похоже, македонские стратеги предпочитали построение углом или треугольником, приводившее к тому, что командиры первыми вступали в контакт с противником. Фактически же мы на этот счет ничего точно сказать не можем. Но теперь, во время смотра, как и на маневрах, царские гетайры проходили параллельными, с учетом неровностей почвы, рядами.

Легкая конница состояла из пяти отрядов копейщиков. Они первыми форсируют Граник вместе с верховыми гетайрами царя: четыре отряда македонских и фракийских «гонцов», *prodromoi*, и один отряд пеонийцев. Обычно их называли сариссофорами (*saris-sophoroi*), потому что, атакуя, они обеими руками дер-

жали копьё, сариссу (*sarissa*), с древком из кизила, длиной 4—5 метров, со стальными наконечником и пяткой. Так что управляли они своими конями только посредством ног, сжимая бока коленями или лодыжками, что предполагает длительные тренировки. Вот два очевидных преимущества перед персидской конницей, издалека бросавшей короткие дротики, *palta*, и сражавшейся лишь кривыми саблями. Фракийско-македонские копейщики не носили ни щитов, ни металлических панцирей. На случай, если сломается копьё, в ножнах имелся кривой меч, которым они рубили врага. Я не очень-то себе представляю, как они могли гарцевать или хотя бы просто двигаться маршем с тяжелыми копьями на изготовку; скорее, используя ременный темляк на древке, воин на походе забрасывал копьё себе за спину. Разумеется, все эти части шли вперед под командой македонских военачальников. Сверх этого, их дисциплина и маневренность, вероятно, превосходили их вооружение.

Но в настоящий момент, пока еще не созданы корпуса конных лучников и метателей дротиков по восточному образцу (они появятся в 330—328 годах), посмотрим на то, как проходят тысяча восемьсот конных фессалийцев и небольшой контингент других всадников-греков (согласно Клитарху, всего шестьсот). Скульптуры на хранящемся в Стамбульском музее саркофаге из Сидона, называемом Александровым, барельефы из Пергама, несколько образцов произведений искусства из музеев Оксфорда, Неаполя и Карлсруэ позволяют нам считать, что эта вспомогательная кавалерия едва ли отличалась от той, которую описывал нам тридцатью годами ранее историк Ксенофонт. Греческий всадник надевал на короткую тунику панцирь, аналогичный панцирю классического гоплита и сшитый обычно из нескольких слоев проклеенного полотна, в палец толщиной. Нижняя часть доспеха состояла из заходивших друг на друга кожаных пластин, *pteryges*, предназначенных служить защитой низа живота и бедер. Кусок кожи в форме буквы *U*, крепившийся на спине, загибался вперед и многоцветной бахромой покрывал плечи и верхнюю часть рук. Круглый

беотийский шлем с простым забралом и шлемовым покровом не мешал круговому обзору. Лоб и грудь коня подчас также защищались бронзовыми полосами. К чепраку, заменявшему седло и закрепленному подпругами, крепились кожаные фартуки, предназначенные защищать бока животного в бою. Вероятнее всего, фессалийские всадники держали в руках длинную пику и круглый двухфутовый щит, а на ремне, переброшенном через голову, висели ножны прямого обоюдоострого клинка, из-за чего фессалийцы издалики напоминали македонских гетайров, хотя те, вне сомнения, были лучше экипированы, имели более тяжелое вооружение и, самое главное, гораздо увереннее себя чувствовали. Фессалия была бедна месторождениями меди и железа, а вот Македония имела их в избытке и потому могла оснащать своих воинов надежным сверкающим оружием.

Подведем итог: конница, подошедшая к реке Граник весной 334 года, состояла из тяжеловооруженных всадников, копейщиков, подвижных отрядов, чьими главными козырями были отличное оружие и дисциплина. Военное руководство использовало их на поле битвы для решения трех совершенно разнохарактерных задач, в то время как до прихода Филиппа к власти (в 359 году) греческая конница служила лишь для разведки, преграждения, беспокоящих выпадов и преследования. Став главной наступательной силой, кавалерия Филиппа и его наследников нападала на фланги противника, вскрывала их и опрокидывала, рассеивала и пускалась в беспощадную охоту за бегущими.

Македонская фаланга

От пехотных соединений греков, будь то союзники по общегреческой федерации или наемники, македонская фаланга (буквальное значение «бревно», «размалывающий каток») отличалась не только и, пожалуй, не столько вооружением или экипировкой, но прежде всего духом. Корпоративным духом, который не раз и не два противопоставлял друг другу разные соединения и рода войск в ходе атлетических состязаний, при

распределении наград и при захвате жилья для размещения, в попойках или в борделях. В одной стычке между македонскими командирами и пьяными союзниками сам царь Филипп оказался в таком скверном положении, что предпочел притвориться мертвым в ожидании, пока его не выручит сын. Но присутствовал здесь и народный дух, поскольку шесть синтагм македонской фаланги представляли собой народное ополчение, набранное по округам и тесно привязанное к своим истокам, языку, родине, ради величия которой они сражались. И наконец, то был дух самопожертвования по отношению к царской особе, гаранту обычаев, справедливости и успехов на поле боя. И наоборот, гоплиты различных греческих соединений подчинялись лишь дававшему им жалованье абстрактному «народу», «демосу». Будучи наемниками, подчас они задавались вопросом относительно ценности того дела, которому они служат, и права, согласно которому они должны уничтожать прочих греков, состоявших на службе у щедрых персидских царей. Странное дело: в IV веке до нашей эры греки как будто бы охотнее служили у персов, чем у македонян. Во всяком случае, уже разбитый и сломленный Дарий чуть не до самой смерти мог полагаться на греческих наемников, в то время как македонским военачальникам пришлось отпустить своих через четыре года сплошных побед!

В отличие от греческих гоплитов македонские пехотинцы не носили панцирей. Это подтверждает осада Тира в 332 году: защитники цитадели бросали трезубцы с крюками, застревавшие в щитах македонян, после чего резким рывком стаскивали их с осадных башен за привязанные к трезубцам веревки. Если же воин отпускал щит, он тут же получал ранение, «потому что тело не было защищено, а метательные снаряды летели в великом множестве» (*Диодор*, XVII, 43, 9). Но не в этом было главное отличие. Греческий гоплит носил на голове круглый металлический шлем; его тело защищал панцирь с наплечниками и фартуком; ноги — поножи, стопы — кожаные сандалии. От стрелы, дротика, меча он прикрывался круглым металлическим щитом с ободом и рукояткой, диаметром приблизительно в 3 фута.

Наступательное вооружение его состояло из копья длиной в 8—9 футов (240—270 сантиметров) и короткого железного меча, который позволял как колоть, так и рубить. Тяжеловооруженные гоплиты были неповоротливы. Они шли в бой, сверкая разукрашенными бронзовыми доспехами, выставив перед собой копья, строем глубиной в восемь рядов. Шесть полков, таксисов (*taxeis*), македонской фаланги были нагружены гораздо меньше. Помимо того что на них не было ни бронзового панциря, а в руке — большого металлического щита с рукояткой, левое плечо пехотинцев было прикрыто круглым щитом, *pelta*, диаметром лишь 60 сантиметров, который висел у них на шее, между тем как руки оставались свободными, чтобы потрясать грозной пикой (сариссой). Во II веке до нашей эры македонская сарисса достигала в длину, согласно Полибию (XVIII, 29), 21 фута, то есть около 7 метров. Должно быть, в IV веке до нашей эры оно было немного короче, поскольку Теофраст, современник похода, пишет, что кизил, чья твердая древесина шла на древко этой страшной пики, имел в высоту 12 локтей, то есть около 5,5 метра, вдвое против греческих и персидских копий (История растений, III, 12, 2). В эпоху Полибия, около 150 года, за линию фронта выступали выставленные горизонтально пики пяти первых рядов. В 334 году это работало, вероятно, для трех-четырёх первых рядов. Во всяком случае, в эту эпоху сариссы воинов первого ряда, которые должны были нанести удар первыми, были немного короче и легче, а фаланга, какой мы ее наблюдаем в битве при Иссе в ноябре 333 года, имела восемь рядов в глубину. Воины четырех последних рядов держали свои сариссы острием вверх, слегка наклонно и вертикально — как сообщается, чтобы отражать летящие со стороны неприятеля метательные снаряды. На маневрах или парадном смотре каждая единица македонской фаланги, сто пятьдесят человек со своим лохагом (*lokhagos*) во главе и линейными командирами впереди, напоминала ошетилившегося ежа.

Фаланга также была усовершенствована Филиппом. В руководстве Асклепиодота рассказывается о структуре идеальной фаланги и ее подготовке, перечисляются

необходимые упражнения. Фаланга состоит из 64 синтагм (*syntagma*), по 256 человек в каждой. Синтагма состоит из шестнадцати рядов по 16 человек в каждом. Когда фаланге следует иметь только восемь рядов в глубину, воины второго отделения по команде встраиваются в ряды первой, причем два сдвоенных ряда поступают под командование тетрарха, а четыре — таксиарха. Это перестроение называется удваиванием. Перед лицом неприятеля ряды дружно смыкаются по ширине и глубине. Тридцать две синтагмы образуют крыло (*keras*) численностью примерно 8200 человек (мы бы назвали это пехотной бригадой). Полной фалангой, состоящей из двух крыльев, командует стратег (*strategos*), который изо дня в день заставляет ее тренироваться и маневрировать. Чтобы фаланга выполнила поворот кругом, последняя шеренга останавливается, после чего разворачивается и около нее или перед ней начинают строиться передовые подразделения. В ином случае поворот кругом делала целая шеренга на ходу, после чего строй вновь смыкался. Команды играл трубач, стоявший между сигнальщиком и глашатаем. Когда следовало занять боевое построение или его имитировать, отряды могли построиться широкой прямой, более или менее сомкнутой, линией, или же косою линией, или полумесяцем, или полукругом, или развернутым углом. Три последних образования предполагали, что фланги находились впереди или позади центральных отрядов. В зависимости от предполагаемого направления атаки — вперед, в сторону или назад, строй фаланги подвергался изменениям, будучи по самой своей природе несколько более гибким, чем строй тяжелых гоплитов классической Греции. Во всяком случае, перед пехотинцами фаланги, ударного подразделения, предназначенного для опрокидывания неприятеля, стояла задача охранять более легкие формирования и обозы. Они лучше маневрировали, сомкнув ряды и на ровной местности, чем когда растягивались или находились на неровном рельефе.

После индийской кампании фаланга претерпела изменения двоякого рода. В этот престижный корпус были введены персы, а македоняне их только обрамляли.

Воины располагались в следующем порядке: только три первых ряда и шестнадцатый состояли из тяжело-вооруженных воинов, носивших в данном случае наименование гоплитов. В центре помещались лучники и метатели дротиков. В случае лобовой атаки двенадцать средних рядов выдвигались на фланги. Четыре ряда гоплитов авангарда и арьергарда смыкались и выставленными вперед сариссами, двигаясь ускоренным шагом, пытались прорвать неприятельские ряды или защитить отступление своих. Воины фаланги назывались педзетайрами (*pedzetairoi*), или пешими гетайрами, в отличие от просто гетайров или аристократической конной гвардии. Арриан в своем «Анабасисе» (или по крайней мере рукописи, которой мы располагаем) не менее шести раз упоминает «тех, кого называют *asthetairoi*» или «*esthetairoi*». Если это не повторяющаяся ошибка переписчика, речь, по-видимому, идет об элитных пехотных частях, названных по местам, из которых они были набраны, в данном случае из городов (*asty*). Точно так же во французской армии некоторые части именовались по провинциям, в которых они формировались.

Вспомогательные корпуса и наемники

Пехота, опасная при хорошей подготовке и удачном построении, на пересеченной местности могла оказаться совершенно бесполезной. И фаланга союзников, то есть греков, не имела шансов занять место македонской фаланги. Вообще-то в начале похода союзников и разного рода наемников насчитывалось двенадцать тысяч, но верховное командование использовало их в деле лишь как дополнительную силу. Во-первых, здесь имелись тяжелые гоплиты с большими щитами и короткими копьями. Были здесь, вероятно, и пелтасты с легкими плетеными щитами (от греческого *pelta*), покрытыми кожей. Согласно Аристотелю, такой щит не имел ни выступающего обода, ни двойной рукоятки. Ремнем он закреплялся на спине. Он, насколько можно судить по изображениям фракийских вои-

нов, имел форму полумесяца. Шлем воину заменял кожаный фригийский колпак. Основным оружием его был дротик, пригодный для простых беспокоящих противника операций. Одетые в шнурованные кожаные сапоги, короткие туники и развевающиеся полосатые плащи пелтасты были экипированы для марша, бега или преследования, а не для разгрома противника, который поручался македонским гоплитам. Еще пехоту поддерживали три более мощных и маневренных соединения, по тысяче человек в каждом, называвшихся то «гвардией», то «царскими *гипаспистами*», что означает буквально «щитоносцы». Набранные лично царем из числа свободных македонян, не раз проверенные, это были профессиональные воины, разнообразность постоянной национальной гвардии. После битвы при Иссе царь приказал покрыть их круглые щиты серебром. Отныне их называли «среброщитными». Они были вооружены копьями и короткими македонскими тесаками (*kopis*). Гипасписты двигались непосредственно за фалангой, чьим элитным корпусом считались: они были пешей гвардией, подобно тому, как *агета* была гвардией конной.

А перед шестью тысячами легковооруженных воинов, как мы уже видели, шел еще один элитный корпус, в который набирались пеонийцы и агриане с истоков Стримона и горы Витоша (2290 метров) (из центральных областей современной Болгарии). Это были метатели дротиков, горцы в высокой обуви на шнуровке и кожаных шлемах, разведчики, бывшие некогда пастухами и разбойниками, способные следовать за тяжелой кавалерией и конной гвардией. Весной 334 года их насчитывалось не более пяти сотен. В 330 году — их уже тысяча, в битве при Гавгамелах они прикрывают левый фланг и часть арьергарда войска. «Примененное построение было столь гибким, что поставленные сзади с целью помешать окружению могли повернуться и выдвинуться во фронт», — пишет Квинт Курций (IV, 13, 32). Вспомним также, с соответствующими коррективами, о полках иностранных стрелков во французской армии прежнего времени: различного цвета кожи, надежных, подвижных и безжалостных.

Следом за агрианами упоминаются критские лучники. Их набирали на острове, вот уже тысячу лет славившемся качеством своих луков, изготовленных из рогов каменного барана, соединенных бронзовым кольцом, а также верным глазом тех, кто пускал эти луки в ход: критские лучники с детства приобщались к охоте и облавам, а еще они славились культом лучника Аполлона и стреловержецы Артемиды. Подобно скифским, их двурогие луки посылали стрелу почти на 200 метров, а по точности могли соперничать с лучшими персидскими луками, большими, практически прямыми, сделанными из тростника, пальмового дерева и тростниковых волокон, усиленных рогом и жилами. Сделанная из кишки тетива пела при натягивании, как струна лиры. Наконечники критских стрел превосходили другие наконечники своими размерами: один из них, хранящийся в Британском музее, от острия до бронзового оперения достигает в длину 6,4 сантиметра. Упругим шагом, укутанные в плащи черной шерсти, спускались древние критские пастухи с изобиловавших дичью вершин Иды и Белых гор*, нагруженные лишь луками и колчанами на перевязи. И я уверен, что эти прирожденные танцоры, эти фанатичные любители ритма и воинственных песнопений, пели и перед самым боем. Столкнувшись с парфянскими и согдийскими лучниками, македонское командование около 330 года решило создать отряды конных лучников, многократно более мобильных, чем пешие критяне. Они должны были не только уметь управлять своими конями только с помощью колен, но еще и стрелять на полном скаку и обернувшись назад, как скифы.

Насчет пращников, имевшихся как в экспедиционном корпусе, так и начиная с V века до нашей эры во всем греческом войске (хватало их и в отступавшем войске Дария), сведения достаточно скудны. Известно лишь, что лучшие из них были с Родоса (*Арриан*, II, 7, 8), а самые лучшие метательные снаряды изготавливались из свинца и имели надписи вроде «поймай-ка это». Как специализированная вспомогательная боевая

* Левка Ори — горный массив на западе Крита (*новогреч.*).

единица пращники составляли часть легкой пехоты наемников; они вступали в бой исключительно под прикрытием лучников и, подобно вспугнутой дичи, служили для того, чтобы заставить врага обнаружить себя. Что касается других вспомогательных отрядов пехоты — одрисов, трибаллов, иллирийцев, — набранных во время военных кампаний Филиппа и его сына на Балканах, о них не известно ничего. Более того, мы можем предположить, что в македонском войске, похоже, им отводилась роль заложников. Пока они орудовали в Азии своими тесаками, топорами и луками, они не помышляли о вторжении в Македонию. Кроме того, для всех производившихся работ — как созидательных, так и разрушительных — македоняне нуждались в огромном количестве рабочих рук, а уверенности, что их можно будет отыскать на вражеской территории, вовсе не было. Вспомним все укрепления, которые надо было разрушать и возводить, все деревья, которые следовало срубить, морские проливы и реки, через которые нужно было переправиться! На поле битвы эти иностранные наемники, часто поставленные во вторую линию, должно быть, напоминали «чистильщиков траншей» времен Первой мировой войны. Ведь тяжелые доспехи и некий лоск человечности были серьезной помехой в деле добивания раненых, грабежа убитых и захвата в плен беглецов. С точки зрения греков, все эти балканские формирования составлялись из варваров, ни языка, ни нравов которых они не понимали, пригодные лишь для того, чтобы «служить» вроде рабов или бросаться в атаку, как дикари.

Прервем рассуждения и ограничимся констатацией того, что большая часть войск, непосредственно участвовавших в боевых действиях в 334—323 годах, была вооружена очень легко и что основные ударные силы македонян, конные и пешие гетайры, являлись более легкими и подвижными, а следовательно, более маневренными, чем старая греческая пехота гоплитов. Уже Демосфен (IX = 3-я Филиппика, 49)* отмечал, что армия Филиппа состояла не только из тяжелой фаланги, по-

* Произнесена в 341 году.

добно армиям большинства греческих городов, но и из легких войск, а кроме того включала осадную технику. Новая армия располагала целым арсеналом многозарядных орудий для стрельбы на дальнюю дистанцию в виде метательных машин, катапульти, баллист, камнеметов, действовавших главным образом за счет кручения канатов. Средняя дальность колебалась в пределах от 300 до 400 метров, в то время как лук с двойным изгибом бил едва на 200 метров. Метрон, тот самый молодой аристократ, что в октябре 330 года представил царю доносчиков по заговору Филоты, «заведовал арсеналом». Метательные орудия предполагали наличие узкоспециализированного персонала, как воинов, так и рабочих. У нас еще будет случай увидеть их в деле, когда мы будем говорить о взятии городов.

Инженерные войска

Среди вспомогательных корпусов находился также инженерный корпус, являвшийся одной из отличительных черт македонской армии. В него входили инженеры и механики. Командовал им Диад, который изобрел или усовершенствовал передвижные башни и тараны на колесах. Инженерный корпус использовался не только для вооружения кораблей и взятия укреплений, но также для преодоления водных преград, прокладки дорог, преодоления покрытых льдом скал, словом, решал все задачи, которые ставила перед армией Александра незнакомая природа, а также сама держава, в 50 раз превосходившая Македонию по территории и в 20 раз — по населению. К этим создателям победы мы отнесли бы также всех кузнецов и плотников, изготовителей талей, крюков, железных рук (*гарпагонов*) — разновидностей кранов и захватов, способных поднимать самые тяжелые грузы. А также сапожников, шорников, изготовителей кожаных доспехов, занятых во время переходов починкой и производством новой продукции. Сюда, наконец, входят понтонеры, корабельные плотники, саперы, землекопы, специально набранные заранее и время от време-

ни упоминаемые в источниках. Повозки, которые за ними следуют, полны инструментов, горнов, точил, колес и сменных брусьев. Сколько же всего было этих вспомогательных инженерных войск? Никто не может сказать точно, поскольку в Античности ремесленников не включали в списочный состав. Но если, как мы уже упоминали, при выступлении конница и пехота насчитывали немногим более тридцати семи тысяч человек, можно предположить, что необходимое обслуживание вооружения и экипировки требовало как минимум одного человека на десять воинов. В таком хорошо отлаженном механизме, как армия Филиппа, случайностям не оставалось места, во всем властвовал точный расчет.

Обоз

Перед нами огромная армия, растянувшаяся на многие километры в узких долинах, ущельях и теснинах. Она включает в себя транспортные средства — от трех до четырех тысяч единиц, — перевозившие припасы, вооружение, палатки, технику, а в марте 334 года, согласно историку Дурису (или скорее Филарху), и запас провизии на тридцать дней. Такие повозки на цельных и страшно шумных колесах, крытые тентами и без рессор, какие еще недавно можно было видеть в диких частях Балкан и Анатолии, тащили мулы или старые лошади. Подчас в них перевозили больных, раненых, обессилевших. Вместе с вереницей ослов и мулов, груженых армейским имуществом и личными вещами воинов, бурдюками и глиняными кувшинами с вином, они представляли собой то, что обычно называют обозом — самую громоздкую и ценную часть колонны, то, что в бою всегда стараются поместить в безопасное место, либо провозя в первую очередь, либо окружая вооруженными людьми, либо оставляя подальше от действующей армии под прикрытием арьергарда и оруженосцев. Ведь подобно французской армии старого режима*, включавшей слуг, конюхов, денщиков,

* То есть до революции 1789 года.

наиболее тяжеловооруженные бойцы Азиатского похода также везли с собой слуг, которым поручалось следить за обмундированием и питанием хозяев, а в случае необходимости и за их лошадьми. Разумеется, бедняки тащили свой немудреный скарб сами. Однако немыслимо, чтобы в разгар лета, когда температура в тени достигает 50 градусов жары, а человеческая кожа при прикосновении кажется прохладнее раскаленного мрамора (обычное явление в пустынях Каппадокии, Египта, Сирии, Ирака, Ирана или Туркменистана), воины фаланги в течение многих недель шли, неся на себе двадцатикилограммовые доспехи. Я был в этих районах: мне известны возможности выносливого тренированного тела. Я знаю также, что требуется вся сила духа или большое честолюбие, чтобы «держаться» в таких условиях. По мирным областям гоплиты передвигались в одной рубахе. Наконец, я понимаю, почему большая часть воинов была столь легко вооружена: в ледяных или огненных пустынях движение — это жизнь.

Временами багаж становился таким громоздким, что приходилось часть его выбрасывать или уничтожать: так, в разгар лета 330 года в Парфении, перед тем как преследовать Бесса в пустынях Бактрианы, обремененная добычей и предметами роскоши армия передвигалась с большим трудом. Нагруженные повозки вывезли на ровное место. Лошадей выпрягли и увели. Потом царь первым предал огню свой личный багаж и приказал сжечь всё, что не относилось к предметам первой необходимости. «После этого он (Александр) утешил их краткой речью, и опытные, на всё готовые воины радовались, что лишились пожитков, а не готовности исполнять воинский долг» (*Квинт Курций*, VI, 6, 17). Сцена повторилась весной 327 года при вторжении в Индию: «Однажды на рассвете царь сначала поджег уже загруженные повозки, принадлежавшие ему самому и его друзьям, а потом приказал поджечь повозки остальных македонян. Оказалось, что отважиться на это дело было гораздо труднее, чем его совершить. Огорчились лишь немногие, большинство же, раздав необходимое нуждающимся, в восторге с криком и шумом принялось сжи-

гать и уничтожать всё излишнее» (*Плутарх «Жизнь», 57, 2*). Отметим, что выючных животных это не касалось, как и быков, овец и коз, сопровождавших колонну и забивавшихся по нескольку в день в качестве ритуальной жертвы и для питания солдат. Таким образом, войско сопровождало огромное мычащее, блеющее и мекающее стадо, перегонявшееся по пыльным дорогам с помощью криков и палочных ударов.

Сбор сведений

Прикрепленная к обозу, служившему ей транспортом, специальная служба занималась снабжением. Интендантская служба покупала провизию на дружественных землях и реквизировала ее на всякой завоеванной территории, после чего распределяла на следующем этапе. Другая служба, которую можно было бы назвать топографической, собирала всевозможную информацию о дорогах — как проезжих, так и тропах для выючных животных, а также о расстояниях. Широко использовались шпионы и перебежчики. Существовал целый корпус переводчиков, самым известным из которых был Фарнук, служивший в Бактриане. Поскольку местные жители не умели считать или выражали расстояния в днях перехода, специальный отдел «бематистов» или шагомеров занимался подсчетом шагов, которые нужно сделать, чтобы пройти от одного привала до другого. Они подсчитывали *stathmoi*, или переходы. Собранные ими сведения, которые заносились в книги по приказу канцелярии, послужили основой географии Азии. Известны имена некоторых из этих незаурядных землемеров: Диогнет, Байтон, Аминта. Мы еще будем использовать их труды, когда последуем за армией на марше.

Почта

Канцелярия имела настоящую почтовую службу. Постоянные курьеры связывали царя и его окружение с Пеллой, столицей Македонии, Олимпиадой, матерью

Александра, и регентом Антипатром. Представители демократических и олигархических органов власти греческих полисов и монархи других государств постоянно переписывались с руководством экспедиции. Перевозя письма знатных македонян, личные курьеры царя имели право их распечатывать в целях разоблачения шпионов и заговорщиков (*Диодор*, XVII, 80, 4; *Квинт Курций*, VII, 2, 36—37; *Юстин*, XII, 5). В октябре—ноябре 330 года гонцы верхом на «беговых» верблюдах (дромадерах) за 11 дней доставляли из Профтасии (Фарах) в Экбатану (Хамадан) письма, предназначенные местным военачальникам: приказ убить Пармениона, старого полководца, и предупреждение о том, что никто прежде них не должен узнать о казни его последнего сына Филоты. Курьеры пользовались великолепной системой эстафет, доставшейся им в наследство от персидской администрации. Преодолевая по 50 километров в день, они связывали столицы империи со столицами Македонии примерно за полтора месяца. Осенью 328 года нарочные привозили в Самарканд свежие фрукты из Греции и увозили обратно абрикосы и персики, неизвестные дотоле в Европе.

Прорицатели

Прорицатели советовали полководцам, как вести себя в случаях крайней опасности или дурных предзнаменований: при полете зловещих птиц, рождении уродов, патологиях внутренностей, внезапных ударах молнии, ужасных преступлениях, надругательствах над священным. Кроме Аристандра из Тельмесса, признанного прорицателя царской семьи, известной своим благочестием и даже суеверием, упоминаются Клеомена, или Клеомантия, из Лаконии и несколько египетских, халдейских и вавилонских прорицателей. Больше всего консультировались с Аристандром, у которого хватало как изворотливости, так и дара настоящего придворного. Так, в тот самый момент, когда решалась судьба похода, пришло известие, что по статуе Орфея в Эгах, бывшей столице Македонии, заструился

пот. Тревожное предзнаменование! И лишь Аристандр, единственный из всех прорицателей, увидел в этом обнадеживающий символ: подвиги завоевателей заставят поэтов и певцов будущего попотеть! В случае необходимости царь получал от него именно те ответы, которых ждал. Так, в 328 году, когда существовали сомнения относительно форсирования Сырдарьи, с целью вторжения в земли скифов Центральной Азии, внутренности принесенных в жертву животных *просто обязаны были* дать благоприятный ответ. После 327 года упоминания об Аристандре прекратились, лишь одно встречаем у Плиния, который приписывает ему книгу «О знамениях». Правду говорили лишь халдейские астрологи, предсказавшие, что царь умрет в Вавилоне.

Ученые и интеллектуалы

Подобно французской экспедиции в Египет в конце XVIII века, греческую экспедицию в Азию в 334 году сопровождала группа ученых и интеллектуалов. Прежде всего это философы и литераторы: Каллисфен из Олинфа, двоюродный брат Аристотеля, греческий философ, натуралист, оратор, историк и историограф военных кампаний, по крайней мере до 330 года; Анаксарх из Абдеры, философ-атомист, ученик скептика Пиррона, софист и льстец, утешавший царя после смерти Клита Черного; Онесикрит из Астипалии, киник, человек действия и моряк, который также написал романтическую «Историю» (утраченную); и их «коллеги». Добавим сюда целую команду геологов, ботаников, зоологов и врачей, которых долгое время называли «физиками». Они собирали сведения, а также прежде неизвестные образцы минералов и виды флоры и фауны, чтобы отправить их Аристотелю и его школе. Сам учитель, сын врача и прежде всего человек науки, состоял в личной переписке со своим царственным воспитанником, оставаясь его советником. То немногое, что сохранилось от произведений перипатетика, возглавившего вслед за Аристотелем школу в 323 году, пе-

стрил сведениями о «Растениях», «Запахах», «Огне» (сочинения Теофраста), полученными от натуралистов, побывавших в Египте и Азии с Великой армией. И наоборот, такие деловые люди, как Гарпал, пытались разводить в Вавилоне все продовольственные культуры Греции. Что же касается многочисленных частных врачей или военных докторов, следовавших за войском, то искусству лечения незнакомых им болезней, поражавших людей и животных, они учились у знаменитых магов и целителей Египта, Персии и Индии. В имеющихся у нас текстах неоднократно упоминается, что греки пытались найти лекарство против укусов ядовитых насекомых и змей. Царь даже отправил в Вавилон группу египетских бальзамировщиков с их скальпелями, крючками, содой и антисептиками: со временем они дадут греческим медикам прекрасный урок анатомии!

Атлеты и художники

Поскольку следовало развлекать всех этих воинов, призванных совершать столь громадные усилия, армию сопровождали одна или несколько трупп актеров из македонских театров Пеллы, Эг и Филипп. Вот уже сотню лет местная эллинизированная знать высоко ценит пьесы Еврипида и Агафона. За выступления перед армией царь награждал золотом величайших афинских актеров: Фессала, Пасикрата, Ликона. Их удача способствовала прибытию к войску профессиональных игроков в мяч (*sphairizontes*), среди которых античные авторы называют Аристоника из Кариста и Серапиона. Один из семи адъютантов царя, Леоннат, на многочисленных верблюдах привозит из Египта песок для их гимнастических упражнений, поскольку армия устраивает спортивные соревнования. Двор содержит даже шутов и певцов Агиса, Херила, Клеона из Сиракуз, даже сатирических поэтов Протея, Праниха и Пиериона. Разумеется, эти художники и атлеты появились не в начале, а в самом конце экспедиции, привлеченные успехом и деньгами. Но еще после битвы при Гранике в мае 334 года знаменитый Лисипп, штатный скульптор

Александра, получает заказ отлить в бронзе статуи тридцати четырех гетайров, павших в битве. Основания этих статуй обнаружены в Дельфах. Представим, сколько персонала, материала, транспортных средств и просто места требовалось этой команде! По найденным в Малой Азии монетам становится понятно, что граверы переезжали из города в город, следуя за царем-победителем. Филоксен из Эретрии зарисовывал с натуры сражение при Иссе. Позже, после смерти Гефестииона в ноябре 324 года, для воздания любимцу царя погребальных почестей были приглашены три тысячи атлетов и художников. Гробница нового бога представляла собой монументальное здание в композитном стиле*. Третий ее этаж украшали сцены охоты, аналогично сценам хранящегося в Стамбульском музее саркофага Абдаломина из Сидона. Нет сомнения в том, что тот же скульптор изобразил в Вавилоне и Сидоне царя и его умершего друга. Не стоит забывать также о музыкантах, игравших на своих инструментах во время театральных представлений, на пирах и во время некоторых работ, например во время гребли. В свое время мы еще поговорим о трубах, призывавших к атаке или к отступлению: в этой главе речь об отдыхе и искусстве, а не о военной роли искусства. И, возможно, к числу артистов и профессиональных затейников можно отнести также массажистов, составителей благовонных масел, слуг и поваров, следовавших за знатью повсюду — разумеется, за исключением поля битвы.

Несомненно следует добавить к имени Лисиппа имя Леохара, автора нескольких статуй Александра в Дельфах и членов семьи Александра в Олимпии.

Женщины и дети

Следует ли учитывать также и женщин с детьми в числе возможных предметов воинского отдохновения? В повозках армии, в составе которой насчитыва-

* Архитектурный ордер, в котором коринфские капители сочетаются с ионическими волютами.

лось почти пятьдесят тысяч мужчин, их, вероятно, было очень много. Из текстов видно, что иногда наемники везли с собой жен. Естественно, богатые пользовались правом возить с собой наложниц. Но здесь мы видим еще и знаменитых куртизанок, таких как Таида, которая участвовала в оргии и последующем поджоге дворца в Персеполе, или Телесиппа, дорогая свободнорожденная «подруга» (гетера), угрожавшая бросить своего ветерана, потому что тот мало ей платит. Большая часть девиц для утех были купленными рабынями или пленницами, принадлежавшими новым хозяевам или сутенерам, торгующим их телами. Точно так же музыканты, развлекавших гетайров во время попоек, брали напрокат у ловких дельцов, не брезговавших торговать и молоденькими мальчиками. Плутарх («Жизнь», 22) рассказывает о Феодоре из Тарента, предложившем правителю Сард Филоксену, а возможно и самому царю Александру, купить двух мальчиков невероятной красоты. На это последовала возмущенная реакция императора, хотя позднее Александр сделал свой гарем «образцовым» и на глазах у всех целовался с любимцем Багом. Массовые бракосочетания в 327 и 324 годах десяти тысяч простых македонских воинов и их командиров, когда их, так сказать, принудительно женили на азиатках, устраивались не только, чтобы закрепить европейцев в новых колониях: они помогали урегулировать фактически создавшуюся ситуацию и наверняка помогли избежать беспорядков.

Нестроевые

Из одной-единственной фразы Диодора (XVII, 83, 2), который, вероятно, заимствует сведения у Клитарха, поскольку мы находим их частично и у Квинта Курция Руфа (VIII, 3, 23), мы узнаем, что в городах, основанных в Бактриане и названных Александрия Кавказская и Александрия Окская, около современных Чарикара и Термеза, предполагалось поселить семь тысяч варваров, три тысячи «следовавших за армией нестроевых» и всех желающих из числа наемников. Что же делали

все эти «нестроевые»? Очевидно, обделывали дела, занимались торговлей или спекуляцией. Одни из них, как мы уже видели, были сводниками и сутенерами, другие — ремесленниками, работавшими на заказ, третьи — поставщиками снаряжения и провианта, четвертые — ростовщиками или менялами. Последние в залог будущего жалованья ссужали деньги воинам, желавшим попить или купить лучшее оружие, а потом царь или канцелярия неоднократно возмещали непогашенные долги ветеранов. Нигде не говорится, что в войске находились маркитанты, как в наполеоновской армии, но они наверняка были, снабжая солдат провизией и греческим вином за звонкие полновесные монеты в тех самых странах, где золотые и серебряные монеты были изобретены. Существовал также чудовищный черный рынок, возникавший во время крайнего голода и жажды. Добавим, что наемники также на свой манер приторговывали и в этом краю Золотого руна всегда были готовы продаться тому, кто больше платит. Учитывая, что следовавших за армией греческих спекулянтов и предлагавших свои услуги балканских бродяг в двух основанных весной 329 года городах было как минимум столько же, сколько и «варваров», то есть семь тысяч человек (и это не считая женщин, которых они везли с собой), в экспедиционном корпусе складывалась колоссальная диспропорция нестроевых. Ведь македонских и эллинских воинов в это же самое время в Бактриане насчитывалось лишь двадцать пять тысяч! Словом, подводя итог численности всем, кто не был ни всадником, ни пехотинцем, кто не служил во вспомогательных инженерных войсках или в обозе; выделяя среди нестроевых людей науки, развлечений, торговли и на этот раз добавив к ним женщин (в пропорции одна на десять мужчин?), мы будем вынуждены допустить, что если к началу Азиатского похода македонское войско насчитывало пятьдесят тысяч воинов, почти столько же в нем было и гражданских. Итого около ста тысяч человек. Я, служивший в свое время солдатом, унтер-офицером, а затем офицером, просто восхищен военной администрацией, способной предусмотреть и организовать

повседневную жизнь такой массы людей, причем не позволяя войску превратиться в стадо. И я понимаю восхищение, которое испытывали государственные мужи и интеллектуалы IV века до нашей эры к Филиппу II Македонскому, выстроившему эту машину, в любом случае далеко опередившую всё, что существовало тогда как в Европе, так и в Африке и Азии.

Пополнение личного состава

Нет ничего более непостоянного, чем личный состав: болезни, голод, случайности в бою, старость, гарнизоны, основание колоний приводят к его быстрому обновлению. Уже в мае 334 года хроникеры противопоставляют ветеранов экспедиционного корпуса Филиппа молодым рекрутам его сына. Осенью 334 года после осады Галикарнаса Клеандр, сын Полемократа, был послан на Пелопоннес, а Койн, его брат — в Пеллу, чтобы набрать новые войска, в то время как женившиеся недавно воины получили отпуск, чтобы провести зиму в Македонии. В мае 333 года они вновь собираются в Гордии. Незадолго до битвы при Иссе сюда же прибыли более трех тысяч македонских пехотинцев и три сотни македонских всадников, двести фессалийских всадников и сто пятьдесят элейцев. Фаланга из девяти тысяч человек становится двенадцатитысячной и делится на шесть *таксисов* (полков). Клеандр, после двухлетней вербовки, во время осады Тира приводит в качестве подкрепления четыре тысячи греческих наемников. После того как в ноябре 332 года пала Газа, Аминта с десятью триерами отбывает в Македонию, чтобы набрать новые войска, поскольку предыдущие победы обошлись армии в две тысячи человек. Эти новобранцы еще не прибыли в Азию, как состоялась битва при Гавгамелах (1 октября 331 года). В этой битве союзные войска, пополненные набранными в Египте предыдущей весной наемниками, насчитывают семь тысяч всадников и около сорока тысяч пехотинцев (*Арриан*, III, 12, 5), что приблизительно равно численности армии при отправлении. А это означает, что Ве-

дикая армия потеряла в битвах или оставила в гарнизонах как минимум 13 700 человек, около четверти личного состава. Огромные потери, с которыми молчаливо соглашается командование (если оно вообще о них помышляет). При Гавгамелах во время наступления и преследования пало более тысячи всадников, половина из них принадлежала к элитному корпусу гетайров. Одних только македонян «убито человек 500, раненых же было очень много», пишет Диодор (XVII, 61, 3), что выглядит ложью и приукрашиванием действительности, ибо армии пришлось три месяца «приходить в себя» в Вавилоне. После пожара в Персеполе она получает подкрепление в пять тысяч пехотинцев и тысячу всадников. В это время македонская фаланга насчитывала десять тысяч пятьсот пехотинцев, разделенных на семь таксисов по пятнадцать сотен. Так что да будет нам позволено не вдаваться в скучные детали пополнения личного состава, тем более что наши претендующие на официальность источники часто не согласуются между собой. Ограничимся тем, что отнесемся к ним более критично, чем современники.

В мае 330 года в Экбатане освобождают от службы фессалийскую конницу и всех, кто еще остался из греческих союзников, но многие из них вновь вливаются в македонское войско, на этот раз в качестве наемников. Фаланга сокращается с четырнадцати тысяч до десяти тысяч пеших гетайров. За четыре последующих года тридцать тысяч человек оставлены в бывших столицах Персидской державы и в новых колониях в качестве гарнизонов. На их место становятся наемники из Греции и Малой Азии. Не надо забывать, что половина армии оставалась с Парменионом, а потом Гарпалом, в то время как другая половина истощала свои силы в сражениях у подножия Гиндукуша и Памира. В течение лета 329 года командование вводит в бой двадцать две тысячи наемников и две тысячи шестьсот всадников, прибывших после трехмесячного перехода от южных берегов Малой Азии и из Сирии. Несколько месяцев спустя на берегу Зеравшана, в 100 километрах к западу от Бухары, согдийцы и скифы окружили колонну на марше и разгромили ее: погибли по крайней

мере две тысячи пехотинцев и триста всадников. «Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив казнить уцелевших в битве, если они распространят известие о случившемся», — пишет Квинт Курций (VII, 7, 39). Однако тот же автор заявляет, что при вторжении в Индию весной 327 года армия насчитывала сто двадцать тысяч воинов (VIII, 5, 4). Это значит, что если в ней, по нашим подсчетам, было тридцать пять тысяч европейцев, то три четверти личного состава составляли выходцы с Востока. Восемь старых *ил* (эскадронов) тяжелой конницы стали, по персидскому образцу, восемью *гитархиями* (разновидностью полков), разделенными на две части, куда вместе с македонянами входили всадники из других областей. Само собой разумеется, что наряду с обычной легкой кавалерией, конными копейщиками и лучниками в походе принимала участие конница скифов, иранцев, согдийцев и бактрийцев, пять тысяч всадников сражались в битве при Гидаспе в Индии в 326 году. Нет никаких сомнений в том, что вливание восточных отрядов в войско наложило отпечаток на снабжение, организацию и подвижность македонской кавалерии. В Сузах знатные иранцы были введены в число гетайров. Что касается пехоты, то после чудовищных потерь во время отступления из Гедросии и Маки в 325 году, заставляющих вспомнить ретирату французов из России в 1812 году, ее соединили с персидской пехотой. В 324 году, после отставки ветеранов, была сформирована сборная фаланга, особый корпус из персов в обрамлении македонских копьеносцев. На момент смерти царя на четырех македонян приходилось двенадцать персов, то есть в целом на пять тысяч македонян — двадцать тысяч персов. Использование в ходе бракосочетаний в Сузах в 324 году персидской гвардии из тысячи «яблоконосцев»* в красочной форме, а не македонской гвардии среброштитных гипаспистов вызовет третий серьезный мятеж за всё правление Александра: европейцы громкими криками будут выражать свое возмущение царем, который

* Называвшихся так потому, что они были вооружены копьями, украшенными золотыми шарами в форме яблока.

предпочел более блистательную и молодую восточную гвардию старой гвардии в красных юбках.

В Сузах в течение лета 324 года десять тысяч македонян были отпущены на родину либо по просьбе их самих, либо по возрасту или инвалидности. Им было обещано, что держава позаботится о их детях, если они родят их от жен-азиаток: из них вырастят маленьких воинов на македонский манер. Тогда Кратер, озабоченный тем, что войско покинули ветераны, опытные воины, кому исполнилось более сорока лет, попросил Антипатра, македонского военачальника в Европе, прислать ему такое же число новых боеспособных воинов. Проходит год, а набор всё еще не осуществлен: то ли Македония предпочла побережь своих мужчин перед лицом грозящей опасности со стороны Греции, то ли Антипатр, зная, что Царь царей им недоволен, приступил к подготовке мятежа и провозглашению себя царем Македонии. Возможно, что и под давлением общественного мнения Антипатр отказался набирать десять тысяч ожидаемых рекрутов. Подкрепление ограничивается несколькими сотнями аристократов, охочих до приключений, денег и постов. Власть завоевателя, измотанного ранениями, усталостью и разгулом, весной 323 года, то есть после двенадцати лет военных кампаний — порой неудачных (в Согдиане и Индии), держится на услугах, оказываемых ему греческими и фракийскими наемниками (всего двенадцать тысяч), и на верности его восточных войск. Царская армия в Вавилоне насчитывает всего пять-шесть тысяч македонских пехотинцев, служащих в новой фаланге обрамлением персов, от пяти до шести сотен щитоносцев македонской гвардии и около двух тысяч гетайров из конной гвардии. Первые из них находятся в Азии против своей воли и только и знают, что язвительно прохаживаются насчет царя, последние же всячески пытаются отрезать себе кусок от царского пирога: либо в административном аппарате, либо в колониях. Выразимся яснее: в период с 334 по 323 год личный состав войска, притом что он часто пополнялся, растаял уже более чем наполовину, и тех ветеранов, кому удалось уцелеть, как и новобранцев, заботила не столько служба, сколько поиски личной выгоды.

Жалованье

Сколько же получали те, кто не сложил голову во время штурмов городов и крепостей, посреди пустынь, будучи застигнутым врасплох из засады? Слово «солдат» подразумевает жалованье*, слово «наемник» — торговую сделку. Говоря о финансовых запросах нескольких сотен тысяч брошенных в царскую мясорубку воинов, задавленных нищетой и потому принужденных себя продавать, античные авторы проявляют странную сдержанность. И лишь проверяя и сопоставляя факты, мы можем предположить, на что могли надеяться юноши из македонских семей, насильно взятые в конницу и национальное ополчение, всадники и пехотинцы союзнических контингентов, чужеземные вспомогательные войска, в большей или меньшей степени обученные владеть тем или иным оружием. Разумеется, на высокую плату и пожизну: золото, земли, женщин, скот. Но какая разница в оплате! Воинам отпущенного из войска греческого контингента после смерти Дария в конце лета 330 года было выдано специальное вознаграждение: каждый всадник получил 1 талант, то есть 6 тысяч драхм, а каждый пехотинец — только тысячу драхм, то есть в шесть раз меньше. Тем же, кто предпочел остаться в армии и принять участие в бесконечных кампаниях (еще в течение семи лет!), выплатили 3 таланта. Год спустя 900 ветеранов покидают войско в Согдиане, и на этот раз, похоже, они получают двойную плату: каждый всадник (македонский) — 2 таланта, каждый пехотинец (наемник) — 3 тысячи драхм. Наконец, у Квинта Курция (V, 1, 45) мы узнаем, что серебро, доставленное персами в Вавилон, пошло на вознаграждение: каждому македонскому всаднику — 600 драхм, каждому всаднику союзнической кавалерии — 500 драхм, каждому македонскому пехотинцу — 200 драхм, каждому наемнику — трехмесячное жалованье, то есть от 230 до 375 драхм. Поскольку речь идет о премии, составляющей 10 процен-

* Слово «солдат» происходит от итальянского *soldo* — мелкая монета, вообще плата, в частности воину за службу.

тов от сумм, перечисленных ниже, можно сделать вывод, что после битвы при Гавгамелах (1 октября 331 года) и захвата персидских сокровищ один македонский всадник получил в шесть раз больше, чем македонский же пехотинец, и что всадник союзнических войск, будь то фессалиец, фракиец, иониец, которому выдавалось 5 тысяч драхм, получал в три-четыре раза больше, чем наемник-пехотинец.

Переведем эти цифры в ежедневный заработок: конный гетайр из личной гвардии царя мог рассчитывать на 14 драхм и 4 обола в день, всадник союзнического войска — на 14 драхм, гетайр пешей гвардии — на 5,5 драхмы, иноземный наемник — на 3—4 драхмы. Но в эту же самую эпоху афинский гражданин, участвуя в народном собрании или будучи членом городского совета, получал 1 драхму за целый день заседаний, а свободный рабочий — 2 драхмы за целый день работ. А ведь половину времени жители Афин не работали! Всё это мы узнаем из элевсинских счетов за 330 год. В таком случае понятен материальный интерес юношей из Македонии и Греции записаться в войско победителей: обещание ежедневного жалованья, в пятнадцать раз превышающего заработок самых высокооплачиваемых греческих рабочих. Что же касается покупательной способности этих монет, скажем, что 166 драхм, причитавшихся каждый месяц пехотинцу македонской фаланги, в Азии выплачивали, выдавая 8,5 золотых статиров. Каждый статир весил 8,55 грамма, в то время как французский луидор весит лишь 6,45 грамма, откуда следует, что самый незначительный из этих пехотинцев мог рассчитывать на ежемесячные 7400 франков 1981 года, и это без дополнительного поощрения, подарков, добычи и просто спекуляции. Ежемесячно 10 и 17 статиров доставались старшинам воинов.

Всадник, получавший в ходе боевых действий в три раза больше, находился, как это ни странно, в менее выгодном положении, поскольку он должен был содержать одну или несколько лошадей, по необходимости их заменяя, а также иметь одного или нескольких конюхов. Даже если он происходил из обеспеченной

семьи и у него был собственный конь, при этом он едва ли мог рассчитывать больше чем на треть жалования в качестве чистого личного дохода. Античные историки показывают нам этих господ погрязшими в долгах. К концу своих походов царь вынужден был запретить пиры стоимостью более 10 тысяч драхм (*Плутарх* «Жизнь», 23, 10). Оценивая минимальную дневную оплату в Греции в одну драхму, мы можем себе представить тот образ жизни, на который рассчитывали воины Великого Царя. Что же тогда говорить о спекулянтах, наживавшихся на сбыте награбленного, торговле женщинами и детьми, использовавших все возможности, предоставляемые черным рынком. Для них война была самой выгодной операцией. В конце зимы 330/29 года в армии был такой голод, что амфора меда стоила 390 драхм, а амфора вина — 300 драхм. Последняя добыча (в Персии), как пишет Квинт Курций (VI, 2, 10), составляла 26 тысяч талантов. Из них 12 тысяч было употреблено на снабжение воинов продовольствием, но столько же было расхищено охраной.

Надежда на обогащение

Вспоминается благородная миссия, которую дважды возлагал на царей Македонии Всегреческий союз в период между 337 и 335 годами, назначая их командующими походов в Азию: «Освободим греков, наших братьев». И почти что всем было невдомек, что греческие города в Азии, едва только «освободятся» от «дани» царю Персии, начнут платить «контрибуцию» освободительной армии. Велика разница, нечего сказать! Строптивцы, такие как Милет и Галикарнас, подверглись осаде, а после испытали на себе все прелести закона «горе побежденным». Дело в том, что финансовое положение войска при выступлении в поход было очень шатким, интендантская служба располагала не более чем 70 талантами (этого едва хватало на плату пехотинцам македонской фаланги за семь дней кампании!) и запасами провианта на тридцать дней. Во время бунта в Описе в 324 году царь заявляет, что обнару-

жил в казне Филиппа менее 60 талантов, между тем как долгов было на 500 талантов. Ему пришлось даже занять 800 талантов, чтобы экипировать войско, прежде чем оно покинуло Европу (если только эта сумма не была ежемесячным жалованьем, предназначенным его 1800 всадникам и 12 тысячам пехотинцев). После первой же крупной битвы осенью 334 года царю, несмотря на «контрибуции» греческих городов, пришлось распустить флот, поскольку деньги подходили к концу. Тем не менее войско не разбежалось, а при осаде Тира в 332 году греческий флот вновь прибыл поддержать пехотинцев. Дело в том, что всех этих людей, всех этих сто тысяч свободных человеческих существ, пустившихся в великий поход, от царя до самой последней проститутки, воодушевляла вовсе не идея крестового похода, не любовь, не ненависть, а надежда сделать состояние. Война должна питать войну или, вернее, Македонию, нацию хищников.

Психологический фактор

О духе этого войска, его целях и интересах можно узнать, перечитав следующий пассаж, вкладываемый Аррианом (или, вернее, Птолемеем Лагом, одним из тех, кто извлек наибольшую выгоду из всех операций) в уста царю перед битвой при Иссе в ноябре 333 года: «Македонянам, издавна закаленным в воинских трудах и опасностях, предстоит сразиться с мидийцами и персами, то есть с теми, кто более всех прочих погряз в роскоши. Но прежде всего мы, свободные люди, идем на битву с рабами. А если кому, будучи греком, придется биться с греками же, то основания у тех и других совершенно разные. Те, что служат Дарию, рискуют собой за плату, причем небольшую, те же, что с нами, добровольно явились защищать Грецию. Что до варваров в наших войсках, эти фракийцы, пеонийцы, иллирийцы, агриане, то есть самые неутомимые и воинственные народы Европы, будут противостоять самым изнеженным и трусливым племенам Азии» (II, 7, 4). Разумеется, эти доводы являлись психологической под-

готовкой для тех, кто шел в бой, или, по крайней мере, поддерживали их моральных дух в критические моменты. Но какая удивительная смесь идеализма и реализма, лжи и цинизма, предвидения и иллюзий! Понятно, что Восточная Европа или, по крайней мере, самые нуждающиеся и состоявшие на жалованье у Македонии народы Балкан жаждали наброситься на богатую и слабо защищенную Азию. И это была не столько война свободы и рабства, сколько война наемников двух видов: наемников амбициозного вождя с наемниками царя, придерживавшегося оборонительной тактики. Никто лучше Демосфена, яркого противника Македонии и поклонника Персии, не смог выразить состояние умов, самый дух войны, когда в 330 году ему довелось вспоминать события восьмилетней давности: «Следовало ли нашему государству отказаться от своей гордости и достоинства и, презрев славу и права предков, став в один ряд с фессалийцами и долопами, помогать Филиппу завоевывать власть над Грецией? Или же, не доходя до таких поистине ужасных действий, надо было оставаться равнодушными и, уже давно предвидя то, что должно произойти, если никто не окажет сопротивления, позволить всему этому случиться? Разумеется, я бы охотно спросил того, кто больше всех критикует то, что произошло, на какой стороне хотел бы он видеть наше государство» (О венке, 63—64).

На самом деле не всё сводится к простому вопросу о деньгах, к низменному желанию обогатиться или провернуть выгодное дело. Этих мужчин и женщин, тронувшихся с места в 334 году, не зная куда, ради кого и зачем, вдохновляла некая сила, которая у их противников несомненно отсутствовала. Тем более не стоит недооценивать отвагу этих жителей Балканских гор, ведь некоторые из них преодолели пешком 18 тысяч, а большая часть — 6 тысяч километров, чтобы заложить и удерживать форпосты в центре Азии и Индии. Аристотелю, мыслителю при македонском дворе, частично являвшемуся вдохновителем политики Филиппа, мы обязаны умением распознавать многочисленные причины явлений, и прежде всего причины изначальные и финальные. Согласимся с ним в том, что люди, которые

весной 334 года длинными колоннами, с обозом в три тысячи повозок, двинулись к топким берегам Граника, имели для этого, по крайней мере, два основания: веру в выкованную Филиппом военную машину и надежду снискать с ее помощью лучшую долю. Лишь немногие из них, воспитанные на греческой математике, знали, что расчет верен. Но даже читатели Гомера и Ксенофонта не догадывались о том, как мало воинов вернется назад. Эти люди совершенно не думали об ожидавших их ранениях, болезнях, увечьях, тем более не представляли себе тот путь, который им предстояло пройти, и безжалостную природу, с которой им предстояло столкнуться. Им говорили, что на берегах Азии они встретят лишь греков, что варвары не способны сопротивляться самой сильной и дисциплинированной армии в мире, что Парменион и Аттал уже два года как победили рабов Дария и его военачальника Мемнона, что олимпийские предзнаменования благоприятны все до одного, что разведчикам и лазутчикам превосходно известна дорога, что юный царь невероятно удачлив... Подобно Филиппу, они согласились с тем, чтобы «пожертвовать фортуне любую часть своего тела, лишь бы только то, что у них останется, жило в почете и уважении». Что ж, *Agatheï Tykhei*, в добрый час!

Те очевидцы, что наблюдали их движение, должны были забыть их «героические и грубые мечтания» и впредь помышлять лишь о трех объективных факторах победы, о тройном превосходстве союзного войска, а именно: о тяжелой коннице гетайров, стальном ежефаланги, инженерном корпусе с его метательными машинами и осадными орудиями. Всё же прочее для историков — не более чем золотая легенда* или беллетристика.

* Обыгрывается название средневекового сочинения «Золотая легенда» (собрание житий святых, чрезвычайно популярное в Средние века, составленное святым Иаковом Ворагинским (ит. *Jacopo da Varazze, Jacobus de Voragine*, ок. 1229—1298), доминиканским монахом и архиепископом Генуи).

ВОЙСКО И ЕГО КОМАНДОВАНИЕ

Напомним знаменитое изречение, которым начинается устав наполеоновской армии: «Поскольку на дисциплине зиждется основная сила любой армии, необходимо, чтобы всякий вышестоящий добивался от подчиненных полного и абсолютного подчинения. Любой приказ, каким бы он ни был, должен исполняться без колебаний или ропота, ответственность за него ложится исключительно на лицо, его отдавшее. Возражения нижестоящего возможны лишь после исполнения приказа». Думается, что те же принципы, широко применявшиеся и римлянами, пришли на ум еще создателям македонской армии, Архелаю I в конце V века и Филиппу II в середине IV века до нашей эры. Во всяком случае, поведение и действия устрашающей фаланги, организованной первым и реорганизованной вторым, эффективность корпуса царских гетайров, расширенного Филиппом до восьми сотен человек, базировались на трех основных понятиях: дисциплина, власть, ответственность или, если хотите, трех глаголах, служащих точками отсчета для этой главы: подчиняться, командовать, требовать.

Подчинение

Были ли они набраны на всю военную кампанию (которая могла длиться десять и более лет) или на определенный срок, принадлежали ли они к националь-

ному ополчению, союзным контингентам или наемникам, были ли они греками или персами, мужчины в армии прежде всего обязаны были подчиняться. *Peithesthai* — один из глаголов, чаще всего встречающийся в греческих текстах, подобно слову «дисциплина» в латинских. Примером беспрекословного подчинения являются многодневные приступы стен Фив, Милета, Галикарнаса, Тира, Газы. Приказ касался всех: «Старики-македоняне, по возрасту освобожденные от участия в бою (мужчины более сорока пяти лет, порой седовласые, как Парменион), ходившие в походы еще с Филиппом и во многих битвах спасавшие положение, увидели, что настал их час показать себя. Значительно превосходя воинским разумением и опытом молодых солдат, они... составили отряд и, сомкнув щиты, остановили неприятеля, уже считавшего себя победителем» (Диодор, XVII, 27, 1—2). Подчинение требуется даже на марше или в бою, когда необходимо занять предписанное место (слово *taxis* означает как отданный приказ, так и подразделение). Подчинение должно быть ежеминутным, оно проявляется на всех уровнях военной иерархии. Из него вытекают единство и сила армии. Из него вытекают ее дух и сущность. Приказа не дожидаются, его не провоцируют: ему идут навстречу. Явление тем более удивительное для историка, что в IV веке до нашей эры греческие и прочие союзники и наемники были преимущественно индивидуалистами, если не сказать: довольно-таки малонадежными субъектами.

Известны как минимум три примечательных примера беспрекословного подчинения, то есть слепой преданности командующему. Все три раза речь шла об овладении крепостями, считавшимися неприступными и расположенными на вершинах практически отвесных скал, и похоже на то, что каждая из этих цитаделей носила одно и то же персидское название Аварана, то есть «крепость», греки же называли такое место Аорном или Аорнидой («место, куда не долетит и птица»). За местоположение этих крепостей принимают: первой — Ташкурган в Бактриане (Афганистан), второй — Байсун-тау в Согдиане (Узбекистан), третьей —

Пир Сар в Охинде в излучине Инда (Пакистан). Рассказ Арриана (Анабасис, IV, 18, 4—19, 4) о взятии второй крепости весной 328 года, несомненно, отличаются большая трезвость и сдержанность, чем описание Квинта Курция (VII, 11), но современный читатель предпочитает живость и красочность описания последнего. Так что я процитирую здесь его с необходимыми комментариями: «Царь усмирил и остальные области (между Термезом и Самаркандом). Оставалась одна скала, занятая согдийцем Аримазом с 30 тысячами воинов (?), собравших туда заранее продовольствие, которого бы хватило для такого большого числа людей на целых два года (!). Скала поднимается в высоту на 30 стадиев (5550 метров!; на самом деле менее 400 метров), а в окружности имеет 150 (на самом деле 10 метров). Отовсюду она обрывистая и крутая, подняться можно лишь по очень узкой тропе. На половине высоты есть в ней пещера с узким и темным входом; он постепенно расширяется, а в глубине имеется обширное убежище... (Здесь Арриан добавляет, что рано выпавший снег сделал склоны еще более неприступными.) ...Прежде чем решиться на осаду, царь послал к варварам сына Артабаза Кофа и предложил им сдать скалу. Ответ Аримаза, который полагался на неприступность своей позиции, был полон дерзких слов, под конец он даже спрашивал, не умеет ли Александр летать. (В тексте Арриана: «Враги, смеясь как варвары, каковыми они были, предложили ему найти летающих солдат, которые могли бы захватить гору вместо него...») Эти слова, переданные царю, столь задели его за живое, что, созвав лиц, с которыми он обычно совещался, он сообщает им о дерзости варвара, насмехающегося над тем, что у них нет крыльев; он добавил, что в ближайшую ночь он заставит Аримаза поверить, что македоняне умеют и летать. «Приведите ко мне, — сказал он, — из своих отрядов 300 самых ловких юношей, которые дома привыкли гонять стада по горным тропам и почти непроходимым склонам». Те быстро привели к нему юношей, отличавшихся ловкостью и энергией. (Затем следует длинная речь царя, достойная воображения и красноречия греческих риториков, но

завершающаяся обещанием, вполне способным вдохновить добровольцев): “Кто первый достигнет вершины, получит в награду 10 талантов, поднявшийся вторым получит на один талант меньше — и так далее вплоть до десятого человека (60 тысяч франков золотом! Арриан говорит о 12 талантах, то есть 72 тысячах франках золотом, а кроме того он более щедр и говорит о трехстах золотых монетах, причитающихся последнему). Однако я уверен, что вы будете думать не столько о вознаграждении, сколько об исполнении моей воли”. Они выслушали царя с таким воодушевлением, будто уже заняли вершину. Когда их отпустили, они стали готовить железные клинья, чтобы вбивать их между камнями, и крепкие веревки. Царь, кругом осмотрев скалу, велел им взобраться во вторую стражу в том месте, где подступ казался менее всего трудным и крутым, и пожелал успеха. Те, взяв с собой продовольствия на два дня и вооружившись только мечами и копьями, стали подниматься. Сначала шли, затем, дойдя до обрывистых мест, одни подтягивались, ухватившись руками за выступы скал, другие взбирались с помощью веревок, закидывая их на клинья, вбитые в щели между камнями (или в снег, как пишет Арриан), чтобы становиться на них ногами. ...Печальное было зрелище, когда кто-нибудь, сделав неверный шаг, срывался и летел вниз, указывая тем самым и другим на угрожающую опасность. Однако они, одолев эти препятствия, всё же добрались до вершины горы, утомившись от непрерывных усилий, а некоторые даже с телесными увечьями; ночью их сковал сон. ...Из их отряда при подъеме погибло 32 человека (Арриан: «чьи тела даже не смогли отыскать в снегу»). ...На следующий день, еще до рассвета, царь первым заметил знак покорения вершины. ...Из македонского лагеря уже были слышны звуки труб и клич воинов. ...Аримаз, отчаявшийся в своем положении, хотя еще не всё было потеряно, спустился в лагерь вместе с близкими и знатнейшими мужами своего племени. Всех их Александр велел подвергнуть бичеванию и распять у самого подножия скалы». Добавим для красоты, что частью предания стало пленение Роксаны «Прекраснолицой»,

которую царю предстояло сделать своей законной супругой. Тридцать два погибших из чувства долга и ради руки царицы придают македонской дисциплине личностный и даже пылкий характер, не имеющий ничего общего с дисциплиной греческих гоплитов. Отныне на место идеи Родины встает один-единственный человек — для тех, кто ему подвластен.

Отбросив из этого рассказа все преувеличения и романтизм, мы видим, что подчинение в македонском войске основывается скорее на чувстве, нежели на разуме. Подчиняются не потому, что знают о детальной подготовке похода, а военачальники сознают свое значение и цели, не потому, что средства надежны, снабжение испытано, а сведения проверены. Подчиняются из нематериальных, как бы религиозных соображений, из веры в слово царя, этого гаранта и вдохновителя всех повсеместно исполняемых ритуалов. Его военная доблесть (*arete*) — благодать, божественная милость, сравнимая с доблестью бога Зевса, чьим потомком он является через Геракла и Ахилла, а также его представителем и жрецом на земле. Все, от последних пехотинцев до стоящих повыше воинских старшин, подчиняются из долга, основанного скорее на страхе и религиозном почитании. Уже в 336 году существовала своеобразная мистика вождя. И горе тому, кто по недосмотру или демонстративно презирал священный характер дисциплины! В октябре 324 года царь без суда, просто на основании задержания, приказал казнить нескольких бунтарей в Сузах. Шесть месяцев спустя «Александр уже разделся для натирания маслом, собираясь играть в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие вместе с ним, увидели, что на троне молча сидит какой-то человек в царском облачении с диадемой на голове. Человека спросили, кто он такой, но тот долгое время безмолвствовал. Наконец, придя в себя, он сказал, что зовут его Дионисий и родом он из Мессении; обвиненный в каком-то преступлении, он был привезен сюда по морю и долго находился в оковах. Только что ему явился Серапис, снял с него оковы и, приведя его на это место, повелел надеть царское облачение и диадему и молча сидеть на троне. По совету

прорицателей Александр устранил того человека» (*Плутарх «Жизнь», 73—74*).

Даже если речь здесь идет, как предполагают многие, всего лишь о ритуальной казни «маскарадного царя» во время ритуального весеннего праздника Акиту, вавилонского Нового года, или о казни неизвестного козла отпущения, в этом эпизоде виден некий символ уважения к сакральному, пример дозволенного и запрещенного, система царского авторитета. Вообще в македонской армии для поддержания дисциплины практиковались лишь два вида наказания: телесные наказания и казнь. В апреле 327 года, перед тем как вторгнуться в Индию, всем македонянам было приказано предать огню свои повозки (лишние?)... «Огорчились лишь немногие, большинство же встретило это криками восторга... В ту пору он был уже страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных. Одного из гетайров, некоего Менандра, назначенного начальником гарнизона крепости, Александр казнил за то, что тот отказался там остаться» (*Плутарх «Жизнь», 57, 1—4*).

Награды

Воинский дух поддерживался также и менее решительными средствами. Прежде всего, как мы уже видели, наградами, денежными премиями, перечислением в приказе по войску всех совершивших отважные поступки, торжественными похоронами, а также отпусками. В конце 334 года македонским молодоженам был предоставлен зимний отпуск. Они отправлялись провести три месяца дома под предводительством Птолемея, сына Селевка, одного из царских гвардейцев, и двух стратегов, Койна и Мелеагра, с приказом в качестве ответного шага привести с собой как можно больше юных рекрутов, как пехотинцев, так и всадников. Ведь великодушные вождя и требует в ответ доброй воли подчиненного и должно обретать значение образцового примера. Оно поддерживает соперничество между чинами и воинскими частями. В наши дни плохо понятна дисциплина, основанная на подобных чувствах, то

есть на простом обмене услугами. Но мы удивились бы еще больше, если бы знали число мужчин, шедших в бой из-за любви друг к другу. Во всех известных военных сообществах существовало любовное товарищество. Македонский двор считался в этом отношении куда более гомосексуальным, чем прочие. Единственная польза, которая извлекалась из такой практики, состояла в том, что воины защищали своих возлюбленных до самой смерти — и даже после нее. Как тут не вспомнить любовь Ахилла и Патрокла, этих, так сказать, предков македонской династии Аргеадов!

Муштра

Очевидно, дисциплина устанавливалась не за один день. Новобранцы знакомились с муштрой двойного рода: с одной стороны, они проходили военную подготовку, а с другой — постоянно поддерживали воинский дух в промежутках между боевыми действиями. Нет сомнения в том, что тяжелая кампания, шедшая в 335 году на Балканах против иллирийцев и трибаллов, а затем против гетов за Дунаем и, наконец, против тавлантиев и пеонийцев в высокогорных долинах Струмы и Вардара, вовсе не была легкой прогулкой: приходилось овладевать лесистыми ущельями, штурмом брать крепостцы, ночью на бурдюках или лодках-однодеревках переправляться через Дунай, практиковать тактику выжженной земли, избегать окружений и засад, врасплох захватывать противника, расположившегося лагерем, не укрепленным ни траншеями, ни палисадом, и вдруг узнать в самый разгар лета, что македонским тылам угрожает восстание фиванцев, всколыхнувшее добрую половину Греции. Для новобранцев это было суровое испытание. Даже при ускоренном обучении, прежде чем входить в состав войска, следовало потратить на воинские дисциплины не менее шести месяцев. Таким и было время, прошедшее от отправки трех вербовщиков, посланных в Македонию в конце 334 года, до их возвращения на театр военных действий в Гордий в мае 333 года. За эти месяцы рекруты должны были научиться-

ся как минимум четырьмя вещами: обращению с оружием, бегу с полной выкладкой, различным маневрам и искусству идти колонной. Но козопас с берегов Црны, даже если команды отдавались на его родном языке, не могли мгновенно стать в строй фаланги, как и сделаться копейщиком. И даже если в танцах у себя на родине юноши имитировали бой с оружием (*telesias*) или похищение скота (*karpaia*), то были всего лишь дальние подступы к военной подготовке.

Обучение проходило в импровизированных лагерях. Ночью спали прямо на земле, под полотняными тентами. С рассветом, по басовитому сигналу труб (разновидности прямых труб с коническими мундштуками) воины укладывали свои пожитки, завтракали, чистили и кормили коней, у кого они имелись, а потом постигали у старших или бывалых солдат премудрости военной службы. Нет текстов, в которых бы говорилось, что у новобранцев были сержанты-инструкторы или унтеры. Однако присутствие в армии линейных командиров или седовласых отставных воинов, непосредственно занимавшихся своим рядом (например, в парфянской кампании 330 года), упоминание вербовщиков, аналогия с подготовкой персидских солдат, известная по трактатам Ксенофонта, — всё это позволяет считать, что в Македонии существовала система разделения на возрастные группы, помогавшая подготовке более молодых воинов. Иногда вспоминают еще эфэбов, проводя грубую параллель с иерархией, существовавшей в Афинах. Это бы означало, что «вышедшие из отрочества» молодые люди Верхней и Нижней Македонии, вероятно, с восемнадцати лет помещались под наблюдение *tagoi*, знатных граждан или глав крупных семейств, и *peligones*, отставных воинов. *Stratagoi*, или военные магистраты, перекладывали на плечи ветеранов заботы как о командирах, так и солдатах, заботы о подготовке новобранцев и их обеспечении доспехами и освященным государством оружием. Также они обязаны были научить воинов ходить в ногу, причем обутыми, поскольку многие с раннего детства ходили в основном босиком. Наконец, вырабатывалась привычка бегать в полном вооружении и никогда не бросать свой щит,

дротик или меч, как делали на поле битвы «эти жалкие греки», Архилох или Демосфен*. Бег в полном воинском снаряжении — это не только вид состязаний, обязательно входивший в программу крупных соревнований и международных игр, например Олимпийских: он просто был необходим для того, чтобы обрушиваться на противника ускоренным шагом, для марш-бросков, организованных отходов или перестроений. (Нам и в голову не приходит сказать: для «возможного бегства». Поскольку, как известно всякому, с поля боя бежит только враг!) Снова и снова солдаты великого похода будут преследовать ускользящего врага, загонять его, как загоняют зайца. Во всех свидетельствах имеются рассказы о летучих отрядах, состоявших из македонян, пеонийцев и агриан, отряженных в погоню за Дарием, Бессом или Спитаменом в верхние сатрапии азиатского царства и двигавшихся с той же скоростью, что и конница. Добавим, что во время маршей и тренировочных забегов молодых людей учили нести с собой на длинные дистанции не только свои вещи, провиант и оружие, но и что-нибудь другое. В сентябре 329 года в степях к западу от Самарканда раненого «Александра несли на военных носилках, из-за которых вышел немалый спор между пехотинцами и всадниками, настаивавшими на своем праве выполнить эту обязанность. Всадники, среди которых царь обычно сражался, считали право их нести своей честью, пехотинцы же, привыкшие переносить раненых товарищей, жаловались, что им не дают исполнять привычный долг, да еще в случае, когда надо нести царя» (*Квинт Курций*, VII, 6, 8).

В отличие от подготовки других родов войск Европы того времени подготовка фаланги и легкой пехоты велась методично, рационально, прогрессивно. «Подго-

* Архилох не без остроумия говорит об этом в собственных стихах. А о Демосфене, участвовавшем в сражении при Херонее в 338 году, то же самое утверждает Плутарх в соответствующем жизнеописании. Насколько справедливы эти обвинения, судить трудно: с поля битвы тогда бежали многие тысячи, и доказательством того, что ничем позорным Демосфен себя не запятнал, служит хотя бы следующий факт: именно Демосфену поручили афиняне произнести речь в честь павших в бою.

товка к войне, — гласят старинные уставы, — должна быть единственной целью воинского обучения». Нельзя вдруг выучиться управляться с длинной и тяжелой сариссой из негнущегося дерева, как нельзя сразу далеко метнуть боевой дротик, *sigynnos*. Я обращаюсь здесь к опыту тех, кто участвовал в соревнованиях по метанию копья, кто изучал средневековые и ренессансные турниры, как и тех, кто — самое простое — входит в стрелковые команды. Как мы видим это в борьбе Индры или Веретрагны с Вритрой, будущий воин старается достичь всё большего совершенства на мишенях и чучелах; он повторяет одни и те же движения вновь и вновь, пока не добивается наиболее точного, уже автоматического жеста. На втором этапе он учится действовать сообща с другими, такими же, как он, своими сотоварищами по линии или шеренге, поскольку в зависимости от того, следовало ли колоть копьем или же метать его, плотность строя была различной. Впоследствии, а также в центрах переформирования новобранцы учились передвигаться строем — походным или боевым. Несомненно, по тому или иному сигналу трубы воины строились, а затем перестраивались колонной, каре, исполняли голосовые команды «на караул!» (*ankbarmon*), «сплотить ряды!», «ряды вдвой!» или «разойтись!», поскольку, как мы уже видели, фаланга была машиной, то атакующей, когда она выставляла вперед треть или половину своих копий, то развертывающейся, образуя строго геометрические фигуры. Что касается отрядов *гинастистов*, вооруженных маленькими фракийскими щитами и короткими пиками, они учились удваивать построения фаланги, то сзади, то с флангов, поэшелонно или в шахматном порядке. Следовало синхронизировать скорость развертывания и свертывания. Сколько же повторений, и целиком, и по частям, причем ежедневных, всё это требовало!

Корпоративный дух

Доведенная до совершенства четкость перестроений, слаженность на марше зарождали в воинах гордость принадлежностью к первому или лучшему во

всей стране воинскому корпусу. При чтении античных текстов создается впечатление, будто каждая воинская часть свято верила, что состоит лишь из исключительных людей. Даже вспомогательные подразделения македонян — иллирийцы, агриане, фракийцы — считали себя элитными воинами. Происходило это, вне всякого сомнения, вследствие их очень узкой специализации: в беге, либо в стрельбе, либо в метании копья, либо в скалолазании. Такое умонастроение, отчасти бывшее следствием коллективной деятельности, не обходилось без пререканий и прямых стычек. Как бы то ни было, македоняне считали себя много выше чисто греческих гоплитов, стрелков и пращников. Так, однажды Филиппа II тяжело ранили в драке между македонскими гетайрами и греческими наемниками (*Квинт Курций*, VIII, 1, 24). При Иссе македонские пехотинцы в иступлении перебили греков, находившихся на персидской службе (*Арриан*, II, 10, 7). В Согдиане летом 329 года были истреблены все греки, потомки Бранхидов из Милета*. Перечитывая безжалостные призывы к истреблению врага, которые традиция вкладывает в уста Александра, и принимая во внимание размах убийств, истребления, геноцида, множившихся на всем протяжении его пути, я начинаю подозревать, что командование специально поддерживало в войсках жестокость. И, поменяв всё, что необходимо, здесь можно было бы увидеть даже какое-то подразделение СС, столь же последовательное как в своем расизме, так и в физической подготовке, бесстрашное и не видящее впереди иной высшей чести, нежели исполнение самых кровавых приказаний.

Диета

Лучшим способом ожесточить этих людей были лишения или, пожалуй, скорее усвоенная накрепко привычка есть что угодно, когда угодно и в каком угодно

* Подробнее об этом см. ниже, глава III, раздел «Человеческое, слишком человеческое».

виде. Вообще-то простой греческий воин был вегетарианцем. Основу его питания составляла провизия, которую он нес с собой: мука, бобовые — горох, фасоль и чечевица, а также изюм, миндаль, оливки. Но что делать, когда всего этого нет в достатке? Не следует ли, сменив страну, цивилизацию, профессию, менять еще и образ жизни? В те далекие времена жители Балканского полуострова охотнее занимались пастушеством, чем земледелием. В районах, на три четверти покрытых горами, перед сельским хозяйством вставляли проблемы посева и сохранения урожая, в то время как выпас овец и коз всегда был относительно простым и более доходным занятием. До вступления в войско большая часть македонян и их союзников питалась молочной и мясной пищей. Один из современных поселков высокогорной долины Струма, родина молочного йогурта, называется Говедарци, то есть «Волопасы», так что можно полагать, что в древности эта местность была практически целиком заселена пастухами крупного рогатого скота. Но, нанимаясь в армию, будущие солдаты, конечно, не могли привести с собой свои стада. Становясь воинами, они больше не потребляли ни молока, ни сыра. Они не могли больше жарить мясо, разве что по случаю жертвоприношений, реквизиций или щедрости военачальников, поохотившихся на оленя или кабана. Так же с трудом представляется, что им могла понравиться напичканная пряностями пища Египта, Вавилона или Индии. В ходе военной кампании быстро узнаешь, что голод — лучшая приправа.

Гарнизоны

Разумеется, существовала и другая дисциплина, отличная от дисциплины военной подготовки: это была дисциплина гарнизонов, зимних квартир, коротких затиший между большими сражениями. Нам известно, что в Вавилоне зимой 331/30 года, а потом и в других столицах бывшей Персидской империи воины должны были ежедневно тренироваться, чтобы не расслабиться и не погрузиться в наслаждения Востока: уп-

ражнения, маневры, смотры, торжественные построения сменяли друг друга. Чтобы воины не теряли форму, проводились «карательные» экспедиции против населения, провозглашенного мятежниками или грабителями, например, против скифов или степных кочевников, индийских ксудраков или оксидраков, касситов Луристана. В побежденных городах и колониях, отстроенных руками тех же воинов, оставались гарнизоны с дозорами и их сменой по предъявлению пароля. Каждый правитель, сатрап и военный наместник располагал личной гвардией, которая была тем послушнее, чем ближе к «солнцу» находилась, будучи в силу этого избавлена от необходимости тянуть обычную воинскую лямку. Парменион, старый полководец, казненный в Экбатане в ноябре 330 года, имел собственную стражу, как и Гарпал, бесчестный сатрап, в августе 324 года бежавший из Вавилона со своими собственными наемниками... и сокровищами. Порой в источниках проскальзывают сообщения, заставляющие улыбнуться. Таковы описания состязаний, тренирующих физическую силу и соперничество. Встречаются здесь черточки великодушия, как и нравоучительные истории, подобные следующей: «Простой македонский воин вел мула, груженного царским золотом. Животное изнемогло, и воин, взвалив груз на себя, сам понес его дальше. Когда царь увидел его мучения и разузнал, в чем дело, то сказал македонянину, уже собравшемуся снять с себя ношу: «Не поддавайся усталости, но пройди еще немного до своей палатки: то, что ты пронес, будет твоим»» (*Плутарх* «Жизнь», 39, 3).

Командные кадры царя

Вот волшебное слово*. Я мог бы также сказать, что это высшие кадры, военачальники, знатные македоняне, все те, кто напрямую зависел от царя. Слова со временем изменили свой смысл, и слово *гегемон*, буквально «тот, кто

* Обыгрывается изначальное значение слова «кадр» — «рама», «обрамление».

ведет», стало означать как знатных людей, так и полководцев, на которых царь возлагал часть своей власти. Но в Македонии были приняты другие титулы, нежели у нашей аристократии. Там человек не являлся знатным, то есть пригодным к командованию, только по крови или «по рождению» (таков первый смысл греческого слова *eleutheros*, которое переводится как «свободный», и слова *eugenes*, «хорошего рода»). Человек не являлся знатным, как у римлян, лишь потому, что был известен, *nobilis*, знатен или знаменит, ни тем более потому, что был богат или удачлив — одно из двух значений слова «счастливый», ни даже потому, что прославился отвагой или подвигами. Все эти черты были присущи македонской знати, особенно начиная с правления Филиппа II, который в период между 356 и 336 годами включил в ее состав и осыпал золотом множество греческих и варварских наемников, отличившихся отвагой и находчивостью. Но более всего следует отметить три ценные черты, присущие скорее личному, чем социальному и экономическому характеру данного института: щедрость, способность внушать доверие (или, как говорят в наши дни, используя английское слово, кредит) и, наконец, способность заставить признать себя. Именно так добивались самых высоких командных постов люди, которых в наше время сочли бы неуравновешенными, жестокими или пьяницами, начиная с самого царя. Из шести сотен «командиров» похода, чьи имена сохранила история, — они методически перечислены Г. Берве в его труде «Империя Александра в лицах» («Das Alexanderreich auf prosopographischen Grundlage», 1926) — мы отыщем едва ли с десятков таких, которые могли бы рассчитывать на милосердие в глазах наших блюстителей морали. Дело в том, что в этой войске знать не имела ничего общего с «природным величием», согласно определению Паскаля, но целиком зависела от «величия расположения». Критерии древних отличались от наших, и конечная цель македонского командования состояла вовсе не в торжестве добродетели, на стоический манер, не в торжестве, на персидский лад, правильного порядка, *arta*. Нет, по словам Демосфена, она всего лишь «боролась за власть и господство».

Главное качество царя и всех институтов, проистекающих от его особы, — это щедрость. Вождь должен быть щедрым в полном смысле этого слова, в классическом и современном вариантах одновременно. Это он дарует, он отдает и — подчас — он же и прощает*. Он завоевывает земли, сокровища, женщин, стада, чтобы потом их распределить. Слово, означающее по-македонски «обычай», *nomos*, и в греческом языке сделавшееся «законом», восходит к древнему индоевропейскому корню *neh-* (сравните немецкий глагол *nehmen!*), означавшему одновременно «брать» и «давать», «распределять», «разделять». Мистически связанный с царем, великим провидцем и распределителем побед, командир воинского подразделения должен делить с ним свои хлеб, вино, кровь и, если царь попросит, и свое ложе, как он сам разделяет со своими людьми испытания, пищу и добычу. Филота, командующий конницей гетайров, «пользовался большим уважением среди македонян. Его считали мужественным и твердым человеком, после Александра не было никого, кто был бы столь же щедрым и отзывчивым» (*Плутарх «Жизнь», 48*). Командир принадлежал к «истинной» касте, касте воинов, *гетайров*, от слова *betas*, «истинный, подлинный», такой касте, куда принимали с помощью ритуальных испытаний. Он был другом, товарищем, сотрапезником, компаньоном других военачальников. В принципе царь являлся лишь *primus inter pares*, «первым среди равных», выделяясь своей инициативностью и непомерными расходами. Первоисточники о походе Александра полны рассказами об удивительной щедрости, о людях, отказывавшихся от всего и подававших пример другим, поскольку в этом заключались их долг, честь и обязанность. «Несмотря на то, что при выступлении Александр располагал столь немногим и был так стеснен в средствах, царь прежде, чем взойти на корабль, разузнал об имущественном положении своих друзей и одного наделил поместьем, другого — деревней, третьего — доходами с какого-нибудь поселения или гавани. Когда, наконец, почти всё царское достояние было

* Игра слов: *donner* — «давать», *pardonner* — «прощать».

распределено и роздано, Пердикка (один из лучших стратегов и гвардейцев, будущий регент Македонии) спросил его: “Что же, царь, оставляешь ты себе?” — “Надежды!” — ответил Александр. “В таком случае, — сказал Пердикка, — и мы, выступающие вместе с тобой, хотим иметь в них долю”. Пердикка отказался от пожалованного ему имущества, и некоторые из друзей Александра последовали его примеру» (*Плутарх* «Жизнь», 15, 3—6). Щедрость обязывает и связывает. Она побуждает к соперничеству и стремлению превзойти себя.

Военачальником становился тот, кто внушал доверие, но не потому, что он был хорошо вооружен и экипирован, не потому, что он платил за себя или некогда прославился (молодость и удача так быстро проходят!), а потому, что его собственная дисциплина основывалась на преданности царю — сакральном обязательстве, разновидности жертвоприношения. Знатный человек, назначенный на какой-либо пост верховным вождем, становился его доверенным человеком, человеком преданным. Он связывался с ним при помощи специальной церемонии, регулярно повторявшейся по усмотрению царя и заставлявшей вспомнить множество других индоевропейских, скифских, персидских, германских, славянских и кельтских воинских дружин: все они разделяли со своим вождем чашу хмельного напитка, в данном случае чистого вина, и обменивались поцелуем, символизирующим обмен дыханием, душами. Тем самым он признавал своего военачальника больше чем родственником — своим близким доверенным другом, своим избранным братом. Таким образом они закрепляли, как пишет Квинт Курций (VIII, 2, 32) «amicitiam cum fide», привязанность и веру. Отсюда ярость правителя, когда его доверие оказывалось преданным или когда товарищ, разделивший с ним стол, поцелуи или ложе, вступал в заговор. Больше не было братства по оружию, единокровия, разделенной любви, это было хуже, чем разрыв договора: это было вероломство, предательство, святотатство. И тогда становятся понятны пытки и мучения, жестокие умерщвления через побивание камнями или удушение, сына Аэропа Линкеста, гетайра, командующего

фракийской кавалерией; Филоты, сына Пармениона; Гермолая, одного из «пажей», последовавшие после раскрытия заговоров против Александра.

Пажи

Школу царских пажей основал Филипп II. Квинт Курций (VIII, 6, 2—6) и Арриан (IV, 13, 1) почти одинаковыми словами сообщают нам, как был устроен этот питомник военачальников и наместников. В обычае македонской аристократии было посылать ко двору своих сыновей в возрасте тринадцати-пятнадцати лет — как заложников, телохранителей и аспирантов* в одно и то же время. В конце 331 года еще пятьдесят таких мальчиков под предводительством Аминты прибыло в Вавилон. Поначалу их служба напоминала службу простых слуг: они прислуживали царю за столом, в бане, помогали одеваться и отходить ко сну; они тайком приводили наложниц через тот вход, где не стояла стража. Но они также посменно стояли каждую ночь часовыми у дверей царской спальни. Они принимали лошадей из рук конюхов, подводили их к царю и, за отсутствием стремян, помогали ему сесть верхом, подставив руки. Также они сопровождали царя на охоте, преследуя и забывая дичь с его позволения. Они пользовались привилегией есть сидя в присутствии царя. В случае серьезного проступка их публично секли. Они привыкали к войне, следуя в сражении за командирами. Они изучали искусство выездки. Кроме того, они получали достойное свободного человека образование: изучали искусство, литературу, науки, философию, политику. Не постояв перед расходами, Филипп II пригласил в Миезу (город, расположенный близ современной Левкадии, между Верией и Эдессой) самого знаменитого среди ученых своего времени, Аристотеля, сына врача Никомаха, и предоставил в его распоряжение подобие института или высшей школы с нимфеем, то есть парком,

* * * Во Франции так называют курсантов старших курсов военных училищ.

посвященным нимфам. Аристотель должен был учить царевича и его юных соучеников всем существовавшим тогда наукам. Во время Азиатского похода интеллектуальным и моральным образованием пажей занимался Калисфен из Олинфа, сын двоюродной сестры Аристотеля, философ, оратор и историк. Привлеченный к ответственности за дурные умонастроения, царившие среди юных придворных в Самарканде зимой 328/27 года, он был отстранен от должности, затем арестован, закован в кандалы и, вероятно, несколько месяцев спустя казнен. Образованные люди, никогда не любившие водить дружбу с военными, считали его вторым Сократом, осужденным на смерть за то, что прививал свободу людям, того не желавшим.

Продвижение по службе

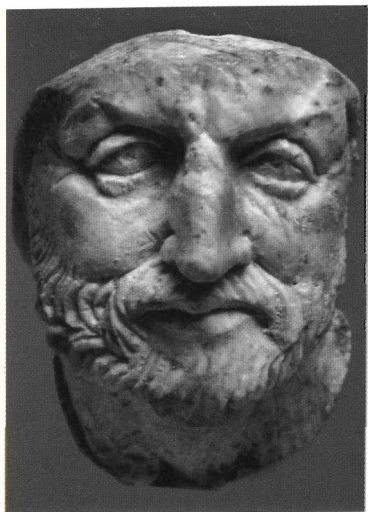
Способность командовать приходит благодаря способности подчинять, а также благодаря умению подавать пример и быть лучшим во всем, а также хорошему знанию движений человеческой души. С помощью охоты, верховой езды, бега, борьбы, кулачного боя, различных игр в мяч будущих полководцев учили быть сильными, быстрыми и точными в движениях. Принадлежа к кланам, чью ненависть и предубеждения они разделяли, молодые военачальники надеялись достичь в карьере такого возраста, когда амбиции и любовь к почестям принято считать движущими мотивами стариков. Для них принять сторону более сильных значило получить залог на будущее. «Мне не по душе, — говорил Кокто, — молодые люди с усвоенными ценностями». Поэт никогда бы не понял принципа формирования македонских кадров. Чем дольше длился Азиатский поход, тем больше то, что называли двором, в особенности же военный совет, образованный гвардией, становился очагом интриг, всевозможных происков, соперничества. Очень немногие могли сопротивляться необходимости льстить и быть льстецами.

В декабре 331 года, после тридцатичетырехдневных «расслабляющих игр» в Вавилоне, а проще говоря,

обычных оргий с обязательным стриптизом дворцовых любовниц, начинается деморализация греко-македонских военачальников. Военная дисциплина падает. Царь, чувствуя угрозу и не желая смотреть, как разлагается боевой дух четырнадцати тысяч пехотинцев, тысячи ста восемьдесят всадников и пятидесяти пажей, только что доставленных из Европы Аминтой, сыном Андромена, ведет свои войска в направлении Суз, заставляя их строить временные лагеря, тренироваться и маршировать строем. «Итак, царь задержался там долее и, чтобы у воинов не ослаб дух от бездействия, назначил состязания в воинской доблести и объявил судей и награды. Девять человек, признанных храбрейшими, должны были получить командование отрядами по одной тысяче человек (их называли хилиархами), тогда впервые было введено такое деление войска, раньше же в когортах было по 590 воинов и командование ими поручалось не в награду за храбрость. Собралась большая толпа воинов, чтобы участвовать в состязании, а также засвидетельствовать подвиги каждого и вынести мнение о судьях, ибо всем должно было быть известно, правильно или неправильно будет присуждена каждому награда. Первым среди всех по доблести был признан старший Атаррий, который один больше всех поддержал пламя боя под Галикарнасом (тремя годами ранее), упущенное было молодыми воинами; следующим за ним был признан Антиген; третье место получил Филота Авгей (герой осады Галикарнаса); четвертая награда дана была Аминте; за ним шел Антигон, далее Линкест Аминта, седьмое место занял Теодот, последнее Гелланик (еще один герой Галикарнаса)». Итак, трое из восьми храбрецов, упомянутых Квинтом Курцием (V, 2, 2—5), уже отличились еще и весьма малодостойным поведением по отношению к женщинам и царским финансам (*Плутарх*. Об удаче и доблести Александра, II, 329; «Жизнь», 70, 4—6). Подумайте, какое глубокое изменение в командном составе произошло с введением этой новой формы повышения или награждения. Хотя и до этого были известны военачальники, выслужившиеся из рядовых, из простых крестьян, как, например, старый Болон. Взамен

Деметрий Полиоркет. Деталь так называемого саркофага Александра.
Конец IV в. до н. э.

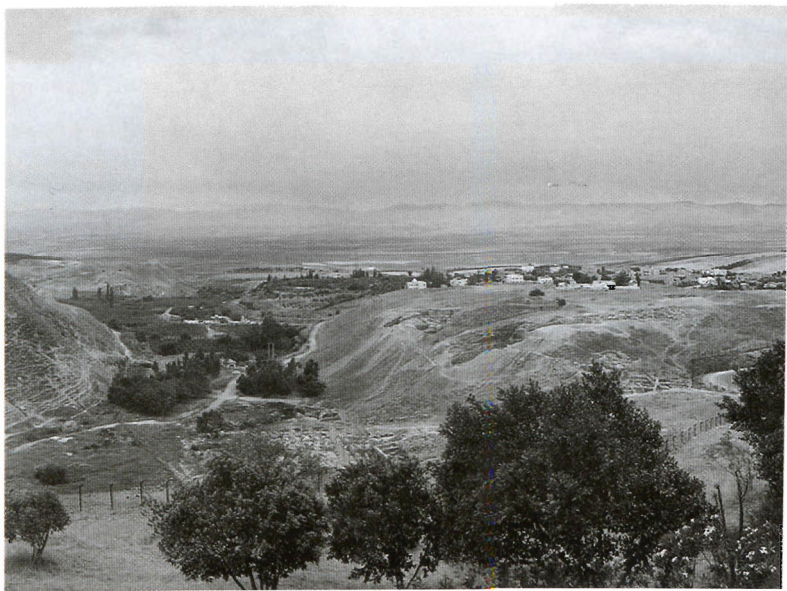

Филипп II,
отец Александра Македонского.
Костяной миниатюрный портрет.
IV в. до н. э.

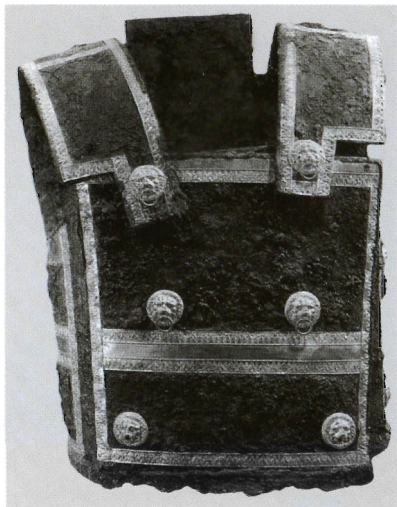
Олимпизада, мать Александра.
Золотой : медальон. III в.

Панорамный вид на западную окраину Пеллы

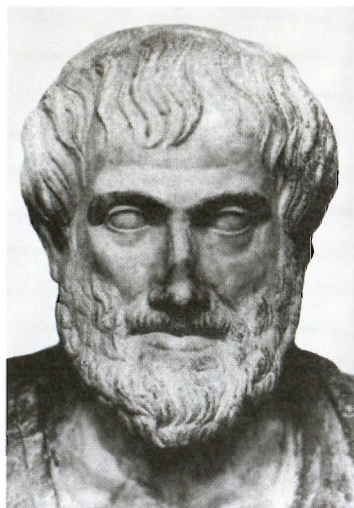
Филипп II на коне.
Серебряная монета

Железный доспех с золотыми
накладками, принадлежавший
Филиппу II. Вергина. IV в. до н. э.

Купание новорожденного Александра. Мозаика из Баальбека. IV в.

Гомер.
Бронзовый бюст.
Модена. IV в. до н. э.

Аристотель.
Римская копия
с оригинала IV в. до н. э.

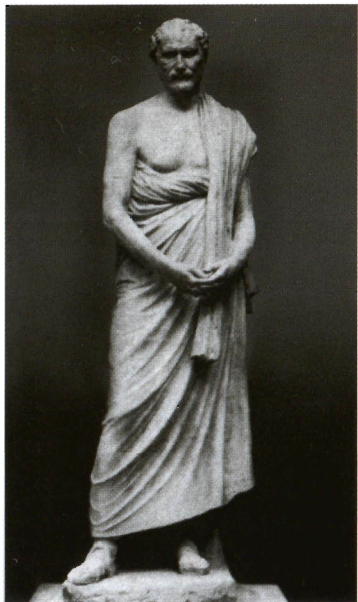
Геракл с треножником.
Роспись амфоры
из Вульчи.
Начало V в. до н. э.

Дякс, несущий
тело Ахилла.
Роспись килика
из Вульчи.
3-я четверть
VI в. до н. э.

Александр
укрощает Букефала.
Бронзовая статуэтка

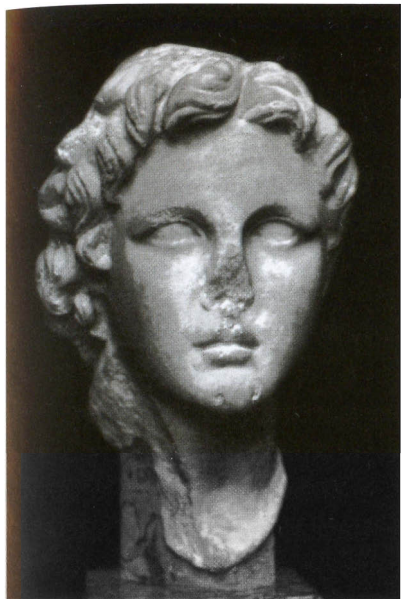
Демосфен.
Статуя работы Полиевкта.
III в. до н. э.

Эсхин.
Статуя из Геркуланума.
Предположительно IV в. до н. э.

Памятник воинам,
павшим в битве
при Херонее

Александр.
Мраморный бюст. I в. до н. э.

Бронзовый шлем иллирийского
типа и золотая маска
из македонского некрополя
Синдоса. *Около 520 г. до н. э.*

Вход в гробницу
Филиппа II.
Вергина. IV в. до н. э.

Богиня судьбы и удачи Тюхе. Статуэтка из Антиохии на Оронте.
Работа Эвтихида. III в. до н. э.

Александр Великий.
Изображение на монете

Царский золотой венец
из гробницы Филиппа II.
Вергина. IV в. до н. э.

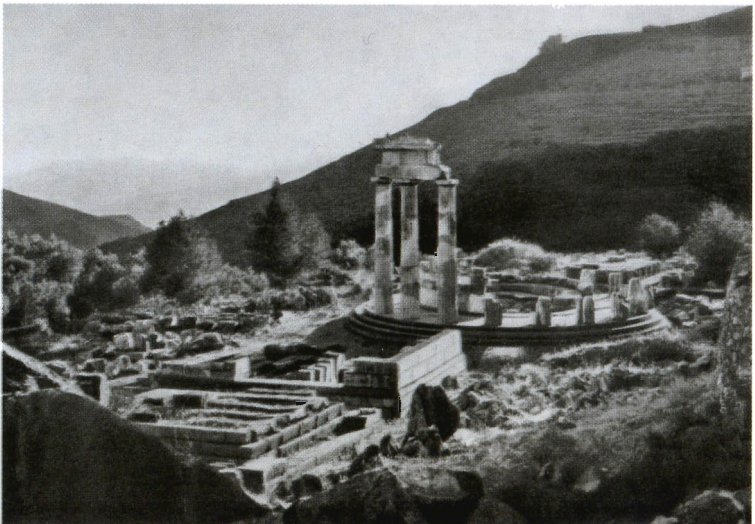

Трон, символизирующий
идеальное правление,
из гробницы Эвридики,
одной из жен Филиппа II.
IV в. до н. э.

Жрец и жрица
во время
совершения
обряда

Толос в святилище
Афины Пронайи
в Дельфах.
Феодор из Фокеи.
Начало IV в. до н. э.

Александр Великий в сражении. *Фрагмент рельефа так называемого саркофага Александра. Конец IV в. до н. э.*

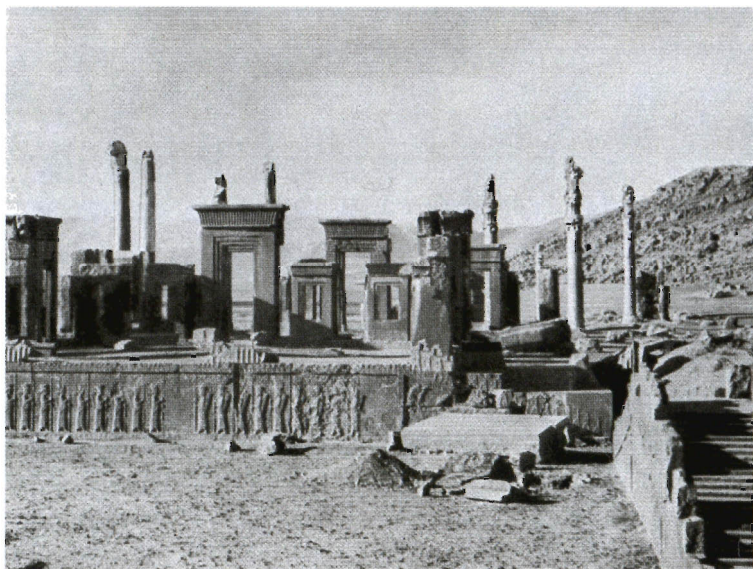
Граник. Место первой битвы Александра с персами

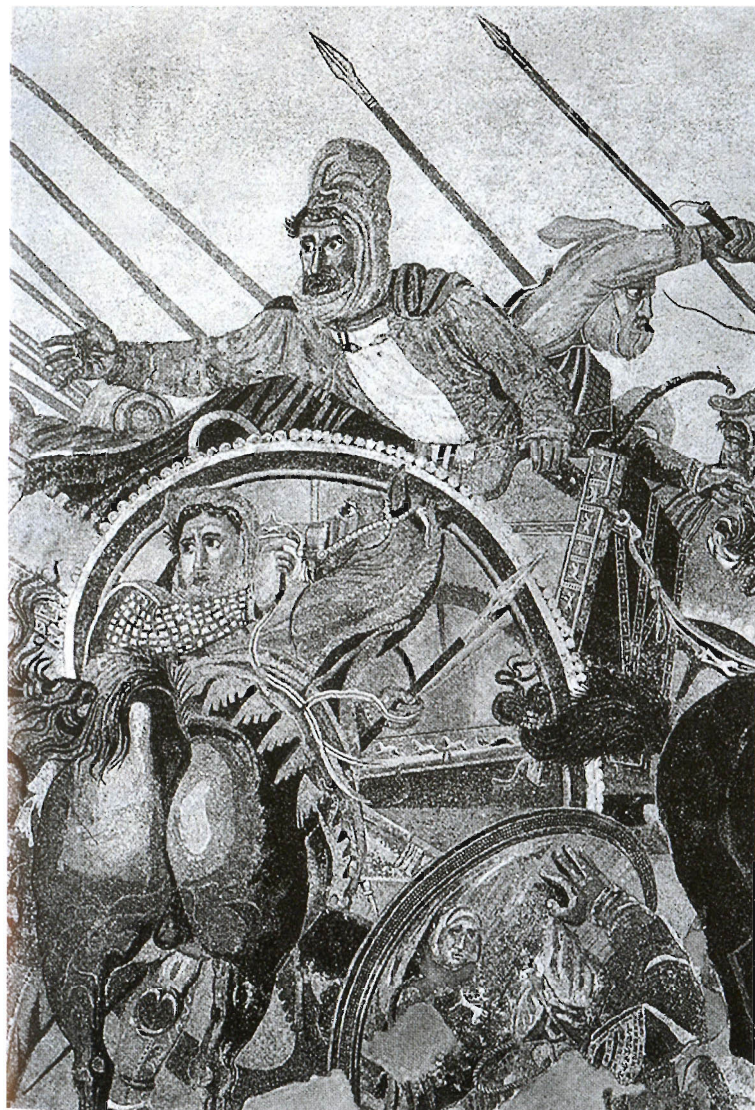

Битва при Иссе. Александр. Мозаика из Помпей. Фрагмент.
Конец II — начало I в. до н. э.

Развалины дворца Дария I в Персеполе. Портал. Начало V в. до н. э.

Битва при Иссе. Дарий III. Мозаика из Помпей. Фрагмент.
Конец II — начало I в. до н. э.

Софит

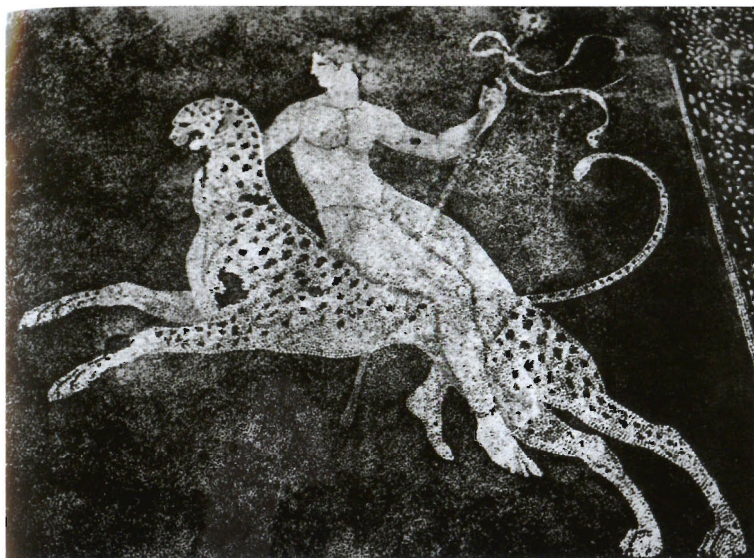

Битва Александра Македонского с индийским царем Пором.
Изображение на монете

Боевой слон.
Терракотовая статуэтка из некрополя Марины (Малая Азия). III—II вв. до н. э.

Статуэтка эллинистического правителя в шлеме из черепа слона и накидке из слоновой кожи

Дионис на пантере. *Мозаика из Пеллы. IV в. до н. э.*

Индийские боевые слоны в сражении

Прощание супругов. Рельеф с надгробия в виде вазы с острова Саламин. Около 370 г. до н. э.

того, чтобы начальники пехотных частей отбирались, включались в список и утверждались царем или его ближайшим окружением, всё войско впервые получило возможность высказаться по поводу назначения своих командиров, таксиархов. Даже при том, что жюри, о котором идет речь, могло состоять исключительно из низших офицеров (синтагматархов и тетрархов) или тех, кого мы называем унтер-офицерами (командиров шеренг и замыкающих, *lokbagoi* и *ouragoi*, декадархов), жеребьевка судей и контроль со стороны толпы были демократическими принципами. Демократия заключалась также в признании того, что назначение на должность командира относилось не столько к удаче (*tykbe*), сколько к заслугам (*arete*). Это давало возможность выдвинуться мелкой, а не крупной аристократии, скорее ветеранам, чем молодежи. Создание промежуточных ступеней командного состава уменьшило влияние знати. Это, наконец, упрочило связи армии и ее прямых командиров, одним словом, дисциплину.

Что касается новых *ил* (эскадронов) конницы, под командованием илархов, они были разделены на два *лоха* (*lokboi*). Всадники, некогда разделявшиеся по племенам, объединились в 331 году в большие боевые единицы, состоявшие из ста пятидесяти человек, четыре гиппархии, уже без следов деления по народностям, а в конце кампании их объединили даже с туземцами. Подбор военачальников, илархов и гиппархов, всегда зависел от воли сражавшегося верхом царя, но сплоченность войска отныне была усилена. С другой стороны, командиры выбирались исключительно исходя из критерия воинской доблести, не считаясь с тем, принадлежат ли они к той же народности, что их люди. В коннице (и здесь это куда вернее, чем в пехоте) командир-чужеземец никогда не смог бы заставить себе подчиняться, если только не добьется уважения подчиненных. Не будем забывать, что в войске Александра Македонского полководец, *гегемон*, — это тот, кто, как гласит его титул, «ведет» за собой и бьется всегда в первых рядах. Из всех азиатских племен лишь персы были сочтены достойными и способными разделить коман-

дование с македонянами — по крайней мере, в конце царствования. Впрочем, в это время двор становился все более иранским, вернее, македоняне перенимали персидские обычаи: конница *гетайров*, как оказалось, была один в один скопирована с «царских родственников»; хилиарх, или командир тысячи гвардейцев, напоминал персидского *гадзарапатииша*, командира тысячи яблоконосцев, знаменитых «бессмертных»; институт царских пажей, введенный Филиппом II, имел своим образцом подобный институт у персов. Официально македоняне считались вассалами Царя царей вплоть до 479 года и, возможно, в конце V века до нашей эры даже платили ему дань напрямую или через Фракию. Как бы то ни было, Фракия, завоеванная в IV веке до нашей эры, стала македонской провинцией, организованной по образцу персидских сатрапий. При таких условиях нет ничего удивительного в том, что реформа 331 года упрочила, под видом демократии, власть командиров в войсках.

Послужные списки

Сегодня нам известно очень мало реальных биографий того времени. Личные дела пропали, самые блистательные послужные списки были изменены, искажены и даже очернены из зависти или ненависти. В наиболее точном виде дошли те, в которых речь идет о будущих регентах или царях: лесть и зависть внесли в их искажение точно такой же вклад, как и ложь, опубликованная под их именем, — присвоенные титулы, подложная переписка, фиктивные воспоминания. У нас имеются лишь три биографии, которые можно считать историческими.

Парменион

Парменион, сын Филоты, родился около 400 года. Он принадлежал к древнему аристократическому роду из Верхней Македонии, очень тесно связанному с зем-

лей, но небогату. Он медленно продвигался по карьерной лестнице, становясь последовательно всадником, гетайром, другом и приближенным советником царя. Он ассистировал Филиппу II на полях сражений с 359 по 338 год в Иллирии, Фракии, Халкидике, помогал ему реорганизовать и дисциплинировать его пехоту. Около 340 года одна из дочерей Пармениона вышла замуж за Аттала, дядю Клеопатры, которая стала в 337 году царицей Македонии. Отвергнутая царица Олимпиада питала непримиримую ненависть к Пармениону и его сыновьям Филоте, Никанору и Гектору, так же как к роду своей соперницы. В тот же год Парменион и Аттал были поставлены Филиппом II во главе войска из 10 тысяч добровольцев, призванного освободить греческие города Малой Азии от ига Персии — или, вернее будет сказать, от необходимости платить дань. Парменион, который был гораздо старше Филиппа II, взял за образец экспедиции начала века — Ксенофонта и Агесилая. Он знал, что сатрапы располагали лишь греческими наемниками, гораздо менее боеспособными и хуже вооруженными, чем его воины, и что сатрап Карики Пиксодар пытается обрести независимость. За один год были освобождены, в числе прочих городов, Эфес и Эрес, и в своих святилищах жители воздвигли статуи в честь царя Македонии. Но обстановка изменяется: Филипп II был убит в день бракосочетания его дочери с царем Эпира в сентябре 336 года. Парменион ловко ускользает от мести Олимпиады и всей ее группировки, примкнув к партии молодого царя. При этом ему приходится одновременно пожертвовать своим другом Аминтой, претендентом на престол, и своим зятем Атталом. Уже будучи в весьма преклонном возрасте — шестидесяти пяти лет, — несмотря на неоднократные отступления в Малой Азии, несмотря на подчиненных ему солдат-ветеранов, опасавшихся подобных авантюр, он поддерживает молодую аристократию, жаждущую войны с Персией до победного конца.

Экспедиционный корпус уходит из Ионии и Эолиды, сохранив лишь несколько плацдармов в Троаде: Гриней, Тенедос, Сигей, Ретей, Абидос, Кизик. Этого довольно, чтобы Парменион оставил десять тысяч своих

людей и конницу под командованием Каласа и в конце 335 года вернулся в Македонию. В несколько месяцев он собирает в Амфиполе все наземные и морские силы Македонии и Греческого союза, что является настоящим подвигом, учитывая всю медлительность тогдашних средств сообщения и нежелание греков, чьи спешно собранные контингенты плохо вписываются в общий план действий. Незадолго до отправления он советует юному царю перенести великий поход, жениться и дать государству наследника. Что это — неверие в успех или тайная надежда самому возглавить дело? Очевидно, пережитые неудачи, политические интриги, преклонный возраст сделали Пармениона осторожным, если не сказать нерешительным. Менее реалистичный, но нетерпеливый царь предпочитает судьбу Ахилла, своего предка: жизнь короткую, но насыщенную, деятельную, блестящую. Следует выступить. Парменион подчиняется. Грузовые суда безостановочно курсируют через Дарданеллы, и ему удастся совершить еще один подвиг: всего за восемь дней 43 тысячи пехотинцев, 6100 всадников и несколько тысяч обозных повозок с лошадьми переправлены на другой берег. Насколько слабым и человечным казался по стилю командования Аттал, зять Пармениона, настолько же точным, методичным, упорным, одержимым порядком и дисциплиной выказывает себя Парменион.

В начале 334 года персы ожидали приказа Великого царя. Их войска были сосредоточены в Зелее, недалеко от современной Бурсы*, на берегу Мраморного моря, к востоку от Дарданелл. Отказавшись от тактики выжженной земли или высадки в Европе (это им советовал грек Мемнон), персидские сатрапы и военачальники довольствовались инструкциями Дария: сокрушить захватчиков немедленно. Персы расположили свою конницу на правом берегу маленькой неглубокой речки Граник, современной Бига-чай, протекающей в 75 километрах восточнее того места, где Парменион переправил греко-македонскую армию. Неизвестно, что произошло, когда и как началась битва. Скорее всего,

* Скорее, близ современного Гёнена.

Парменион, командовавший левым крылом фессалийской конницы, рекомендовал подождать следующего дня, чтобы перейти реку и построить армию к бою, но царь с ним не согласился, и победа была уже одержана Александром, когда Парменион и его всадники смогли наконец переправиться через реку: о них практически не упоминается в сведениях наиболее верных свидетелей, а именно тех источников, которыми пользовались Арриан и Плутарх. Отныне этого чересчур осторожного военачальника будут использовать лишь в качестве администратора или поставщика подкреплений. С небольшим войском его посылают в Даскилий, столицу сатрапа Фригии Геллеспонтской, возле современного озера Аполион, чтобы захватить провиант и деньги. Он участвует в осадах Милета и Галикарнаса, но его предложение дать морское сражение флотам Кипра и Финикии было отвергнуто. Вместе с частью конницы, союзной пехотой и обозом Пармениона отправляют зимовать в Сарды — город, богатый золотом. Так он обеспечивает тылы основных сил македонского войска, которые действуют в Ликии и Памфилии. Зато ему удается пленить перса Сисинна, от которого он получает часть переписки македонского полководца Александра Линкеста с царем Персии Дарием: полицейская или политическая операция, по крайней мере доказавшая действенность его разведывательных служб.

Осенью 333 года теперь уже шестидесятисемилетний Парменион с греческими наемниками, фракийцами царя Ситалка и фессалийской конницей занимает проход Белен или, как его еще называют, Сирийско-Киликийские ворота в 10 километрах к северу от теперешнего Искендеруна (Александретты). Затем, вернувшись тем же путем, он возглавляет всё левое крыло союзной армии между Бажас-чай и Дели-чай (античный Пинар), в 25 километрах к югу от города Исса. Вся его тактика в знаменитой битве при Иссе заключается в том, чтобы не позволить окружить себя персидской конницей и как можно сильнее, до самого моря, растянуть свою линию фронта в западном направлении, чтобы продержаться, прежде чем пуститься в преследование противника, обращенного в бегство его сы-

ном Никанором справа и царем — в центре. После победы, избиения врагов и дележа добычи Парменион отправлен захватить Дамасский оазис, завладеть сокровищами Дария, женщинами и детьми его сановников и устроить дела управления Сирией. На смену его военным обязанностям всё больше приходят обязанности гражданские. Именно он доставляет царю его первую супругу Барсину, внучку Артаксеркса. Во время осады Тира в следующем году Парменион — в числе тех, кто советует согласиться с предложением мира, поступившим от усиленного новым войском Дария, и снять осаду. 1 октября 330 года в решающей битве на Гавгамельской равнине, в 27 километрах к северу от античной Ниневии, ему вновь доверяют всё левое крыло македонской фаланги, поскольку известны его изворотливость и доверие, которое он внушает воинам. Но, обойденный превосходящим противником, Парменион дважды просит командование прервать наступление на правом фланге, чтобы прийти на помощь лагерю у него в тылу, а когда, несмотря на все его колебания, успех персов оборачивается бегством врага, просьба Пармениона о подкреплениях останавливает преследование. Царь никогда не простит Пармениону того, что он помешал ему захватить Дария живым.

25 апреля 330 года Парменион тщетно пытается помешать поджогу дворца в Персеполе. По его мнению, достаточно того, что он разграблен. В награду за былые заслуги он получает приказ сопровождать конвой с царскими сокровищами (180 тысяч талантов, каждый стоимостью 6 тысяч франков золотом) на тридцати тысячах мулов и трех тысячах верблюдов до крепости Экбатана. Отвечая за деньги, этот хлеб войны, и стоя во главе всех войск, размещенных в этой бывшей столице империи, а после смерти Дария (1 июля 330 года) назначенный *стратегом* Мидии, Парменион имеет в своем распоряжении более половины всех западных войск в Азии: шесть тысяч македонских пехотинцев, две сотни знатных командиров, пять тысяч греческих пехотинцев и шесть сотен всадников. К концу лета под его началом находятся все войска, которые в Гекатомпилах («Городе

Ста Ворот» в Шахр-и-Куми около Шахруда) заявили о своем праве не идти дальше на восток. Благодаря своему состоянию, мудрости и нравам, присущим ему как представителю совсем другой возрастной группы, Парменион становится столь популярным, что молодые военачальники подозревают его в том, что он хочет заменить царя. Пока последний из его сыновей, Филота, занят подготовкой к погребению своего брата Никанора, вся семья оказывается втянутой в заговор, затеянный одним из царских гетайров и раскрытый в октябре 330 года во Фраде (Фарах в современном Афганистане). По македонскому обычаю, предписывавшему убивать ближайших родственников-предателей, Парменион вероломно был убит в парке своей резиденции, несмотря на охрану и возмущение подчиненных ему войск. Всё свидетельствует в пользу того, что пожилой семидесятилетний человек и его младший сын были невиновны. Вся вина их заключалась лишь в том, что они не стеснялись говорить правду, когда монарх требовал, чтобы его приближенные простирались перед ним ниц.

Кратер

Служебная лестница Кратера гораздо короче и не столь блистательна. Сын знатного македонянина Александра из античного племени орестиев, живущего по берегам озера Кастория, родился около 360 года. Впервые Кратер упоминается как командир отряда фаланги Пармениона в битве при Иссе в 333 году. Зимой он спас царя от когтей льва в охотничьих угодьях сидонского царя Абдалонима, и эта сцена изображена на саркофаге, называемом Александровым и хранящемся в Стамбульском музее, а также отмечена грандиозной статуей, пожертвованной в Дельфы. Шесть месяцев спустя он со своим войском активно участвует в постройке, а затем защите дамбы возле Тира. Назначенный кем-то вроде вице-адмирала, он принимает командование над кипрскими судами, блокировавшими город с моря, и в августе 332 года устраивает решающий штурм крепости. В октябре 331 года на равнине при Гавгамелах Кра-

тер командует пелопоннесской конницей, а также ахейскими, локрийскими и малийскими конными отрядами. Он принимает участие в празднествах, устроенных в Вавилоне по случаю победы. Затем вместе с фалангой он отправляется в страну уксиев, к современному Паранану и долину Маруна, открывая путь в Персию, в то время как элитное войско царя, перевалив горные хребты, нападает с тыла. После пожара в Персеполе Кратер некоторое время остается в крепости с большей частью армии и ее громадным обозом. Вместе с Парменионом он организует переходы конвоя к Эқбатане (Хамадану): 700 километров пути по вражеской территории. Летом 330 года он участвует в преследовании Дария, потом в покорении парфян. Царь встречает Кратера со всеми оставленными ему силами в Парфении во время своего возвращения с берегов Каспийского моря. Доверенный военачальник, Кратер становится военным советником, с чьим мнением более всего считается царь, в то время как Парменион остался в далекой Мидии. Кратер осаждает скалу Арию, Кала-и-Духтар, в 18 километрах к северу от Герата (Афганистан), затем Артакану, столицу Арии, но окончательную победу уступает царю, своему личному другу. Именно под этим титулом он выступает против Филоты, сына Пармениона, во время заговора Димна во Фраде в октябре 330 года. Он председательствует при пытках Филоты и его казни. Так молодой придворный устраняет своего давнего соперника.

Отныне Кратер становится незаменимым во время карательных операций и на охоте — на льва или на человека — в Бактриане и Согдиане. Так, он осаждает «Кирополь» (Ура-Тюбе к юго-западу от Ходжента в Таджикистане). Во время приступа они с царем ранены. Город стерт с лица земли, население предано мечу. Несмотря на предостережения врачей и предсказателей, царь хочет перейти Танаис (Дон?). Кратер, льстивый придворный, подталкивает его. На пути из Самарканда царь с Кратером предают всё огню и мечу, мстя за разгром македонянина Менедема. Вместе с конницей Кратер истребляет тысячу дахов на краю Каракумов, черной пустыни Туркменистана. Затем он «зачищает»

долины к западу от Памира, где взбунтовались два правителя, и повсюду его сопровождает череда кровавых расправ и убийств. Никакой пощады жителям захваченных городов. Весной 327 года через Хайберский перевал войско вступает в Индию. Кратер командует всей фалангой. Вероятно, именно в это время вспыхивает ссора между Гефестионом, сердечным другом царя, и Кратером, его жестоким приверженцем. От слов они переходят к делу. Царь разделяет их роли. Кратер будет исполнителем его воли среди македонян и греков, Гефестион — среди персидских воинов. В то время как тяжелораненый царь спускается в корабле по громадному Инду, Кратер идет по берегу и мимоходом овладевает решившими оказать сопротивление городами, укрепляет столицу Мусикана (Алор?), устраивает охоту на восставших брахманов и, наконец, в Паттале в дельте Инда (близ современного Хайдарабада) отделяется от наиболее подвижной части войска (июль 325 года). Вместе с ветеранами, наименее стойкими союзниками и наиболее тяжелым багажом он, чтобы вернуться в Персию, следует долгим северным путем протяженностью около 2500 километров, через Кветту, вдоль южных отрогов гор Чагай, Бама и, возможно, через Керман (Иран), будучи наделен неограниченными полномочиями карать непокорных и бунтовщиков. Несколько знатных персов в Ларистане жизнью заплатят за попытку мятежа. Обе части армии соединятся около Шираза в ноябре 325 года. В Сузах весной 324 года Кратер женится на Амастрине, племяннице Дария; затем он должен отвести в Македонию десять тысяч отпущенных из войска солдат и сменить регента Антипатра. Это означает, что в будущем он станет царем Европы. Но 10 июня 323 года Александр умирает в Вавилоне. Очень (быть может, даже слишком) популярный у воинов фаланги, Кратер добивается от делящих между собой власть полководцев лишь одного титула: *prostates*, то есть «протектор» Филиппа III, слабоумного царя. Кратер погибнет в 321 году в сражении с Эвменом из Кардия, бывшим главным писцом, ведшим придворный журнал и оказавшимся не только искусным военным, но и ловким дипломатом.

Гефестион

Чтобы обеспечить необходимую согласованность между разными родами войск, но в первую очередь начиная с июля 330 года между европейскими военачальниками и персидскими сановниками, царь обратился к тому, кого, в конце концов, стал считать двойником самого себя, больше, чем просто человеком, титулованным героем — я имею в виду прекрасного Гефестиона, сына Аминты из Пеллы. «Это был самый любимый из друзей царя, — пишет Квинт Курций (III, 12, 16), — выросший вместе с ним, поверенный всех его тайн, имевший больше других право подавать советы царю. Но этим правом он пользовался так, что казалось, будто он делает это по желанию царя, а не в силу своих притязаний. Будучи ровесником царя, он превосходил его ростом». Добавим: и был очень красив мужественной красотой. Можно считать почти доказанным, что в ту эпоху и в военной среде, где любовь между молодыми людьми считалась очень почетной и поощрялась, Гефестион оказался единственным возлюбленным царя, который вплоть до весны 327 года постоянно отказывался от всех предложений вступить в брак. Его восхождение было молниеносным, несмотря на ревность и наговоры женщин, в том числе Олимпиады, матери царя. Вначале один из царских гетайров, затем командир одного из восьми ил царской кавалерии, гвардии, то есть, на самом деле, адъютант царя, после битвы при Иссе, в возрасте двадцати трех лет, Гефестион оказывается одним из семи полководцев армии и настолько схож с царем как одеждой, так и лицом, что мать Дария принимает его за Александра. Царь ничуть не рассержен, он говорит: «И он — тоже Александр». Месяц спустя Гефестиону поручено наделить царской властью самого достойного жителя Сидона. За свои подвиги на поле сражения при Гавгамелах и Гургане он произведен в командующие армейским корпусом. Он один из тех, кто подвергается пыткам Филоту, которого подозревает и боится так же, как и царь. На узком совете из четырех участников Гефестион высказывается за то, чтобы царь покрыл себя славой, перейдя Сырдарью, северную границу Персидского царства. К сожалению, не представляется

возможным вникнуть во все детали походов, которыми он руководил в Согдиане, Бактриане, Индии, Гедрозии (Белуджистане), как и рассказать обо всех четырех или пяти Александриях, в основании которых он принял участие. По возвращении в Сузы, где царь велит ему жениться на Дрипетиде, одной из дочерей Дария, Гефестион сосредоточивает в своих руках всевозможные титулы: гиппарха, то есть военачальника, стоящего во главе конницы гетайров, хилиарха или командира тысячи персидского двора, то есть великого визиря, первого сановника после царя с «полномочиями, простирающимися по всей империи», как пишет Арриан, и, наконец, доверенного человека, зятя и заместителя царя. Он столь превосходно подражает ему в одежде и поведении, что в конце концов начинает считать себя уж неведомо кем из сотрапезников богов — то ли Кастором, братом Поллукса, то ли Дионисом, братом Геракла. Через семь дней практически непрерывных вакхических празднеств в Экбатане, когда Гефестион ест за четверых и претендует на то, что способен выпить чашу Геракла (более двух литров чистого вина), 10 ноября 324 года его внезапно настигает смерть. Рыдающего и помышляющего о самоубийстве царя едва удается оттащить от тела Гефестиона. Вся империя погружается в траур. Врач Гефестиона распят. Ради него перебиты десять тысяч касситов. Оракул Амона в Египте отвечает посланцам царя, что Гефестиону следует приносить жертвы, как герою. Правителю Египта отдан приказ построить ему в Александрии два святилища. Весной 323 года тело Гефестиона сжигают в Вавилоне на костре высотой в 58 метров и устраивают в его честь заупокойные игры, еще более грандиозные, чем те, что устроил герой Ахилл для своего друга Патрокла. Спустя менее трех месяцев царь умирает при тех же обстоятельствах. Неизвестно только: от избытка ли вина, малярии или горя?

Еще несколько биографий

Мы только что рассказали о карьере трех военных, умерших в возрасте семидесяти, сорока и тридцати двух лет богатыми и овеванными славой, об умелых и

яростных бойцах, способных как отдавать приказы, так и подчиняться. Но наравне с ними существовало множество людей не столь достойных — как в поведении, так и по способностям. В истории, созданной в фараоновском Египте (Птолемей, сын Лага, стал фараоном) и почти целиком посвященной восхвалению героев, упоминаются такие имена, как Антиген Одноглазый, Атаррий, сын Дейномена, Филота из Авгеи, Эврилох из Эг. Блестящие военачальники, замаравшие себя нечестными поступками, корыстолюбием или необузданной похотью, оказываются исключениями из правил, помещенными для того, чтобы оттенить достойных. После всего вышеизложенного, возможно, не стоит требовать, чтобы жадные до наживы и утех люди спокойно смотрели на груды золота и гаремы персидских правителей. Перед такими соблазнами не смог устоять даже сам предводитель великого похода. Начиная с вступления в Вавилон в ноябре 331 года все эти нувориши устремляются навстречу наслаждениям. Во взятых с бою городах царят резня, насилие, грабежи и пожары. В записках Плутарха («Жизнь», 40, 1) сказано: «Александр видел, что его приближенные (военачальники) изнежились вконец, что их роскошь превысила всякую меру: теосец Гагنون носил башмаки с серебряными гвоздями; Леоннату (из Пеллы, одному из первых льстецов) на многих верблюдах привозили песок из Египта для гимнастических упражнений; у Филоты оказалась охотничья сеть длиной 100 стадиев (18,5 километра); при купании и натирании друзья царя чаще пользовались благовонной мазью, чем оливковым маслом». После возвращения в Индию в 325 году царь отдаляет от себя некоторых из них: замены, смещения с должности, предание суду, явное предпочтение персидских военачальников... и год спустя Гарпал, казначей, бежит вместе с царской казной. А что могли думать воины о таких командирах, как Андромах, Менедем и Каран, в сентябре 329 года заведших свой отряд в засаду в 150 километрах к западу от Самарканда и потерявших, по крайней мере, 2300 своих товарищей? И как ни старался царь утаить это поражение, как и многие другие, несколько свидетелей все равно о них проговорились.

Здесь мы рассмотрим отношения между войском и его командным составом. «Возражение, — гласил устав, — позволительно нижестоящему лишь после исполнения приказа». Знатные воины, и особенно старые, сохранившие право свободно выражать свои мысли, потому что они македоняне, и царь является им ровней (Кто сделал тебя герцогом? — А тебя кто сделал царем?), ровней как минимум на попойках и в смерти, решаются говорить то, что думают о трусах и бездарях. «В разгар веселого пиршества (спустя короткое время после разгрома, о котором я только что писал) кто-то стал петь песенки некоего Праниха, — или, по словам других, Пиерия, — в которых высмеивались полководцы, недавно потерпевшие поражение от варваров. Старшие из присутствовавших сердились и бранили сочинителя и певца, но Александр и окружавшие его молодые люди слушали с удовольствием и велели певцу продолжать. Клит, уже пьяный и к тому же от природы несдержанный и своевольный, негодовал больше всех. Он говорил, что недостойно среди варваров и врагов оскорблять македонян, которые, хотя и попали в беду, все же много лучше тех, кто над ними смеется. Когда Александр заметил, что Клит, должно быть, хочет оправдать самого себя, называя трусость бедою, Клит вскочил с места и воскликнул: “Но эта самая трусость спасла тебя, рожденный богами, когда ты уже подставил свою спину мечу Спитридата! Ведь благодаря крови македонян и этим вот ранам ты столь вознесся, что, отрекшись от Филиппа, называешь себя сыном Амона!”» (*Плутарх «Жизнь», 50, 8—11*). Известно, как закончилась эта история: убийством Клита и опалой, а затем и казнью излишне красноречивого Каллисфена, подозревавшегося в том, что он внушал подобные мысли другим.

Практически следом за смертью Клита в октябре 328 года Гермолай, сын командира конницы гетайров, вовлек в заговор восемь других пажей. Один из них решился поведать на военном совете, в котором участвовали родственники и близкие обвиняемых, о пережитом

стыде, когда однажды был публично наказан не только в присутствии греческих пажей, своих товарищей, но и персидских придворных, которых он презирал. Повторился процесс Филоты, случившийся за два года до этого. Однако после бунта в Гекатомпиле молодые и старые македоняне больше не допускали, чтобы с ними обращались, как с персами, чтобы ими так же понукали и наказывали. Они больше не хотели терпеть, чтобы персидские воины, военачальники, сатрапы и вообще бывшие сановники империи сохраняли свои преимущества и свои места. Хотя после смерти Дария (1 июля 330 года) царь и провозглашает себя наследником Персидской державы и говорит, что желает взять на себя все функции, войско не чувствует в себе ничего персидского, во всяком случае, македоняне не чувствуют себя равными этим варварам-рабам. Большинство гордых македонян, не таких как Кратер или Гефестион, отказываются по-восточному простираться перед царем. Начинают обвинять тех, кто, как Филота или Клит Черный, расхваливает свои подвиги. Что же, их наказывают, побивая камнями, обвиняя в заговорах, осуждая на смерть, но они все равно протестуют. Потому что эти жители гор, островитяне, искатели приключений со всего греческого мира требуют сохранить за ними право, веками существовавшее в их обычаях и законах: право обсуждать. Нет никаких сомнений, что общественное мнение — *vox Consilii, vox Dei* — считает возмутительным, чтобы, как раба, пытали Филоту; как животное, били Гермолая, сына военачальника; что повесили или задушили Каллисфена, грека из Олинфа, сказавшего Гермолаю: «Вспомни, что ты человек»; что распяли Главка, военного врача, потому что царский любимец умер, напившись, как свинья. И их мнение, выражаемое столь недвусмысленно, как и воспоминание об их жалобах, дошло до нас.

Жалобы

Не только македонские военачальники имели право на слово на совете штаба, военных советах, частном совете друзей царя и случайных советах, о которых мы

не знаем, не только они противились и критиковали, народное ополчение также имело на это право на своих солдатских собраниях в армии или просто по завершении военной кампании, поскольку войско, включая греческих наемников, состояло из свободных людей, требовавших, чтобы эту свободу им предоставляли. Чтобы узнать, какие чувства испытывала эта толпа к своим командирам, достаточно почитать два рассуждения по делу Филоты, которые приводит Квинт Курций (или скорее воины, служившие информаторами Клитарха). Послушаем вначале Аминту, конюшего: «Мы говорим без всякого предубеждения, будучи свободны как телом, так и душой... Мы, царь, совсем не признаем за собой вины в словесном оскорблении твоего величества. Я сказал бы, что ты уже давно стал выше всякой зависти, если бы не опасался, как бы ты не подумал, будто я хочу льстивой речью искупить свое прежнее злословие. Впрочем, если кто и услышал какие-либо грубые слова твоего воина, утомленного походом, или испытывающего опасности сражения, или больного и залечивающего раны в палатке, то своими подвигами мы заслужили, чтобы ты отнес эти слова на счет обстоятельств, а не за счет нашей воли. Когда случается какое-либо несчастье, все бывают виновны; тогда мы готовы наложить на себя руки, хотя и нет у нас ненависти к себе; если родители встречаются с детьми, и те им неприятны и ненавистны. Напротив, когда нас осыпают дарами, когда мы возвращаемся обремененные наградами, кто может нас вынести? Кто может сдержать порывы нашей радости? И негодование, и веселье у воинов не имеют границ. Мы поддаемся порывам страстей. Порицаем ли мы или хвалим, сострадаем или негодуем — всё под влиянием настроения» (VII, 1, 20—24). Полководцам следовало быть как минимум столь же умелыми психологами, как и командирами, чтобы успокоить столь страстных людей, в глубине души настолько несчастных, чтобы «обрушить на голову врага тот гнев, что копился под пологом палатки».

А вот Болон, македонский крестьянин, «храбрый воин, но неискушенный в гражданских обычаях мирного времени, старый солдат, из простого народа дослужив-

шийся до своего высокого положения» (VI, 11, 1). Он ограничивается упреками по адресу военачальника, его надменности и греческому воспитанию. Полководец из ближайшего окружения царя является для него всего лишь надменным аристократом и недобрым человеком. «В то время как остальные молчали, он стал настойчиво вспоминать, сколько раз его людей прогнали с занятых ими мест, чтобы разместить отбросы (*purgamenta*) Филотовых рабов там, откуда выгнали воинов; как повозки Филоты, груженные золотом и серебром, стояли повсюду в городе, как никого из солдат не допускали к его помещению, как их отгоняла стража, поставленная охранять сон этого неженки не только от каких-либо звуков, но даже и от еле слышного шепота. Сельские, мол, жители всегда подвергались его насмешкам: фригийцами и пафлагонцами (то есть глупцами и дураками) называл их тот, кто, македонянин по рождению, не стыдился выслушивать своих соотечественников с помощью переводчика» (VI, 11, 2—4). Эти жалобы, к которым добавилось еще несколько других, религиозного характера, вызвали всеобщее возмущение собрания, то есть, как передают, шести тысяч воинов, не считая торговцев и пришедших из любопытства слуг. «Тут взволновалось всё собрание, и первыми стали кричать телохранители, что своими руками разорвут предателя... «Тогда, согласно отеческому обычаю, все названные Никомахом были по данному знаку побиты камнями» (VI, 11, 38).

Самое меньшее, что можно сказать, — это что простые воины не любили ни военачальников, ни даже знатных всадников царской гвардии, и уж тем более Клита и Филоту. На этот раз дело было не в кастовости, не в национализме, а в чем-то более глубоком, даже неискоренимом. Поскольку в обоих случаях знать принимала сторону царя, дойдя даже до постановления, что убийство Клита, молочного брата царя, было законным, и следует отказать ему в погребении! В чем упрекала военачальников взволнованная толпа, так это в несправедливом отношении к судьбам простых воинов. Те и другие чувствовали себя неравными как в жизни, так и в смерти. Командир или гетайр ест мясо, по-

скольку охотится как царь — чтобы развлечься и разнообразить свое меню. Как сообщает нам Афиней (Пир, I, 18), в аристократическом македонском обществе тот, кто еще ни разу не убил кабана, должен был есть сидя, как простой пастух, а не развалившись на ложе, как знатный человек. Как мы уже видели, простой воин поневоле становился вегетарианцем. Он передвигается пешком, несет свое оружие и провиант, но его повседневная пища состоит из муки или злаков, лепешек, чечевицы и лущеного гороха. Зато любой всадник имел возможность отдохнуть и право обслужить себя первым. Разумеется, стрелы и дротики азиатов, порой отравленные, не щадили никого из сражавшихся, ни пехотинцев, ни всадников, но пешие или конные гетайры были одеты в доспехи, их лошади покрыты попонами, они располагали большим количеством врачей, вспомогательными службами и слугами, которые о них заботились. Наемники, бедные солдаты остаются «больными в своих палатках и сами пользуются свои раны», если только их просто не бросают умирать на краю дороги, как это часто случалось в Согдиане и Гедросии. Поразительное неравенство, побуждавшее — как минимум трижды за поход — войско протестовать или отказываться идти быстрее и дальше своих вождей по этой дороге смерти. От усталости — к озлоблению, от требований — к мятежу.

Падение авторитета

Все античные историки, писавшие о походе Александра, настаивают на свободе слова, которой пользовались и даже злоупотребляли македонские воины на своих собраниях. Они приводят насмешливые слова, которыми те осыпали царя на марше или помпезных парадах, «издеваясь над тем, что он якобы происходит от Амона» (*Диодор*, XVII, 108, 3). Критики, как мы уже видели, не щадили ни «друзей» царя, ни командиров, получавших двойное или тройное жалованье. Но в июле 330 года, после четырех, пяти или шести лет победоносных и убийственных кампаний, критический дух

получил новое направление. Греческие союзники были отпущены из войска в предыдущем месяце в Экбатане, получив большое вознаграждение и значительную добычу. 25 июня оставшаяся часть армейской элиты была брошена на преследование Дария: 400 километров безостановочной девяти- или десятидневной погони между Рагами (современный Рей, предместье Тегерана) и Гекатомпилами (современный Шахруд), чтобы наткнуться в конце пути на пронзенный труп Дария и оказать ему почести, достойные великого правителя! И тут же узнать, что царек Македонии провозгласил себя законным наследником Дария и желает за него отомстить! И дарует свое покровительство в обеспечении неприкосновенности грудам серебра и золота, брошенным возле Дамгана, так же как и повозкам, полным женщин и детей, некогда принадлежавших царскому двору! В Гекатомпилах, в ожидании основной части войска и новобранцев, медленно добирававшихся из Экбатаны по невыносимой жаре, возникает слух, что новый царь, уже надевший персидские одежды и перенявший обычаи своего предшественника, похоже, позабыл о Европе и Македонии и готовится к войне с мятежными сатрапами. Эта война уже не преследует никакой цели, по крайней мере, никакой другой цели, кроме удовлетворения личных амбиций. В Гекатомпилах, на северной границе великой парфянской пустыни Деште-Кевир, становится известно, что придется перебираться через огромный горный массив Эльбурса, достигающий высоты более 5600 метров (гора Демавенд), чтобы попасть в Гирканию, на границу другой пустыни, Каракумов, или Черной пустыни, еще более страшной, чем парфянская. О той стране ходят слухи, что она полна тигров, волков, ядовитых змей, черных пауков и красных скорпионов. Не говоря уже о диких всадниках и амазонках.

Армию охватывает что-то вроде паники. Как-то утром в конце июля воины собираются в группы, каждая народность отдельно, собирают вещи, нагружают повозки и требуют причитающиеся им плату и часть добычи, причем их сопровождают, поддерживают и подбадривают все находящиеся при войске гражданские

лица: торговцы, женщины и слуги. Военачальники из кожи вон лезут, чтобы убедить их, что речь здесь идет о их чести, безопасности и счастье. Кратер, один из наиболее уважаемых македонских командиров, повторяет данные царем обещания: сердцем Александр остается со своими подданными, чью тоску по родине разделяет, он не пойдет дальше страны скифов, которые, «как известно всякому», были когда-то европейцами и жили рядом с Дунаем (!). Воины пересекут в Гиркании плодородные долины, родину винограда, фиг, пшеницы и сочных фруктов — персиков, вишен, абрикосов; они будут возлежать с амазонками, всем добровольцам будут уплачены большие деньги... После чего историки, продолжатели Клитарха, и заявляют, что в поход якобы отправились только добровольцы. Но они по крайней мере не умалчивают о конфликте, как «скромные» Птолемей, будущий царь Египта, и Аристокбул. Вот два командира, которым никогда, даже в мечтах, не суждено встретиться с царицей амазонок (и поделом!), но которые, к великому разочарованию старых вояк, приняли сторону молодых придворных.

От Пеллы, столицы Македонии, до Гургана, или «страны волка» (по-персидски Веркана), шагомеры-бематисты, или армейские землемеры, насчитали 6 тысяч километров. В 330—326 годах им придется добавить к ним еще 10 тысяч километров, чтобы добраться до правого берега Биаса, одного из притоков Сатледжа в Пенджабе, на восточной окраине современного Пакистана. Дальше пролегла не пустыня Тхар, как принято считать, но девственные леса и Индия, относящаяся уже к гангскому бассейну, где цари были вдесятеро более могучи, чем Таксила и Паурава на Инде. На протяжении многих месяцев воинов пытались заставить поверить, что они достигли края мира, что за этой горой и огромной рекой они наконец увидят окружающую Землю реку Океан. Но среди ста двадцати тысяч человек, составлявших армию при вторжении в Индию, многие принадлежали к восточным контингентам, говорили на пракритских языках мунда или телугу и доподлинно знали, что греческие полководцы лгут. Понесся значительные потери в ходе сражения со слонами

и военными колесницами Пауравы, в разгар муссонных ливней, страдая от лихорадки, эпидемий и укусов ядовитых змей, воины остановились и отказались наводить новый мост. Это случилось в конце сентября 326 года около Амритсара, в 56 километрах к востоку от Лахора. «У лошадей от безостановочных переходов стерлись копыта, оружие по большей части пришло в негодность, и в отсутствие греческой одежды солдатам приходилось одеваться по-варварски, укорачивая индийские плащи» (*Диодор*, XVII, 94, 2). Нагруженные добычей, они хотели лишь сохранить свое имущество, а не истощать силы на приобретение нового. Воины и их командиры больше не были единодушны: целью последних была победа, целью первых — возвращение домой. Уставшие от тягот, они желали лишь воспользоваться тем, что уже имелось, чтобы наконец забыть об опасностях. Драматично и одновременно сентиментально описывают историки эту настоящую «забастовку», эти изнуренные возрастом, болезнями и пролитой кровью тела, неподвижно стоящие под проливным дождем. Воины лишь выставляли свои шрамы и молча плакали, желая разжалобить царя. «Они ждали, чтобы вожди и старшины объяснили царю, что они изнурены от ран и непрерывных тягот похода и не отказываются от службы, только не могут больше ее выносить. Они стояли скованные страхом, опустив глаза в землю» (*Квинт Курций*, IX, 3, 1—2).

В конце концов Койн, сын Полемократа, один из «друзей» царя и зять Пармениона, убедил Александра созвать всеармейское собрание и посреди неопишуемого шума лично представил царю требования ветеранов. После двух дней переговоров, ярости и угроз монарх, донельзя напуганный состоянием своего войска и неблагоприятными предсказаниями прорицателей, сдался: воины построили двенадцать больших каменных жертвенников в память о походе к берегам Гифасиса (современный Биас) и на время отступления получили разрешение «подвергнуть грабежу прибрежный район реки, изобиловавший разнообразной добычей». Пока войско было занято пополнением личных запасов, царь собрал солдатских женщин и детей и

обеспечил их дополнительным пищевым рационом. Это означало одновременный отказ от войны, дисциплины, суровости. Жертвой этого неповиновения стал лишь один человек: случайно (?) оказалось, что Койн, передававший жалобы воинов царю, умер от болезни. «Царь оплакал его, однако сказал при этом, что несколько дней назад Койн произнес длинную речь так, будто один только рассчитывал вернуться в Македонию» (*Квинт Курций*, IX, 3, 20). Ему устроили прекрасные похороны, повторяя среди воинов, что ему повезло: в двенадцати днях перехода к востоку Ганг кишел крокодилами.

Едва войско восстановило свои силы с помощью грабежей и получило подкрепление в пять тысяч всадников и семь тысяч пехотинцев, доставивших с собой в обозе двадцать пять тысяч единиц новых доспехов и одежды, как три четверти пехотинцев погибли от голода и жажды в пустынях Белуджистана. И когда в Сузах в сентябре 324 года царь отдает приказ отпустить из войска десять тысяч ветеранов и заменить их азиатскими новобранцами (являющимися на деле молодой элитой), тринадцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников из Македонии, оставшихся в Азии, «возмутились; поднялся громкий ропот» (*Диодор*, XVII, 109, 2). Так начинается самое большое восстание, с которым когда-либо сталкивалось командование македонского войска. Европейские воины полагали, что монарх навсегда обоснуется в Азии, и впали в ярость, видя, как он предпочитает им юных персов в качестве телохранителей и даже военачальников. Эти несчастные, позабывшие о воинской дисциплине, наполнили лагерь мятежными криками и тут же потребовали увольнения, не стесняясь кричать царю, этому сыну бога, «что они двинутся с этого места, только чтобы вернуться домой». Пропустим долгие речи, как и показательные казни, следовавшие после этого восстания: главное, что месяц спустя в лагере Опис (Упа на Тигре недалеко от Багдада) царь согласился со всеми ветеранами, желавшими вернуться к себе домой с вознаграждением. Было решено, что большой пир, сопровождающийся торжественными возлияниями, скрепит примирение между

народами. Отныне командование будет осуществляться совместно греческими и персидскими военачальниками, обученными по греческому образцу (*Арриан*, VII, 11, 8—9). Девять тысяч человек участвовали в этой церемонии. Сколько их схватилось за оружие, пехотинцы против всадников, несколько месяцев спустя в Вавилоне над телом царя, не желая подчиняться решению знати? Возглавил мятежников командир отряда Мелеагр, которому было поручено вести переговоры с пехотинцами фаланги, недовольными македонской аристократией. Он призвал пехотинцев разграбить царские сокровища, чтобы затем вернуться в Македонию. Наконец, назначенный регентом Пердикка собрал воинов и описал им ужас того преступления, которое они собирались совершить на глазах своих бывших врагов, и убедил их сплотиться вокруг идеи о триумвирате: Антипатр будет *стратегом* Европы, Кра-тер «опекуном» (*prostates*) эпилептика Филиппа III, Пердикка — «командиром тысячи» (*хилиархом*), то есть великим визирем. Но именно это событие ознаменовало окончательное принесение власти в жертву, перевертывание всех структур и подлинный конец всего Азиатского похода.

ВОЙСКО И ЦАРЬ

В реальности дисциплина в походе, в котором участвовали в равной мере военные и гражданские, а иноземцы превосходили числом македонян, покоилась на вере в единственного человека — царя. «Царь Македонии, — говорит Клитарх, источник Квинта Курция (VI, 8, 25), — не имел никакой власти, пока не подтвердил свою значимость в глазах народа»*. Но кто подтверждал эту значимость, как не само войско, люди с оружием в руках? Несомненно, у воинственных народов личные качества правителя — пылкость, сноровка, щедрость, красота и даже любезность в обращении — принимались в расчет наряду с его военными успехами, удачливостью и богатством. В Македонии существовал обычай, *nomos*, восходивший к весьма отдаленным временам монархии и представлявший ее результатом волеизъявления свободных людей. Царь македонян, таков был его официальный титул, — это избранный человек, любимец «македон-

* Приходится заметить, что автор переводит неверно. Речь здесь идет о процедуре уголовного судопроизводства, и слова Курция «*nihil potestas regum valebat, nisi prius valuisset auctoritas*» следует перевести так: «Царская власть не имела никакого значения, если прежде не была получена санкция» (имеется в виду санкция народного или армейского собрания). Впрочем, это не затрагивает существа концепции.

ского народа». Он назначался или, вернее, провозглашался выкриками с мест на собрании, неизменно оставшемся хранилищем его суверенитета. В принципе это был военный вождь, аналог вождя дорийских народов, особенно спартанцев времен архаики, нечто среднее между конституционным монархом и монархом по божественному праву.

Навязанный выбор

Так что не следует говорить ни о выборах, ни о механическом наследовании. Царь, отобранный из среды наиболее способных (или наиболее ловких) князей рода Аргеадов, набирает войско и руководит им. Кроме того, необходимо, чтобы это самое войско в начале каждой военной кампании согласилось на его предводительство. Но в таком способе выбора всегда присутствовали свои едва уловимые тонкости, иррациональные элементы, даже мошенничество, поскольку совершенно очевидно, что цари различных македонских племен, вожди кланов, амбициозные царицы, такие как Олимпиада, пятая супруга Филиппа, также участвовали в раскладе и не упускали случая поинтриговать, прежде чем подвести воинов к выбору. Со времен Архелая I в конце V века до нашей эры устный договор, закреплявший соответствующие права военного вождя и его людей, основывался скорее не на временном союзе царя и народа, а на более или менее молчаливом соглашении глав знатных родов, то есть земельной аристократии. Она должна убедить воинов, суверену же остается сохранить свое место с помощью побед, подарков, а при случае, и жестокости. Так что же, *vox populi, vox Dei*? Согласно условности, обнаруживаемой нами в других монархиях европейского мира, как у скифов, так и у германцев с кельтами, возгласы одобрения, настороженное молчание или шиканье толпы вдруг принимались за этот самый божественный глас, мистическое решение богов. Царю достаточно было взойти на камень, пьедестал или ступени трона — и он становился священной, неприкосновенной

особой, главой божественного культа, верховным судьей. Простая формальность: «избранника» ни в малой мере не следует принимать ни за избранника богов, ни за избранника воинского собрания (к тому же его состав неизвестен); фактически это ставленник аристократии скотоводов и крупных землевладельцев. Нет здесь ничего общего и с принципом жеребьевки, выражающим волю богов в демократических городах классической Греции. Филипп II Македонский, основатель военного государства, хорошо знал, как говорил Вольтер, что боги — на стороне больших батальонов.

Также и отношения войска с его юным царем были подвержены постоянным переменам. Вначале преимущественно национальная монархия, впоследствии она постепенно все больше переходила в личную форму. Такая эволюция не нравилась большинству македонян, особенно старикам, заботившимся о своих привилегиях и прерогативах и защищавшим обычное право, *nomos*, но подчас от нее не были в восторге и молодые старшины воинов и пажы, жаждавшие командовать, а не падать перед царем ниц. Для греческих солдат, то есть чужеземцев по отношению к Македонии, составлявших часть войска, воевавших частью по принуждению, частью же за плату, «царь македонян» мог присваивать себе в Азии и Африке любые титулы, удовлетворявшие его тщеславию: Сын бога, Великий дом (фараон, *per-ao*), Царь царей, Космократор (правитель Вселенной), Непобедимый бог. Это их не касалось. Они не принимали участия в его назначении. Они принадлежали к другим политическим устройствам, по большей части монархическим. Будучи индивидуалистами, отправляясь в поход, они вполне допускали, что царь, человек выдающийся, обладает достоинством, харизмой, перед которой склоняются остальные смертные, но все это при условии, что он будет соблюдать договор и не потребует от наемников действий, превышающих их возможности. И, наконец, союзники-варвары: фракийцы, ликийцы, сиро-финикийцы, африканцы, персы, чувства которых нам неизвестны, были набраны, чтобы служить, возможно, и в качестве заложников, а не для того, чтобы вершить политику. Что хо-

рошего могли они ждать от царя, чужого и чуждого им, разве что он признает их равными македонянам? Но сделал ли он это хоть когда-то?

Воинское собрание

Собрание воинов, изначально включавшее в себя лишь свободных людей Македонии, границы которой были расширены Филиппом II до восьми княжеств и двенадцати захваченных областей, никогда не созывалось регулярно. Оно не являлось событием повседневной жизни, а скорее представляло собой стандартную военную процедуру, восходящую к бронзовому веку. Так, еще во II веке нашей эры в случае войны германские воины назначали вождя, способного обеспечить им победу и поживу. На протяжении всего правления юного царя македонян, с 336 по 323 год, это собрание созывалось всего семь раз, реже раза в год, причем совершенно случайным образом, не имея ни установленной процедуры, ни регулярного статуса.

В сентябре 336 года в Пелле оно состоялось в рамках представления и провозглашения нового правителя, за которым последовала церемония принесения воинами клятвы и утверждение царя в титулах верховного вождя (*гегемона*) и верховного судьи (*дикаста, dikastas*) фессалийскими князьями, амфикионами, то есть делегатами собиравшихся в Фермопилах союзных греческих государств, Дельфийской сивиллой и, наконец, представителями греческих государств, входящих в состав Коринфского союза. Но это одобрение, очевидно единогласное, по сути дало карт-бланш и узаконило целый ряд силовых мероприятий, совершенных без всяких консультаций: казнь всех, кого царь счел пособниками Павсания, убийцы предыдущего царя; устранение всех прочих претендентов на трон; предание смерти Клеопатры, седьмой супруги Филиппа II, и ее ребенка; ничем не закамуфлированное предательское убийство Атгала, зятя Пармениона и военачальника, имевшего несчастье быть дядей убитой царицы. Царствование началось, но не с закона или легитимности, а с

крови и ужаса. «Смотры и маневры, которые он постоянно устраивал воинам, дисциплинировали войско» (Диодор, XVII, 2, 3). В этом нет ничего, что напоминало бы демократическую армию. Народное одобрение является всего лишь ритуалом или пародией на него. Александра поставили царем: Антипатр, советник его покойного отца, клан Олимпиады, его матери, и несколько молодых беззастенчивых гетайров, таких как Александр, после убийства собственных братьев возглавивший дом Линкестидов, а через три года обвиненный в заговоре и казненный в ноябре 330 года.

В начале весны 335 года собрание прошло на равнине к северу Амфиполя, во время всеобщей мобилизации македонских сил против беспокойных балканских племен. Это была первая военная кампания царствования, и она не была предусмотрена ни на совете в Коринфе, ни на собрании в Фермопилах. Официально, прежде чем начинать большой поход в Азию, следовало покорить фракийцев, трибаллов и дарданов вплоть до Дуная, утратить и усмирить пеонийцев и иллирийцев к северу и западу от Македонии. На самом же деле ничуть не меньшее значение имели: необходимость закалить войско с помощью стремительной кампании, развитой на 500 километров в глубину по обоим берегам бурного Стримона, набор наемников и сбор дани, а также необходимость дать греческим союзникам время на подготовку — или на то, чтобы выказать, до каких пределов доходит их коварство. Можно только фантазировать (как и делают источники, на которые опирается Арриан), какова была речь царя перед воинским собранием: максимально вдохновляющая и оптимистическая, она не была рассчитана на реплики с мест, все равно что приказ по армии, распределяющий задачи между разными частями фаланги и конницы.

В декабре 331 года царь, видя, как его войско разлагается в богатом на наслаждения Вавилоне, «чтобы дух воинов от бездействия не ослаб», приказывает им стать лагерем на полпути между Тигром и Сузианой и на общем сборе просит их утвердить назначение самых лучших солдат в военачальники. Командирам этим будут вверены по тысяче человек каждому. Мож-

но заметить, что и здесь толпа воинов (*Квинт Курций*, V, 2, 4) имеет право лишь одобрять криками, молчать или освистывать: явной инициативы они лишены.

В августе 330 года после бунта солдат при Гекатомпилах, Городе ста врат, недалеко от современного Шахруда в Парфиене (Иран), царь лично обещает каждому командиру, что вновь приберет к рукам деморализованных уходом греческих союзников македонян, а потом устраивает общевойсковое собрание. Своей пространной речью он убеждает их предпринять новый поход ради славы и, желая показать отсутствие корыстных мотивов, приказывает сжечь свое имущество. В порыве энтузиазма воины также сжигают свои вещи. Плутарх единственный («Жизнь», 57, 1—3) помещает этот эпизод «перед вторжением в Индию»: способ показать, не хуже всякого другого, что собрание воинов просто одобрило решение царя о новом походе, как это делалось перед каждой большой кампанией, по завершении которой им обещали новую добычу.

Несколько месяцев спустя, в октябре 330 года, по случаю заговора Димна с мнимым соучастием Филоты, царь устраивает суд, приказывает пытать подозреваемых и передает полководца в ведение военного суда; наконец собрание воинов казнит «виновных» (*Квинт Курций*, VI, 8, 23—11). Так же поступают и с Александром Линкестом, о котором мы уже писали. Он был казнен «за заговор» в ноябре 330 года. «Филота под пыткой сознался в заговоре и был вместе с соучастниками казнен по македонскому обычаю, — пишет Диодор (XVII, 80, 2), — как и Александр Линкест... Его привели на суд, и так как он не смог оправдаться, то его умертвили». И правда, что это был за жалкий человек: «Ему изменила не только память, но и рассудок. Ни у кого не было сомнения, что его волнение свидетельствует об упреках совести, а не о слабой памяти. Итак, воины, стоявшие к нему ближе, пронзили его копьями, пока он еще боролся со своей забывчивостью» (*Квинт Курций*, VII, 1, 5—9). Ну и правосудие! Однако сомнительно, что македонян созывали на собрание, чтобы судить и побить камнями пажей, подозревавшихся в

заговоре весной 327 года (*Плутарх* «Жизнь», 55, 7; *Арриан*, IV, 14, 3).

В сентябре 326 года к северу от Биаса, возле современного Амритсара (в Пенджабе, на севере Индии), общевойсковое собрание было созвано после восьми лет изнурительных, часто смертельных кампаний и семидесяти дней сокрушительных ливней. Войско находилось в состоянии полного изнеможения. То, что поведали македонскому командованию о гангской Индии цари-союзники Паурава и Чандрагупта, повергло в уныние самых храбрых. Царь мог сулить своим военачальникам золотые горы, позволять воинам в течение многих дней грабить селения по берегам и обещать денежную помощь их женам и детям, но «друзья», а затем и все войско на общем собрании (*Диодор*, XVII, 94, 5) отказались двигаться дальше. Впервые армия единодушно сказала «нет»: «нет» приключениям, тиграм, слонам правителей из династии Нанда, гангским крокодилам и пустынным кобрам, а также своему главнокомандующему, потерявшему рассудок от непомерной гордости. Однако, читая Арриана и «Вульгату», мы видим, что войско было созвано на собрание лишь после двух военных советов в узком составе и многочисленных консультаций с прорицателями. Так что царь был вынужден уступить скорее полководцам и жрецам, а не толпе. Продолжение напоминает комедию: «Сначала Александр заперся в палатке и долго лежал там в тоске и гневе. Созная, что ему не удастся перейти через Ганг, он уже не радовался ранее совершенным подвигам и считал, что возвращение назад было бы открытым признанием своего поражения. Но так как друзья приводили ему разумные доводы, а воины плакали у входа в палатку, Александр смягчился и решил сняться с лагеря. Перед тем, однако, он пошел ради славы на хитрость. По его приказу изготовили оружие и конские уздечки необычайного размера и веса и разбросали их вокруг» (*Плутарх* «Жизнь», 62, 5—7), чтобы дать понять туземцам, что как его люди, так и животные имеют гигантские размеры! (*Диодор*, XVII, 95, 2; *Квинт Курций*, IX, 3, 19; *Юстин*, XII, 8; Метцкая эпитама, 69).

В конце сентября или начале октября 325 года в Сузах, вследствие решения пополнить армию тридцатью тысячами молодых персов и отпустить из войска ветеранов Азиатского похода, македоняне, оставшиеся на службе, «возмутились, поднялся громкий ропот». Диодор (XVII, 109, 2), которого я цитирую буквально, и все историки «Вульгаты» пишут, что этот бунт или, вернее, этот отказ утвердить принятые меры происходил в столице Ситтакены, Сузах. Арриан (VII, 8, 1) говорит о другом «собрании» в Описе, античной Упе на Тигре, недалеко от современного Багдада: на нем царь во всеуслышание подтвердил свое желание полностью реорганизовать армию. Последовала вспышка гнева македонян: «Пусть он уволит всех и воюет вместе со своим отцом»; это был насмешливый намек на Амона. Царь «соскочил с трибуны вместе с другими военачальниками, приказал схватить явных смутьянов и подстрекателей и сам рукой указал щитоносцам, кого надо взять», после чего тринадцать из них казнили. Далее следуют пространная речь возмущенного вождя, молчание и неподвижность толпы, не готовой к решению. Царь вновь удаляется в палатку. Отныне он вводит азиатов в священный корпус гетайров. Они будут охранять царя и обмениваться с ним поцелуями. После нескольких дней рыданий и зубовного скрежета Царь царей устроил торжественное жертвоприношение и примирительный пир, в котором участвовало девять тысяч человек: македоняне сидели рядом с царем, далее — персы, еще дальше вокруг них — сановники и военачальники других народов. Во время жертвоприношения царь просит богов установить согласие между народами и ввести совместное военное командование. Жертвенное возлияние и обмен поцелуями явились символами примирения, знаками добровольного обязательства, своеобразной формой клятвы. Они торжественно открывают новую эру — или, вернее, новую кампанию. Потому что объединенное войско устремляется в поход против касситов, развязывая отвратительный геноцид, в ожидании вторжения в Аравию... если только небу будет угодно сохранить жизнь сыну Амона.

Верность

Возможно, источники не учли некоторые незначительные собрания, как мы сами забыли о бурных собраниях различных родов войск после смерти царя (10 июня 323 года), собраниях, спровоцированных амбициозными наследниками покойного владыки (или взятых ими под контроль уже по ходу) и аннулировавших его последние проекты. Но все собрания, о которых нам известно, преследовали лишь три цели: урегулирование монархического наследования, начало военной кампании, осуждение преступлений против величества, и все ограничивались одобрением уже принятого решения, решения царя или его советников. Войско, собиравшееся лишь по предложению суверена или его советников, причем дата и место определялись исключительно ими, не имело никакого права на инициативу. Власть этих собраний оставалась исключительно консультативной. Можно даже спросить себя: имело там место хоть какое размышление? Инфантерия, как намекает на это латинское слово *infans*^{*}, уже стала великой немой, несмотря на все свои крики, ругань и ядовитые насмешки, несмотря на то, что сами древние были поражены относительной свободой слова, царившей в македонском войске, и легкой доступностью царской особы для военачальников любого ранга. Неужели все эти воины являлись простыми одобрялами? Подпевалами? Людьями, которыми по собственной прихоти манипулировали царь и его свита? То, что шесть раз из семи или семь раз из восьми 10—15 тысяч человек, обладающих греческим, столь индивидуалистическим духом свободы слова, ограничились лишь восторженным одобрением чужих решений — это слишком много, чтобы быть правдой. Из виду упускают то, что не вся Македония отправилась с завоевателем, но она сохранила верность его регенту Антипатру, как

* В переводе «ребенок», буквально «бессловесный», от которого действительно происходит понятие, поскольку средневековые пехотинцы произошли от оруженосцев, которых именовали «мальчишками».

и то, что после первой же победы в Азии македоняне решили, что кампания закончилась и потребовали возвращения в Европу. Остается только понять, на чем держалась эта явная верность царской особе, поскольку она не основывалась ни на обычае (в македонском смысле слова *nomos*), ни на законе в греческом смысле этого же слова.

И здесь следует выделить два периода или, если хотите, целую эволюцию в поведении войска, изменение в умах и сердцах, словах и действиях. До лета 330 года, то есть до смерти Дария III, царя Персии, общего врага эллинистического мира, македоняне и их союзники имели общий со своим вождем интерес выиграть войну. Речь шла о свободе и деньгах. Освобождение греческих городов, своих братьев, от дани, которую им приходилось платить персам вот уже пятьдесят лет (Ангалкидов мир, 386 год), знаменовало разрешение свободного обогащения. Победа над сатрапами Малой Азии, также имевшими при себе греческих наемников, дала возможность наложить лапу на топливо войны, на деньги: на золото Сард и Пактола, на серебро рудников Фригии и Армении, Памфилии и Киликии. Заставить Великого царя, правящего в глубинах Азии, перестать интересоваться всеми этими непокорными краями, омываемыми Черным и Средиземным морями, — например, теми, которые находятся по эту сторону Сангария и Галиса*, а при случае и заставить его «заплатить» за преступления, совершенные его предшественниками в период с 520 по 480 год — какой великолепный повод одновременно обогатиться и расширить свои границы! На Анатолийском плоскогорье имелись не только солончаки, песчаные пустыни и скалы, но и прекрасные плодородные долины, озера, реки, леса, рудники — сколько земель для победителей... И напротив, поражение Александра стало бы поражением всей Греции. Всё это вовсе не является моим вымыслом или альбомом путевых зарисовок: это читается в рассуждениях, которые античные историки подготовили для Филиппа Македонского и его сына. Общность интере-

* Современные Сакарья и Кызыл-Ирмак в Турции.

сов распространялась не на одних лишь военных: сюда примешивалась еще и немалая толика чисто эмоциональной вовлеченности. Прикрываясь моралью, справедливостью, культурой (поскольку играть на этих побудительных причинах в уме воинов тоже приходилось), каждый, даже самый последний из оруженосцев македонского царя, рассчитывал на состояние или, по крайней мере, на жалованье, доход, превосходящий тот, который он мог получить на родной земле или в бесплодном море. Все надеялись на широко известную щедрость завоевателя. И когда после взятия казны в Газе в ноябре 333 года войско узнало, что для того, чтобы собрать все сокровища Великого царя, эти знаменитые дары*, чтобы овладеть его «парадисами»** и его охотничьими угодьями, чтобы иметь возможность развалиться на позолоченных ложах с его наложницами, нет иного средства, как идти вперед, оно уже не сомневается, что после окончательной победы весь Восток, «золотой, пурпурный и лазурный», станет вознаграждением его доблестным завоевателям.

До 330 года верность юному вождю, *гегемону*, чьи права подтверждены Коринфским союзом в 336 году, основывалась на другой форме отношений: вне учений и маневров каждый мог запросто к нему обратиться. Своими задушевными близкими, даже братьями царь, разумеется, признавал гетайров и друзей, поскольку их связывали с ним вино, кровь Диониса, и поцелуи, дыхание Амура. Но и пехотинцы фаланги, с которыми он говорил на их диалекте и которые во время маршей и во время расквартирования напрямую обращались к нему, шутили с ним и восхваляли его любезность и доступность. Очень вольный тон отношений между македонянами и их царем, равное право свободно выражаться (*isegoria*) удивляли античных историков, подчеркивавших трудности, которые испытывали, обращаясь к сво-

* Широко распространенная в античном мире золотая монета, чеканившаяся в Персии.

** Парки персидского царя и его вельмож, использовавшиеся для охоты, в переводе с персидского «огороженное место»; отсюда происходят слова, обозначающие «рай» на большинстве европейских языков.

им правителям, люди на Востоке. Известно, что к царю Персии подданные обращались, стоя на коленях и уткнувшись лбом в землю, и лишь самые важные придворные приветствовали его стоя, держа руку возле рта. В противоположность этому даже союзники царя Македонии обращались к нему как к равному, ожидая от него лишь любезности и щедрости. «Аристон, предводитель пеонийцев, убил врага (Сатропата) и сказал, показывая его голову Александру: “Такой дар считается у нас достойным золотого кубка”. — “Всего лишь пустого кубка, — со смехом ответил Александр, — и я подарю тебе кубок, но сначала наполню его вином и выпью за твое здоровье”» (*Плутарх*. «Жизнь», 39, 2). Остается лишь удивляться той прямоте, которую ему приписывают и с которой он без прикрас отвечает. «Тебе следует поступать по-другому, когда ты хочешь сделать твоим друзьям добро и показать им это: в настоящее время ты ставишь их равными царям», — упрекает его в письме Олимпиада. А он отвечает ей, как какому-нибудь воину: «Перестань клеветать на меня, не неистовствуй и не грози. Впрочем, меня это мало беспокоит. Ты знаешь, что Александр сильнее всех» (*Плутарх* «Жизнь», 39, 7; *Диодор*, XVII, 114, 3).

Поскольку всякое начало кампании, всякое повышение в чине сопровождали клятва и религиозная церемония, пассивная и абсолютная покорность особе царя, этому защитнику и вдохновителю ритуалов, были простым следствием верности, в которой клялись. В течение десяти лет, которые длился поход, любой новобранец был вынужден торжественно клясться на крови жертв, — подобно тому, как в ту же самую эпоху говорил об этом и афинский эфеб: «Я не обещаю мое священное оружие. Я не брошу своего товарища там, где стану в строй... Я буду надлежащим образом подчиняться всем своим начальникам, установленным правилам и тем, которые будут надлежащим образом установлены позднее» (Стелла из Ахарн, 330 год). Здесь нет никакого мистицизма. Никакого преклонения перед царской особой, наследником, представителем и жрецом Зевса на земле. Только вера в его заслуги, признание его превосходства, добровольное осознание того, что является честью служения, причем служения великому делу,

делу государства, делу эллинизма, делу свободных людей. Я вижу в этой клятве, формулировка которой восходит, очевидно, к первым греческим кампаниям против азиатов на заре V века до нашей эры, не риторику, не словесную избыточность, а некий договор, санкционированный, кроме того, проклятием клятвопреступнику. Вождь обменивает свою военную сноровку, эту высшую милость, дарованную ему богами, на не ведающую устали силу своих людей. Ценой этого покупается победа. Победа не есть дело случая или удачи, простым итогом нашего неведения. Она является необходимым следствием добросовестно исполненного обязательства: если каждый отдает ей всё, как тело, так и душу, все козыри окажутся на ее стороне.

В греческих философских школах были популярны следующие рассуждения: обладал ли сын Филиппа благосклонностью судьбы или военной доблестью, был ли он более удачлив, чем отважен. Этот вопрос рассматривается в ученом трактате молодого Плутарха, написанном около 80 года нашей эры «Об удаче (*tykhe*) или доблести (*arete*) Александра». Простой воин, знавший, что на протяжении как минимум десяти лет Филипп II Македонский со своими стратегами и инженерами методично готовил вторжение в Азию, верил, что его наследник, образованный в созданной отцом школе, всё испытывавший, всё просчитавший, в 334 году не мучился пустыми вопросами: он был уверен в победе. А после первых успехов лета 335 года этот солдат не просто доверял, он верил безоговорочно. А что говорить, когда, возведенный в ранг царских гетайров или в малое число его друзей, он связывал себя с царем настоящей клятвой с помощью чаши священного напитка и ритуального поцелуя! Точно так же в другие времена и в других армиях люди связывали друг друга, смешивая свою кровь.

Физические достоинства

Во всем этом не было ни малейшего фанатизма или идолопоклонства. По крайней мере вначале, на протяжении первых пяти лет. Греки и македоняне, являлись

ли они последователями Аристотеля и Диогена или же нет, были слишком реалистичны и критичны, чтобы верить в харизму правителя. Скорее их привлекали зримые, явные, осязаемые качества. Например, исходящая от него эманация очарования, очарования несколько женственного, подлинная его красота. Все дошедшие до нас портреты, более-менее поздние статуи и бюсты юного царя, барельефы саркофагов и изображения на монетах, разумеется, идеализированные, представляют нам молодого человека среднего роста с гибким телом и изящными жестами, с белой, легко краснеющей кожей. Художники изображали пряди светло-шатеновых волос, подобно пламени взлетающих ото лба, голубые глаза, изящные дуги бровей, слегка припухлую нижнюю губу, волевой подбородок, овал безбородого, обычно наклоненного влево лица. А поскольку царь обожал духи и ароматические ванны, придворные славил приятный запах, который обычно исходило его тело. Я же полагаю, что воинов больше впечатляли его реальные атлетические качества или его одежда, нежели все эти слащавости, которые он, впрочем, приготавливал для своего мужественного возлюбленного Гестииона. Какой-нибудь всадник восхищался им как командиром конного отряда, всегда мчавшимся впереди своих гетайров, и тем, как он говорил со своим конем и бился за него. Когда в августе 330 года Букефал потерялся или был похищен, Александр провел карательную экспедицию против парфян, чтобы вернуть любимого коня, которому впоследствии, четыре года спустя, воздвиг великолепное надгробие. Несомненно, конюшни царя, этого неустрашимого и неутомимого всадника, в немалой степени способствовали его славе. Пехотинцев же более всего восхищало то, что на языке тренированных атлетов именовалось физической выносливостью молодого человека, способного с поразительным терпением во всякую погоду несколько часов идти и даже бежать наравне с ними до предела своих сил. Это был охотник на львов, неоднократно ускользавший от клыков дикого зверя. Они подчинялись ему не как богу, а как достойному вождю, совершенному атлету.

Назидательные сцены

История похода Александра, рассмотренная сквозь призму рассказов Клитарха, полна воспоминаний удивленных, растроганных, признательных воинов. Вот один из десятка знаменитых анекдотов, когда рассказчик помещает место действия в разнообразные пустыни, окружающие Персию, от современного Узбекистана до современного Белуджистана. Я привожу здесь лишь самый взвешенный рассказ, что вовсе не означает самый правдивый, поскольку легенда слишком рано возобладала над историей: «Погоня (за сатрапом Бессом) была тягостной и длительной: за одиннадцать дней они проехали верхом 3300 стадиев (650 километров), многие воины были изнурены до предела, главным образом из-за отсутствия воды. В этих местах Александр однажды встретил каких-то македонян, возивших на мулах мехи с водой из реки. Увидев Александра, страдавшего от жажды (был уже полдень), они быстро наполнили водой шлем и поднесли его царю. Александр спросил их, кому везут они воду, и македоняне ответили: “Нашим сыновьям; но если ты будешь жить, мы родим других детей, пусть даже и потеряем этих”. Услышав это, Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: “Если я стану пить один, они падут духом”. Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он не колеблясь вел их дальше, ибо они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя» (*Плутарх* «Жизнь», 42, 6—10).

Вот еще одна история, не столь известная, но не менее поучительная. Местом действия, как предполагается, был горный массив Загрос, высотой 3 тысячи метров, к северо-востоку от Персеполя весной 330 года: «Сам он с тысячью всадников и отрядом легковооруженных воинов устремился во внутренние области Персиды, расположенные под созвездием Плеяды (6—7 апреля), и,

несмотря на сильные ливни и почти непереносимые бури, продолжал продвигаться в избранном направлении. Подошел он и к отрезку пути, засыпанному вечными снегами, сильный холод сковал их льдом. Пустынность и грозный вид этих мест устроили утомленных воинов, которым казалось, что они видят край света. Они озирались, пораженные зрелищем пустынных мест без каких-либо следов пребывания человека, и требовали возвращения, пока они не лишились еще и света, и обзора. Царь считал излишним наказывать напуганных, вместо этого он соскочил с коня и пешком пошел по снегу и льду. Постыдились не следовать за ним сначала его друзья, потом командиры, наконец остальные воины. Идя первым, царь топором пробивал себе путь во льдах; примеру царя следовали и остальные. Наконец, преодолев также почти бездорожную лесную чащу, они встретили редкие следы человеческого жилья и повсюду блуждающий мелкий скот...» (*Квинт Курций*, V, 6, 12—15). Неважно, что Арриан (III, 24, 1—3) отодвигает то же бегство от смерти на пять месяцев позже и на тысячу метров выше, в массив Демавенд на берегу Каспийского моря. Главное — это созданный старыми рубаками образ неустрашимого полководца, живший долго после его смерти.

Царская щедрость

Мы уже неоднократно имели возможность показать, что в Македонии, как у германцев и кельтов, одной из постоянных обязанностей правителя являлось давать и распределять добычу. Всякий порядок взаимной ответственности индоевропейских народов основывался на системе дарения и отдаривания, на системе взаимных услуг и обменов, напоминающих потлач североамериканских индейцев, эту религиозную церемонию, когда мужчины соперничали друг с другом в щедрости. В хеттском языке один и тот же глагол *ta-* означал «давать» и «брать». Еще больше, чем военачальники, царь должен был демонстрировать свою щедрость, но зато и восхищались им, и слушались его тем больше,

чем больше он давал. В этом заключался один из секретов успеха Александра у его воинов: он умело подражал примеру своего отца, который раздавал, не считаясь, и, будучи истинным вождем военных мужей, делал вид, что ничего не оставляет себе. Правителю было прекрасно известно, что кровь, жизнь, душа его солдат бесценны и что бронзовые статуи, заказанные скульптору Лисиппу, никогда не заменят отважных гетайров, убитых в первой атаке в битве при Гранике. Выступая в поход, царь разделил всё свое имущество между друзьями и близкими. Далее мы видим, как он позволяет разграбить первые взятые города, распределяет пленников, женщин и рабов, вознаграждает золотыми монетами, подарками и отпусками всех совершивших храбрые поступки, оплачивает долги воинов, выделяет денежные суммы отпущенным из войска, обеспечивает им почести в Македонии, материально поддерживает вдов и сирот — законных или незаконных, произносит перед всеми хвалебные речи, эту античную форму военной награды и благодарности в приказе. И тем не менее эта царская обязанность никого не вводит в заблуждение: придворные, военачальники и солдаты ждут от царя слишком многого, чтобы быть когда-нибудь полностью удовлетворенными и пресыщенными, и удивление от неожиданного подарка всегда является оправданием надежды получить следующий. Известны ужасные слова Людовика XIV, донесенные до нас Вольтером: «Награждая кого-то, я порожаю сотню недовольных и одного неблагодарного». А вот менее известное высказывание Александра, не оставляющее никаких иллюзий и переданное Плутархом: «Царям не в диковину слышать хулу в ответ на свои благодеяния». Его щедрость должна доходить до прощения. Он был не слишком подозрителен, во всяком случае, в начале правления он щадил столь опасных противников, как кланы Филоты и Александра Линкеста. Была только одна вещь, которой не выносил царь: когда отказывались от того, что он предлагал. В нерешительности отказавшегося он видел оскорбление, забывая, что многие люди не любят чувствовать себя обязанными через подарок.

Успех царя

И наконец, следует констатировать, что верность воинов царю частично основывалась на успехах его стратегов. Вождь победоносной армии на Балканах, в континентальной Греции и в Малой Азии, царь быстро извлекал выгоду из планов, разработанных ближайшим окружением Филиппа II, а также из быстроты его решений. За несколько месяцев лета 335 года он сталкивает свои превосходно вооруженные войска с гетами и кельтами современной Румынии, берет приступом, с использованием осадных машин, крепость семивратных Фив и навязывает македонский мир городам континентальной Греции. Один успех влечет за собой другой. С точки зрения простаков, как и циников, победа оправдывает всё, даже резню одних фиванцев числом десять тысяч и продажу либо депортацию других двадцати тысяч. Когда в мае 334 года слабые персидские отряды разбегаются на берегах Граника, позволяя перерезать греческих наемников, служивших персидским сатрапам, царь хвалится своим македонянам: «Я же вам говорил, что мы будем непобедимы: с нами все боги Олимпа, Дельф и Трои». Из предосторожности он консультируется с прорицателями и меняет свой доспех на старый, который нашел в Троаде, в храме Афины возле могилы Ахилла. Следует сказать, что Александр не слишком-то настойчиво добивался божественного одобрения. Его успех подтверждался дважды.

Если бы мы перечислили список всех мотивов, сближавших или отдалявших войско от царя, то сразу же заметили бы, что сиюминутная верность воинов основывалась лишь на чувствах, если не сказать страстях: жадности, гордости, верности данному слову, восхищении, любви к славе, преклонении перед успехом, вере в победу. После циничных или разочарованных слов о людской неблагодарности, которые приписывает царю история, следует исключить из вышеупомянутого списка признательность и, за исключением нескольких гетайров, чистую и искреннюю любовь. В том, что некоторые из них, например Клит Черный

или Кратер, бросались на персидские клинки и в когти хищников, чтобы прикрыть тело раненого правителя, я не вижу ничего, кроме естественности и автоматизма: во всех армиях мира охрана поступает точно так же. Когда элитная часть, легко вооружившись, принимает участие в штурме неприступной крепости («по приказу царя» она взбирается ночью на обледенелый обрыв), или осадные и метательные машины утаскивают воинов за собой в бездонную пропасть, потому что те ни за что не желают выпустить из рук щиты, — все эти проявления героизма представляются нам вызванными исключительно чувством долга или военной честью. Можно ли сказать, что эти люди рисковали жизнью во имя любви? Сомнительно, если вспомнить те эпизоды, о которых мы уже упоминали в нравоучительных историях: изложенные после смерти правителя, скончавшегося в полном расцвете сил и красоты, они были увеличены его приближенными, сожалевшими о его благодеяниях, и троекратно усилены течением времени, пространственным отстоянием и воображением людей. В конце концов, насколько мы можем судить, верность памяти берет верх над любым другим чувством.

Перемены 330 года

Начиная с лета 330 года отношения между царем и его войском резко меняются. Смысл этих перемен прост и заключается в нескольких словах: раз Дарий мертв, царь македонян провозглашает себя царем Азии и всё больше ведет себя как восточный правитель с мечтами о всемирном господстве. Начиная с августа изменения становятся явными. На поле битвы и на марше царь сохранял все то же одеяние: железный шлем с султанами из перьев, латный ошейник из металлических пластин, двойной льняной доспех с наплечниками и пластроном, короткую тунику, высокие шнурованные сандалии; иногда за его плечами развевался пурпурный, окантованный золотом короткий плащ. А вот в лагере, в городе, на парадной колеснице

его больше не узнавали. Помимо того, что увидеть его становилось всё труднее, он придумал для себя смешанный костюм, который, как он полагал, привлечет к нему его новых подданных, но вызывавший смех у греков и македонян: вокруг своей красной шляпы с широкими полями, *kausia*, он навертел голубой в белую полосу тюрбан, который в Персии называли *kidaris*, а в Греции *diadema*. Он отказался от зубчатой тиары или короны своих предшественников Ахеменидов, не носил кафтана и пышных шаровар мидян, но надел пурпурную тунику, пересеченную спереди расшитой белой лентой; «великолепие украшенного золотом плаща еще более увеличивали изображенные как бы сталкивающимися своими клювами золотые ястребы, а на подпоясанном по-женски золотом кушаке висел акинак, ножны которого были сделаны из цельного самоцвета» (*Квинт Курций*, III, 3, 17; ср. *Диодор*, XVII, 77, 5 и *Плутарх*. Об удаче и доблести Александра, I, 330А). «Вначале он носил этот костюм, встречаясь с варварами и гетайрами у себя дома, затем выезжал в таком виде и занимался делами и перед многими людьми. Зрелище это было прискорбно для македонян, которые, однако, восхищались доблестью (*arete*), которую он проявлял во всем остальном, и относились снисходительно к таким его слабостям, как любовь к наслаждениям и показному блеску. Они говорили себе, что следует простить ему некоторые мелкие привычки к удовлетворению самолюбия» (*Плутарх* «Жизнь», 45, 3—4). В конце концов, так ли уж важны этот маскарад, эта демонстрация роскоши, парады и дефиле по соседству со страной амазонок, ношение товарищами платьев, расшитых пурпуром, вышитые попоны и серебряные уздечки персидских коней? Греки были привычны к театру и его пышности. Одеться в позолоченные доспехи побежденных — это вполне удачная война.

Гораздо менее радовало их то, что в окружение царя проникли всадники персидского происхождения и что росло число телохранителей, одетых в цветастые платья и принадлежавших к высшей персидской аристократии, а царский гарем разросся до 300 или 365 наложниц (отсюда и легенда о царице амазонок и восьми

ночах, проведенных с ней в Гиркании). Но еще горше войску было оттого, что, пройдя столько огненных пустынь и ледяных вершин, оно вынуждено было питаться овощами и фруктами, собранными там и сям, в то время как царь сопровождал роскошь своих приемов еще и колоссальными тратами на кухню. Под огромным тентом, поддерживаемым 59 позолоченными и посеребренными колоннами, инкрустированными драгоценными камнями, на ложах с ножками из позолоченного эбенового дерева возлежали 70 приглашенных. Во время больших празднеств посуда с остатками еды выбрасывалась. Окруженный телохранителями двух народов царь, восседавший в центре круглой палатки на золотом троне под балдахинном, устраивал свои аудиенции согласно всё более выверенному этикету. Церемониал немного менялся, если речь шла лишь о македонянах, но со временем, в конце 330 года, и они убедились в том, что с ними уже не обращаются с прежней приветливостью. Вуаль, некогда отделявшая персидского монарха от его подданных, казалось, натянулась теперь между царем Александром и теми, кто ковал его победу. Переняв — только ли для того, чтобы править? — нравы и роскошь своей новой империи, в их глазах царь опозорил себя и потерял право на уважение. Он изменил военной доблести, или достоинству, героической *arete*, ради честолюбия или прихоти, этого отвратительного *pothos*, противоположного выдержке и хладнокровию, характеризующим истинного воина.

Проскюнесис

«Он открыто дал волю своим страстям, — замечает Квинт Курций (VI, 6, 1—3), — и сменил умеренность и сдержанность, прекрасные качества при высоком его положении, на высокомерие и распутство. Обычаи своей родины, умеренность македонских царей и их гражданский облик он считал неподходящими для своего величия, равного величию персидских царей, и соперничал по своей власти с богами. Он требовал, что-

бы победители стольких народов, приветствуя его, падали ниц, постепенно приучая их к обязанностям рабов, обращаясь с ними, как с пленниками». Вот то, что принято называть делом с *proskynesis* или простиранием ниц. Спор продолжался два года и имел кровавую развязку, когда в июне или июле 327 года был казнен философ Каллисфен. Чтобы установить равенство между македонянами и азиатами, сперва царь пытался добиться от самых близких друзей, чтобы они послужили образцом для подражания персидским сановникам, утвержденным на прежних постах или повышенным в должности. Похоже, речь шла лишь о том, чтобы знатные посетители наклоняли верхнюю часть тела, поднося правую руку ко рту в знак почтения. Ни греки, ни македоняне не поддержали это начинание: для них низкопоклонство, то есть касание земли рукой или лбом, являлось жестом поклонения, который они совершали лишь перед своими богами или идолами. А Александр, совершенно очевидно, несмотря на свои претензии на божественное происхождение, оставался всего лишь человеком. С другой стороны, европейцы уважали в себе свободных людей, солдаты же отдавали царю честь по-военному. По совету двух придворных, литератора Клеона Сицилийского и софиста Анаксарха, в конце 328 года самые близкие товарищи и варварская аристократия были приглашены на роскошный пир. В отсутствие Александра следовало попытаться убедить всех оказывать царю-победителю такие же почести, как Гераклу или Дионису. Всё испортил Каллисфен, двоюродный брат Аристотеля: никто, сказал он, не может оказывать смертному почести, достойные олимпийских богов. Да и македонские воины насмеялись, видя, как персы упирают подбородок в пол и задирают зад в небо.

Согласно рассказу Харета из Митилены, царского камергера с 330 года, который использовали Арриан (IV, 12, 3—5) и Плутарх («Жизнь», 54, 4—6), во время другого банкета, в начале 327 года, приглашенным предложили простираться ниц лишь перед алтарем очага, пить священное вино и дарить царю поцелуй. Каллисфен вновь отказывается участвовать в одобре-

нии этого компромисса, в то время как один из товарищей, Леоннат, жестоко насмехается над неуклюжими позами приглашенных персов. В словах, которые традиция вкладывает здесь в уста философа, можно слышать мнение всего войска как в данном случае, так и во время заговора пажей совсем немного времени спустя в Бактрии, к северу от современного Афганистана.

Несомненно, грек из Олинфа*, «софист», как называл его Александр, воплощал при дворе, становившемся все более восточным после женитьбы царя на персидской царевне, дух сопротивления и свободы. Вот доводы, которые приписывают ему в качестве высказанных во время собраний и пиров: «Если вас бьют или унижают, помните, юноши, что вы свободные люди, и ведите себя достойно. Почести — не что иное, как удача. “Даже злодей, — говорит поэт, — может добиться почестей”. Правление свободными людьми вдруг превращается в деспотизм над рабами. Самые знатные и доблестные македоняне, Аттал, Филота и его отец Парменион, Александр Линкест, Клит только что пожертвовали жизнями в угоду единственному человеку. Готовясь для удовлетворения собственных амбиций захватить Индию, он вновь заставляет проливать воинов и так уже не раз пролитую кровь. Чего можно ждать от человека, возненавидевшего обычай своей родины и принявшего одежды, нравы и женщин Азии? Тридцать тысяч мулов несут для него золото врага, в то время как его воины, если вернутся живыми, не получают ничего, кроме шрамов. Что следует думать о македонянине, отказавшемся от родного отца и провозгласившем себя сыном египетского бога, чтобы перед ним стали поклоняться, как перед богом? Отказаться от prostиrания ниц во имя философии или из простого человеческого достоинства значит уберечь греков от великого стыда, которого требует царь. Убийцы тирана не признаются неправыми, и прославится тот, кто убьет знаменитого тирана».

* То есть Каллисфен.

Письмо Аристотеля

Начиная с 328 года Каллисфен во весь голос говорил о том, о чем тихо шептались македонские солдаты и греки-наемники. Он выражал это логично, рационально, на манер Аристотеля, своего учителя, или на манер дельфийских мудрецов, велевших выбить свои максимы на косяках и притолоке ворот храма Аполлона в ожидании того, что их скоро выбьют в Ай-Ханум на севере Афганистана*: «Познай себя», то есть «Признай, что ты всего лишь человек»; «Ничего лишнего», что означает «Не уподобляйся богу»; «Ручаясь за другого, готовься к несчастью», что означает «Оставайся на месте, а не то пожалеешь». По совпадению, несомненно ускорившему конец Каллисфена, пространное письмо от Аристотеля настигло его августейшего воспитанника в период между концом 330 года и весной 327 года, вероятно, зимой 328/27 года, когда готовился безрассудный поход в Индию и когда пьяный Клит сказал царю всё, что о нем думал. Это письмо в двадцать пять страниц дошло до нас лишь в арабском переводе VIII века, сделанном в свою очередь с сирийского перевода исходного греческого текста в эллинистической, снабженной комментариями, версии. Великолепные арабисты, являющиеся кроме того эллинистами, — Ж. Белавски, Мариан Плезия, С. М. Стерн, П. Тилле — позволили нам почувствовать самое главное в своих комментариях и разных переводах данного текста. Под заголовком «Письмо Аристотеля Александру об управлении государством» кроется нечто большее, нежели просто политическая программа: предостерегая царя от вреда, исходящего от льстецов, философ преподает царю настоящий урок нравственности. Приведем самые существенные положения. Мы тут же убедимся, что они довольно точно отвечают заботам македонян и греческих наемников, готовившихся перевалить через Гиндукуш.

«Правитель должен сочетать в себе два качества, являющиеся частью наиболее великих и значительных:

* Здесь действительно обнаружены греческие надписи, воспроизводящие дельфийские.

необходимо, чтобы народ его любил и восхищался им за его деяния.

Когда речь идет о греках, не спеши придавать значение сообщениям доносчика, пытающегося опорочить их в твоих глазах. Не позволяй гневу охватывать тебя, даже если знаешь, что некоторые пытаются соперничать или желают сравняться с тобой в доблести и великих замыслах.

Не обижай другого приказом, идущим от тебя не как от правителя, а как от господина, не как от царя, а как от ненавистного тирана. Некоторые полагают, что не имеет значения, если правитель ненавидим и не подчиняется закону: отсюда-то и вся злокозненность.

Было бы хорошо, по моему мнению, для твоего авторитета, и это поспособствовало бы упрочению твоей репутации и величию, если бы ты приказал переместить (элиту) населения Персии в Грецию и Европу... по крайней мере тех из них, кто обладает почестями и влиянием.

Мне хорошо известно, что твой ум жаждет военных походов и других деяний, о которых ты постоянно думаешь и к которым готовишься. Но храни в памяти несчастья, ниспосланные роду человеческому непостоянством фортуны и превратностями.

Твоя высшая власть будет еще более славной и почетной, если ты обратишь внимание на благосостояние народа. Властвовать над свободными и знатными людьми гораздо лучше, чем господствовать над рабами, пусть даже многочисленными.

Знай, что любое посягательство на достоинство гораздо ужаснее для свободных людей, чем посягательство на их состояние или тело. Ибо они охотно отдадут свое состояние и тело, лишь бы сохранить без ущерба свое благородство и достоинство.

Знай, что имеются три вещи, с помощью которых оставляют о себе добрую память и громкую славу. Первая — это хорошее законодательство, подобное тому, что разработали Солон и Ликург; вторая — это наука ведения войны и боя, подобная той, которую оставили знаменитые Фемистокл и Брасид; третья — это основание городов. Ибо люди, строящие города, стяжают себе этим

славу, и память о них сохраняется надолго. Ты сам обладаешь прекрасным военным опытом. Теперь следует, чтобы ты старался приобрести два прочих качества, а именно, чтобы ты поразмыслил о законодательстве и строительстве городов и их благосостоянии.

Помни, что время властно над всем, оно изничтожает деяния, рушит творения и изглаживает память, за исключением того, что останется высеченным в сердцах людей любовью и что они будут передавать из поколения в поколение».

Из всего этого объемного текста учителя наш брат историк возьмет на заметку лишь параграфы 9 и 17, где Аристотель советует новому правителю Азии и Эллады переместить в Европу часть персидского населения или, по крайней мере, его беспокойную аристократию, и взамен основать в Азии греческие города. Более-менее подготовленные биографами, приписывающими Александру намерение стать властелином мира, мы забываем, что положения устава Греческого союза (338—323 годы) предоставляли его членам полную автономию, а что касается городов в Азии, царь Македонии признавался всеми преемником Ахеменидов, их старинных владык, или же основателем городов с самыми широкими полномочиями. Иными словами, Аристотель здесь занят исключительно тем, что подтверждает уже приобретенные права или дает пустые советы. Если отвлечься от основания Александрии в Египте (январь 331 года), первые поселения ветеранов (или инвалидов) под именем и во имя их царя возникают лишь во второй половине 330 года в Арии, Дрангиане (?), Арахозии и, наконец, между Баграмом и Чарикаром, к северу от современного Кабула. Когда письмо дошло до «друзей» (совета гетайров) Александра, готовивших вторжение в Индию, на Среднем Востоке было занято или переименовано завоевателями как минимум шесть городов: совет Аристотеля прибыл слишком поздно. То было пророчество после события, оно едва ли могло заставить кого-либо восхищаться дряхлеющим философом, да еще обосновавшимся в Афинах, этом подозрительном городе.

Особое внимание царь и его окружение обратили на критический дух письма (или правильнее будет ска-

зять: исходящий от него дух критика): «Изнеженность или вялость толкает к лени; города, в которые проникает беспорядок, расслабленность и коррупция, обязаны этим скверному примеру правителей и властей; правитель не должен обращаться со своими подданными, как с безгласным имуществом или стадом; негоже, если тебе придется остерегаться человека, ставшего твоим противником, потому что ты оскорбил его каким-либо приказом не правителя, но господина, не царя, но ненавистного тирана; следует подальше гнать от себя тех, кого ты приблизил к себе и кто тебе льстит; нет ничего более далекого от царского достоинства, чем тирания; тиран является образом господина, подобно тому как царь является образом отца; Гомер называл Зевса “отцом людей”. Следует также, чтобы храбрый человек знал меру в своем гневе; объедини скромность и мягкость и ты объединишь любовь и восхищение рода человеческого». В этом открытом письме, поскольку оно было опубликовано под заглавием «Письмо Александру о колониях», усмотрели прозрачные намеки на поведение военной аристократии в Вавилоне, Персеполе и Согдиане, преданных огню и залитых кровью. В этом письме усмотрели напоминание о совершенно непонятном поведении царя по отношению к его лучшим друзьям Клиту, Филоте и Пармениону, порицание его презрения к грекам и принятия персидских обычаев. Никакого различия. Напоминая, что один лишь Зевс является отцом людей и богов (*pater andronte theonte*), Аристотель напрямую метил в правителя, которому льстецы твердили, что он стал абсолютным господином мира. Страбон (I, 4, 9) и Плутарх (Об удаче и доблести Александра, I, 6, 329В) формулируют это проще: «Аристотель советовал ему вести себя с греками, как военному полководцу, а с варварами — как деспоту», — эти слова должны были звучать в ушах царя жестоким призывом к порядку, а для всех греков из его армии — служить просто напоминанием о человечности. «Человек — ни зверь, ни ангел, —

* Постоянно повторяющийся эпитет Зевса в Илиаде (12 раз, например, I, 544; IV, 68) и Одиссее (3 раза)

скажет позднее вслед за Монтенем Блез Паскаль, — но, к несчастью, тот, кто желает сделаться ангелом, становится зверем».

Смерть Каллисфена

Меж строк письма учитель обвинил своего ученика в безрассудстве, чрезмерности, безумстве. Ученик не замедлил с ответом. Александр давно подозревал философа, еще со времен его отъезда в Афины, и их переписка доказывает, что он понемногу отрывается от своего наставника. Лето 330 года: «Александр Аристотелю шлет привет. Ты поступил неправильно, разгласив учения, предназначенные для чисто устного изложения. Чем же еще мы будем отличаться от остальных людей, если те же учения, на которых мы были воспитаны, станут общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знанием о высших предметах. Будь здоров». Ответ Аристотеля пять или шесть месяцев спустя: «Аристотель царю Александру шлет привет. Ты написал мне по поводу моих устных лекций. Ты полагаешь, я должен был держать их в тайне. Знай, что они были опубликованы — и не были. Ибо они понятны лишь тем, кто меня слушал. Прощай». Иными словами: имеющий уши да слышит! Зимой 328/27 года доверенному человеку Аристотеля при Александре, близкому родственнику философа Каллисфену, во время одного из пиров «поручили произнести за кубком вина хвалебную речь в честь македонян, и он говорил на эту тему с таким красноречием, что присутствовавшие, стоя, рукоплескали и бросали ему свои венки. Тогда Александр привел слова Еврипида о том, что прекрасно говорить о прекрасном предмете — дело нетрудное, и сказал: “Теперь покажи нам свою силу, произнеши обвинительную речь против македонян, чтобы, узнав свои ошибки, они стали лучше”. Тут уже Каллисфен заговорил по-другому, в откровенной речи он предъявил македонянам многие обвинения. Он сказал, что раздор среди греков был единственной причиной успехов Филиппа и его воз-

вышения... Этой речью Каллисфен возбудил против себя лютую ненависть со стороны македонян, а Александр сказал, что Каллисфен показал не столько силу своего красноречия, сколько силу своей вражды к македонянам... Впрочем, благодаря тому, что Каллисфен упорно, как подобает философу, боролся против обычая падать ниц перед царем и один осмеливался открыто говорить о том, что вызывало тайное возмущение у лучших и старейших из македонян, он избавил греков от большого позора, а Александра — от еще большего, но себе самому уготовил погибель, ибо казалось, что он не столько убедил царя, сколько принудил его отказаться от почестей благоговейного поклонения» (*Плутарх* «Жизнь», 54, 2—3). Действительно, несколько недель спустя Каллисфен, вовлеченный в «заговор пажей» и обвиненный в том, что сеял повсюду неповиновение, был арестован, и царь написал Антипатру, правителю Македонии: «Мальчишек македоняне пбили камнями, а софиста я еще накажу, как, впрочем, и тех, кто его прислал и кто радушно принимает в своих городах заговорщиков, посягающих на мою жизнь». Очевидный намек на Аристотеля, осознанный мудрым Плутархом («Жизнь», 55, 7).

Обожествление

Несмотря на подобные случаи, самые близкие гетайры царя, знатные македоняне, осыпанные подарками, титулами и милостями, царская агема (*agema*), гипасписты, или царские щитonosцы, секретари, придворные прощали правителю его фантазии и даже одобряли их. Однако после убийства Клиты и Гермояла едва ли хоть один, даже среди философов, оправдывал эти поступки царя, совершенные то ли в состоянии священного опьянения, то ли из мании величия, то ли из простого желания отомстить. Отмечали, что царь становился всё более беспокойным, вспыльчивым и что ему не нравились как угодливость, так и прекословие. Говорят, что всему виной был удар по голове в битве при Гранике, ранение в бедро на Иссе и разрублен-

ное во время осады Газы плечо. Так вот что его оправдывает. Еще немного — и сказали бы, как один шутник: «Если ты убил одного человека — ты убийца; если убил много — герой; если убил всех — ты бог». Царь действительно готов был погубить всех своих воинов в бесконечных кампаниях 329 и 328 годов на севере современного Афганистана и как раз в это время начал требовать от уцелевших солдат сверхчеловеческих почестей себе как сыну Зевса, герою-основателю шести или семи Александрий, Царю царей обитаемой земли.

Процесс обожествления начался очень рано, возможно, уже в самом начале похода, в мае 334 года, когда этот отпрыск гомеровских героев бросил всю свою армию в Сесте и направился в Трою, чтобы принести жертвы на могиле своего предка Ахилла и взять в святилище Афины один из посвященных богине щитов. Год спустя гордые узел, разрубленный, как говорят, ударом меча, пообещал победителю власть над миром. В феврале 331 года оракул Зевса-Амона в оазисе Сива в Египте провозгласил божественное происхождение Александра, или, по крайней мере, так повествовали об этом окружавшие его всадники: «Прорицатель поприветствовал его от имени бога, словно то был его сын и у него не было отца среди смертных». Но что более всего подкрепляло веру в божественное происхождение (сверх того тщательно культивируемую), так это фантастическая удачливость, которая сопровождала царя в битвах, болезнях и среди заговоров. После индийских чудес, когда против всех ожиданий царь оправился от ран и лихорадки, и после перехода через пустыни Гедрозии и Кармании, когда он одолел жажду и свирепые солнечные укусы, оставалось лишь весной 324 года разослать во все европейские государства циркуляр об установлении культа в честь «царя Александра, непобедимого бога» (так!). Тогда же Лисипп, официальный придворный скульптор, получил задание изобразить царя в божественном облике, с копьем в руке и взглядом, устремленным в небо, художник Апеллес изобразил его с молнией в руке, а гравер Пирготел — на серебряных монетах — верхом, с копьем, направленным в индийского царя Пора, сидящего на спине слона. И

когда царь требовал, чтобы перед ним падали ниц, верил ли он на самом деле в этот апофеоз, то есть в свое право находиться рядом с олимпийскими богами следом за грубым Гераклом и прекрасным Ганимедом, или в воплощение божества Вишну или Шивы в его смертном теле с тех пор, как он беседовал с индийскими брахманами? Тот же Плутарх пишет («Жизнь», 28, 1): «Вообще Александр держал себя по отношению к варварам очень гордо — так, словно был совершенно убежден, что происходит от богов и сын бога; с греками же он вел себя сдержаннее и менее настойчиво требовал, чтобы его признавали богом. ...Позднее, однако, раненный стрелой (во время приступа Массаги в 327 году) и испытывая жестокие страдания, Александр сказал: “Это, друзья, течет кровь, а не влага, какая струится у жителей неба счастливых!” ...Из сказанного, вне всякого сомнения, следует, что Александр не был ни впечатлен, ни ослеплен своей мнимой божественностью, но что вера эта была для него просто орудием господства».

Человек, слишком человек

Тем не менее начиная с октября 330 года, когда при возмутительных обстоятельствах казнили Филоту и многие старые командиры бросили службу, поведение царя становилось все более невыносимым для греческих и македонских воинов, особенно пехотинцев, на которых обрушивались все тяготы войны, длительные переходы, штурмы крепостей, форсирование рек, строительство мостов, осадной техники и кораблей, голод и эпидемии. Ни один из этих свободных людей, падавших ниц на родине лишь перед богами, не мог в одночасье поверить в необходимость оказывать подобные почести «этому мальчишке, этому юноше, этому мужу», как говорил афинский оратор Демосфен*. Они видели в царе не столько сына небес или избран-

* Речь идет о словах самого Александра, приведенных Плутархом («Жизнь», 11, 6): «Демосфен называл меня мальчишкой, пока я был у иллирийцев и трибаллов, в Фессалии же я сделался юнцом, к стенам Афин я желаю явиться мужем».

ника судьбы, сколько удачливого человека, сподобившегося иметь подле себя друзей, выручавших его после роковых шагов, на которые его подвигало безрассудство — на Гранике, при Газе или Массаке. Разумеется, это было не слишком приятное зрелище — видеть этого полубога или бога лежащим со стрелой в боку подле щита, в тени фигового дерева в Массаке, которую он пытался в одиночку взять! И какая глупость, недостойная всеведущего правителя, позволить в ноябре 329 года в 150 километрах к западу от Самарканда вырезать из засады целую колонну своих лучших войск, в то время как сам он упорно гонялся по пустыне за скифами! Что уж говорить о политике и особенно логике этого бога, который в тот же год уничтожил греков, потомков Бранхидов из Милета, живших в Согдиане на протяжении ста пятидесяти лет, под предлогом того, что их предки некогда сотрудничали с персами? Поступки исключительной дикости, а не деяния, достойные героя, и еще менее милосердного бога. «Фаланга получает приказ окружить городские стены и по сигналу разграбить город, убежище изменников, а их самих перебить до единого. И вот повсюду избиваются безоружные, и не могут смягчить жестокость врагов ни мольбы, ни священные покрывала взывающих к ним на общем с ними языке. Наконец, чтобы от города не осталось следа, стены его разрушаются до самого основания».

Квинт Курций Руф, который оставил нам эти фразы порицания (VII, 5, 32—33), также лучше других сумел передать осуждение царя войском, вложив в уста Клита Черного, молочного брата Александра, обличительную речь, погубившую его в Самарканде осенью 328 года. Назначенный против своего желания сатрапом Бактрианы, он воскликнул: «Меня посылают к диким, от природы не обузданным зверям. Но я не говорю лично о себе. Ты презираешь воинов Филиппа, забывая, что если бы этот старик Атаррий не остановил молодых, бежавших из сражения, то мы до сих пор сидели бы под Галикарнасом. ...Когда Клита выводили, он, перейдя от прежней дерзости к гневу, закричал, что своей грудью прикрывал спину царя, а теперь, когда

прошло много времени, само воспоминание об этой заслуге ненавистно царю. Кроме того, он стал укорять Александра убийством Аттала, а напоследок, насмехаясь над оракулом Юпитера, которого Александр считал своим отцом, сказал, что слова его, Клита, правдивее ответа оракула» (VIII, 1, 35—42). Согласно Плутарху: «Клит не унимался, он требовал, чтобы Александр при всех высказал то, что думает, или же чтобы он больше не приглашал к себе на пир людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жил среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону» («Жизнь», 51, 5). Здесь (и в этом единогласно сходятся все свидетельства) стража притворилась, будто не расслышала убийственных повелений опьяневшего бога и пыталась спасти дерзкого воина от смерти. «Однако Александр начал обходиться со своими друзьями не столько по-царски, сколько как непримиримый враг. Он рассердился, что его решились упрекнуть в том, что он забыл добродетели Филиппа, своего истинного отца, и оставил нравы своей родины. Таково было преступление Пармениона, старого полководца, самого близкого к царю из сановников, и Филоты, его сына, осужденного на пытки и смерть. Вся армия была охвачена гневом» (*Юстин*, XII, 5). Недовольные были либо убиты, либо сурово наказаны, всё войско в момент вторжения в Индию отказалось падать ниц перед царем или вставать на колени и сохраняло старую форму приветствия по стойке «смирно» и «на караул», свободу слова, стоя лицом к лицу с правителем.

Но вот уже несколько пажей, среди которых Гермолай, добавляют к старым претензиям жалобы, которые тут же дополняются жалобами пехотинцев и вспомогательных войск, приносящих жертву фальшивому богу: «Вот награда македонянам: их кровь ты проливаешь как ненужную и грязную! Твои 30 тысяч мулов возят захваченное золото, тогда как воинам нечего увезти домой, кроме бесплатных шрамов» (*Квинт Курций*, VIII, 7, 11—14). Напрасно царь во многих случаях предоставлял воинам право жениться на туземных женщинах, позволял тем ехать в обозных повозках и обещал выра-

стить их детей, чтобы сделать из них истинных наследников своих отцов. Напрасно устраивал он почтовые станции и колонии, где на самых тучных землях селил самых старых или испытанных солдат — они чувствовали себя покинутыми и преданными. Они знали, что в Азии царская почта — не что иное, как служба слежки и дополнительного контроля. В конце 330 года царь, прекрасно осведомленный о страданиях и жалобах своего войска и опасавшийся, что известия о его жестокостях, если когда-нибудь дойдут до Македонии, не добавят ему славы, объявил во всеуслышание, что некоторые из его друзей собираются доставить в Грецию известия о его победах. Он призвал воинов написать своим семьям, воспользовавшись все более редким случаем на все более далекой от родины войне. А потом тайно приказал доставить эти письма себе и так узнал, что думал о нем каждый. Затем он собрал в дисциплинарный отряд всех, кто показался ему наиболее недовольным. «Его план, — пишет Юстин (XII, 5), — заключался в том, чтобы постепенно избавиться от них или создать из них колонии на краю мира».

Отступление из Индии

Однако, явившись в самое сердце Индии, на берег Биаса близ Лахора (Восточный Пакистан), воины, которых царь хотел довести до Ганга, устроили «забастовку». Буквально: они сели на речную отмель* и в отрепье, под проливным дождем, отказывались идти дальше. Они показывали свое выщербленное оружие, свои тела, покрытые шрамами и воспаленными язвами, они плакали и стонали. Один из военачальников, Кен, решил сказать полководцу, у которого также добавилось рубцов, что тот не является ни богом, ни новым Гераклом и — единственный из олимпийцев — удостоился видеть места, где солнце вывозит свою повозку из Великого океана! Подобно Ахиллу, взбешенный царь на три дня удалился к себе в палатку. Постепенно к не-

* Игра слов: *grè ve* означает и «забастовку», и «дюну».

му возвращается разум. Получается, он не понял дельфийского урока: «Не прикидывайся богом; будь человеком; оставайся на месте». Выходит также, что если верность его воинов на протяжении четырех лет покоилась на чувствах, неподчинение в последние пять лет основывалось на разуме, простом разуме. И сопровождавшие его восемьдесят тысяч человеческих существ поспешно возвели двенадцать алтарей — своим богам, а не своему царю — и основали городок Никея («Победоносная») в память об их победе, не назвав город в честь Александра.

Нет смысла возвращаться здесь к мятежу в Сузах, вспыхнувшему двумя годами позже: мы уже дважды его упоминали. Лучше попытаемся объяснить его причины теми событиями, которые случились в армии на пути между Индией и Персией. Едва воины Александра достигли слияния рек Джелам и Чинаб, в 250 километрах к югу от Никеи, «македоняне, полагавшие, что они уже преодолели все опасности, вдруг узнали, что им предстоит новая война с самыми свирепыми племенами Индии (кшудраками и малавами к востоку от современного Мултана в Пакистане), испуганные этой неожиданной опасностью, снова стали донимать царя мятежными речами ...» (*Квинт Курций*, IX, 4, 16). Царь успокоил их, выдав им на расправу тысячи плохо вооруженных землепашцев. Но брахманы повсюду будоражили население, чьих священных коров съели греки. Неожиданные бои обескровили войско. Туземцы использовали мечи и стрелы, отравленные змеиным ядом. Две Александрии, заложенные в Оппиене и Синде (около Уча и Брахмабада?), выглядели скорее городами-убежищами и больницами для покрытых паршой людей, страдавших от лихорадки, чем настоящими колониями. Около Белы, к югу от Белуджистана, царь решил заставить свои наиболее легковооруженные войска преодолеть 11 сотен километров гористого района, отделявшего их от узкого Ормузского пролива, где они должны были встретить флот Неарха. Конец лета, русла рек по большей части пересохли. Здесь лучше процитировать рассказы античных свидетелей: «Отсюда он проник к приморским индам. Они

владеют обширной и пустынной страной и даже с соседями не состоят ни в каких торговых сношениях. Обладая от природы суровыми нравами, они совсем отличались в уединенности: ногти у них никогда не обрезаются и отрастают, волосы не стрижены и косматы. Хижины они строят из раковин и других вещей, выброшенных морем. Одеваются в шкуры зверей, питаются вяленой рыбой и мясом животных, выбрасываемых морем. Израсходовав свои запасы, македоняне начали терпеть нужду, а потом и голод и стали питаться корнями пальм, так как произрастают здесь только эти деревья. А когда и этой пищи стало не хватать, они закалывали вьючных животных, не жалели и лошадей, и когда не стало скота, чтобы возить поклажу, они предавали огню взятую у врага добычу, ради которой и дошли до крайних восточных стран. За голодом последовали болезни: непривычный вкус нездоровой пищи, трудности пути и подавленное состояние духа содействовали их распространению, и нельзя было без урона в людях ни оставаться на месте, ни продвигаться вперед: в лагере их угнетал голод, в пути еще больше болезни. Однако на дороге оставалось не так много трупов, как полуживых людей. Идти за всеми не могли даже легкобольные, так как движение отряда все ускорялось: людям казалось, что чем скорее они будут продвигаться вперед, тем ближе будут к своему спасению. Поэтому отстающие просили о помощи знакомых и незнакомых. Но не было вьючного скота, чтобы их везти, а воины сами едва тащили свое оружие, и у них перед глазами стояли ужасы грозящих бедствий. Поэтому они даже не оглядывались на частые оклики своих людей: сострадание заглушалось чувством страха. Брошенные же призывали в свидетели богов и общие для них святыни и просили царя о помощи, но напрасно: уши всех оставались глухи. Тогда, ожесточаясь от отчаяния, они призывали на других судьбу, подобную своей, желали и им таких же жестоких товарищей и друзей. Царь, мучимый горем и стыдом, поскольку именно он был причиной стольких страданий, отправил людей к сатрапу парфян Фратаферну, чтобы тот доставил ему на верблюдах сухого провианта; и других началь-

ников ближайших провинций он оповестил о своем бедствии» (*Квинт Курций*, IX, 10, 8—17).

Диодор (XVII, 105, 1—8), используя тот же источник, пишет более сухо: «Преодолев теснины (от Патталы к Беле), он вошел в область оритов и быстро всю ее подчинил себе... После этого Александр отправился берегом моря в Гедрозию (Макран)... Александр с трудом прошел через эту область, так как еды здесь не хватало, и вступил в пустыню, где вообще не было ничего, чем поддерживается жизнь. Многие погибли от голода; войско пало духом; Александр был во власти печали и заботы: страшное зрелище представляла собой смерть этих людей, которые превзошли всех своей воинской доблестью и теперь бесславно погибали в пустыне от голода и жажды. Он послал скороходов в Парфию, Дрангиану, Арию и прочие соседние с пустыней области с приказом быстро привести к границам Кармании караван быстроногих верблюдов и других вьючных животных, приученных ходить под вьюками, с грузом хлеба и других припасов». Рассказ Арриана (VI, 22—27), ссылающегося на прямого свидетеля, Аристобула, куда более обстоятелен: поведав вначале, как финикийские купцы следовали за армией, нагрузив своих животных драгоценными ароматическими веществами, описав песок, ветер, жару, жажду, голод, страдания и смерти в пустыне, «поглощающей как океан», ночные переходы («кто ложился — умирал»), потерю обоза и упряжи, он так описывает катастрофу (VI, 25, 4—6): «На войско обрушилась новая беда, от которой не меньше пострадали и люди, и лошади, и мулы. В земле гедросов дождь нагоняют муссоны, так же как и в земле индов, но проливается он не над долинами, а над горами... Воины однажды расположились на ночлег у мелководного горного ручья: вода и заставила их здесь остановиться. Около второй ночной стражи ручей переполнился водой от ливней, — а солдаты и не подозревали, что ливни идут, — и настолько вышел из берегов, что погибло много женщин и детей, сопровождавших войско, пропало всё царское снаряжение, и потонули еще уцелевшие мулы. Сами воины едва спаслись со своим оружием да и его сохранили не целиком. Много людей погибало и

от того, что измученные зноем и жаждой, они, встретив много воды, пили без меры. Александр поэтому обычно и ставил лагерь не у самой воды, а стадиях в двадцати от нее (около 3 километров)».

«Сам Александр, — пишет Плутарх («Жизнь», 66, 4—7), — двинувшись сушею через страну оритов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении и потерял множество людей, так что ему не удалось привести из Индии даже четверти своего войска, а в начале похода у него было сто двадцать тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников. Тяжелые болезни, скверная пища, нестерпимый зной и в особенности голод погубили многих в этой бесплодной стране, населенной нищими людьми, всё имущество которых состояло из жалких овец, да и те были в ничтожном числе. Овцы питались морской рыбой, и потому мясо их было зловонным и неприятным на вкус. Лишь по прошествии шестидесяти дней Александру удалось выбраться из этой страны». Из Белы на Пурали до Бампура в Макране 650 километров: в подобных условиях проходить по 11 километров в день — это действительно быстрый темп. Выйдя в начале августа, остатки Великой армии прибыли к Ормузскому проливу в ноябре 325 года, чтобы соединиться с флотом Неарха, а также конницей и фалангой Кратера, почти столь же изнуренными переходом через другую пустыню на севере, о котором рассказчик не упоминает.

Бунты

Нам понятны меры, принятые на протяжении года царем и «друзьями», для реабилитации себя в глазах уцелевших в сражениях воинов и воссоздания армии: основание новой Александрии около Хану (в современном Ларестане) с многонедельным отдыхом, праздниками, развлечениями, семидневными вакханалиями и пышными процессиями через Карманию, вином, льющемся рекой, деньгами для задолжавших солдат, женщинами для вдовцов и холостяков, массовыми увольнениями из армии с щедрыми пособиями, определением детей, рожденных от смешанных браков с азиатками, в царскую

гвардию. Известно, к чему привели две последние меры, принятые в Сузах в августе 324 года. «Уволив от службы престарелых воинов, войско пополнили молодыми. Но прочие, досадуя на увольнение старых солдат, требовали отставки также и себе. Они настаивали, чтобы учитывался не возраст, а время службы, считая справедливым, чтобы одновременно увольнять всех поступивших на службу вместе. И, переходя от просьб к оскорблениям, они говорили, чтобы он один со своим отцом Амоном начинал войны, так как гнушается своих солдат» (*Юстин*, XII, 11). И когда в Вавилоне 9 июня 323 года македоняне в одних простых туниках прошли перед ложем впавшего в кому царя, это не было свидетельством нерушимой любви: ведь все самые верные, начиная от его друзей* и до гетайров, бросили, именно бросили на целых семь дней тело своего полководца без погребения. Они думали лишь о том, как разделить его наследство, вернуться по своим странам и затеять друг с другом вражду!

Основания для осуждения

И здесь перед нами встают два поразительных вопроса: как случилось, что за несколько месяцев осени 325 года Александр потерял, разбазарил, утратил столь великий капитал своей популярности и симпатии? И как вышло, что через несколько месяцев после его смерти любовь и популярность восстановились, и не с процентами, а с лихвой, сверх всех кредитов, всех долгов?

Едва ли могут быть сомнения в том, что катастрофическое отступление из Индии в 325 году, сравнимое по потерям с отступлением наполеоновской армии из России в 1812 году (около 4/5 состава), лишь усилило жалобы и критику греков в отношении выскочки, верившего, что он способен на всё: заставлять людей приветствовать себя как бога и даже поклоняться себе, без суда отправлять на казнь, требовать от свободных людей жертвовать жизнью, силами и достоинством. Однако всё свидетельствует о том, что поход в Гедросию и Карманию готовил-

* Здесь в смысле придворного титула.

ся тщательно и с заботой о личном составе: сатрапы этих регионов и более отдаленных районов, например Парфении, отстоящей на 2 тысячи километров, получили приказ подготовить провизию и оружие до, а не после перехода через пустыню. Еще задолго до того, как войско покинуло устье Инда, царская интендантская служба приказала расставить вехи у колодцев, недавно выкопанных вдоль дороги, по которой должна была следовать армия. Полные провианта и пресной воды повозки должны были служить как колонне на марше, так и морякам в Оманском заливе. Александр повел с собой лишь самые легковооруженные части, между тем как тяжеловооруженные и отягощенные обозом отряды отправились более удобным путем и т. д. Античные историки искали множество оснований, повлиявших на решение Александра: простое любопытство; желание свершить то, в чем потерпели поражение до него все завоеватели (Семирамида и Кир потеряли здесь свои армии); установить новый путь для перевозки пряностей и драгоценных камней из Индии (к большой прибыли всех восточных торговцев); дойти побыстрее и устрашить непокорных сатрапов; усталость, боязнь новых бунтов. Выделим лишь стратегические основания. Основной задачей этого войска, в котором находилось приблизительно 30 тысяч закаленных жителей гор, являлось оказание поддержки флоту Неарха, продвигавшемуся вдоль скалистого и практически негостеприимного берега; второй задачей — пресечение всякого проявления независимости местных племен. Только в этом случае, как и в России в 1812 году, службы разведки, снабжения и дорожного дела не смогли справиться с безжалостной природой. Генерал Лето оказался столь же жестоким, как и генерал Зима. Или, возможно, выражаясь на манер греков, завоеватель не смог безнаказанно стать богом.

Царь из легенды

Чтобы объяснить, как все-таки вышло, что в Греции и на всем Ближнем и Среднем Востоке Александра после смерти считали сверхчеловеческим существом и

почитали его скорее божеством, чем героем, — словом, понять, почему так быстро возникла легенда об Александре, можно с большой долей вероятности утверждая, что в общих чертах она была намечена при жизни еще самим царем. Он сам выдвинул большую часть верных себе людей среди знатных македонян и своих должников азиатов. Его солдаты вернулись к себе домой с богатством и почестями, прославляя его славные деяния, как старые служаки славили гений Наполеона, этого «Стриженого коротышки»*. Диадохи, его наследники, и особенно Птолемей, узаконили свои претензии на высшую власть, сохранив останки царя и поддерживая его культ. И, наконец, греки всегда будут сожалеть о том времени, когда они являлись хозяевами Передней Азии и когда молодой человек, прекрасный, как ангел, и неистовый, как само божество войны, открыл для них фантастические сокровища Персии и Индии. Все они упустили возможность любить и обожать героя, но когда он умер, им оставалось лишь искупать свою вину, прославляя его, вознося хвалу, которая на деле относилась к ним же самим. Поскольку все, от последнего среди пехотинцев и до Клитарха, записывавшего их воспоминания, все они в эпосе об ушедшем выпячивали именно свою щедрость, свою отвагу, свои страдания или мечты. В конце концов, «Роман об Александре», авторство которого фантазия приписывает Каллисфену из Олинфа, двоюродному брату Аристотеля, сначала курителю фимиама, а затем врагу Александра, гораздо точнее и глубже отразил дух войска и его отношения с царем, чем все изощренные рассказы биографов.

«Роман об Александре»

Этот роман, греческий текст которого возник в египетской Александрии примерно в III веке нашей эры, распространился в дюжине редакций по Востоку и Западу. Здесь перепутаны все даты, кампании и события

* *Le Petit Tondu* — прозвище Наполеона.

подлинной истории. Считается, что Рим, Италия и Карфаген уже завоеваны к тому времени, когда несравненное войско начинает свой поход на Египет. Под предводительством царя, которому оракул Сераписа обещал власть над всем обитаемым миром, оно стремительно движется от победы к победе, в то время как в мечтах Александр видит, что бог Амон переносит его ко двору Дария. Он становится великодушным рыцарем, мстящим за смерть своего противника, и галантным кавалером, женись на царевне Роксане. Только в двух редакциях романа, где действие получает более широкое развитие, Александр отправляется в Иерусалим, где его помазывает первосвященник, после чего он оставляет веру в языческих богов и признает своего покровителя Саваофа единственным Богом Вселенной, а царя Нектанеба (египетского фараона) — своим отцом. Только здесь царь проявляет себя веротерпимым, справедливым и набожным. Зато все версии без исключения показывают войско, готовое столкнуться с *Aoiketon*, Необитаемым, рассказывают, как оно встречает невероятных животных, как проводники сбиваются с пути. Еще описываются страхи воинов, которых царь уговорил следовать за собой в погоне за неведомым, «иным миром», страной Мрака с ее источником живой воды, который находит повар Андрей. Далее следует изгнание из Страны блаженных повара, а дочь или сестру Александра постигает наказание. После войны с Пором царь встречается с брахманами, внимает оракулу лунных и солнечных деревьев, проникает во дворец Семирамиды, спускается в ад, его навещают амазонки и их царица Кандаса (грезы о фантастических страстях, уже современниками Александра помещенных на берега Каспийского моря). Вернувшись в Вавилон, царь дает последние указания и умирает, предательски отравленный.

В этом романе есть всё: реальные факты, чудеса Востока, сны, рассказ об упущенном посвящении, вариации на темы приключений Эдипа, Моисея и Гильгамеша. Лично я предпочитаю видеть в нем отражение надежд и преклонения перед Александром, превратившихся затем в страх, сожаления и разочарования, ро-

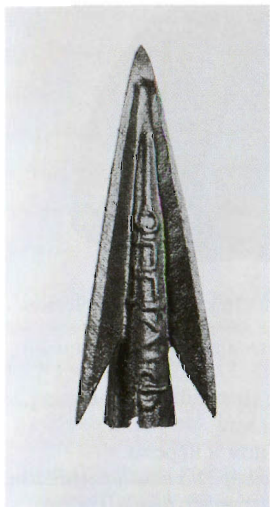
Стела воина. Атика. IV в. до н. э.

Гоплиты,
снаряжающиеся
в поход.
*Изображение
на вазе*

Стела моряка
Демоклеида.
450 г. до н. э.

Бронзовый наконечник
копья с именем Филиппа.
Олинт. Середина IV в. до н. э.

Бронзовый шлем фракийского типа.
IV в. до н. э.

Александр в сражении на своем коне Букефале

Бронзовые доспех и шлем греческого воина

Поединок между македонянином и персом.
Фрагмент рельефа на так называемом саркофаге Александра. Конец IV в. до н. э.

Парадный шлем скифского вождя

Древний скипетр персидских царей

Среднеазиатский жрец.
Амударьинский клад. V—IV вв. до н. э.

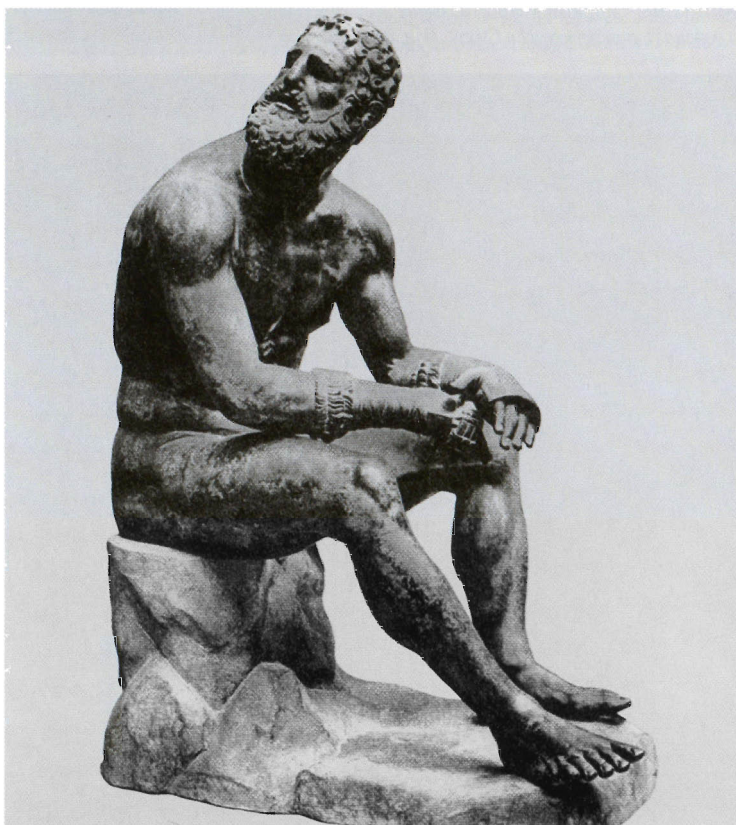
Лучник персидской гвардии. Фриз
из дворца Артаксеркса II в Сузах. IV в. до н. э.

Упражнение с мячом

Кулачный боец.
*Статуя работы Аполлония,
сына Нестора. I в. до н. э.*

Гетера, надевающая сандалию. *Олтос*. Роспись амфоры. Конец VI в. до н. э.

Охота на оленя. Мозаика из Пеллы. IV в. до н. э.

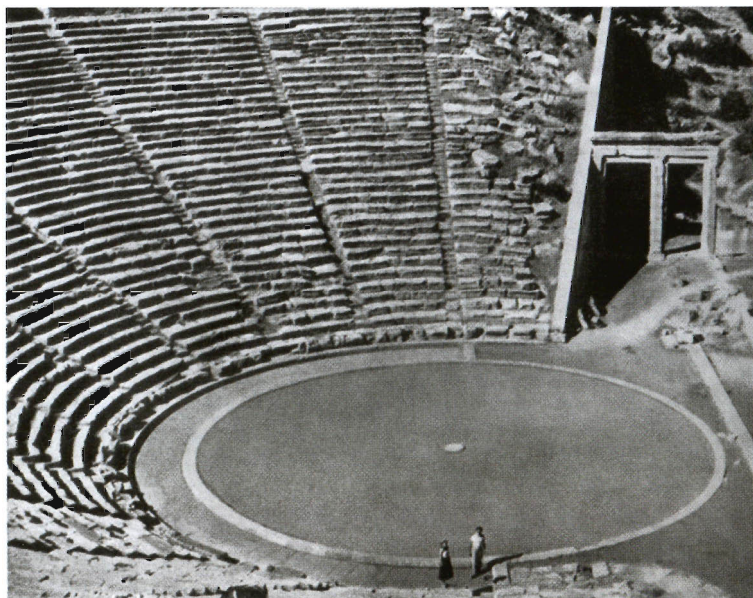

Менандр. Фреска из Помпей.
Конец II — начало I в. до н. э.

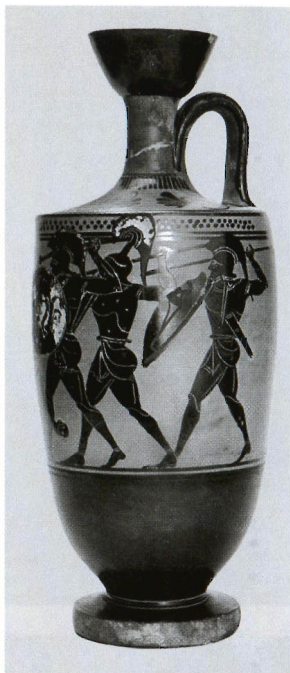
Актер с масками. Роспись кратера.
Деталь. Конец V в. до н. э.

Театр в Эпидавре. Поликлет Младший. 350—330 гг. до н. э.

Музыцирующий юноша.
*Роспись внутренней стороны аттического
килика. Последняя четверть VI в. до н. э.*

Лекиф чернофигурный
с изображением сцены сражения.
Аттика. Около 500 г. до н. э.

Сцена симпосия.
Роспись «Гробницы ныряльщика».
Деталь. Около 480 г. до н. э.

Александр
приносит жертву
Амону-Мину.
*Рельеф на внешней
стене святилища
храма Амона
в Луксоре*

Мемфис.
Пальмовая роща
и священное озеро

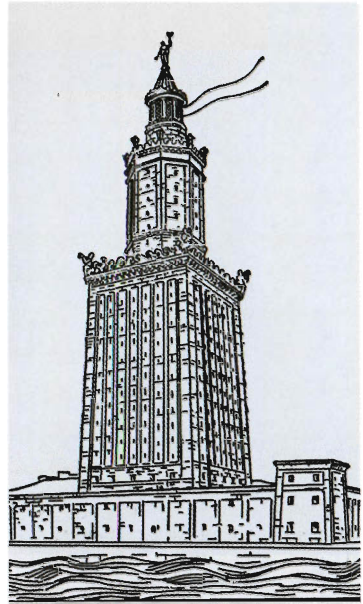

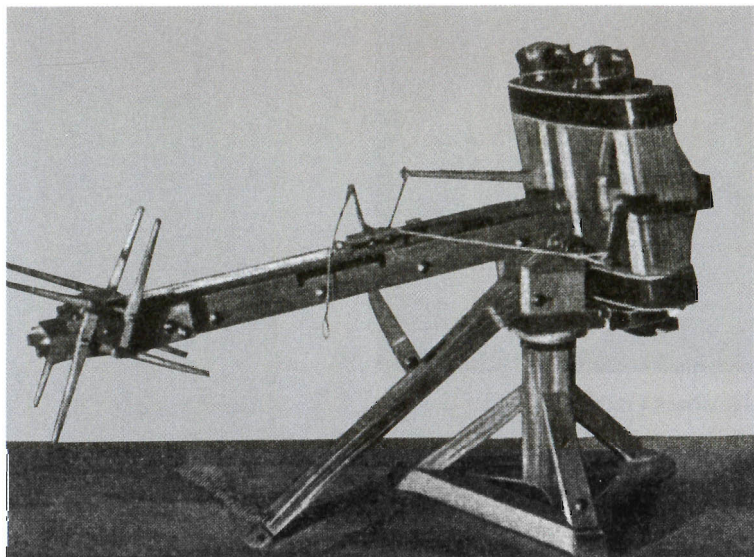

Птолемей I и Береника. III в. до н. э.

Фаросский маяк.
Реконструкция А. Тирша

Александрия. Остров, на котором
стоял Фаросский маяк

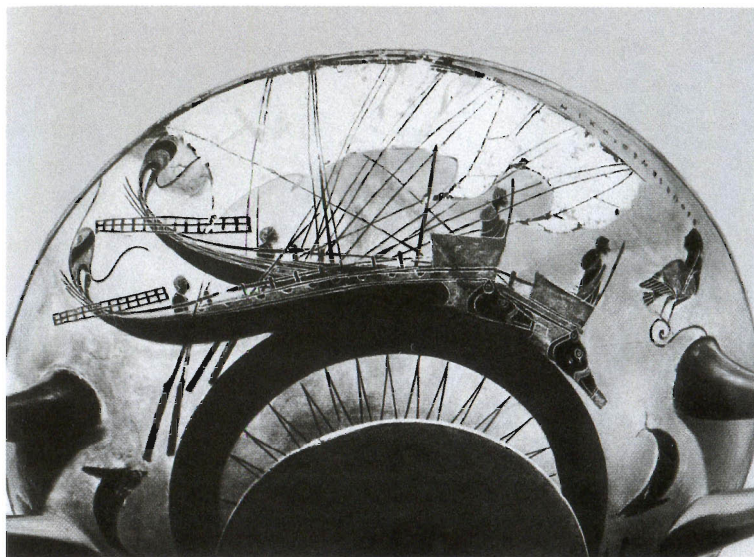

Баллиста эллинистической эпохи. *Реконструкция*

Топрак-Кала

Корабли. Никосфен. Роспись килика из Вульчи. Деталь. Около 520 г. до н. э.

Герои тянут канат. Фрагмент диноса из Мегары Гиблейской (Сицилия).
Конец VII в. до н. э.

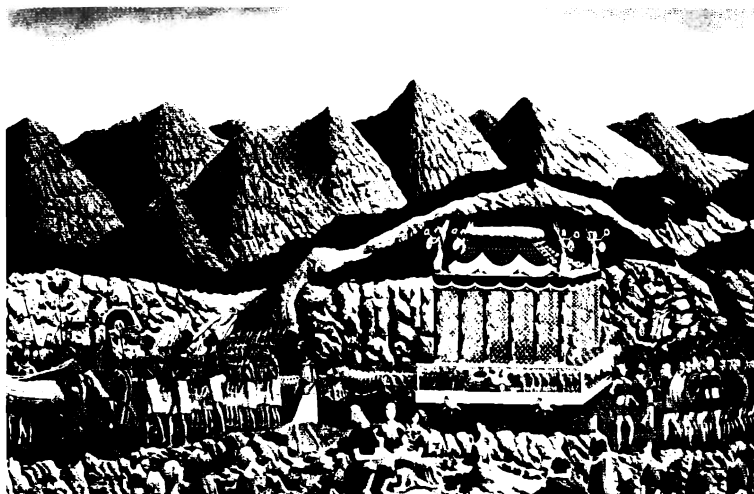
Селевк I

Деметрий Полиоркет

Оплакивание Александра Великого. *Персидско-монгольская миниатюра XIV в.*

Реконструкция катаfalка, на котором перевозили тело Александра Великого из Вавилона в Египет

Два грифона уносят Александра Великого на небо. Мозаика XII в. из собора в Отранто (Италия)

Ника Самофракийская — памятник победы Деметрия Полиоркета над флотом Птолемея. *Начало III в. до н. э.*

дившиеся в сердцах воинов — участников в общем и целом злосчастливого похода. Особенно показательны два эпизода: эпизод в стране Мрака с поисками живой воды, к тому же повторенный в третьей книге, где царь спускается в ад, а также эпизод любви Александра и царицы амазонок. Воинам особенно запомнилось то, как в своем желании дойти до края мира царь заставил их пройти через ад жажды и голода, а женившись на всех прелестных дочерях Азии, он позабыл о собственной стране. Они одни оставались верными, терпеливыми и сдержанными. Что до Александра... Точно так же солдаты Наполеона охотно вспоминали о плачевном отступлении из России и коварстве Марии Луизы. Я бы сказал, что «Роман об Александре», вдохновленный не его придворными, но старыми солдатами, больше рассказывает о войске, чем о его вожде: поведение самого царя расценивается в нем как пораженческое или, если угодно, как предательство прекрасного идеала; деяния же воинов и сопровождавших его людей выглядят некой грандиозной жертвой во славу единственного человека — человека мало любимого или, во всяком случае, непонятого тогда, когда в своем чрезмерном честолюбии он счел себя сделанным из иного теста, чем прочие. Он жил в сверхъестественном мире, между тем как они — в самой жестокой реальности.

АРМИЯ НА МАРШЕ

Пронизывая ткань повседневности и простые жизненные действия, мы оказываемся у самой сердцевины истории, в ее потаенных глубинах. Повседневная жизнь Азиатского похода слагалась из переходов, боев, передышек и приключений, происходивших вдоль всего пути. Оценить важность или размах содеянного можно лишь по прошествии времени, только в сравнении с другими походами, кавалерийскими рейдами или великими крестовыми походами по той же Азии. Вместе с другими людьми я повторил большую часть этого путешествия, пройдя по следам завоевателей. Должен сказать, человек, хоть сколько-то располагающий молодостью и энергией, не может изведать ничего более прекрасного. Кто-то скажет: но для чего столько беготни? Да всего лишь для того, чтобы снова пройти путями, тщательно размеченными и промеренными военными батистами-шагомерами.

Парад 336 года

Всё начиналось и заканчивалось торжественной процессией, парадом. Вся Македония — с оружием и в коротких туниках — сопровождала молодого правите-

ля, который собрался предать огню тело Филиппа II, водруженное на вершине гигантского четырнадцатиметрового костра, за семь месяцев воздвигнутого тысячами людей в Эгах, в нижнем течении Галиакмона. Когда крытая повозка, доставлявшая из Пеллы набальзамированное тело царя, пересекла примерно против Вергины бурный речной поток, толпа начала организовываться: за царской семьей, плакальщицами и несущими дары слугами следовали отряды всадников на богато украшенных лошадях, затем грозная фаланга, ошестинившаяся копьями, пешие гипасписты с маленькими круглыми щитами, вспомогательные корпуса с осадными и метательными машинами и, наконец, пестрая толпа гражданских со знатью во главе. Кортёж растянулся более чем на 7 километров. В молчании двигался он на протяжении многих часов мимо большой «тумбы» (гробницы) в Палатице, куда вечером войдет провозглашенный царем Александр. В руках он будет крепко сжимать тяжелый украшенный звездами золотой ларец с пеплом своего отца и его диадемой. Возможно, это он собственными руками расположил вокруг саркофага железный панцирь, щиты с эмблемами из слоновой кости, колчаны из позолоченного серебра, гравированные острия сарисс и дротиков, разновеликие поножи колченогого правителя. Впоследствии он предоставит другим заботу о том, чтобы разместить в ближней ко входу гробницы камере увенчанной короной останки одной из семи жен своего отца, умершей (казненной?) в возрасте двадцати трех лет. Как говорит Манолис Андроникос, ему «выпало счастье» извлечь на свет в октябре 1977 года всё вышеперечисленное, а также картины, изделия из слоновой кости, обломки ларцов и остатки пурпурных, расшитых золотыми нитями тканей, казалось, еще полных жизни. Погребальные игры с атлетическими и музыкальными состязаниями были устроены в Дионе, у подножия Олимпа, где в 335 году состоялся уже другой парад, другая процессия, на которую на этот раз пригласили греческих союзников. Напрашивается аналогия с парадом, одновременно военным и гражданским, оттоманских *alay*, этих преемников *allayi*, или смены караула у

византийцев, символа готовности к бою и единства империи в войне против неверных: «Зеленые, как садовые террасы, фиолетовые, как небесные сферы, белые, желтые и красные, как розовые лепестки и заря, своим разнообразием знамена раскрашивали воздух во все цвета спинки хамелеона», — писала в 1717 году леди Мери Монтегю*. Замените «флаги» развевающимися плащами и накидками и сможете представить великие балканские парады, происходившие за две тысячи лет до этого.

Парад 334 года

С высоты огромного акрополя Амфиполя — 5 километров в окружности и 130 метров в высоту, — чьи укрепления сегодня расчищает Греческое археологическое управление, я представлю теперь другой парад. Река, охватывающая город одной из своих излучин (откуда и его название «окруженный город»), была некогда судоходна на участке в 17 километров. От порта Эйон в устье реки, около современного холма Ильипророка, корабли Греческого союза, перевозившие войска, лошадей, метательные машины, на веслах или парусах поднимались против неспешного течения Стримона. Македонские, пеонийские, фракийские войска собрались не на болотистом берегу моря, а к северу от города, на равнине среди холмов, у подножия массива Пангея. Здесь же проходила грунтовая дорога, между Пеллой на западе и Дарданеллами на востоке. Парменион приказал разным отрядам собраться здесь в первые дни весны 334 года. Они прибывали друг за другом, преодолевая бури и шторма на море и пробиваясь через балканские снега. В том же порядке, в каком прибыли, они пускались в дорогу с местными эдонами во главе, кто верхом, кто пешком, кто в крытой повозке, в обрамлении своих линейных и замыкающих и под контролем македонских интендантов, на каждом этапе

* Английскую писательницу и поэтессу Мери Уортли Монтегю (1689—1762) более всего прославили 52 письма, составленные ею по материалам дневников по возвращении из Турции, где она находилась в качестве жены посланника в 1716—1718 годах.

получая продовольствие от фракийских царьков, чьим содействием предводитель похода заручился два года назад. Войскам не привыкать к пешим переходам. У них была возможность потренироваться, особенно у участников кампании 335 года, когда им пришлось преодолеть более 400 километров до Дуная, а потом пройти более 700 километров в обратном направлении, до Фив в Беотии. И среди последних выделялись агриане из района современной Софии, несравненные воины, которые гнали с собой коз и овец, как некогда по головокружительным отрогам Витоши. Они шли в шапках и сапогах, под размеренное пение. Вероятно, воспевали подвиги на земле и на море, а их пение сопровождалось звуками флейты, гобоя или кимвал. Длинные трубы с раструбом на конце играли сигналы сбора, отправления, остановки. Следом, никогда не теряя из вида основную группу, двигался обоз и вспомогательные корпуса. Первая колонна в 6 тысяч человек и 600 повозок (войска будут выступать ежедневно в течение восьми дней) растянулась на 8 километров, отделявших равнину Амфиполя от современного поселка Родоливос. Арриан сообщает (I, 11, 5), что царь во главе войск совершил переход от реки Стримон до Сеста на Дарданеллах за двадцать полных дней. Расстояние между ними 406 километров. Разумеется, он передвигался верхом, причем по дружественной стране. Но если за ним следовала пехота, это значит, что ежедневно приходилось преодолевать по 20 километров: значительное расстояние, принимая во внимание, что армии наполеоновских времен, как и колонны античной эпохи, проходили в день в среднем едва ли 15 километров.

Походы по Малой Азии

Очевидно, скорость передвижения зависела от того, где шла армия — по проезжей отремонтированной дороге со станциями подмены лошадей или по горной тропе, вьющейся среди теснин; была ли под ногами сухая почва или путь размок от непрерывных дождей;

были ли вокруг дружественные народы или враги. Здесь мы видим разведчиков, передовые и замыкающие отряды, снабженцев: они должны парировать удары противника и обеспечивать войску выживание. Две превосходные персидские дороги позволяют добраться до самого центра империи. Одна связывала Сарды в Малой Азии с Сузами в Эламе и имела протяженность 2500 километров. Уклоняясь на север, она обходила пустыни Анатолии и Сирии. На этом караванном пути, «царской дороге», были предусмотрены станции, колодцы, оазисы и караван-сарай. Но его неотступно контролировали части Дария. Другой путь, менее удобный, называемый «Южной дорогой», соединял Милет на Эгейском море с Евфратом, проходя через север Сирии — почти напрямую, за исключением двух поворотов, огибающих горы Тавр — у Киликийских ворот и Иссских ворот близ Александреттского залива. А ведь после битвы при Гранике греческое войско пошло через Сарды, чтобы захватить провиант и золото, и ему в конце концов пришлось уйти с этих двух дорог. Около половины личного состава разместилось в столицах сатрапий на севере Малой Азии; другая половина форсированным маршем двинулась освобождать население греческих городов восточного берега Средиземного моря, ненадолго задерживаясь из-за сопротивлявшихся Милета, Галикарнаса и многочисленных крепостей Ликии и Памфилии. До нас не дошло описаний перехода через заснеженные горные массивы Писидии в конце зимы 334/33 года. Должно быть, в тот раз начало похода никак нельзя было назвать веселым и встречи с жителями освобожденных дружественных городов не предвещали одну только радость. Крутыми тропами обоз преодолевал перевалы высотой почти 2 тысячи метров, воины из последних сил толкали повозки.

«Александр, двинувшись от Фаселиды (греческий город между современными городками Кемер и Текирова на восточном побережье Ликии), послал часть своего войска через горные проходы к Перге на западе Памфилии, дорогу им прокладывали фракийцы, и была она тяжела и длинна. Сам он пошел со своим войском по берегу вдоль моря (до Анталии). Идти здесь

можно, только если дует северный ветер; при южном по побережью идти нельзя. Южный ветер только что утих и — не без божественного произволения, как решил и сам Александр и его сторонники, — задул сухой борей, и они прошли быстро и без утомления» (*Арриан*, I, 26, 1—2). Мы можем извлечь из этого сообщения лишь следующее: что порой войско продвигалось у подножия крутых прибрежных утесов, будучи то и дело окатываемое волнами и водяными брызгами. После Гордия огромной колонне понадобилось идти два месяца, чтобы в начале июля 333 года добраться до Тарса. Здесь пришлось идти берегом еще одного моря, расположенного посреди бесплодной степи. То было соленое озеро Туз, или Туз-Гелю, протяженностью 90 километров, в неделю пути к югу от Анкары, и горе всякому, будь то человек или лошадь, кто слишком долго шел вдоль кромки ослепительной равнины, белизна которой тускнела только возле дороги. Соль и сода разъедали кожу и копыта. Страшная боль терзала израненные до крови ноги.

В Киликийских и Сирийских воротах войско долго топталось на месте, пока в ноябре 333 года на берегах Пинара не столкнулось лицом к лицу с разношерстными силами персов. Почти год потребовалось македонянам и грекам на то, чтобы овладеть Тиром и Газой в Финикии, иными словами, за это время они продвинулись на юг всего на 600 километров. После этого они вдруг совершают бросок в Египет, и за шесть дней конница покроеет расстояние в 200 километров, отделяющих Газу от пелузийского рукава Нила (*Арриан*, III, 1, 1).

Передвижения в Африке

Пышные празднества в Мемфисе, бездеятельность угнетают «друзей» царя. В январе 331 года Александр увел с собой пять из десяти тысяч человек, чтобы основать Александрию между Фаросом и Ракотидой, чуть выше канопского устья Нила. После этого в сопровождении лишь небольшой свиты всадников легкой конницы и верховых на верблюдах, совершив 580-километровый

переход через расположенный на побережье Мерса-Матрух, он добирается в самый центр пустыни, к оракулу бога Амона в оазисе Сива. Поездка с возвращением через впадину Каттары длится всего лишь около двух месяцев, но сколько событий, страхов и засад! Лучший, по нашему мнению, рассказ — тот, что мы находим у Квинта Курция Руфа, позаимствовавшего его у Клитарха: «В первый и последующий дни трудности пути показались преодолимыми, но люди еще не дошли до бескрайней голой пустыни, хотя шли уже по бесплодной и вымершей земле. Но когда перед ними открылись равнины с глубокими песками, они уподобились морякам, вышедшим в открытое море и тщетно ищущим глазами следов земли. Им не попадалось ни дерева, ни клочка возделанной земли. Не хватало уже и воды, которую везли в мехах верблюды и которой совсем не было в раскаленном песке. Кроме того, палило солнце, рты у всех были сухи и опалены, как вдруг то ли случайно, то ли по милости богов заставшие небо тучи закрыли солнце, что было большим облегчением для измученных, помимо недостатка воды, еще и зноем» (IV, 7, 10—13). Через четыре дня и четыре ночи, когда людьми овладело уныние, над отрядом разразился посланный Провидением дождь. Стараясь обеспечить себя водой, кто черпал ее из земных впадин и даже из холста шатров, «а многие, изнемогая от жажды, ловили его прямо ртом» (IV, 7, 14). Следующие четыре дня прошли в медленном продвижении среди зыбучих песков. Пролет воронов и встреча с двумя змеями, заползшими из оазисов, помогли проводникам отыскать тропу. Разбредшиеся люди вновь собрались вместе. «Самое удивительное, как рассказывает Каллисфен, заключалось в том, что ночью птицы криком призывали сбившихся с пути и каркали до тех пор, пока люди снова не находили дорогу» (*Плутарх* «Жизнь», 27, 4). Похоже также, что змеи разговаривали... О возвращении Александра из оазиса Сива в Мемфис мы ничего не знаем, кроме того, что для преодоления 550 километров в три недели пришлось двигаться ночью, а днем укрываться от самума в палатках. Вполне достойный подвиг, если вспомнить, что царь Камбиз, как говорят, некогда потерял здесь 50 тысяч человек.

Преследование Дария

Невозможно, чтобы легковооруженные всадники и погонщики верблюдов выдерживали подобный темп, в среднем 28 километров ежедневно, в течение столь долгого времени. Вместе с пехотой и тяжелым обозом армия, собиравшаяся в третий раз атаковать войско Дария, передвигалась в два раза медленнее. Она вышла из Египта в начале весны 331 года, во всяком случае, до 7 апреля, чтобы около 1 августа по двум понтонным мостам перейти Евфрат в античном Тапсаке (ныне Джераблус) на севере Сирии, на несколько дней останавливаясь в Тире, Дамаске и Алеппо. Вновь степь и пустыня, но, несмотря на слабую всхолмленность местности и обилие колодцев и караван-сараев от Каркемиша до Тигра, колонне потребовалось как минимум сорок три дня, чтобы преодолеть 440 километров, отделявших ее от второй реки, что дает в результате немногим более 10 километров в день. Правда, тот, кто видел в августе холмы-телли в районе Харрана (античные Карры, где Красс потерял свои легионы) в Ассирии и слепленные из высохшей грязи лачуги в форме ульев, в которых еще и сегодня ютятся местные жители, кто становился игрушкой миражей — тысяч пальм на горизонте, и испытал ужас от того, что рядом с ним вырастают песчаные колонны, достигающие самой крыши этого пекла, понял бы, что Великая армия могла передвигаться среди абсолютной враждебной страны лишь несколько часов на заре и с наступлением ночи. Часть войска перешла реку вброд во время лунного затмения в ночь с 20 на 21 сентября 331 года, а остальное войско вместе с обозом вынуждено было пройти еще 40 километров, прежде чем дать большое сражение при Гавгамелах. Отсюда до Вавилона по «царской дороге», без каких-либо препятствий, 400 километров за тридцать четыре дня пути; от Вавилона до Суз — 370 километров в двадцать дней; от Суз до Персеполя, опять же по хорошей дороге, — 590 километров приблизительно за месяц; от сожженного Персеполя до нетронутой столицы Экбатаны — 700 километров за сорок четыре дня. Подсчитаем: переходы составляли от 12 до 18 ки-

лометров в день. Затем скорость нарастает: следовало любой ценой догнать и захватить Дария, убежавшего со всеми своими сокровищами, повозками, женами и наемниками, до того, как он поднимет сатрапии на севере Ирана и вновь соберет войско. Македонская конница и легкая пехота форсированными маршами с 9 по 20 июня быстро проходят или, вернее, пробегают 310 километров между Экбатаной и Рагами (в 10 километрах от Тегерана), что составляет 28 километров ежедневно. Арриан рассказывает, как вслед за этим самые скорые из союзников стремительно заняли Каспийские ворота (перевалы Сиалек и Сардар) и со всей поспешностью стали запасаться провиантом, чтобы пересечь пустыню и с фантастической скоростью — 300 километров за шесть дней — достичь места немного к западу от Дамгана в Парфиене, где «они обнаружили убитое тело царя Персии» (*Арриан*, III, 20—21). Преследование достигло кульминации в ходе безостановочного 70-километрового перехода, совершенного за восемнадцать часов (30 июня — 1 июля 330 года). В который раз наиболее легковооруженным пехотинцам, несущим лишь оружие и провиант на два дня, приходится пересаживаться на коней.

Кампании 330—323 годов

Военная кампания против мардов и гирканцев на берегах Каспийского моря была скорее военной прогулкой, длившейся около месяца: цветы, фрукты, зерновые, стада, девушки делали продвижение завоевателей неспешным. Но тут внезапно пришло известие, что в тылу у них Бесс поднимает Арию, Дрангиану и Бактриану, практически весь современный Афганистан. Отмечать, подобно военным землемерам, каждый шаг и каждый этап было бы слишком утомительно. Следует обратить внимание лишь на два факта. Первый состоит в том, что, несмотря на большую высоту над уровнем моря и приближение зимы, войска продолжали наступать. От Герата до Фрады, около современного Фараха, а оттуда до Кандагара и Газни близ Паропани-

сады, горы «столь высокой, что орел Сена не может ее перелететь», — 1010 километров при средней высоте 2000 метров. Войско, достигшее Ортоспаны близ Кабула в декабре 330 года, было так изнурено, так измучено холодом и голодом, что зимой 330/29 года инвалидам пришлось основать Александрию, названную Кавказской, в 70 километрах к северу от Кабула, между Бергамом и Чарикаром. «Снега, покрывающие там землю, так глубоки и так скованы почти непрерывными морозами, что не остается даже следов птиц или каких-либо животных. С неба нисходит на землю скорее черная, подобная ночи, мгла, чем свет, так что едва можно различить близкие предметы. Войско, заведенное в эту пустынную местность без следов человеческой культуры, претерпело всё, что только можно претерпеть: голод, холод, утомление, отчаяние. Многие погибли от непривычно холодного снега, многие отморозили ноги, у большинства же людей пострадали глаза. Утомленные походом воины в изнеможении ложились прямо на снег, но мороз сковывал их неподвижные тела с такой силой, что они совершенно не могли сами подняться. Оцепенение с них сгоняли товарищи, и не чем другим, как принуждением двигаться. Тогда возвращалось к ним жизненное тепло и их члены получали силу. Кому удавалось войти в хижины варваров, те быстро приходили в себя. Однако мгла была столь густа, что жильё обнаруживали только по дыму». Слова Квинта Курция (VII, 3, 11—15), которые я только что процитировал, подтверждают все античные историки. Настоящий поход смерти, который будет повторен в Гиндукуше, на высоте почти 4 тысячи метров три месяца спустя, затем в Алайских горах между 329 и 327 годами. Похоже, царь, удрученный столь плачевным состоянием своей армии, созданной, как он полагал, «из гранита и железа», шел в пешем строю колонны на марше и пытался поднять некоторых обессилевших солдат...

Второй, не менее важный факт состоит в том, что чем больше восстаний поднималось в Бактрии и Согдиане, тем больше мобильных, летучих, подвижных отрядов создавало командование. Требовалось любой ценой истреблять скифских всадников, одинаково хо-

рошо владевших мечом и луком, застигать их врасплох и уклоняться, поджигать вражеские укрепления и строить малые форты. С этой целью македонские всадники в одну ночь преодолели 74 километра песков (*Квинт Курций*, VII, 5, 1). Летом 329 года отряд Птолемея, в задачу которого входило захватить сатрапа Бесса с его охраной к северу от Амударьи, в Согдиане, «прошел за четыре перехода десятидневную дорогу» (*Арриан*, III, 29, 7). В ноябре 329 года в пламенеющей степи Восточного Туркменистана, где македоняне потеряли 2300 человек, карательный отряд преодолел 150 километров чуть больше, чем за три дня (*Квинт Курций*, VII, 9, 20). Другой отряд добрался из Карши, где конница получила свежих лошадей, до Самарканда, в 140 километрах севернее, за четыре дня. Никому не известно, насколько было истощено войско во время этих жестоких кампаний 329 и 328 годов в ледяных теснинах на севере Памира и в раскаленной коричневой пыли Каракумов, кишаших насекомыми и змеями. Известно только, что царские гетайры были обрадованы доставкой маленьких скифских лошадок и что войско было усилено 20 тысячами наемников, которые явились сюда по горам и долам из Греции, Ликии и Сирии. Они также прошли пешком более 4 тысяч километров, а осенью 330 года отряд македонян верхом на верблюдах пересек Деште-Кевир между Фрадой и Экбатаной, чтобы казнить старого полководца Пармениона. Этот отряд преодолел 1300 километров за одиннадцать дней, более 110 километров ежедневно. Пехотинцы же, не так спешившие убивать и быть убитыми, в это же время проходили от 12 до 15 километров в день. Десять месяцев непрерывных переходов: в мире не отыскать животных, не говоря уже о людях, которые бы выдержали такое напряжение.

Стоит ли снова вспоминать о переходе из Гедрозии (в современном Белуджистане), через Белу на Пурали, в Паура-Бампур (Макран в Иране), во время которого адскими мучениями весь путь был преодолен за шестьдесят дней, то есть со скоростью 11 километров в день? Этот переход, несомненно, последний, если не считать короткой карательной экспедиции против касситов

прямо перед смертью царя, показал пределы того, что один человек может требовать от других. Немногие смогли пройти 18 тысяч километров, к тому же продвигаясь большую часть времени верхом. Если пехотинец, завербованный в восемнадцать или двадцать лет, десятью годами позднее объявлялся ветераном и мог остаться в какой-нибудь колонии или фактории, насколько же он изнашивался и старел прежде срока! Объясняя катастрофическую убыль частей, участвовавших в походе, мы виним ранения, эпидемии, скверную пищу. Но почему не переходы сверхчеловеческих возможностей и гордыню одного завоевателя? *Meizon e kat' anthropou physin*, — говорили греки («Более, чем способна вынести природа человека»). Уцелевшие, слава и преувеличивая подвиги мертвого бога, на самом деле воздавали почести выносливости своих умерших товарищей и своей собственной стойкости.

Скорость передвижения

Здесь напрашиваются следующие выводы. Первый заключается в том, что истощение и преждевременный выход людей из строя были в большей степени следствием неравномерной скорости, чем длительных переходов. Новобранцы, которые ежегодно поступали в различные отряды войска, прибывали относительно свежими, хотя уже проделали путь в тысячи километров. От Бейрута до Сринагара в Кашмире — самое меньшее 5500 километров. Однако, высадившись в одном из портов Сирии, они преодолевали это расстояние со средней скоростью от 15 до 18 километров в день, двигаясь в наиболее прохладное время суток. Повсюду на покоренных территориях они находили склады с провизией и водой. Совсем не так обстояло дело, когда им приходилось сближаться с неприятелем, атаковать, преследовать, отступать, переходить через пустыни, преодолевать горные массивы. Войско внезапно переходило с обычного к быстрому шагу или бегу, от медленного продвижения по ровной местности — к карбканью по ледяным склонам. Для сравнения сле-

дует сказать, что машинам «Желтого рейда»* в 1931 году приходилось преодолевать сорокаградусные склоны и тратить порой по десять часов на какие-то 6 километров. Скорость всадников на лошадях не равнялась скорости тех, кто ехал на верблюдах и ослах, последние же обязательно сопровождали любой поход в Африке и Азии. Как правило, обоз шел следом. Приходилось ожидать его и отставших. Командиры обязаны были согласовывать переходы, особенно в жаркие сезоны, когда перемещение становилось возможным лишь по ночам. На самом деле, как и во время всех крупных миграций или кочевок, скорость людей зависела от скорости верховых и вьючных животных. Поэтому не случайна связь слов *troupe* (войско) и *troupeau* (стадо) во французском языке. Кроме того, следовало следить за тем, чтобы одно не сделалось другим, чтобы огромная толпа гражданских не превратила армию в беспорядочную орду.

Подготовка

Второй вывод содержит в себе следующую мысль: за исключением самого начала и конца перехода, сто тысяч человеческих существ и тридцать тысяч животных Азиатского похода никогда не объединялись. Такая колонна на марше, на лучших дорогах Македонии или Персии, растягивалась на 70 километров! Женщины, дети, торговцы, артисты, пленники, сопровождавшие войско, следовали за ним на значительном расстоянии. Повсюду и всегда, как в Египте, так и в остальной части бывшей Персидской державы, греческая армия была разделена на множество колонн, действовавших и передвигавшихся самостоятельно, иногда даже подразделениями, формировавшимися исходя из конкретной обстановки (*dimakhai*), то есть отрядами в пятьсот человек, аналогичными позднейшим драгунским полкам, сражавшимся то в пешем, то в конном строю. В то

* «Croisière jaune» — организованный Андре Ситроеном в 1931—1932 годах автопробег в Азии по маршруту Бейрут — Пекин на автомобилях на гусеничном ходу *Citroen C4-P17*.

время как Парменион собирался занять Сарды, а затем Гордий, Александр прилагал усилия к покорению Карии и Ликии. Такое рассредоточение сил окажется особенно необходимым в Бактрии и Согдиане. Гефестион со своими отрядами готовит вторжение в Индию остальной армии, идущей с севера. Кратер со слонами, лошадьми и тяжелым обозом входит в Индию через Афганистан, а Александр со своими частями налегке пересекает Белуджистан и Южный Иран. Не следует забывать также переправы через реки, вброд или по понтонным мостам, а также пересечение морских заливов на кораблях, что гораздо быстрее, но менее безопасно. Передвижение такого количества людей требует методической и тщательной организации, расчета специалиста.

Лагерь

Если армия не стоит в крепости или гарнизоне, если она не размещена по общественным зданиям или самым богатым в городе домам, она в конце дневного перехода разбивает лагерь. Когда Квинт Курций упоминает девять лагерей (IX, 10, 5), это соответствует девяти дням похода. Не следует только воображать эллинские лагеря на римский манер: правильный прямоугольник с двумя главными, перпендикулярными улицами, настоящая маленькая крепость, окруженная двойным рвом и валом с частоколом. «При устройении лагеря, — пишет Полибий (VI, 42) двумя веками позже, — греки полагают, что самое главное — это следовать местности, укрепленной самой природой, с одной стороны, так они избегают трудов по рытью укреплений, а с другой — полагают, что никакие искусственные ограждения по степени надежности не сравнятся с данными от природы. Поэтому-то для них неизбежно сообразовываться со свойствами местности, менять общую схему всей стоянки и, смотря по местности, располагать отдельные ее части то здесь, то там. Вот почему в стоянке эллинов нет определенных мест ни для отдельных воинов, ни для целых частей войска». Тот же Полибий

поясняет (XVIII, 18), что греки, и так обремененные своими огромными сариссами, не в состоянии нести на марше еще колья для ограды, подобно римлянам. Никакие раскопки, никакие изображения или тексты не показывают нам, как воины греко-македонской армии устраивали временный лагерь. Следовательно, мы можем лишь предполагать, что они меняли размеры лагеря в зависимости от характеристик местности, что командиры разведчиков действовали по обстоятельствам, а первые прибывшие на стоянку занимали лучшие места, по возможности рядом с источником воды. Тем не менее, если лагерь имел важное стратегическое значение и его предстояло занять надолго, воины укрепляли его, иными словами, окружали двойной стеной из высушенных на солнце кирпичей, увенчанной дозорным путем, башнями и зубцами. Так обстояло дело с двенадцатью опорными пунктами, выстроенными в Бактрии и Согдиане около 329—328 годов, и, очевидно, теми несколькими Александриями, что были построены со всей поспешностью. Самая северная, около Ходжента, имела кольцевую ограду с длиной окружности более 8 километров, возведенную менее чем за три недели (*Арриан*, IV, 4, 1; *Квинт Курций*, VII, 6, 26; *Юстин*, XII, 5, 12). Известно, что в плане египетская Александрия напоминала очертания разложенного на земле плаща, а крепостные стены достигали в длину 8500 метров.

Верно одно: в каждом лагере солдаты начинали с того, что ставили палатку, представлявшую собой пропитанный льняным маслом длинный кусок полотна с двумя скатами, поддерживаемый деревянными стойками и фиксированный металлическими колышками, воткнутыми в землю. Внутри укрывались и спали на земле, как правило, десять воинов и их командир. Во время маршей все вещи для лагеря, а также котлы, провиант и укрытия перевозились на вьючных животных. Только знать располагала личными палатками, мебелью и коврами. Царь ставил свой шатер, и по мере продвижения вглубь Азии он становился всё просторнее и роскошнее. С 330 года мы видим в нем трон под балдахинном, поддерживаемый позолоченными деревянными колоннами. Справа и слева от трона стояли на часах па-

жи, точно так же, как перед кожаным пологом палатки стояли на страже гетайры. Приемы, трапезы, попойки проходили в передней части этих «апартаментов», способных принять до сотни человек. Царская спальня была отделена от основной залы огромным тяжелым занавесом, поднимавшимся с помощью канатов. В 1970 году мне довелось побывать около Ктесифонского дворца в Ираке в палатке вождя племени, тщательно восстановленной с помощью Министерства культуры. Я не видел ничего более комфортабельного, чем этот наполненный благоуханными ароматами дом из войлока, с плетеной мебелью, тканями, мягкими коврами, с кувшинами, тазами и блюдами из чеканной меди, сундуками с инкрустациями. Мне также доводилось спать в тесных палатках в горах, степях или пустынях Среднего Востока, скорчившись на тоненькой подстилке. Едва ли в намного более удобном положении, чем простой воин Александра Македонского. Заколачивая колышки, я никогда не был уверен, что удалил с земли всю смертельно опасную живность. Мне, как и эллинским солдатам, доводилось на рассвете находить скорпиона или тарантула в своей обуви или ночь напролет страдать от укусов комаров и москитов.

Снабжение

Упряжки вьючных животных перевозили вместе с провиантом для людей фураж и зерно, предназначенные для лошадей. На стоянках о животных заботились в первую очередь: поили, чистили скребницей, кормили сеном, викой или полбой или, если позволяли страна и климат, оставляли пастись на чужих хлебах или люцерне, а потом — спать стоя под звездами. Вероятно, конюхи тоже засыпали, поскольку однажды Букефал, любимый гнедой царя, убежал, обезумев от запаха течных парфянских кобыл. Из предосторожности большая часть всадников предпочитала привязывать коней за недоуздок к одному из колец палатки, подальше от драчливых и шумных ослов и верблюдов. Когда палатки были поставлены и животные накормлены, коман-

диры отрядов распределяли наряды на приготовление еды, охрану, земляные работы или благоустройство территории, если это было необходимо, на заготовку дров или прутьев, если они были, на рытье отхожих мест, если позволяла почва. Разжигались костры, и на них пекли ячменные лепешки. Готовили также сухеную рыбу, блины из пресного теста, похлебку из гороха и бобов, кусочки вяленого мяса или бекона. Всё это съедалось по отделениям, и так питались всегда во время военных кампаний — от Сирии до самой Индии. Существуют прямые свидетельства, что греческие воины несли с собой сухой паек на два—семь дней пути: лепешки, фрукты и муку, оливки, немного растительного масла и сыра, флягу вина, в той или иной степени разбавленного водой. Минимум веса и места. Нам не известны ни точное количество, ни калорийность продуктов. Вероятно, этот запас был схож с рационом, предписанным солдатам и матросам европейских армий XVI—XVIII веков. Первый документ, касающийся пропитания английских моряков, от 1570 года предусматривал ежедневно выдавать 983 грамма твердой пищи (печенье, бекон, вяленая рыба, горох, сливочное масло, сыр) и галлон, то есть 4,5 литра пива. Энергетическая ценность этого набора продуктов равна 5460 калорий, что практически в два раза больше среднего рациона европейских рабочих и слуг той же эпохи. Мы уже не говорим о двойном рационе всадников и командиров. Начинаешь понимать, почему столько людей стремилось попасть в македонскую армию! Естественно, режим питания варьировался в зависимости от страны, в которой находилось войско, а также чина и религии воинов. Когда имелась возможность поохотиться в заповедниках африканских и азиатских владык, например в Сидоне или Бехистуне, македонские военачальники не ограничивались охотой на львов, пантер и леопардов: они обеспечивали свой стол кабанами, газелями, антилопами, каменными баранами и оленями. Но представьте удивление воинов, когда они открыли для своего стола египетских гусей, каспийских фазанов, варварийских уток, буйволов Индии, дамманов Сирии и съедобных грызунов Северного Ирана

и Афганистана, переносчиков чумы. Мы уже не говорим о маршах, когда пропитания не хватало и люди вынуждены были, о ужас, питаться своими конями. В Бактрии хранилища были так хорошо спрятаны под землей, что солдаты питались лишь речной рыбой и дикими растениями (*Квинт Курций*, VII, 4, 24).

Один день военной кампании

«Сможет ли кто-либо из вас сам ухаживать за конем, чистить копыта или шлем, если вы отвыкли прикасаться руками к тому, что всего дороже, — к собственному телу?» Таков был упрек, адресованный царем своим войнам, похоже, совершенно разленившимся после крупных побед 330 года (*Плутарх* «Жизнь», 40, 3). Таково и основное определение тех занятий, которыми обязаны были заниматься солдаты в лагере. В других текстах мы видим людей, которые перевязывают свои раны, особенно на ногах, этих наших «дражайших больных», смазывают тело кунжутным маслом, латают ботинки или подбивают на них новые подметки, приводят в порядок свою одежду, пишут письма домой (не зная, что военная цензура берет недовольных на заметку), играют в кости, бабки, дамки, классы, обсуждают цены на продукты питания или сплетничают о планах, которые вынашивает ближайшее окружение царя. Если бы у нас не было «Вульгаты», то есть основных рассказов, собранных Клитархом из уст ветеранов, кто-то подумал бы, что я цитирую рассказ какого-нибудь сержанта Бургоня, участника Наполеоновских войн. За два тысячелетия условия жизни людей на марше несколько не изменились, даже если копыта в один прекрасный день сменил штык. Изменились лишь орудия и способы умерщвления людей. Среди специальных нарядов, на которые отряжали в Азии грубых пехотинцев с Балкан, отметим, среди прочего, реквизицию вьючных животных и сопровождение караванов. Гарпал, ведавший финансами, и царский наместник в Экбатане, в 326 году приказал Мемнону и его людям сопровождать до самой Индии обоз с 25 тысячами единиц военного сна-

ряжения и 2,5 тоннами лекарственной продукции (*Квинт Курций*, IX, 3, 21; *Диодор*, XVII, 95, 4). А ведь от Экбатаны, расположенной на берегах Чинаба, античного Акесина (на санскрите Асикни, или Черная Река) самым прямым путем до Индии было 2800 километров, что составляло около 200 дней пути. Нетрудно представить, что думали и говорили по этому поводу триста привлеченных к выполнению этой миссии воинов.

Трубы или флажки давали сигналы к сбору, остановке, отбою, отправлению. «Раньше сигнал к снятию с лагеря подавался трубой, звук которой часто из-за начинавшегося шума был недостаточно слышен, теперь он поднимал над штабом шест, который был отовсюду виден, и на нем знак, заметный одинаково всем: по ночам это был огонь, а днем — дым» (*Квинт Курций*, V, 2, 7). Такая оптическая сигнализация, введенная в греко-македонской армии в начале 330 года, в основном была заимствована у персов, у которых поклонение огню занимало огромное место. Но мы были бы в высшей степени неправы, вообразив, что выступление греческих солдат заключалось в простом движении, в суматошной боевой тревоге. На самом деле, день или то, что греки называли «священный день», начинался с разнообразных священнодействий, с официального жертвоприношения, с запроса прорицателей, наблюдавших за небесными явлениями и внутренностями принесенных в жертву животных, с ритуального зажжения огня, с курения фимиама, с молитв. Какова бы ни была религия древних людей, они знали: ничто не делается без согласия и одобрения богов, без заклинания зла, особенно во вражеской стране. Царь подавал пример самой строгой набожности. Будучи гарантом в области культа, он в основном соблюдал ритуалы, бывшие в ходу в старой Македонии и до суеверности верил в знаки судьбы. Больше всего он молился Зевсу и героям своей династии. Диониса он остерегался. Рассказы историков полны тревожных вопросов, которые Александр задавал Аристандру из Тельмесса, своему любимому прорицателю, о ходе операций. Особенно часто это случалось на утренней заре перед битвой и при вступлении на неизвестную территорию. Никто не на-

меревается обречь другого на смерть, не избегая расплаты за это, не попытавшись отвести погибель от самого себя. Перед битвой боится даже самый отважный. «Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор» (Ларошфуко). Воин состоит у смерти на службе, говорил поэт Менандр, современник великого похода: он дает себя убивать, чтобы жить.

Сражения в правильном строю

Поговорив о переходах, нам необходимо еще рассмотреть второй важный момент повседневной жизни греко-македонского войска, а именно его встречи с неприятелем. Прежде всего следует оговориться: сражения в правильном строю, так называемые битвы, были скорее редкостью, если не исключением. Их наберется едва ли четыре: битва при Гранике во Фригии Геллеспонтийской в конце мая 334 года; битва при Иссе в Сирии в октябре 333 года; битва при Гавгамелах в 27 километрах к северу от Ниневии, в самом центре современного Ирака, 1 октября 331 года; битва при Джелампуре на Джеламе в Северном Пакистане в мае 326 года. Другие сражения — не более чем овладение дефиле, перестрелки, засады, так называемые операции по зачистке и умиротворению, осады или вульгарная резня туземцев. После смерти Дария и до возвращения Александра из Индии, то есть в течение пяти полных лет, различные военные отряды прерывали марши, чтобы дать бой. Второе утверждение: в этих бесконечных, занявших двенадцать лет военных кампаниях с греческой стороны погибло меньше народу, чем во время переходов, от эпидемий, недостатка пропитания и заботы, а также от чрезмерного пьянства. Глотка погубила больше, чем меч, гласит латинская поговорка. Мы абсолютно не доверяем невероятным потерям, приписываемым античными историками неприятелю, чтобы свести греческие и македонские потери практически к нулю. Это одностороннее освещение результатов сражений на самом деле коренилось в страхе, который жители Запада испытывали перед ордами Востока,

а также в отсутствии точных сведений о реальных силах противника. Даже канцелярия, располагавшая бумагами Дария, путалась в сведениях о переписях и в мобилизационных списках. Скажем так: воин желал представиться великим — до и особенно после победы, чтобы его достоинства оценили. И так, имело место множество стычек с малыми потерями — по крайней мере с греческой стороны.

Граник

Не просите меня объяснить, как протекали четыре названные великие битвы. Помимо того, что я не являюсь специалистом по тактике, у античных историков в этом вопросе не больше согласия, чем у самых квалифицированных из наших современников. Ход сражений произвольно воссоздан на основе сообщений Александра регенту Антипатру и городским властям Греческого союза. Нас же касается и интересует то, что мог видеть среди всего этого простой воин — яростные рукопашные схватки. Основной фактор успеха, за исключением натиска, — внезапность. Когда армия балканских народов, после двух недель переправ и маневров наконец соединившаяся в Арисбе, на азиатском берегу Дарданелл, узнала от своих командиров, что враг собирает свои войска около Кизика в 100 километрах к северо-востоку, что могла она подумать о приказе, гнавшем ее вперед с огромной скоростью? Вначале стереотипы, сложившиеся на протяжении веков: азиаты, кем бы они ни были, изнежены, ленивы, слабы, но, подобно презираемым греками женщинам, слынут коварными, непостоянными, утонченными в попытках, варварами во всех смыслах этого слова — непостижимыми, эгоистичными, жестокими, словом, скверными людьми, признающими лишь жестокую силу и тиранию. Подобные убеждения иррациональны, но впечатления в наши умы и по сей день. Вторым ощущением являлся страх, который постепенно вытеснял уверенность и веселье, владевшие завоевателями при отплытии. Тут я ничего не придумываю: этот страх читается в

«Вульгате», а также у Диодора и Плутарха. Небольшая армия Греческого союза, 43 тысячи пехотинцев и 6100 всадников убеждены, что вот-вот столкнутся со всеми азиатскими силами, в десять, в сто раз превышающими их собственные и к тому же усиленными десятками тысяч греческих добровольцев, сражавшихся под командованием закаленного полководца Мемнона с Родоса. Готовы ли резать собственных братьев гоплиты Коринфского союза, вооружившиеся ради освобождения греческих городов в Азии? Достанет ли у них сил вынести одно только это зрелище — а затем и само столкновение с противником? «Сражение было неизбежно, ибо здесь находились как бы ворота Азии, и, чтобы начать вторжение, надо было биться за право входа. Однако многих пугала глубина реки (Граника), обрывистость и крутизна противоположного берега, который предстояло брать с боем. Некоторые полагали также, что следует считаться с обычаем, установившимся в отношении месяца десия (*daisios* — май): в этом месяце македонские цари обыкновенно не начинали походов. Однако Александр поправил дело, приказав называть этот месяц вторым артемисием» (Плутарх «Жизнь», 16, 1—2).

Именно с такими чувствами, смесью иллюзий, любви к риску, веры в оружие («Мы обладаем лучшими копейщиками и лучшей осадной техникой в мире!»), подозрительности и суеверий, во второй половине мая 334 года войско прошло 84 километра, отделяющие его от Граника. И внезапно в конце дня появился враг. Он ждет за рекой. Современная Бига-чай или Кокабасчай представляет собой совсем маленькую прибрежную речку, берущую начало с горного массива Иды в Троеде (Каз-Даг) и впадающую в Мраморное море между двумя греческими колониями Приапом (Карабига) и Кизиком (Эрдек). Ширина реки 25—30 метров, в 4 километрах от устья на ней есть несколько песчаных островов. Никаких крутых берегов. В долине Диметока ее очень легко перейти вброд. На другом берегу, к юго-востоку от дороги, между ивами и тополями расположен заслон персидской конницы. По мере подхода македонские, а затем и фессалийские отряды во главе с

кавалерией выстраиваются вдоль течения реки. Их фронт из трех тысяч шестисот всадников и двенадцати тысяч гоплитов фаланги тянется с севера на юг не более чем на полтора километра. Внезапно первая ила конницы во главе с царем подает сигнал к наступлению и бросается в реку под градом стрел и камней, пущенных из пращи. Двенадцать других ил идут следом. Копыта коней скользят в грязи береговых откосов. Персидские всадники и их союзники из Малой Азии с ревом устремляются к местам переправы. Пока завязывается рукопашная схватка и длинные сариссы македонских гоплитов творят чудеса против льняных доспехов и кривых сабель азиатских воинов, старый Парменион спокойно, методично переправляет свои отряды через грязное русло реки. Следом за ними следуют отставшие греческие, фракийские, дарданские, иллирийские части, словом, союзники и наемники, задачей которых является зачистка поля боя. Когда конница противника была рассеяна и обращена в бегство, когда она исчезла из глаз, кроме нескольких коней без всадников, начался штурм покато го холма высотой 65 метров, где выстроились греческие гоплиты, наемники на службе Персии. Они пытались вести переговоры с победителями. Неизвестно, происходило ли это ночью или на заре. Достоверно лишь то, что союзники устроили наиболее жестокую за всю войну резню. Вот вам греческие братья! Если они не сдались на милость победителя, никакой пощады. Убивали всех, кто сопротивлялся, добивали лежавших на земле, преследовали спасавшихся бегством, отбирали провиант и деньги. Озверение полностью соответствовало тому страху, который еще недавно внушали эти греческие наемники, эти лжебратья. Как минимум десять тысяч убитых. Армия-победительница уходила с поля боя, чтобы уступить место стервятникам, волкам и идским грифам, готовым обглодать трупы до самых костей. Александр отправил афинянам триста взятых у врага бронзовых щитов для украшения их храмов. История умалчивает о тех торговых операциях, которые провернули победители — прямо здесь, во Фригии, — чтобы разделить и продать добычу. Однако никакого сомнения, что после

взятия лагеря «варваров» торговцы рабами и старьем показали себя более жадными и хищными, чем худшие из варваров.

«Это сражение, — пишет Плутарх («Жизнь», 17, 1), — сразу изменило положение дел в пользу Александра», откуда можно сделать вывод, что перед этим положение молодого царя едва ли было блистательным и что настроение войска полностью изменилось. Самый последний и наименее храбрый воин внезапно осознал, что войско великого царя не непобедимо. Фемистокл, Павсаний, Ксенофонт, Агесилай, Исократ уже говорили и писали об этом раньше; но простой солдат не читал описаний битв. Он был здесь, чтобы идти вперед и побеждать. Он был здесь, чтобы быть встреченным в качестве освободителя в греческих колониях в Азии и мстителя — в городах, закрывших перед ним ворота. Переход от Граника во Фригии до Тельмесса в Ликии не имел ничего триумфального. Города, считавшиеся греческими, решились сопротивляться, предпочтя иго азиатских сатрапий обещанному им демократическому режиму. Народ нельзя сделать счастливым против его желания. В начале зимы 334 года «освободители» говорили себе, что счастье, а тем более свободу, не просят: его берут или завоевывают в борьбе. Также они говорили себе, что борьба только начинается. В армии ходил слух, старательно поддерживаемый командованием, что около города Ксанф в Ликии источник нимф выдал оракула в виде бронзовой таблички, на которой старинным письмом записано, что Персидская держава будет разрушена греками. Французские исследователи обнаружили этот источник и сообщающийся с ним бассейн и даже посвятельную надпись от «царя Александра». Разумеется, от таблички ни следа. Несомненно, однако, одно: после битвы при Гранике в душу полководца, как и в души его боевых товарищей, уставших от тысячи километров марша, которому они не видели конца, вернулась вера в победу. «Надежда переметнулась в другой лагерь, сражение переменило душу». Оставалось лишь, как при Гранике, рассеивать орды плохо вооруженных, плохо воюющих, неумело руководимых людей, которых Дарий,

как говорят, после потери живой силы и Мемнона, своего лучшего стратега, собирался выслать в Малую Азию.

Исс

Пополненное отрядами Пармениона и новобранцами, доставленными из Македонии и Греции, войско пересекло Анатолию с севера на юг, преодолело Тавр и, по-прежнему не зная, где находится войско Дария («сборище всех народов, варварское отребье»), двинулось по берегу Александреттского залива между горой Аман (2262 метра) и морем. Армия прошла Сирийско-Киликийские ворота. Она дошла до Мирианда несколькими километрами южнее современного Искендеруна, на самом юге современной Турции. И здесь внезапно стало известно (по крайней мере распространился слух), что Дарий как минимум с полумиллионом пешего войска и ста тысячами всадников — у них за спиной. Он уже прошел через Аманские ворота, отделяющие Тавр от Амана. Он поджег Исс и вырезал всех греков на берегу, включая больных и инвалидов. Греческий тридцативесельный корабль, отправленный на разведку в глубину залива, принес утром потрясающее подтверждение слухов. Войско разворачивается на север. С тяжелооруженной фалангой во главе, следом за которой идут легкие войска и союзники, оно за два дня прошло 23 километра, отделяющие воинов Александра от пересохшей реки Пинар, и постепенно разворачивается, пока не перегораживает сплошным семикилометровым заслоном узкую приморскую долину. Обоз и подкрепления на непредвиденный случай оставлены около современного городка Пайяс. Это самая середина осени, октябрь 333 года. Сушь и пыль. Вдали, в прозрачном воздухе, по другую сторону русла Дели-чай, с левого и до правого фланга виднеется конница, а сзади, сколько хватает взора, — пехота, тучи пыли и палатки. Похоже, Царь царей в центре, на своей колеснице, под охраной верной стражи и греческих наемников, закованных в железо. «Когда войска оказались на расстоянии полета стрелы, варвары за-

бросали Александра и его воинов таким количеством дротиков и стрел, что, сталкиваясь между собой на лету, они теряли свою силу. Трубы с обеих сторон подали сигнал к бою; македоняне первыми согласно и оглушительно закричали (*alala, alala, alala*), им ответили варвары, и соседние горы откликнулись эхом, более громким, чем сам крик: казалось, это 500 тысяч человек одновременно издали вопль» (*Диодор*, XVII, 33, 3—4). Таково было начало битвы при Иссе, сопровождавшие ее страх и ярость мы оставляем за скобками.

Далее всё происходило так, как обычно бывает в битве: охват вражеского фронта македонской и фессалийской кавалерией, насаживание коней и людей на длинные сариссы, рукопашные схватки с жестокими ранами, бесшабашное преследование побежденных, разграбление лагеря Дария, пленение женщин, детей, евнухов, слуг. Все были опьянены победой, и тут же родилась великая легенда: наконец греки овладели сказочными сокровищами Азии, подобно Мидасу они смогут сменить свои глиняные вазы на золотые, они знают, что больше никогда не будут нищими, нелюбимыми, поработанными, они по-царски едят, пьют, натираются благовониями, принимают ванны, овладевают женщинами. «Воины предназначили для Александра наполненную драгоценностями палатку Дария со множеством прислуги и богатой утварью. Александр тотчас снял доспехи и, направившись в купальню, сказал: “Пойдем, смоем пот битвы в купальне Дария!” — “Не Дария, а Александра! — воскликнул один из друзей царя. — Ведь собственность побежденных должна не только принадлежать победителям, но и называться по их имени”. Когда Александр увидел всякого рода сосуда — кувшины, тазы, флаконы для протираний, все искусно сделанные из чистого золота, когда он услышал удивительный запах душистых трав и других благовоний, когда, наконец, он прошел в палатку, изумлявшую своими размерами, высотой, убранством лож и столов, — царь посмотрел на своих друзей и сказал: “Так вот что значило царствовать для Дария!”» (*Плутарх «Жизнь»*, 20, 11—13). И там же, похоже, привели к молодому победителю мать, жен и детей Дария. Но Александр, непо-

рочный и достойный, их вызволил и обошелся с ними по-царски. «Невозмутимый герой, опершись на свой меч, смотрел на разграбление и не соизволил ничего видеть». Что было интересно ему, а впрочем, интересно и всем союзным воинам — это благодарственные жертвоприношения, гимны, совместные празднества, пышные похороны двух тысяч (?) погибших в бою товарищей, дележ добычи, награды, упоминания в приказах по армии, повышения по службе. Обо всем этом рассказывается в источниках, даже о грабеже, которым запятнали себя воины Пармениона, получившего поручение обеспечить сохранность обоза и казны Дария, оставленных персидским владыкой в надежном месте в Дамаске: «По полям были разбросаны богатства царя, деньги, предназначенные для оплаты огромной армии, платья и украшения стольких знатных людей и благородных женщин, золотые сосуды, золотая сбруя, палатки, украшенные с царской роскошью, повозки, покинутые их владельцами и наполненные огромными богатствами. Печальная картина даже для грабителя, если что-либо препятствует удовлетворению его алчности. Всё это, собранное за столько лет как результат превосходящего всякое воображение счастья, оказалось разметано по ветвям и втоптанно в грязь. У грабителей рук не хватало, чтобы схватить всё» (*Квинт Курций*, III, 13, 10).

Однако в ночь после победы воины узнают, что царь Дарий спасся, уведя с собой самую надежную, самую верную часть персидского войска. Оставив победителю свою боевую колесницу, упряжку из четырех лошадей, украшения и часть охраны, он бежал, без всякой жалости приказав перерезать других спасавшихся от неприятеля, продвигавшихся пешком или на повозках и загромаждавших дорогу. Александр с небольшим эскортом преследовал Дария на протяжении 36 километров, перебираясь в ущельях Амана через груды трупов. К полуночи македоняне возвратились, покрытые кровью, потом и пылью и убежденные, что не выиграли ни битву, ни войну, поскольку всё надо начинать сначала. Царь царей, разумеется, откажется уступить свою державу македонянам и грекам, военачальника и предво-

дителя которых он даже никогда не считал царем. Сохранив своих греческих наемников и золотом оплачивая раздоры и возмущения в Греции, Дарий без труда сможет восстановить армию. Говорят, в глубине Азии у него достаточно людских ресурсов, провианта, денег, вьючных животных — в районах, названия которых едва известны, у племен согдийцев, дахов, саков, а также катаев в Индии. Чтобы попасть в страну муравьев-золотоискателей, о которой говорил Геродот, необходимо идти двести дней и использовать невероятное количество толмачей. Нет сомнения в том, что через два года или даже раньше все наемники Дария будут готовы к тому, чтобы вновь отбросить греков к морю.

Гавгамелы

И действительно, два года спустя, почти день в день, великие пехотинцы и великие всадники вновь встретились лицом к лицу. В битве при Гавгамелах 1 октября 331 года со стороны Александра было семь тысяч всадников и сорок тысяч пехотинцев. В июле они перешли Евфрат, а Тигр — в ночь осеннего равноденствия, по броду Джезират: пехотинцы шли взявшись за руки, чтобы их не унесло течением. Разведчики донесли, что Дарий приказал сравнять целые холмы, чтобы могли маневрировать его серпоносные боевые колесницы, вооруженные по бокам косами, кривыми саблями и ножами, и чтобы иметь возможность ввести в бой стадо слонов. Европейцы никогда не видели слонов, но знали от арамейских и ликийских толмачей, что слон бежит гораздо быстрее лошади, уничтожает всё на своем пути, а его единственная защита, бивни из слоновой кости, весит в два раза больше человека. Греческое хитроумие могло противопоставить слонам лишь метательные орудия, катапульты, баллисты и скорпионы, следовавшие за войском, и сложный маневр фаланги — открытое построение. Чем дальше шло войско по левому берегу Евфрата, тем больше оно замедляло шаг (меньше 10 километров в последние дни), озабоченное тем, что будет атаковано с флангов, а также ложными

новостями, лазутчиками, выжженной землей и собственной усталостью: «Войско Александра было охвачено беспричинным страхом; все, как безумные, начинали дрожать, и какая-то робость закрадывалась всем в сердце. Зарницы на небе в жаркую летнюю пору производят впечатление пожара, и солдаты думали, что лагерь Дария охватило пламя, возникшее по недосмотру охраны... Александр, узнав о паническом настроении войска, дает сигнал к остановке и велит солдатам положить перед собой оружие, а самим отдохнуть, объясняя при этом, что нет причины для внезапного страха и что враг далеко. Наконец, придя в себя, солдаты воспряли духом, снова взяли за оружие и, исходя из создавшегося положения, сочли наиболее надежным укрепить лагерь на этом месте» (*Квинт Курций*, IV, 12, 14—17). Арриан, чья информация целиком основана на показаниях трех очевидцев, Каллисфена, Аристобула и Птолемея I, говорит, что персидское командование располагает армией в 1 миллион 140 тысяч человек! Подобно греческим воинам, он смешивает реальность и вымысел, истинные сведения и домыслы.

Александр, озадаченный еще более, чем его люди, бодрствовал всю ночь. Он приказал читать молитвы, давать обеты, приносить жертвы Зевсу и Афине Нике, богине Победы. Но рано утром с ним произошло то же, что могло случиться и с любым другим: он заснул. Его будит Парменион: «Настал день. Враг выстроился в линию и приблизился. Твои люди еще не вооружились, они завтракают и ожидают твоих приказов». Трубы возвещают: к бою. Лагерный частокол заваливают. Обоз с пленниками, среди которых мать и дети Дария, устраивают на холме позади войска. Выстраивается передовая линия, она растянута настолько, насколько это возможно, фаланга в центре и союзники в прямоугольном строю на флангах, конница выстроена косо или клином, чтобы избежать окружения. Крики знаменуют выступление. Войско видит, как разворачиваются царские гетайры с царем впереди, узнаваемым по двум султанам из белых перьев на шлеме и длинным волосам. Потом всё заволакивает пыль, слышны лишь крики, звуки ударов и падений. Лишь некоторые вovre-

мя узнали от перебежчика, что Дарий приказал вбить в землю железные острия в том месте, где, как он считал, пойдут кони фракийцев и македонян. Из всех битв в открытом поле о той, что произошла при Гавгамелах, дошло больше всего сведений и подробностей. Клитарх, следом за Каллисфеном, сделал подробнейший отчет об этом сражении. Тем не менее об огромной рукопашной схватке нам известны лишь две вещи: первая, что острые сариссы кавалерии и македонской фаланги разделались с возникшими боевых колесниц, скифскими и персидскими всадниками («Цельте в лицо», — сказал царь); второе, что был захвачен плохо охранявшийся греческий обоз. После того как стражу вырезали практически полностью, пленники освободились и, схватив то, что можно было использовать как оружие, присоединились к персидским всадникам и атаковали македонян сзади. Македонское командование вынуждено было послать несколько отрядов копейщиков, чтобы выволить свое наполовину окруженное левое крыло. А потом, как уже дважды наблюдалось, началось преследование разбегавшегося противника — в дыму и наступающей ночи.

На этот раз потери оказались значительными. Согласно Арриану (III, 15, 6), союзники потеряли более тысячи всадников в битве и во время преследования, а потери среди пехоты исчислялись в четыре-пять тысяч, то есть составляли десятую часть личного состава. Раненые, изувеченные колесницами, пронзенные стрелами, размозженные палицами, затоптанные конями или слонами просто не учитывались. Девятерым из десяти предстояло умереть в ближайшие часы, испытывая невероятные страдания! Несомненно одно, что едва мертвые греки и македоняне были похоронены, а оставшиеся на поле битвы трупы обчищены, как на европейскую армию и сопровождавших ее гражданских обрушилась ужасная эпидемия. Эти регионы периодически становились жертвой холеры, чумы и сыпного тифа. Я лично видел такие эпидемии на Среднем Востоке — и санитарные кордоны, и действие препаратов, которыми пытались лечить зараженных людей. Победа при «Верблюжьем пастбище», Гавгамелах, современ-

ном Тель-Гомеле, в 27 километрах к северу от Ниневии, недалеко от Мосула, открыла армии Александра дорогу к Вавилону и его удовольствиям, она давала возможность найти и «освободить» (?) греков, депортированных вглубь Персидского царства, она могла бы позволить отпустить из армии весь собственно греческий контингент. Но, на самом деле, ничего этого осуществлено не было, поскольку войско, будучи не в состоянии оправиться от своих потерь, не смогло пленить вновь спасшегося бегством Дария, основать гарнизоны в укрепленных местах и подчинить непокорных сатрапов. Ведь между Мосулом и восточной границей Пакистана дорога в два раза длиннее, чем та, что уже прошли победители от последнего греческого города до Мосула!

Встал также вопрос об обозе, уже более тяжелом, более ценном, однажды уже захваченном персидской конницей. Александр «недаром ничего так не опасался, как того, что желание вернуть свое имущество отвратит воинов от битвы», — пишет источник Квинта Курция (IV, 15, 13). Раз или два перед началом кампании царь вынужден был отдавать приказ сжечь обоз с вещами. Таким образом, извлечение прибыли от войны переносилось на более позднее время. После разграбления Персеполя, весной 330 года, македонская интендантская служба приказала прислать из Вавилона, Месопотамии, Сузианы тридцать тысяч вьючных животных: вьючных и тягловых мулов с упряжью, вьючных верблюдов, ослов и лошаков для перевозки добычи и сокровищ из дворцов в оговоренные места. Несколько месяцев спустя, после увольнения ветеранов, когда встал вопрос о преследовании неуловимого узурпатора Бесса, часть этого обоза, состоявшая из ценной мебели и одежды, была сожжена. Воины ничего не сказали, так как пожар не имел отношения к их собственной победе, а может быть, им обещали еще большее вознаграждение.

Джеламтур

Всё изменилось летом 326 года, после победы союзников при Джелампуре над силами индийского правителя Пауравы, которого греки называли Порос, а рим-

ляне — Порус. Здесь после целого года бесплодной военной кампании состоялась последняя крупная битва в истории Азиатского похода. Греко-македонское войско переправилось по понтонным мостам, на плотках и бурдюках через Инд и два его притока в царстве Таксила и здесь в 108 километрах к юго-востоку от Равалпинди наткнулось на реку Джелам шириной 700 метров. На левом берегу реки путь армии преградило солидное препятствие в виде неприятельской конницы, тридцати тысяч (?) пехотинцев и лучников, большого числа колесниц и сверх этого более сотни боевых слонов. Греческие воины, у которых имелось тридцать слонов, взятых в Арахозии, замерли в ужасе при виде этих индийских чудовищ высотой 3 метра в холке, на чьих спинах позади погонщика крепилась башенка с двумя воинами. Сам царь Паурава, настоящий великан, на целый локоть возвышавшийся над своими людьми, сидел на самом большом слоне. Индийское войско напоминало крепость, башнями которой являлись слоны, а куртинами — пехотинцы. Чтобы переправиться через реку, македоняне пошли на хитрость: часть конницы и фаланга встают с Кратером лагерем под современным Харампуром, устраивая большой шум и зажигая костры, чтобы отвлечь внимание индусов. Остальная часть войска, двигаясь через лес, в 28 километрах к северу от Джелампура переправляется на плотках и лодках вдоль острова Адман, минует другой лесистый остров, пересекает последний рукав реки и внезапно появляется на правом фланге Пауравы. Индийское войско делает полный разворот. Греческая конница, вооруженная пиками, подавляет кавалерию и колесницы противника, а затем скачет на помощь пехотинцам. Те бьются со слонами. «Одни гибли под ногами, растоптанные вместе с оружием; других они обхватывали хоботом и, подняв вверх, швыряли на землю: люди умирали страшной смертью; многие были насквозь пронзены клыками и тут же испускали дух» (Диодор, XVII, 88, 1). Еще долгое время уцелевшие вспоминали, как им приходилось пронзать своими длинными сариссами проводников этих ужасных животных, включая царя Паураву. Фалангиты кололи слонов

в живот, чем приводили их в бешенство, и обезумевшие животные топтали свои же войска; после восьмичасового боя восемьдесят слонов были захвачены живыми. По возвращении в Вавилон царь приказал изготовить медали, изображавшие его целящимся копьем в спину Пауравы, сидящего на гигантском слоне. Единственным результатом этого неравного боя стал тот факт, что Паурава остался во главе своего царства и согласился пополнить войско победителей всего лишь девятью тысячами человек: заложников или наемников, предназначенных заменить погибших греков и македонян.

Избиения

Между этими четырьмя битвами, названия которых, пусть с определенным огрублением, история сохранила, колоннам на марше приходилось проводить огромное количество мелких операций, наиболее зрелищной из которых, по-моему, является выход по горным тропам в тыл защитникам Персидских ворот в марте 330 года. В рассказах об этих событиях меня поражают не столько невероятные усилия и страдания греков, не сомнительный характер их побед, а огромное количество убийств. С настоящей дикостью воины Александра уничтожали спасавшихся бегством, раненых, безоружных, самых убогих; они хвастались, что при Иссе убили десять тысяч, при Гавгамелах — сто тысяч человек, так что в конце кампании, в Индии, их мечи от этого «затупились» (*Квинт Курций*, IX, 3, 10). Допустим, что цифры преувеличены. Но что поражает — это страсть к убийству и презрение к жизни. Или это страх, делающий людей безжалостными? Разумеется, на Среднем Востоке кровь всегда была дешева, достаточно взглянуть на историю Ирана в XX веке, и всегда было принято считать, что спасающиеся бегством солдаты заслуживают смерти, как трусы и дезертиры. Но что сказать о поведении «греко-македонских командос», истреблявших гражданское население Согдианы, среднего течения Инда, Белуджистана, массива Загрос в Лу-

ристане под предлогом сопротивления или бесконтрольного кочевничества? Что сказать о распятии на кресте всех военачальников, защитников утеса Байсунтау в Согдиане, о резне наемников, защитников Массакки (Чакдар в Пакистане), в нарушение условий капитуляции? Что сказать о солдатах и следовавших за войском гражданских, которых оставили умирать в снегах горы Паропанисады в Бактриане зимой 330 года, о тех, кого бросили умирать от истощения и жажды в Гедрозии осенью 325 года? Остается лишь с отвращением читать фразы, подобные этой: «Было убито много спасавшихся бегством людей, наемников и их жен». Или: «Сплошь грабежи, поджоги и резня». Или еще: «Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев [луристанские касситы южнее современного Керманшаха], он перебил всех способных носить оружие» (*Плутарх* «Жизнь», 72,4). Тот факт, что другие античные авторы называют этих несчастных пастухами, разбойниками, непокорными, мятежниками, не мешает их сравнивать с современными курдами или армянами и называть это настоящим геноцидом.

Пленники

Тем не менее войско на походе постоянно захватывает пленников, начиная с битвы при Гранике, где удалось в плен две тысячи человек (в основном афиняне), и вплоть до победы над касситами весной 323 года, где оставшаяся в живых часть населения была обращена в рабство и оставлена под контролем двух гарнизонов (*Диодор*, XVII, 111, 4—6; 112, 1). Колонны тащат за собой длинные вереницы пленников, мужчин, женщин и детей, большую часть времени скованных, некоторых запертых в крытых повозках, как в случае с членами царской семьи Дария после битвы при Иссе, а также греческих и македонских сановных узников, например Александра Линкеста и Каллисфена из Олинфа. Никто не говорит о том, что они намеренно подвергались дурному обращению. Напротив, все источники

свидетельствуют, что с матерью, женами и детьми Дария обращались согласно их сану и позволили сохранить при себе личных слуг. Дело в том, что пленные, считавшиеся вещью, добычей, имуществом победителя, могли, как и скот, использоваться для многих нужд. Если хозяин не лишился рассудка или его не принуждает к тому необходимость, он не станет убивать своих домашних животных, будь то собака или корова. После битвы при Гранике большая часть греческих наемников у персов, сдавшихся на милость победителя, была отправлена в качестве рабов на рудники в Македонии (*Арриан*, I, 16, б). Прочих придержали в качестве разменной монеты или заложников: афинян не возвращали в Афины, а милетян — в Милет, дабы эти города одумались. Богачи, военачальники, чиновники, сдавшиеся в нужный момент, служили предметом переговоров, торговли. В Греции давно существовал принцип выкупа. Обычно бедняков, женщин и детей продавали торговцам рабами, сопровождавшим армии и экспедиции, а те выставляли их на крупных рынках Эгейского моря, Родоса, Делоса, Афин, Коринфа, если только их не использовали для солдатских утех — за плату, разумеется. Если пленники обладали какими-то познаниями, будь то в деле любви, в искусстве или в науке, они оставались в обозе в распоряжении командования.

Некоторых пленников использовали как проводников, лазутчиков, разведчиков, некоторых даже как официальных переводчиков (их аналогами являлись драгоманы оттоманской Турции). Самые ценные говорили на нескольких языках, были сведущи в учтивом обращении, знали пути, дороги и даже тропы. Самый известный среди них, ликийский пастух, родившийся от иранской матери, упоминается в источниках. Он говорил по-гречески и располагал всеми возможностями для проникновения в саму Персию, оставаясь незамеченным. Обращенный в рабство властями своей страны, этот человек пас овец в ущельях Сузианы за 2500 километров от дома, пока греки, в свою очередь, не пленили его во второй раз. Ну и история! И тем более неправдоподобная, что персонажа в том же роде, ликийца-переводчика по имени Фарнух, мы встреча-

ем в 329 году в Согдиане во главе карательного отряда. Ему поручено захватить бунтовщика Спитамена или вступить с ним в переговоры (*Арриан*, IV, 3, 7). Берусь утверждать, что тот «пастух» был полукровкой и двойным агентом, авантюристом, подобным драгоманам, которых Порта использовала во времена своего расцвета. Этот же пастух последовательно использовался на службе у Дария и Александра. Послушаем Плутарха («Жизнь», 37, 1—2), затем Квинта Курция (V, 4, 3—13), которые оба, похоже, заимствуют историю у Клитарха. «Вторжение в Персиду было связано с большими трудностями, так как места там горные, малодоступные; к тому же страну обороняли знатнейшие персы (сам Дарий обратился в бегство). Но у Александра оказался проводник, который повел войско в обход, кратчайшим путем. Человек этот владел двумя языками, так как по отцу был ликийцем, а по матери — персом. Это, как говорят, и имела в виду Пифия (Дельфийская), предсказавшая Александру, тогда еще мальчику, что ликиец (или Аполлон Ликийский?) будет служить ему проводником в походе на персов...» А Квинт Курций добавляет: царь «призывает к себе недавно взятых пленников, среди которых был один, знающий персидский и греческий языки. Он сказал, что царь напрасно ведет войско в Персиду по горным хребтам; есть лесные тропинки, едва доступные людям, идущим поодиночке, где всё закрыто зеленью и сплетающиеся ветви деревьев делают лес непроходимым... Когда пленник изложил всё это, царь у него спросил, понаслышке ли он знает то, о чем говорит, или видел своими глазами. Тот ответил, что был пастухом и сам исходил все тропинки, что дважды был взят в плен: первый раз персами в Ликии, другой раз Александром. Тут царь вспомнил одно данное на его вопрос предсказание оракула, что проводником на пути, ведущем в Персиду, у него будет ликиец. Итак, пообещав ему награду, соответствующую обстоятельствам и положению пленника, царь приказывает ему вооружиться по македонскому образцу и, помолясь об удаче, показывать дорогу: как бы она ни была тяжела и обрывиста, он пройдет по ней с небольшим отрядом; пусть он не во-

ображает, что там, где он проходил со своим стадом, Александр не сможет пройти ради своей вечной славы. Пленник всё указывал, как труден путь, особенно для вооруженных. Тогда царь сказал: «Возьми меня в поручители, и никто из следующих за мной не откажется идти, куда бы ты ни повел!». Мой дорогой раб! Милый мой палач! Сколько могли стоять подобные пленники, которым командование неоднократно предлагало целые состояния? Разумеется, куда больше, чем простые наемники персидского царя, которых Александр, впрочем, взял себе на службу после того, как летом того же 330 года пленил последних сторонников Дария. Причем с повышенным жалованьем, как мы уже видели в предыдущих главах.

Не осталось никаких точных сведений о цене, по которой в эпоху Азиатского похода покупали и продавали военнопленных. Когда они сопровождали войско, порой возникали такие проблемы, связанные с их охраной, содержанием, питанием, скоростью движения колонны и использованием, что командование предпочитало избавиться от них, вернув («великодушно!») к себе на родину, или оставить в качестве крепостных или рабов в крепостях и новых Александриях (например, пленников, захваченных в Байсун-тау), а то и просто перерезать. Огромное их число было казнено на подступах к Персеполю, потому что «Александр считал это полезным для себя» (*Плутарх «Жизнь», 37, 3*). «Не только алчность проявлялась в городе (в Персеполе), но и жестокость: отягощенные золотом и серебром победители уничтожали дешевые человеческие тела, умерщвляли всех попадавшихся навстречу, между тем как прежде их стоимость заставила бы проявить к ним жалость» (*Квинт Курций, V, 6, 6*). Греки считали, что они правы, расспрашивая своих соотечественников, которых персидские солдаты некогда изуродовали, а затем разместили вокруг столицы. Мы можем лишь приблизительно представить себе цены, существовавшие в период кризиса, когда ощущался переизбыток рабочей силы, а денежных средств не хватало, с учетом максимального тарифа 301 года нашей эры, который по зарплате, как считалось, возвращал подданных к си-

туации времен расцвета Римской империи*. Здесь мы, в частности, видим, что человек в расцвете сил стоил дешевле коня и гораздо дешевле циркового животного, женщина — дешевле мужчины, а пожилые люди не стоили практически ничего. Для людей образованных цена была договорной. Впрочем, африканские и азиатские пленники и пленницы служили в греческом войске не только поварами, лекарями и переводчиками: их использовали на всех работах, особенно на самых тяжелых, земляных, погрузочных, строительных, для перевозки грузов. Кем еще могли быть возведены огромные алтари на берегу Биаса, укрепления (длиной 8 километров!) Александрии в Согдиане, кенотаф Демарата высотой 45 метров и множество других памятников, если не тысячами чернорабочих, пленников, которых греки тащили за собой? Вероятно, именно в азиатских кампаниях греки, в общем-то гуманно обращавшиеся с рабами, научились относиться к ним как к вещам. И именно там родился образец солдата-фанфарона, вруна, деспота и глупца, которого Менандр вывел на сцену в Греции еще до Плавта в Риме и Корнелия в Париже.

Передышки

К счастью, между переходами и сражениями случались передышки. Были, естественно, перерывы на сон, еду, легкую с утра или при выходе из лагеря, если предстояло идти ночью, и еще один, более плотный прием пищи в конце дня, после перехода или боя; передышки вслед за победами (шесть дней после Исса, месяц после Гавгамел, неделя после смерти Дария); паузы на зимовках, когда холод, снег или дожди препятствовали передвижению. Во время таких передышек воины занимались упражнениями и выполняли различные работы. Некоторые зимовки были укорочены: армия оказалась в районе Кабула в начале декабря, а перешла Паропа-

* Речь идет о знаменитом эдикте о ценах, изданном в 301 году Диоклетианом и представлявшем собой попытку установить предельный уровень цен и заработной платы с целью остановить инфляцию.

нисаду и Гиндукуш, когда лед еще не растаял, в марте 329 года, основав Александрию Кавказскую между Бергамом и Чарикаром. Передышки не обязательно служили поводом к бездействию, а скорее использовались для возобновления и пополнения личного состава.

Охота

Так, для всадников и знатных македонян передышки были идеальным временем, чтобы предаться охоте, этой излюбленной страсти всех балканских народов. В тот самый момент, когда я пишу эти строки, в самый разгар осени, мои друзья из Килкиса или Родолива в Восточной Македонии охотятся с рогатиной на кабана, устраивают облаву и травлю на лис и оленей, засаду на птиц в лесистых массивах Черных гор, там, где их предки, горные цари, добывали себе пропитание, а также развлекались и готовились к бою. Разница между охотой и войной очень мала. Со времен седой древности охота, наряду с поединками и скачками, является средством определить героев. Сцены охоты изображаются как на микенском оружии XIV века до нашей эры, так и во времена Александра — в виде мозаик на полах царского дворца в Пелле. На фресках могилы Филиппа II в Эгах (около Вергины) изображены крупные животные семейства кошачьих. Напомним, что во Фракии и Македонии было принято охотиться на львов; когда армия Ксеркса проходила через владения хищников в 480 году, львы никогда не упускали случая напасть на стада. Одним из любимых занятий Александра и его приближенных была охота на львов в царских парках и заказниках в некогда покоренных персами районах Азии. Самые известные заказники находились в Бехистуне, в Сари у мардов и Гургане в Парфиене. Знаменитая охота на льва запечатлена на саркофаге, называемом Александровым, в музее Стамбула: это охота, на которой отличились царь, Гефестион и Лисимах, когда царь Сидона (Абдалоним?) зимой 333/32 года открыл для них свои «сады». Кратер поручил Лисиппу и Леохару отлить в Дель-

фах статую, также изображающую охоту Александра на львов.

В октябре 328 года войско, недавно перенесшее тяжелые потери, развлекалось и отдыхало в Алайских горах на севере Самарканда. Оно охотилось. «Главным признаком богатства в этой варварской стране является не что иное, как стада отменных зверей, которые содержатся в больших рощах и парках... Эти парки окружены стенами и имеют вышки с укрытиями для охотников... Было известно, что в одном из таких загонных на протяжении четырех поколений никто не охотился. Александр вошел в него со всем войском и приказал повсюду встревожить зверей. Когда на редкость огромный лев побежал на самого Александра, то случайно оказавшийся рядом Лисимах, ставший впоследствии царем, хотел рогатиной встретить зверя. Царь, оттолкнув его и приказав не вмешиваться, заявил, что он один, как и Лисимах, может убить льва. Ведь однажды Лисимах, охотясь в Сирии [возле Сидона], в одиночку убил зверя исключительной величины, который успел разодрать ему левое плечо до кости, и тот оказался на краю гибели. С укором напомнив об этом Лисимаху, царь доказал свою храбрость на деле лучше, чем на словах: он не только поразил льва, но и свалил его одним ударом... Хотя охота Александра кончилась удачно, македоняне, согласно обычаю своего народа, постановили, чтобы царь не охотился пешим и без сопровождения знатных и приближенных. Когда было забито четыре тысячи зверей, царь в том же лесу стал пировать со всем войском» (*Квинт Курций*, VIII, 1, 11—19). Македонский обычай предписывал также, чтобы знатный человек, не убивший в одиночку кабана, ел, скромно сидя на табурете, а не возлежал на ложе. И наконец вежливость требовала, чтобы младший оставлял старшему или более титулованному, особенно царю и главе клана, честь нанести смертельный удар. Вспоминается, как Гермолай, юноша из очень знатной семьи, один из пажей, был публично высечен за то, что первым сразил кабана, которого собирался заколоть царь: вот откуда истоки ненависти и столь плохо закончившегося заговора пажей в Самарканде той же осенью 328 года. От

псовой охоты до охоты на себе подобных, от дикого зверя до человека всего лишь один шаг. Мы уже видели, как Филоту упрекали за то, что он использовал для охоты сети или куски ткани длиной в несколько километров.

Пирь

Кроме охоты, являвшейся, в конце концов, всего лишь разновидностью марша или бега — пускай несколько ускоренного, существовало и другое развлечение: торжественные обеды, ритуальные пиры, становившиеся все роскошнее по мере того, как возрастала добыча, а царь обожествлял себя, приближаясь к своему концу. Некоторые такие пиры, особенно в Вавилоне, Персеполе и Самарканде, переходили в оргии с пьянством, сексуальной разнузданностью и насилием, какое только можно вообразить. Историки рассказывают нам о групповом стриптизе жен с согласия их мужей (*Квинт Курций*, V, 1, 38), об изнасилованиях — как мужчин, так и женщин, о смертях от обжорства и пьянства, убийствах — прежде всего Клита Черного, молочного брата царя. В Вавилоне «любой человек из народа, которому не хватает средств, продает своих дочерей» (*Геродот*, I, 196 и 199). В Сузах зимой 325/24 года царь, в продолжение гимнических и музыкальных состязаний, устроил соревнование, кто больше выпьет, назначив золотую корону в награду. Победитель Промах выпил 13 литров чистого вина и умер три дня спустя после пира. Вместе с ним умер еще сорок один человек. В Кармании в конце 325 года вакхическая процессия продолжалась семь дней. Музыкальные состязания на гобоях, лирах и кифарах, драматические конкурсы проходили в Тире во время больших празднеств, справлявшихся войском в апреле 331 года. На этот раз речь шла о благодарении богов за взятие города в предыдущем году и о том, чтобы они были милостивы к македонянам в следующей большой битве. Здесь было всё — жертвоприношения и пиры, игры, охота, торжественные процессии, маскарады. Десять

кипрских царей руководили танцевальными хорами и известнейшими трагическими и комическими актерами, приехавшими из Афин и Македонии. При армии был театр, для которого построили грандиозные здания в Вавилоне (где греческий театр существует и поныне), Сальмунте (Хану), Ларистане к северу от Ормузского пролива и Экбатане, в Мидии, куда в 324 году было приглашено три тысячи артистов. Два основных признака эллинизма, появившихся в Африке и Азии, кроме употребления греческого языка, — гимнастические упражнения, а также всевозможные состязания и особенно театральные конкурсы.

Соревнования

Помимо долгих часов тренировок армия участвовала в соревнованиях. Царь играл в команде профессиональных игроков в мяч, которую дважды упоминает Плутарх («Жизнь», 39, 5 и 73, 7). Как-то осенью 326 года в Индии, близ Мултана*, он устроил поединок одного из своих гетайров, македонянина Корага, и афинского атлета Диоксиппа, олимпийского чемпиона: «Когда пришло время единоборства, на это зрелище собрались десятки тысяч. Македоняне, земляки Корага, и сам царь желали ему победы; эллины поддерживали Диоксиппа. Македонянин вышел в дорогом вооружении; афинянин обнаженный, смазанный маслом, с обыкновенной палицей в руках» (*Диодор*, XVII, 100, 2—5). Настоящий гладиаторский бой, первый известный в греческом мире задолго до знаменитых боев античного Рима: «Повергнув наземь своего вооруженного противника, Диоксипп, голый, поставил ему ногу на шею и, потрясая своей палицей, поднял глаза на зрителей... Царь приказал пощадить побежденного и положил конец представлению». Но, ненавидя атлетов и раздосадовавшись, что македонянин потерпел поражение, он затаил на грека обиду и спустя некоторое время обвинил победителя в краже. Диоксипп, видя, что все маке-

* Теперь это Пакистан.

доняне объединились против него, заколол себя мечом (*Квинт Курций*, IX, 7, 16—26). Страсти, национальная спесь, фаворитизм, пари сопутствовали играм как в армии, так и в гражданской жизни.

В другой раз, в июне 331 года, перед вступлением в Месопотамию, армейские слуги, чтобы развлечься, разделились на две команды и избрали двух вожаков маскарада, назвав одного Дарием, а другого Александром. «Сперва они бросали друг в друга комьями земли, потом начался кулачный бой, и, наконец, в пылу борьбы они взялись за камни и дубины; многих из них невозможно было унять. Услышав это, царь приказал, чтобы оба предводителя сразились один на один. Он сам вооружил “Александра”, а Филота — “Дария”. Всё войско наблюдало за поединком, пытаясь в происходящем усмотреть грядущее. В упорном сражении победил тот, которого называли “Александром”. Царь подарил ему двенадцать деревень и предоставил право носить персидское платье» (по Эратосфену из Кирены, библиотекаря Александра, цитируемому Плутархом, «Жизнь», 31).

Похороны

Однако существовали развлечения более благородные, более духовные, развлечения, которые устраивали на похоронах знаменитых покойников. Стремясь превзойти своего предка Ахилла в славе и щедрости, царь Македонии приказывал возводить гигантские курганы своим погибшим гетайрам и друзьям, устраивал на их могилах жертвоприношения и погребальные игры, аналогичные тем, что сопровождали смерть Патрокла. После осады Газы в конце ноября 332 года предводителя побежденных, правителя Бетиса, протащили вокруг захваченного города привязанным за ноги за колесницей, как это было сделано с трупом Гектора. Литературный образец здесь совершенно очевиден. Особенно знаменательными были три случая погребальных празднеств. Это похороны философа Демарата из Коринфа, которому свободные люди и пленники воздвигли в

Сузах в 330 году кенотаф высотой в 45 метров и чьи останки везли до Эгейского моря на роскошно убранной квадриге. Затем в историю вошли похороны Гепестиона, «превзошедшие не только все бывшие раньше: и для будущего не останется возможности их превзойти» (Диодор, XVII, 114—115): постройка семиэтажного зиккурата в 180 метров шириной у основания и высотой в 58 метров, кремирование на его вершине тела героя, жертвоприношение десяти тысяч животных, торжественные процессии, погребальные игры. Наконец, достоин упоминания траурный поезд с мумией самого Александра: Птолемей перевез из Вавилона в Мемфис, а затем в Александрию настоящий монумент, катафалк, украшенный символическими панно, предназначенными поражать воображение народов.

Отношения между полами

И все же западные солдаты предпочитали, чтобы от бесконечных походов в их памяти сохранялось нечто более захватывающее, чем соревнования и пышные похороны. Прежде всего, конечно, это было общение с женщинами. Погоня за женщинами и их умыкание — вот что издревле больше всего привлекало мужчин на войне, и юные новобранцы не оказались здесь исключением. Воины быстро оценили привлекательность, грациозность, покорность восточных женщин в сравнении с разорительной прелестью сопровождавших армию куртизанок, и, когда им позволили и даже рекомендовали заключить законные, одобренные религией браки с девушками Персидской державы, более десяти тысяч из них в период с 330 по 324 год решили, что война имеет смысл и справедлива, поскольку заканчивается браком. Царь, которого считали гомосексуалистом и женоненавистником, имел четырех законных жен и целый гарем наложниц, столь же многочисленных, как Дарий, его предшественник. Рассказывают, что все народы с окраин его царства привозили ему самых красивых девушек — марды и гирканцы, амазонки и скифы. В Свате (на севере Индии) Клеофида, царица

ассакиенов, в сопровождении толпы знатных женщин пришла просить милости у царя македонян, и была она столь красива, столь благородна поведением, что Александр пожелал иметь от нее сына, которому по рождении дал свое имя (*Квинт Курций*, VIII, 10, 34—36). Рассказчики упоминают народы, у которых инцест был в порядке вещей. «Сатрапом (Наугаки) был Сисимитр, который от своей матери прижил двух сыновей, так как у них родителям позволяется вступать в связь с детьми» (*Квинт Курций*, VIII, 2, 19). Повсюду, где царю и его людям не объявляется война, их встречают музыкой и танцами — общедоступными наслаждениями богов.

Другие приключения

Другие приключения были скорее открытиями или забавными анекдотами, и рассказы ветеранов кишат ими. Среди прочих достопримечательностей, которые им довелось встретить, оказались битум, нефтя, нефть — три углеводорода, которые жители Вавилона, Кармании и Согдианы использовали уже более тысячи лет и о которых греки практически ничего не знали. Мы приведем здесь лишь две истории. Одна, упомянутая у Страбона (XVI, 1, 14—15), Плиния Старшего (VI, 41) и Плутарха («Жизнь», 35), рассказывает, что «во время перехода через Вавилонию, которая вся сразу же покорилась ему, Александр более всего был поражен пропастью, из которой, словно из некоего источника, непрерывно вырывался огонь, и обильным потоком нефти, образовавшим озеро невдалеке от пропасти. Нефть очень напоминает горную смолу, но она столь восприимчива к огню, что загорается еще до соприкосновения с пламенем от одного только света, излучаемого огнем, и нередко воспламеняет окружающий воздух. Желая показать Александру природную силу нефти, варвары опрыскали этой жидкостью улицу, которая вела к дому, где остановился царь; затем, когда стемнело, они встали на одном конце этой улицы и поднесли факелы к местам, смоченным нефтью. Нефть тотчас вспыхнула; пламя распространилось молниеносно, в

мгновение ока оно достигло противоположного конца улицы, так что вся она казалась объятай огнем». Другая история рассказывает, что «начальник царских спальных, македонянин по имени Проксен, готовя у реки Окс место для палатки Александра, обнаружил источник густой и жирной жидкости. Когда вычерпали то, что находилось на поверхности, из источника забила чистая и светлая струя, ни по запаху, ни по вкусу не отличавшаяся от оливкового масла, такая же прозрачная и жирная. Это было особенно удивительным потому, что в тех местах не растут оливковые деревья» (*Страбон*, XI, 7, 3 и 11, 5; *Квинт Курций*, VII, 10, 13—14; *Плутарх* «Жизнь», 57, 5—9; *Арриан*, IV, 15, 7—8). Воины с удивлением смотрели в Вавилоне на богатых людей, спавших на бурдюках, полных свежей воды; индусы использовали в качестве подушки камни. Повсюду они замечали страшных животных: в песках Египта, Туркменистана, Индии — разноцветных или чешуйчатых змей, укусы которых вызывали смерть, от мелких, размером с палец, и до кобр; на Памире это были снежные барсы; в районе Джелама — горные носороги, разумные обезьяны, попугаи. Особенно греков поразило одно дерево: баньян, который, пуская корни из ветвей, один представлял собой целый лес, настоящий храм с колоннами, способный укрыть под своей кроной целую деревню.

Но самое большое удивление вызывал человек, это животное, одновременно ученое, предприимчивое и, как говорил Аристотель, политическое. В Индии греки обнаружили самые поразительные образчики человека. Они были потрясены мудростью факиров и гимнасофистов, голых философов, во всем превосходивших киников и софистов Греции и обретавших столь высокое духовное могущество, что тело больше их не интересовало: философ Каран, например, живым взошел на свой погребальный костер. Македоняне преследовали поднимающих против них население Индии брахманов, однако не могли не восторгаться их хладнокровием и спокойствием перед смертью. Путешествие к границам мира научило греков, любознательных до всего, чего не знали прежде, относительности морали и нра-

вов, а возможно, даже относительности добра. Азиатские женщины не без успеха пытались утвердить их в мысли, что красоту можно отыскать повсюду и она раскрывается не на войне, а в любви. Побывав в Персии, Согдиане, в высокогорной долине Инда, жители Балкан, столь гордившиеся своей силой и успехом, вынуждены были признать, что предполагаемые варвары оказались столь же цивилизованы, как они сами, если не больше. Определяя цивилизацию как сложный комплекс техники, институтов и нравов, эти великие путешественники в конце пути обнаружили, что держава, которую они собирались завоевать, превосходит их в этих трех областях. Не без основания македонский завоеватель так тщательно охранял художников, администраторов и законы своего предшественника.

Изнеженная Азия? Полно! Великая, неисчерпаемая, изобильная Азия!

ВЗЯТИЕ ГОРОДОВ

Полиоркетикой (от двух древнегреческих слов *полис* — город и *berkos* — укрепления) называют искусство осады и взятия городов. Деметрия, сына Антигона Одноглазого и царя Македонии, правившего с 297 по 286 год, называли *Полиоркетом*, «Осаждаателем городов». С тех пор как на Ближнем Востоке возникли первые укрепления, около двух тысяч лет назад, судьба государств, а то и целых народов, зависела от взятия и покорения городов. Чтобы атака превосходила защиту, чтобы в ней было меньше показного хвастовства и больше научного подхода, из поколения в поколение трудились три категории исследователей, в высшей степени специализированных в военной области, а именно архитекторов, техников (*demiourgoi*) и механиков. С развитием точных наук, совершенствовавшихся на протяжении IV века, и составлением Архитом из Тарента для узкого круга, приблизительно с 380 года, первых трактатов по прикладной механике в области винта и блока, техника всё теснее сближается с арифметикой, которая вычисляет, и геометрией, которая отмеряет. Основываясь на числе и пропорциях, на чертеже и геометрических фигурах, а также на экспериментальной работе, техника была в состоянии давать всё более точные и предсказуемые эффекты. Около 360 года, еще до Филона из

Афин и Диада из Фессалии, современников Филиппа и Александра, и задолго до Пирра, царя Эпира, Эней Тактик пишет «Полиоркетику», которая дошла до нас. Здесь, наряду с технологией и рассуждениями о военной технике, заявляет о себе подлинная воля к рационализации. То же самое наблюдалось и в прочих его трактатах об использовании огня и шифрованных посланиях, об организации армии и о финансовых проблемах, которые возникают в связи с войной. Кроме того, он прекрасно понимал, сколько методической подготовки, планирования и расчета предполагает армейский обоз с его повозками и машинами, *skueophora*. У Филиппа, окружившего себя лучшими техниками и инженерами своего времени, уже во время осады Фер в 354 году ничего не было оставлено на волю случая. Попытаемся, в свою очередь, методично рассмотреть его инструменты, прежде чем привести их в действие или, выражаясь словами Аристотеля, учителя Александра, прежде чем перейти «от потенции к акту». Разумеется, своими успехами в полиоркетике Великая армия вторжения была обязана как совершенству машин, так и атакующему напору, то есть храбрости одних и предательству других.

Инженеры и техники

Инженеры Филиппа и его сына смогли сделать более эффективными четыре вида механизмов, известных сицилийцам уже в начале IV века до нашей эры, но значительно улучшенных: арбалет, или лук с направляющей; баллисту, или скорпион, своего рода большой арбалет, установленный на лафет; *oxybelos*, или катапульту, с двумя торсионами*, которая стреляла длинными и толстыми пиками; *lithobolos*, или *petrobolos*, своего рода камнемет или шаромет. Все описания, все изыскания научного характера, которыми мы располагаем, появились гораздо позднее Азиатского похода. Они восходят либо к Филону Византийскому, жившему в

* Здесь — скрученные жгуты из жил, кишок, волоса и т. д.

конце III века до нашей эры, либо к Герону Александрийскому, веком позднее, либо к Афиною или Витрувию, еще век спустя. Что касается чертежей, сопровождающих тексты, они созданы средневековыми монахами и, следовательно, являются точно такими же интерпретациями, как и современные. Кроме того, следует сказать, что производство оружия всегда относилось к сфере государственной тайны, а конструкторы точных инструментов, одновременно столяры и инженеры, были еще и творцами, никогда не повторявшимися в своих произведениях. Великолепный механизм оставался уникальным, исключительным изделием, создатели которого испытывали гордость настоящих художников. Они даже ставили на них свои имена: Полиэд, Диад, Харий... В прочем же форма и мощь механизмов по необходимости менялись в зависимости от используемого материала и его сопротивления обработке, а также заданной цели.

Метательные орудия

Арбалет на самом деле — усовершенствованный лук. Древние называли его «эвтитон», поскольку лук «натягивается в прямом направлении»* по деревянному цевью с направляющей, нижний конец которого снабжен полукруглой ручкой. Два плеча лука из рога, кизила и даже металла (?) присоединяются к деревянному цевью с боков. Тетиву из кишок животных тянут вдоль цевья с помощью крючка с выступами, которые цепляются за две боковые кремальеры. В принципе арбалет можно натянуть, упирая в живот деревянный полукруг на нижнем конце, откуда и его название *gastrophetes* — *гастрафет*, как его нередко именуют до сих пор. Также можно предполагать, что, подобно нашим средневековым арбалетчикам, древние упирались заостренным концом своего оружия в землю, после чего налегали грудью или животом на закругленный конец и руками тянули тетиву на себя до фиксирующего

* *Eythys* — «прямой», *tonos* — «напряжение» (*gp.*).

выступа или крючка на направляющей*. Затем в желобок цевья помещали стрелу. Нажав пальцем на курок, тетиву отпускали и она выталкивала оперенную стрелу. Стрела летела на расстояние в 100 и даже 150 метров. Преимущество этого оружия заключалось в его точности. Стреле придавалось направление, подобно снаряду в стволе пушки. Стабильность и точность стрельбы возрастали еще больше, если арбалет помещали на фиксированную опору, ствол дерева или выступ стены. С другой стороны тридцатиметрового рва стрелок мог положить стрелу с металлическим оперением в узкую бойницу. Кто бы там ни показался, с ним было покончено. Оружие, надолго забытое после падения Римской империи, так же надолго сделалось абсолютным оружием стрелков и охотников — настолько, что церковь вынуждена была его запретить. Арбалетная стрела, до сих пор сохранившаяся на игральных картах**, остается предвестником гибели. Арбалетчик не просто убивает: он забивает людей, как скот.

Баллиста, буквально «метательница», всего только повторяла, во внушительных размерах, предыдущее орудие смерти. Она устанавливалась на деревянном

* Насколько можно судить, здесь смешаны два типа арбалетов. Начать с того, что непонятно, как можно говорить о «нижнем конце» арбалета: очевидно, стрельба из него велась в горизонтальном направлении, в крайнем случае настильно, так что имеет смысл говорить лишь о «дальнем» и «ближнем» (от стрелка) конце. Ручка на корпусе (с дальнего от стрелка конца) служила для того, чтобы продеть в нее ногу, опустив арбалет вниз, затем нагнуться и накинуть на тетиву специальный крючок, крепившийся к поясу, после чего, распрямившись, завести тетиву на спуск. Так натягивали средневековый арбалет. Как пишет в трактате «Об изготовлении металлических машин» Герон Александрийский, гастрарфет действительно взводили «от живота», но не просто притягивая тетиву руками, а ухватившись за специальное приспособление с крючком, скользившее по цевью. Убойная дальность арбалетов, судя по всему, доходила до 300 метров (по крайней мере в Средние века).

** Как пишет П. Фор в книге об Александре, «на нашей карточной колоде, которая пришла к нам из Индии, рядом с Александром изображаются два арбалетных карро и копьё катапульты». Арбалетная стрела, или «карро», как ее называли в Средние века (возможно, за четырехугольное сечение), была гораздо короче стрелы, применявшейся для лука. Кроме того, «карро» по-французски означает карточную масть бубны.

основании или лафете и, следовательно, повышала свою устойчивость. Баллиста была съемной, а значит, с ней было удобно управляться. Пускали из нее не только карро, но и стрелы, иногда до двух локтей (92 сантиметра) длиной, и даже две сразу, поскольку цевьё могло иметь несколько желобов. Плечи лука, гораздо более широкие, были слишком твердыми и толстыми, чтобы человек мог натянуть эту настоящую рессору собственными силами; приходилось пользоваться рукоятью ворота, чтобы натянуть крюк тетивы и ее спусковой механизм вдоль длинной кремальеры и зарядить направляющую. Разворачивая цевьё ложи на лафете, стрелок изменял угол и направление выстрела, как в настоящей пушке. Это орудие было довольно легким и удобным в использовании при осадах, на полях сражений, а также на корабельных мостиках и во время переправ через большие реки Азии. Когда армия переправлялась на плотках через Сырдарью около Ходжента, ее военные орудия, в ту пору (в сентябре 329 года) очень многочисленные, вносили смутение в ряды скифской конницы. Стрелы дальнего радиуса действия, снабженные тремя крылышками, подобные тем, что были найдены в Олинфе (348 год), должны были пронзать не только коней, но и кожаные и войлочные доспехи всадников, а возможно, даже доски и изгороди. Снаряженные горючими материалами, они проливались на противника огненным дождем. Цифры нам не известны. Все реконструкции военных музеев в Риме, Париже, Сен-Жермене... не идут дальше предположений.

Поскольку ни ученые, ни теоретики вооружения, ни греки, ни римляне, ни переводчики эпохи Возрождения, ни современные переводчики не достигли соглашения в терминологии, договоримся, что в нашей книге французским словом «катапульта» будет обозначаться оружие гораздо более тяжелое и опасное — осадная машина, стрелы которой выстреливались двумя отдельными рычагами. Именно так этот механизм обозначается в трактатах по античной полиоркетике, противопоставляющих луки с прямым натяжением «палинтонным» катапультам (*Диодор*, XVII, 42, 7, и в других местах он употребляет слово *oxybele*), то есть с натя-

жением с обоих боков. Катапульти также ставили на лафет или треугольный деревянный разборный постамент. Цевье с направляющей, весьма удлиненное и поворачивающееся на шарнире или на простой оси, можно было поставить на землю. Два рычага по бокам, к концам которых была прикреплена веревка (или ремень), которую следовало натягивать, были обращены назад механизма. Другие концы рычагов были заведены в жгуты из бычьих жил или очень туго скрученных волос. Когда веревку натягивали с помощью рычагов вбóрота, жгуты подвергались закручиванию, которое было тем сильнее, чем толще жгуты. Общий угол кручения палинтоновой машины примерно вдвое превосходит угол арбалета. Стоило прикоснуться к спуску на конце кремальеры, и нити высвобождались, как пружины. Рычаги и веревка занимали изначальное положение и толкали снаряд вперед. Будучи закреплены в двух барабанах по бокам или оставлены на свободе, эти пружины могли быть сделаны из деревянных пластин или даже стальных нитей. Государственные секреты, секреты изобретателей. Александрийские математики старались свести механизмы в формулы, отыскать меру, с помощью которой строилась бы вся машина. Так, около 100 года Герон Александрийский в своем трактате «Об изготовлении метательных машин», являвшемся трактатом по прикладной механике, дает толщину жгута эластичных нитей, этого движителя всей машины в одну девятую длины стрелы. Для снаряда длиной 3 локтя (1,38 метра) диаметр рессоры составляет 8 пальцев (15,3 сантиметра). За неимением античных таблиц стрельбы по углу кручения можно высчитать, что катапульта должна была иметь начальную силу, втрое превосходящую предыдущую машину. В IV веке до нашей эры осадная техника была еще делом исключительно эмпирии, но и в этом иностранные конструкторы Македонии опережали своих сицилийских, кипрских и финикийских конкурентов. Отметим также, что тяжелые орудия из дерева и эластичных волокон могли изготавливаться серийно, подобно военным кораблям, а также демонтироваться и храниться по частям в арсеналах и крепостях империи.

Принцип действия камнемета, *литобола* или *петробола*, вероятно, был таков: двойная система кручения отклоняется назад, а затем бросает определенный вес вперед. Литературная традиция утверждает даже, что к метанию камней можно было легко приспособить вышеописанную катапульту. Филон Византийский дошел до того, что в «Трактате о метательных машинах» (около 225 года) подсчитал диаметр пружины в зависимости от веса метательного снаряда: произведение кубического корня из этого веса в драмах (100 драм = 432 граммам) на 1,1 дает число пальцев толщины пучка (диаметр = $1,1^3 \sqrt{\text{веса}}$). Однако да будет нам позволено усомниться как в том, так и в другом. Стрелы и дротики, пускаемые вышеуказанными орудиями, скользят по направляющей и выталкиваются простой веревкой или плетеным ремнем. Но для камней и даже для снарядов совершенно правильной сферической формы такое невозможно представить. В 332 году до нашей эры, когда греко-македоняне и их союзники осаждали Тир, их камнеметы были способны перебрасывать очень тяжелые глыбы через стены города и бить ими по зубцам крепостных укреплений. Подсчитано, что во времена Деметрия Полиоркета, тридцатью годами позже, осадные машины метали блоки весом около 80 килограммов на расстояние, равное и превышавшее 150 метров. Очевидно: 1) что ковш, или подхват, в котором лежали подобные метательные снаряды, нисколько не напоминал направляющую, а скорее был похож на плечо рычага; 2) что веревка, или растяжка этого ковша, непонятно как прикрепленная к двум пружинам впереди, проходила под этим плечом рычага, но не за ним; 3) чтобы привести такой вес в исходное положение, приходилось использовать ворот, а не маленький вертлюг. Пучки из животных, растительных или металлических волокон, образующие пружины, должны были иметь значительную толщину. Чтобы выдержать удар при спуске, дубовые стойки несомненно были чрезвычайно велики и, вероятно, укреплялись металлическими уголками. Самые тяжелые орудия, неразборные, устанавливались на снабженные колесами платформы и их везли так же, как в Средние века пушки. Во время боя

стрелков прикрывали фашинами и щитами. Всей этой наукой, этим опытом не преминули воспользоваться завоеватели эллинистической эпохи, а затем и римляне, и именно благодаря им мы можем представить себе литоболы.

Осадные башни

В не дошедшем до нас «Трактате о военных машинах» Диад из Пеллы, инженер и механик Александра Македонского, рекомендует себя в качестве изобретателя осадных башен, передвижных и сборно-разборных. Практически все сведения, нам об этом известные, исходят от Афиня, популяризатора I века до нашей эры. Эти деревянные башни имели два этажа и были квадратными в основании со сторонами 7,90 метра. Второй этаж, более узкий, составлял четыре пятых поверхности первого. Другие башни, в пятнадцать этажей, достигали в высоту 90 локтей, то есть около 42 метров. Самые высокие достигали 124 локтя, то есть 57,30 метра, со сторонами в основании 10,86 метра. Вероятно, обходные пути вдоль бруствера или скорее наклонные площади шириной в 3 локтя (1,39 метра) помогали спастись в случае пожара. В отличие от металлических орудий, которым все еще не хватало таблиц стрельбы, архитекторы и плотники располагали таблицами пропорций и сведениями о сопротивлении материалов. Высота этажей уменьшалась по мере того, как сокращалась их площадь: чем выше находился ярус, тем легче использовалось дерево, вплоть до превышения верхнего уровня вражеских стен. Поскольку на каждом этаже могли располагаться стрелки и орудия, суммарный вес балок, забранных в кожаные пластины, был весьма значительным, особенно если башня оснащалась «перекидным мостиком». Должно быть, Диад изобрел эту разновидность мостков, которые опускали с последнего этажа на вражеские стены наподобие абордажных трапов в морском флоте. Рисунок из манускрипта Афиня «О машинах» демонстрирует нам этот последний тип башни, предусматривающий

шесть колес. И в самом деле, внутреннее пространство всей конструкции у основания было разделено таким образом, что в нем было предусмотрено место для тех, кто, упираясь в ободья и спицы, приводил машину в движение в том или ином направлении. По сути, это было приспособление для окончательного размещения башни на назначенном месте после того, как ее подтянут к крепостной стене в окончательно собранном виде. Но уже во времена Филиппа II македонянин Полиэд построил осадную, или «берущую города» башню высотой в 14,5 метра из дуба и ясеня в основании, хвойных пород для перегоронок, снабженную мостками с подъемным механизмом и приводимую в движение, как пишет Битон Тактик (в III веке до нашей эры), «беличьими колесами», в которых могли поместиться несколько человек.

Спустя годы, в 305 году, Эпимах из Афин выстроил для Деметрия Полиоркета для осады Родоса осадную башню высотой около 52 метров, аналогичную башням Диада, по крайней мере, по своему принципу. Описание, данное ей Диодором (XX, 91, 2, 8), позволяет дополнить предыдущие свидетельства: «Он придал каждой из сторон квадратной платформы ширину около 50 локтей (23 метра), скрепив железом конструкцию балок квадратного сечения... Вся масса была подвижной и поддерживалась восемью большими прочными колесами. Ободья достигали в ширину 2 локтей (92 сантиметра) и были обрамлены толстыми железными пластинами... По углам опоры одинаковой длины почти в 100 локтей (46 метров) были наклонены таким образом, что первый из девяти этажей имел площадь в 43 акена (около 500 квадратных метров), а последний — 9 (около 100 квадратных метров). Три стороны машины были защищены с внешней стороны листовым железом от зажигательных стрел. Этажи со стороны врага имели окна... снабженные защитными ставнями... ставни были обиты шкурами и шерстью для амортизации ударов камней (известно, что башня могла выдержать удар камня весом 78 килограммов!). На каждом этаже было две лестницы, одна для подъема снарядов, другая для спуска, чтобы не допускать беспо-

рядка. Три тысячи четыреста человек, выбранных за их силу, были обязаны приводить машину в движение, одни изнутри, другие сзади и по бокам, толкая одновременно». Не стоит полагаться на эту последнюю цифру, античные историки с легкостью увеличивали число в десять и даже сто раз. Однако стоит, вероятно, пересмотреть мнение о недостатке организации и технике «варваров»-македонян, которое мы могли унаследовать, основываясь на презрении греков к техникам. Не стоит также забывать, что Сократ был камнетесом, а Платон восхищался трудом ремесленников. «С подобной, столь превосходно задуманной машиной (которой был бурав, или стенное сверло Диада) инженер может добиться славы», — писал Афиней, резюмируя работы своих предшественников.

Другие машины

Античность также приписывает инженерам Александра использование, а то и изобретение черепахи, стенного бурава, «ворона» или механического захвата. Вероятно, они лишь усовершенствовали эти орудия. Тараны начинают применяться, начиная с битвы при Платеях в 479 году. Но чтобы выдвинуть их под прикрытием, подвесить на раму и заставить двигаться вперед и назад по направляющей, окруженной дозорными мостками, увеличить их размер почти до 20 метров, снабдить его наконечник настоящим массивным стенобойным бараном, потребовалось множество инноваций, после чего тараны стали пробивать за несколько ударов кирпичные стены, а иногда и стены из нетесаного камня. Диад даже смог установить на полу одной из своих башен высотой в 40 локтей (18,5 метра) трехэтажную башенку, вооруженную катапультой, с запасом воды на случай пожара. В 305 году при осаде Родоса большая черепаха закрывала балку в 120 локтей (53,28 метра) с оббитым железом наконечником, а в движение ее приводили более тысячи человек (*Диодор*, XX, 95, 1). Тараны, поставленные на колеса, имели постоянную ударную силу и обладали наивысшей про-

бойной силой в сравнении с таранами, просто подвешенными, как маятники, на главной балке рамы. Стены были покрыты бычьими шкурами, набитыми водорослями, травой, шерстью для амортизации ударов металлических снарядов, сброшенных с укреплений. Стеной бурав, защищавшийся такой же черепахой, представлял собой бревно со стальным острием, направлявшееся вперед с помощью системы, аналогичной катапульте, и возвращавшееся назад с помощью воротов. Вперед и назад оно передвигалось на колесах. В то время как таран разрушал стены, бурав пробивал в них бреши, расщеплял известняк, позволял заложить в щели труты, солому, воду. Среди техников, окружавших царя Македонии, нам известны специалист по подкопам Горг и гидравлик Кратес.

О «вороне», изобретении Диада, не сохранилось никаких описаний, просто потому что Афиней, переписывавший «Трактат о военных машинах», пропустил то, что касалось этого орудия. Если оно было аналогично «ворону», использовавшемуся римлянами в морских сражениях во время 1-й Пунической войны (264—241 годы), его следует представлять в виде огромного крюка, вращавшегося с помощью шарнира вокруг вертикальной мачты и способного подниматься и опускаться благодаря системе блоков, подобно грузовым стрелам греческих грузовых кораблей. Можно даже полагать, что мостки с поручнями могли прикрепляться к этому поворачивавшемуся бревну и вооруженные люди использовали их как перекидной мост, если верить Полибию, который описывает их в действии в 256 году. Во всяком случае, во время осады Тира в 332 году мы встречаем упоминание о «железных руках», способных цеплять и поднимать осаждавших, стоявших на башнях. Под стенами работали саперы, которые вырывали подземные ходы и, когда не было встречных подкопов, закладывали туда фугасы — охапки хвороста, пропитанного горючими материалами: смолой, серой, нефтью, а затем поджигали. После этого земля трескалась и проседала под весом укреплений, которые частично обваливались. В этом случае город брали не столько с помощью осадных орудий, сколько с помо-

щью искусства саперов и крепильщиков, позволявших воинам проникнуть через одну или несколько брешей. Фугас заменял собой землетрясение.

Первые осады

А теперь посмотрим на захватчиков городов в действии. За восемь лет военных кампаний, с 334 по 326 год, македоняне осадили и взяли штурмом пятнадцать укрепленных городов и крепостей, а без боя приняли капитуляцию еще большего числа населенных пунктов. Между тем на непокоренных землях Согдианы, Индии, Луристана, Армении, Пафлагонии остались лишь сожженные, разрушенные, опустошенные города и поселки. Чтобы не утомлять читателей серией однообразных ужасающих описаний, остановимся лишь на различных способах, которыми были взяты крупные города, и повседневной жизни воинов. После Граника большая часть туземных городов на западе Малой Азии согласилась платить дань теперь уже не царю Персии, но царю Македонии, а большая часть греческих городов, провозглашенных свободными и автономными, была рада тому, что ненавистная «подать» сменилась «взносами» в общее дело союзников. Продолжали сопротивляться только два города, Милет и Галикарнас, сохранявшие верность своим персидским владыкам. Первый удерживался гарнизоном греческих наемников под командованием греческих и персидских военачальников. Союзники дерзко захватили остров Ладу в устье Меандра, блокировали вход в порт Милета несколькими кораблями, а «царь, расположившись лагерем возле города, ежедневно посылал войска на один приступ за другим» (*Диодор*, XVII, 22, 1). Преследовалась двойная цель: тренировка греческих, фракийских и македонских воинов, а также истощение вражеских запасов метательных снарядов и живой силы. В реальности приступы представляли собой не карабканье на стены по неустойчивым и ненадежным лестницам, а подрывные работы с помощью военных машин. Тысячи солдат, постоянно сменяя друг друга, выдвигали вперед таран-

ные черепахи и пробивали стены. Спустя несколько дней в стенах открылись брешы. Под покровом ночи персидский гарнизон бежал. Греческие наемники пытались вести переговоры и предлагали организовать своего рода разделение властей. Им отвечали, что завтра на заре все силы союзников прорвутся через разрушенные укрепления. Защитники капитулировали. Пытавшихся оказать сопротивление убивали. Гражданское население пощажено. Триста наемников на службе у персов вступают в союзнический контингент.

В Галикарнасе, крупном порту Карики, ситуация сложилась немного иная. Город был построен на нескольких холмах, два из которых превращены в цитадели. Его обнесли длинной высокой кирпичной стеной с башнями и куртинами, которую Мемнон и Эфиальт, два греческих полководца на службе у персов, приказали обнести глубоким рвом. Сам же город был набит закаленными воинами, продовольствием, боеприпасами, золотом и серебром. Осада знаменовалась тремя событиями. Македонское командование начало с того, что приказало засыпать в нескольких местах ров с помощью «черепахи-землечерпалки» (*khelone khostris*), закрытой сверху от снарядов врага, в которой постоянно сменяемые бригады носят мешки и корзины с землей. Тем временем вся метательная техника Александра прикрывала продвижение рабочих. Затем тараны и буравы в нескольких местах пробили куртину и основания укреплявших ее башен, которые обрушились. Тогда вооруженные факелами галикарнасцы совершили ночную вылазку через две брешы и Тройные ворота и подожгли осадные машины противника. Утром сражение развернулось перед старыми и новыми укреплениями города: жители Галикарнаса выстроили за разрушенными стенами огромный полумесяц из кирпича и гигантскую деревянную башню, поставив туда катапульты. Исход битвы казался неясен, поскольку молодые македонские рекруты, чьи ряды неуклонно таяли от фланговой стрельбы противника, начали слабеть, и тогда царь приказал ввести в бой старую фалангу, которую до этого момента держал в резерве. Сатрап Оронтопат и военачальники Мемнона отвели своих лучших воинов в два форта, Арконес и Сал-

макиду, а большую часть своих войск и военную казну перевели на Кос. Македоняне и их союзники проникли в город через бреши, снесли городские укрепления, окружили цитадели стенами, а затем ушли оттуда. В свое время цитадели сдадутся одному из Птолемеев.

И наконец, сцена, которая развернулась в начале зимы 334 года в Милиаде, в Ликии. Край высоких гор, остроконечных вершин, цитаделей, который, начиная с эпохи легендарного Беллерофонта и Химеры, служил прибежищем пастухов, или «людей с вершин». На этот раз греческой армии, «освобождавшей» прибрежные города, пришлось осадить небольшое местечко или, скорее, «орлиное гнездо» мармарийцев (около Сарацика?) над Фаселидой. «В течение двух дней один приступ сменялся другим... Молодежи (местной) было человек 600, они отказались поднять руку на близких, но подожгли дома (ночью) и, высыпав через ворота, отступили в горы» (*Диодор*, XVII, 28, 1—5; *Арриан*, I, 24, 5—6). Отчаявшийся враг также может стать тактиком. Что касается огня, нельзя точно сказать, что к нему прибегли осажденные, — нападавшие с помощью катапульта осыпали город горящими снарядами.

Немного выше Арриан (I, 27, 5—28, 2) обращает внимание читателей на великолепный Термесс в Памфилии, крепость, развалины которой посещают туристы при входе в ущелья Писидии между двух скалистых пиков. Один вид греческих сил так впечатлил термесцев (событие произошло в течение той же зимы), что они разбежались по соседним вершинам, оставив за своими стенами лишь небольшую стражу. Город был взят благодаря внезапной атаке самых ловких и наиболее легко вооруженных горцев — защитники были вынуждены пригибаться под дождем копий, стрел, дротиков, камней и метательных снарядов.

Осада Тира

Именно осаду Тира рассказчики описывают вдохновеннее всего. Не только потому, что она длилась более шести месяцев, с февраля по август 332 года, и бы-

ла особенно кровавой, но и потому, что ознаменовала конец финикийского владычества и предоставила греческой торговле абсолютное главенство в Восточном Средиземноморье. После разгрома при Иссе Персидская держава все еще сохраняла значительный козырь — финикийский флот со всеми вытекавшими отсюда возможностями политических и торговых связей с Карфагеном, Сицилией, Испанией. Пораженные быстротой греческих побед, брошенные персидскими властями, а также подкупленные обещаниями и македонским золотом, цари Кипра и финикийских городов так или иначе присоединились к победителям. Однако Тир, в эту эпоху укрепленный остров, запретил македонскому полководцу входить в святилище Мелькарта, которого греки отождествляли с Гераклом, теоретически предком Александра. Этот предлог был выбран, чтобы не платить грекам дань. Десятина Мелькарта принадлежала лишь его царю-жрецу, финикийцу Азимильку. В осадных действиях нас в данном случае также интересуют лишь их оригинальность и необычность, а не банальность и гнусность.

Великолепные крепостные стены Тира наводили скорее на мысль о блокаде, чем о взятии города приступом. Тем не менее командование союзников, за недостаточностью военно-морских сил, решило пойти на штурм укрепленного острова, предварительно построив гигантскую дамбу, которая должна была связать его с континентом. Составляя 720 метров в длину и 60 метров в ширину, она должна была превратить остров в полуостров, сегодняшний Сур. Бесконечная вереница людей, образованная десятками тысяч рабочих, включая македонских солдат, перетаскивала из разрушенного по этому случаю маленького прибрежного порта камни и корзины с землей. Когда эта дамба, выстроенная в глубокой воде, практически достигла крепостных стен города, к тому же разбитых с помощью новых осадных машин, там выбросился на мель огромный кит, дав повод ко всякого рода суевериям. Защитники Тира в лодках являлись сюда и с близкого расстояния избивали беззащитных рабочих. Диад из Пеллы, главный инженер союзников, выдвинул для прикрытия рабочих две

деревянные защищенные от огня башни с катапультами. В это время буря разрушила часть дамбы. Диад восстановил ее, укрепив толстыми стволами деревьев, ветви которых служили, кроме того, поддержкой и арматурой для наполнителя. Вдоль всей дороги уложили листы меди и железа. Чем ближе дамба приближалась к укреплениям, тем интенсивнее становилась дуэль метательных орудий. «Он поставил на ней (насыпи) машины и стал метать в стены камнями, а стрелами сгонять воинов с брустверов. С ними заодно действовали лучники и пращники и ранили многих горожан, помогавших солдатам» (*Диодор*, XVII, 42, 7). Жители Тира додумались установить свои машины, щиты, амортизирующие удары маты. Они достраивали стены и заполняли пустоты битым щебнем. Диад же придумал скреплять попарно корабли и устанавливать на их мостках баллисты и камнеметы. Когда дамба дошла до острова, ее ширина была удвоена. Укрытыми щитами таранами удалось разрушить 120 метров крепостных стен. Через бреши македоняне проникли в город, но были отброшены назад убийственной стрельбой, ведущейся с бастионов. Той же ночью защитники Тира восстановили часть разрушенной стены. Подобные приступы повторялись начиная с июля 332 года на протяжении многих недель и сопровождались невообразимыми страданиями. Осажденные сбрасывали на осаждавших всевозможные горючие материалы — масло, битум, серу и даже, как сообщают, с помощью больших металлических щитов лили расплавленный песок. Тирские стеклодувы, вероятно, смешивали его с нитритом кремния или содой, превращавшими песок в стекло. Расплавленные капли стекла глубоко прожигали ткань и кожу, проникали во все щели. С высоких стен метали гарпуны и трезубцы, а также большие рыболовные сети, чтобы ловить людей, как тунцов.

В конце концов древний остров был взят со стороны моря. Два его порта были блокированы греческими, кипрскими и ассиро-финикийскими флотами и большим числом кораблей союзников, на бортах которых находились метательные машины. Штурм произошел одновременно со стороны сидонского порта на севере

и со стороны арсенала на юге, в то время как пехота отвлекала внимание защитников на западе, со стороны дамбы. С помощью перекидных мостов, сброшенных с высоты одной из деревянных башен, стоявшей на двух соединенных кораблях, щитonosцы Адмета и Александр перескочили на крепостные стены около арсенала, и тут же за ними последовали высадившиеся солдаты. Город брали улицу за улицей, дом за домом, этаж за этажом. Бог Мелькарт был последним, кто уступил владения своему потомку. Хотя большая часть населения была уже шесть месяцев назад перевезена в Карфаген, более тринадцати тысяч человек осталось в городе: около шести тысяч было убито, две тысячи распято, остальные проданы в рабство. Арриан (II, 24, 5) пишет о тридцати тысячах рабов. Но эта цифра так часто возникает на протяжении всего похода, что представляется просто данью восхищения или неведения. Во всяком случае, больше никогда за кампанию не было ни столько поводов для личных подвигов, ни столько жертвенности ради общего дела. Так и видишь царя с султанами на шлеме, спрыгивающего первым с деревянных мостков на стену на высоте балкона пятиэтажного дома и указующего вперед обнаженным мечом. И все-таки я предпочитаю преклоняться перед искусством его строителей и механиков, практическим и плодотворным умом его инженеров, простой отвагой его воинов.

Осада Газы

Не успела завершиться осада Тира, как деревянные башни и военные машины демонтировали и морем перевезли к Газе, античной Миное филистимлян, которую оспаривали финикийцы, евреи, критяне, египтяне и где арабы и персидские военачальники держали гарнизон под командованием энергичного перса Батиса. Город был построен на песке, македонские саперы прорыли подземные ходы от места, которое не могли видеть жители, а, чтобы отвлечь их внимание, перед крепостными стенами выстроили высокие конструкции осадных башен. Но башни завязли в песке, накрее-

нились и развалились. Тех, кто пытался откатить башни назад, настигали вражеские стрелы. Царь был ранен в стычке, и тогда было решено вести приступ более продуманно. Почти вровень со стенами возвели насыпь, на нее поставили башни, теперь господствовавшие над городом, а число подкопов было увеличено. Один из них обрушил крепостную стену. Через брешь союзные воины проложили себе дорогу в город. Во время штурма царь снова был ранен и впал в ярость. Вновь все защитники вырезаны, а прочее население обращено в рабство. Город был заселен жителями из соседних деревень и преобразован в крепость. Не всегда целью осады являлось уничтожение городов, иногда достаточно было подчинения.

Аварана, Аорн

Два года спустя, в сентябре 330 года, взбунтовалась провинция Ария. Похоже, Кратер первым окружил столицу Артакоану или Артакану, недалеко от современного Герата (Афганистан), в то время как легковооруженное войско царя собиралось незамедлительно выбить отряды сатрапа, укрепившиеся на вершине горы. В текстах это место называется Крепкая Скала или Скала Арии, по-персидски *Аварана*, Крепость, Укрытие. Предполагается, что его можно идентифицировать со старым фортом Нарату в Кала-и-Духтар. Леса и пропасти окружали это естественное убежище. Саперы обнаружили, что ветер дует в направлении мятежников. Осаждавшие решили срубить с восточной стороны большое число хвойных деревьев, сложить около крепости и поджечь. «Варвары пытались убежать от мучительной смерти туда, где затухал огонь, но где не было пламени, там их поджидали враги. И они погибали по-разному: частью в самом огне, некоторые прыгали со скалы, другие бросались навстречу врагам, немногие попали в плен полуобгорелыми» (*Квинт Курций*, VI, 6, 25—32). Кратер ждал возвращения основных сил, которых задержала эта операция. Одно лишь приближение деревянных осадных башен, возведенных со всей

поспешностью, принудило жителей Артакоаны к капитуляции. Сатрап же и его свита спаслись бегством.

Три другие высокогорные *Авараны*, Аорн или Аорнис по-гречески, также были вынуждены капитулировать. Одна, в Бактриане, современный Ташкурган в 70 километрах к востоку от Бактры (Балх), была взята безо всяких усилий весной 329 года. Второй была крепость (мятежного) Ариамаза в Согдиане, современный Байсун-тау в 20 километрах к западу от Дербента (Узбекистан). Об «альпинистском» штурме этой крепости, предпринятом горсткой молодых людей в марте 328 года, мы уже рассказывали выше. Третья — цитадель, охранявшая переправу через Инд, современный Пир-Сар в Охинде, осаждена и взята летом 327 года. Сведения главных авторов настолько запутанны и даже противоречивы (*Диодор*, XVII, 85 и 86, 1; *Квинт Курций*, VIII, 11, 2—25; *Арриан*, IV, 28, 1—4 и 8; 29, 7; 30, 1—4), что приходится выделять лишь самое основное: неудачную попытку подъема по крутому склону утеса с помощью местного проводника, засыпание лощины Буримар-Кандао у подножия горы, ввод в действие метательных машин для прикрытия рабочих, бесплодные атаки, переговоры о капитуляции, притворное отступление македонян, атака убегающих индусов с тыла, передача скалы индо-бактрийскому правителю Сасигупте. Общим является то, что для взятия этих неприступных крепостей в основном использовались атлетические качества воинов и хитрость военачальников. Только один раз, последний, при покорении Пенджаба, Александр попытался повторить титанический подвиг осады Тира: но ни машины, ни люди не удовлетворяли больше требованиям, перед которыми бы лично отступил, как говорили, индийский Геракл, бог Индра. Отметим еще, что на широте Пир-Сара, последней *Авараны*, Инд течет между крутыми отрогами высотой более 5 тысяч метров.

Неизвестно, следует ли считать *Авараной* «Скалу Сисимитра» или «Хориена», как называют ее источники: Страбон (XI, 11, 4), Квинт Курций (VIII, 2, 20—33), Плутарх («Жизнь», 58, 3—4), Арриан (IV, 21, 1—9), крепость и столицу парайтакаев в Согдиане, современ-

ный Кох-и-Нор, в 80 километрах к юго-западу от Душанбе (Таджикистан). Эту крепость иногда путают с уже упоминавшейся скалой Ариамаза в Согдиане. Она также называется античными географами фортом Окса, поскольку из ее подножия вытекает Вахш, один из притоков Окса (Амударьи). Тем более неизвестно, к какому времени относится восстание согдианского царька Сисимитры, прославившегося в войске Александра Македонского тем, что был женат на своей матери и имел от нее двух сыновей, служивших военачальниками в Великой армии. Если следовать рассказу Квинта Курция, более красочному и обстоятельному, операция по усмирению мятежников состоялась непосредственно после убийства Александром его друга Клита Черного и прямо до суровой зимы 328/27 года, когда войско готовилось вторгнуться в Индию. Арриан также упоминает о покорении двух укрепленных городов в Согдиане: города Ариамаза и города Хориена (это титул, а не место!), но путает время года. Есть большая вероятность, что мобильная колонна, предназначенная захватить вождя (*khorienes*) Сисимитру, подвергалась опасности в ущельях Памира глубиной около 3 тысяч метров в конце лета 328 года. «Этот Сисимитр, вооружив своих соотечественников, заградил сильным укреплением наиболее узкое место входа в область. Мимо протекала быстрая река, тыл закрывала скала; в ней жители вручную пробили проход. В начале этого прохода еще светло, но внутри, если не внести свет, царит темнота. Непрерывный подземный ход, известный только местным жителям, выводит в поля. Хотя варвары сильным отрядом защищали ущелье, укрепленное самой природой, Александр подведенными таранами разбил укрепления, сделанные человеческой рукой; он отбросил пращами и стрелами большинство врагов, сражавшихся впереди; рассеяв их и обратив в бегство, по руинам укреплений он подвел войско к скале. Однако дорогу преграждала река, вбирающая в себя воды, стекающие в долину со склонов гор. Казалось, стоило огромного труда завалить пучину. Все же царь велел рубить деревья и валить камни». Речь шла ни много ни мало о том, чтобы перего-

родить лощину приблизительно в 200 метров глубиной и 20 метров шириной. Вначале, как пишет Арриан (IV, 21, 6), мятежники взирали на затею неприятеля с пренебрежением, как на совершенно нереальную. Однако дровосеки и саперы, которыми руководили по очереди день и ночь царь и его полководцы, совершили тот же подвиг, что и при осаде Тира четырем годами ранее. Они начали строить гигантскую лестницу от вершины их скалы до ложа реки, чтобы дать возможность рабочим, то есть целой армии, по одному спустить стволы деревьев и мешки с камнями. Самые большие сваи были вбиты в основание между подножием скалы и прибрежным утесом. Они поддерживали настил моста, скрепленный лианами. Над ним перекрещивались вдоль и поперек стволы, а промежутки между ними были заполнены щебнем и землей. Насыпь поднималась медленно, со скоростью 20 локтей в день, то есть немного менее 9 метров, и почти на столько же каждую ночь. «При виде мгновенно выросшего огромного завала страх охватил варваров, не знавших до сих пор ничего подобного» (*Квинт Курций*, VIII, 2, 24). Метательные орудия начали обстреливать защитников, и те ничего не могли поделать с рабочими, укрывшимися за своими переносными щитами. Между тем строители выстроили башни на колесах. Работа велась споро, поскольку начал падать снег, и необходимо было либо заставить крепость капитулировать, либо взять ее приступом до наступления зимы. Александр воспользовался услугами сатрапа Оксиарта, отца Роксаны и в скором времени своего тестя. Оксиарт предложил осажденным капитуляцию на почетных условиях: жизнь в обмен на двухмесячный провиант для македонской армии. Что бы там ни было, настоящая ли осада или добровольная сдача, свидетели подчеркивают, что скала была неприступна, поскольку укрывшееся там население могло целую зиму жить в большой пещере, вся демонстрация сил с греческой стороны была блефом, и Сисимитра сдался лишь потому, что был утрашен демоническим духом людей с запада, а также их дисциплиной и интеллектом.

Города Индии

Весной 327 года войско спустилось вдоль реки Кабул, чтобы проникнуть в Индию (теперь это Северный Пакистан). Левым берегом Кабула оно двигалось по долине Кунар, покоряя различные народы, а затем по долине реки Сват направилось к Инду. Армии пришлось осадить город Массака, по-санскритски Масакавати, столицу ассакенов, *ачвака*, или «народ конников», неариев, у которых правит женщина. Город, окруженный стеной в 6300 метров, с населением 38 тысяч человек, из которых семь тысяч — индийские наемники, оказал сопротивление. На востоке подойти к городу не дало бурное течение Свата. На западе и юге — хаотично нагроможденные утесы, изрезанные складками и карстовыми провалами, а там, где скал не было, стену охранял огромный ров. У основания — стена из камня, а сверху — из сырцового кирпича с деревянным каркасом и песчаника. Дозорные на стене повсюду находились под крышей. В принципе город считался неприступным. «И вот, как было приказано, одни стали ломать постройки за чертой города и носить огромное количество материала для возведения насыпи, другие сбрасывали в пропасти стволы громадных деревьев вместе с ветками и каменные глыбы. Ров уже сравнялся с землей; тогда стали строить башни, и за 9 дней эта работа была выполнена воинами с величайшим воодушевлением. Александр выехал осмотреть сделанное, хотя его рана еще не затянулась. Похвалив воинов, он приказал подвести машины, из которых в осажденных полетела туча стрел» (*Квинт Курций*, VIII, 10, 30—31). Черепахи-тараны долбили стены, и осажденные с ужасом взирали на двигавшиеся башни, защищенные листовой медью, и своей высотой превосходившие их крепостные стены. Они не знали, что греческие воины изнутри толкали колеса этих чудовищ. Удивление стало еще большим, когда с вершины одной из башен на крышу стены перекинулся опускной мост. Македоняне и греки бросились на него, но слишком многочисленные мешали друг другу, скользили и падали. Маневр не удался. В руках у нападавших остались лишь раненые и тридцать

пять убитых, которых им удалось вытащить из-под стены под градом камней, стрел и дротиков. Тогда защищенные щитами тараны удвоили мощь ударов, между тем как катапульты и камнеметы стали обстреливать каждый зубец стены. Часть стены обрушилась. При помощи второго опускного моста греки перебрались на руины. Войско устремилось в пролом. Укрывшиеся в цитадели индийские наемники капитулировали: они получили разрешение покинуть город вместе с женами, детьми и оружием. Царица Клеофида признала себя «рабыней» царя Александра, что стало источником многочисленных легенд, получивших развитие в «Романе об Александре» тысячелетием позже. В реальности осада завершилась чудовищным истреблением наемников и их семей. Арриан (IV, 27, 2—4) изображает дело так, что по условиям капитуляции предполагалось их присоединение к армии победителей, а они попытались бежать под покровом ночи. Однако скорее следует полагать, что данному слову изменила сильнейшая сторона и что у дважды раненного царя не хватило сил остаться верным обещанию и проявить великодушие.

В течение лета 326 года войско, спускаясь по течению Инда, столкнулось с воинственными народами — кшудраками, судраками, оксидраками и гидраками, как их называют в нашей литературной традиции. Это, как гласит их название на санскрите, местные жители «малого роста», сильно отличавшиеся от завоевателей индоевропейцев. Их многочисленные племена имели настоящие города, окруженные глинобитными стенами. В войне, в основном друг против друга, они не так давно объединились и вступили в союз с «высокими» малавами. В районе современного Мултана, почти в 130 километрах к северу от слияния Чинаба (Гидраота) и Инда, в центре современного Пакистана, войско обнаружило город, который в отличие от других решил сопротивляться. Название его неизвестно. «Осадные машины запоздали; царь первым разбил ворота и, ворвавшись в город, многих убил, а остальных обратил в бегство и преследовал их до акрополя. Македоняне еще дрались у стен; он схватил лестницу, приставил ее к стенам крепости и, прикрыв голову щитом, полез на-

верх. Стремительно действуя, он предупредил передовых варварских воинов и быстро оказался на стене. Инды не решились вступить с ним врукопашную, но издали метали дротики и пускали стрелы. Царь обессилен под этим градом; македоняне, подставив две лестницы, полезли по ним всем скопом; обе лестницы подломились, и люди рухнули на землю» (*Диодор*, XVII, 98, 4—6). Обстреливаемый со всех сторон, царь спрыгнул со стены внутрь крепости и тут же был окружен и серьезно ранен вопящей толпой. В конце концов его прикрыл и отбил один из пехотинцев, Певкест, отважно прыгнувший следом за Александром. Привлеченные свалкой и криками, македоняне бросились на выручку, неся с собой лестницы. Они преодолели стену, вынесли царя и истребили всех защитников крепости. В городе произошла массовая резня. Легенда странно приукрасила и обогатила этот эпизод. Нетерпеливо проведенная осада и бесшабашный поступок полководца как минимум показывают, что македоняне еще больше, чем ранее, были убеждены в своей силе, своих умениях и правоте, а силу своих противников недооценивали. Они приписывали неоднозначность своего успеха, во всяком случае крайнюю опасность, которой подверглись, недостаточному вниманию командования к предупреждениям прорицателей. Античная поговорка недвусмысленно гласит: если Юпитер хочет кого-то погубить, он сбивает его с пути, буквально «лишает его разума».

Около Суккана в царстве Самб (Синдомана на санскрите) или немного южнее, около Сехвана в Синде, или еще ближе к устью Инда (где точно — никто не знает) войска Александра осадили Гармателию, последний город брахманов. После стычки нескольких пехотинцев с тремя тысячами жителей-фанатиков выяснилось, что даже легкораненные или просто оцарапанные быстро погибали в конвульсиях; похоже, вражеское оружие было смазано ядом какой-то змеи. Также становится известно противоядие: примочка или отвар из местного растения, название которого не сохранилось. Легковерная толпа воинов приписывала исцеление будущего царя Египта Птолемея Провидению, ве-

щим снам, магии. Отныне в стране факиров и брахманов при взятии городов верили не в здравый смысл, технику и научный расчет, а в чудеса и сверхъестественное. И чудесным образом «варвары», видя, что их первые надежды — отравить непобедимого царя! — не оправдались, в самом начале осады передали врагу свои жизни и город. Клитарх, в кратком пересказе Квинта Курция (IX, 8, 7), пишет, что в этой стране крестьяне верили в пришествие войска богов и в то, что невозможно сосчитать корабли, на которых они приплыли. И в порядке исключения, поскольку капитуляция была безоговорочной, никого здесь не продали в рабство и не убили: хватило шестисот убитых и тысячи пленников в результате самой первой стычки. Возможно, те, кто, подобно царю-визионеру, избежал отравленных стрел, не имели ни малейшего желания искушать судьбу.

Таковы, в общем и целом, те пятнадцать осад, о которых сохранили память ветераны и рассказчики. В них было достаточно чудес. Даже придерживаясь строгих рамок правдоподобия, невозможно не сомневаться в местах, датах, последовательности событий, цифрах, чувствах и даже намерениях. «Вульгата», написанная по следам «слухов» (*logoi*), является переработкой, сделанной последующими поколениями. И потому наблюдается сильное расхождение в датах, когда речь идет об осадах и взятии городов. Можно ли в таком случае получить хоть какое-нибудь общее представление о полиоркетике той эпохи? Самое большее, на что можно рассчитывать, — это впечатление, которое состоит в том, что по мере продвижения вглубь Азии захватчики испытывали всё большее удивление. Они удивлялись величию и богатству городов Азии, мощи их механизмов и машин, находчивости и уверенности осажденных, непоколебимой вере индусов, несоразмерности используемых средств. Их удивление достигло такой степени, что они уже не понимали, кому и чему приписывать свои победы, а во время последних осад просто отдавались на волю случая. В конце 326 года уже не было энергичных диспозиций начала Азиатского похода. Не стоит также забывать, сколько личных, возвышен-

ных, чуть ли не рекламных подвигов совершалось во время многочисленных осад. На поле битвы рукопашная схватка была анонимной, столь же непонятной, сколь и беспорядочной. Зато тот, кто первым преодолевал перекидной мост, ухватывался за край стены, выскакивал из подкопа или проникал в бастион, выставлял себя на всеобщее обозрение. Он мог получить награду, премию, осадный венок — или обойтись без них. Однако он выглядел сродни победителю Киклопа в эпосе Гомера: он больше не был «Никем», отныне он обретал имя. Для воинов взятие города не было вопросом стратегии, тактики или военной истории, но находилось на уровне эпического повествования. Читая произведения наших предшественников, начинаешь понимать, что осада одного Тира имела такое же, если не большее значение, как четыре крупных сражения, решивших судьбу империи Наполеона.

Грабежи

Возможно, существует некий обычай, позволяющий предположить, почему полиоркетика приобрела такую важность в глазах греческих и македонских воинов, не говоря, разумеется, о ее относительной новизне. Это обычай грабежей. После того как город берут или он сдается, власть переходит в другие руки, государство меняет правителя, жители и их имущество становятся добычей победителя. Победитель волен их убить, пощадить или раздать их кому пожелает. Но македонский обычай, унаследованный от более далекого прошлого военных сообществ Европы, владевших оружием из металла, требовал, чтобы царь-победитель делил полученную у врага добычу между своими товарищами по оружию. С этой целью они и избирали его полководцем, выкрикивая его на собрании. Решения македонского царя едва ли напоминали суд Соломона, Миноса или карфагенских суфжетов. Он воздавал каждому по подвигам, храбрости, военным заслугам, *areta*. И он был тем больше царем, чем больше давал, даже если сам он сражался не слишком хорошо. В Азии, подчиненной

персам, земля принадлежала царю, с нее и с людей царю причиталась подать. Когда глава македонян был признан царем Азии, он поостерегся что-либо менять в обычаях великолепного управления Ахеменидов. Царская земля осталась царской. Лишь несколько наделов он раздал своим друзьям и гетайрам, которых назначил сатрапами или военными наместниками. Необходимо было обеспечить им если не честную, то хотя бы достойную жизнь. Но когда речь шла о покоренных городах, покоренных «по праву меча»? Существовало три решения: обязать платить сдавшиеся без боя города пропорциональную их значимости контрибуцию продовольствием, оружием и деньгами; в случае сопротивления конфисковывать всё имущество и людей в пользу государственной казны; позволить солдатам грабить город, приказав сложить добычу в кучу, и разделить ее между победителями.

Когда всё население, сопротивлявшееся нападавшим или следовавшее плохим советам, продавалось в рабство, как случилось с Тиром (5 тысяч рабов) и с последними городками в долине Инда (нам сообщают о 80 тысячах рабов!), то людей выводили из города и подобно толпам, изображенным на ассирийских и египетских барельефах, вели вслед за колоннами армии-победительницы. Шли мужчины со связанными руками, женщин и детей с их пожитками везли в повозках — до того момента, пока в очередном городе им не встречались торговцы, покупавшие и продававшие человеческий скот. Иногда командование, не слишком благосклонно смотревшее на то, что войско обременено столь ценным и громоздким грузом, отправляло бесполезные рты на рынки под присмотром небольшого эскорта хорошо вооруженных воинов. Вырученные деньги поступали в армейскую кассу и шли как на выплату жалованья, так и на закупку продовольствия. Все действия такого рода, кажущиеся нам отвратительными, проделывались как нечто само собой разумеющееся, поскольку никаких жалоб на них до нас не дошло. Не желая оправдывать воинов Александра, отметим, что наш собственный век с его шпионскими обменами, похищениями, выкупами заложников, депортациями и геноцидом нисколько не лучше.

Но когда командование, ожесточенное сопротивлением какого-нибудь города и желая угодить измученному войску, разрешало грабеж, *agein kai pherein*, «хватать и тащить» по-гречески, местные жители и их имущество становились собственностью воинов. На практике всё захваченное сносилось в одно место в городе или в самом лагере, после чего индивидуальное перераспределение награбленного проводил совет командиров, единственных уполномоченных отличать заслуги и права на награду или наказания. Их решение обжалованию не подлежало. В спорных случаях прибегали к жребию, то есть к воле богов. И горе тому, как мы уже видели в первой главе, кто попытается совратить чужого раба, мужчину или женщину, или украсть чужую драгоценность, полученную по жребию! Владельцы всегда имели право обмениваться со своими товарищами по битве, делать подарки, продавать свою добычу торговцам, например, чтобы заплатить долги, и даже, в конце концов, просто бросить или уничтожить обременяющую вещь. Такое случалось неоднократно, а при вторжении в Индию и уходе из страны произошло знаменательное сожжение добычи. Нужда диктовала закон. Подобные легальные грабежи, разрешенные, чтобы терроризировать противника, или обещанные войску в качестве стимула, вероятно, давали повод для еще более безобразных сцен, чем те, которые мы уже вспоминали в случае захвата коллективной собственности. Вспомним грабителей за их делом на поле битвы при Гранике и Иссе. Прежде чем войти в Арбелу, они договорились не отдавать будущую добычу в царскую казну. Посмотрим на них в Персеполе в апреле 330 года: «Сюда варвары свезли богатства со всей Персии, золото и серебро лежали грудями, одежд было великое множество, утварь была предназначена не только для употребления, но и для роскоши. Поэтому вооруженные столкновения происходили и между самими победителями: кто захватил более ценную добычу, считался врагом, и так как они не могли унести всего, вещи брались какие подороже. Царские одежды они разрывали на части, мечами разбивали дорогие художественные сосуды, ничего не оставляли нетронутым,

не уносили в целости: тащили отломанные от статуй части, кто что ухватил. Не только алчность проявлялась в городе, но и жестокость: отягощенные золотом и серебром победители уничтожали дешевые человеческие тела, умерщвляли всех попадавшихся навстречу, между тем как прежде их стоимость заставила бы проявить к ним жалость. Многие из неприятелей своими руками готовили себе добровольную смерть: одевшись в дорогие одежды, с женами и детьми бросались со стен. Некоторые подкладывали под свои дома огонь, предполагая, что это будет делать в скором времени и враг, и заживо сгорали со своим имуществом. Наконец царь отдал приказ воинам воздерживаться от насилия над женщинами и не срывать с них одежду. Кое-кто называет такие размеры захваченной здесь добычи, что она кажется невероятной» (*Квинт Курций*, V, 6, 3—8). То же описание у Диодора (XVII, 70), который ограничивается добавлением простой детали: «Некоторые, не помня себя в гневе, отрубали руки тем, кто хватался за вещи, бывшие предметом спора». Рассказы Юстина, Плутарха, Арриана гораздо более сжатые. Они лишь упоминают пожар во дворце Персеполя, который царь, его друзья и их придворные оставили себе для грабежа, а потом подожгли. Но довольно вандализма и дикости.

Сокровища и монеты

Лишь царские сокровища не подвергались солдатским грабегам. Дарий позаботился о том, чтобы оставить их в Дамаске и четырех столицах державы с приказом страже заботливо их хранить, дабы передать лишь наследнику. Как пишет Квинт Курций (V, 1, 6), он хорошо знал, что в своей безумной алчности македоняне будут останавливаться на много месяцев, споря из-за добычи и враждуя друг с другом, между тем как Царь царей бежит в северо-восточные провинции, богатые золотом и людьми, где вновь соберет армию. Однако он недооценил жадность, страсть и магическое воздействие золота на греков и македонян, превратившихся в нацию хищников. Суммарный вес ценных ме-

таллов, которые военная администрация вернула в царские сокровищницы Персии, несмотря на личные грабежи и побег, как в Дамаске и Вавилоне, оценить невозможно, даже с погрешностью в несколько тонн. Десятками и сотнями тысяч «талантов» (1 талант = 6 тысяч золотых франков) в золотых слитках или же золотых монетах, дариках, исчисляют историки те деньги, которые воины Великой армии взяли официально, конфисковали, поместили, как им казалось, в надежное место и, в конце концов, увезли с собой. Можно ли верить Плутарху («Жизнь», 37, 4) или его источнику, когда он заявляет, что для перевозки серебряных монет и мебели из Персеполя понадобилось десять тысяч упряжек мулов и пять тысяч верблюдов? Диодор (XVII, 71, 1) и Квинт Курций (V, 6, 9), более сдержанные, оценивают в 120 тысяч талантов одну лишь казну этого города, для перевозки которой потребовалось три тысячи верблюдов. Страбон (XV, 3, 9), следуя за весьма критичным Эратосфеном, пишет, что в 331 году все персидские сокровища были собраны в цитадели Экбатаны (современный Хамадан) и составляли 180 тысяч талантов, или 1 миллиард 80 миллионов золотых франков, или, приравнивая золотой франк к сорока бумажным (по курсу 1981 года), 43 миллиарда 200 миллионов французских франков. Сюда еще следует добавить последнюю добычу, изъятую у эскорта Дария после его убийства в июле 330 года: 26 тысяч талантов, из которых 12 тысяч были розданы воинам и столько же обманом похищено стражниками! В качестве сравнения отметим, что обычные доходы Афин в 422 году, когда они находились на пике своего экономического и морского могущества, не превышали 2 тысяч талантов и что Филипп II Македонский на протяжении некоторого времени ежегодно получал по тысяче талантов со своих чрезмерно эксплуатируемых рудников на горе Пангей. Захват персидских сокровищ принес в сто, в двести раз больше денежных средств его сыну, а также всей администрации и окружавшим его кредиторам, залезшим в долги солдатам, наемникам, публичным девкам, попрошайкам и ворами, от чего вся средиземноморская экономика пришла в необычайное оживление. В август-

те 324 года пример подал Гарпал, хранитель сокровищ: он внезапно покинул Вавилон со своей любовницей, шестью тысячами наемников и 5 тысячами талантов, которыми будет сорить на всем протяжении своего пути — в Киликии, на Эгейском море, в Афинах, на мысе Тенар и на Крите, пока один из военачальников его не убьет и не похитит оставшиеся деньги.

Итак, именно ради этого проклятого золота войны Великой армии осаждали и брали приступом столько крепостей, столько пещер с сокровищами, столько фортов на дорогах к приискам, от «богатых золотом» Сард до Александрии Эсхаты под современным Ходжендом, в краю «муравьев, искателей золота». Запасы драгоценных металлов на Балканском полуострове истощались. Золотые россыпи, открытые около 350 года в кварцах горного массива Пангей, между Правицей и Косфиницей, и на возвышенности Асила, около Ракчи, были истощены за двадцать лет; кроме того, после похода в Азию, забравшего самых отважных, самых юных, в Македонии не хватало рабочей силы и квалифицированных кадров. Нет сведений о том, чтобы наносные залежи, обнаруженные и разрабатываемые в наши дни с помощью химических технологий, — около Кратово в Югославии, около Килкиса, на озере Корония, в Стратониках, Нигрите, Ахладохори в Восточной Македонии, около Пердикаса и Скафи в старой Македонии, — были разведаны и эксплуатировались еще во времена Александра. Кроме того, свинцовые среброносные рудники на горе Лаврион, в долинах Камарицы, Берзеко и Бутзариса, на Сифносе и Тасосе и афинских поселениях во Фракии, составившие богатство Афин, около 335 года уже не приносили деловым людям дохода, достаточного для того, чтобы их заинтересовать. Отношение золота к серебру, как говорят сегодня в экономике, составляло в Греции 1 к 10, а у персов 1 к 13, то есть в Греции серебро было в относительном изобилии, между тем как в Персидском царстве испытывался его относительный дефицит, и потому деловые люди с запада получали немалую прибыль, а именно чуть более 30 процентов, обменивая свои серебряные монеты на

золотые*. С другой стороны, искусственно оценивая золотую наличность Персии исходя из коэффициента 1 к 10, новая военная власть ее девальвирует. Плохая монета всеми способами меняет хорошую. Ростовщики и менялы, которые во всех городах Греции выкупают у отпущенных из войска солдат золотые дарки, выданные им в качестве жалованья, государства и города, которые их переплавляют или реконвертируют в золотые стратеры весом 8,55 грамма, проделывают весьма выгодные операции. Монетные дворы Пеллы, Менда, Амфиполя в Македонии, Мелитеи и Трикии в Фессалии, Сикиона на Пелопоннесе чеканят золотые монеты с именем Филиппа вплоть до 315 года. Но монеты Александра, выпускавшиеся в Пелле начиная с 336 года и чеканившиеся с 330 по 323 год в первую очередь монетными дворами Азии, встречаются при раскопках чаще всего — вплоть до афинской агоры. Спекуляции и монетное обращение идут рука об руку. А сколько фальшивок! Я сам нашел поддельную монету Дария III на дне корикийской Пещеры нимф над Дельфами в ходе французских раскопок в августе 1970 года. Вероятно, у того фокейского солдата, что поднес это поддельное приношение, душа была не на месте, поскольку он хитрил с богами и расплачивался за их услуги фальшивкой.

Колдовская власть золота

Плутарх («Жизнь», 24, 1—3) пишет, что фессалийские всадники, которым было поручено захватить в Дамаске в ноябре 333 года «пожитки, жен и детей знатных персов», «извлекли из этого немалый доход» и что царь Македонии доверил им эту миссию преднамеренно, чтобы они обогатились. «Впервые отведав тогда варварского золота и серебра, варварских женщин и обра-

* Оставляя авторский текст без изменения, все же должны констатировать, что отношение 1 к 10 говорит о большем относительном дефиците серебра в сравнении с отношением 1 к 13. То же относится и к утверждениям П. Фора в книге «Александр Македонский». Самое примечательное, что следующая фраза автора совершенно справедлива.

за жизни, македоняне, словно собаки, взявшие след, спешили пуститься в погоню и отыскать персидские богатства». Хотя золото присутствовало повсюду, где воды подмывали метаморфические скалы, кварцы и кварциты, хотя оно было и осталось наряду с кремнеземом и глиноземом самым распространенным минералом в мире, греки уже на протяжении как минимум тысячи лет знали, что его добывают в некоторых исключительных местах в Азии, в Грузии вдоль реки Фасис (Риони), в Уральских горах и рядом с одноименной рекой (область современных Пласта и Дегтярска) и, наконец, на северо-востоке от нынешнего озера Балхаш, около Иртыша, на склонах Алтая. Кроме того, вся Согдиана (восток Узбекистана и Таджикистана) и северо-восточная оконечность Бактрианы (на севере современного Афганистана) с ее герцинскими и каледонскими складчатостями вот уже два века являлись самыми крупными поставщиками золота для монархии Ахеменидов. Следовательно, завоеватели имели тройной интерес укрепиться на истоках Сырдарьи и Амударьи, античных Яксарта и Окса, в областях перевозки и производства золотого песка. Их мало интересовало то, что его получали, дробя камень и промывая породу на наклонных досках, двигая притвор или погружая шкуры в золотиносную реку; им было неважно, что это был, в девяти случаях из десяти, электр, а не чистое золото: в перерабатывающих плавильнях персидских столиц и греческой Лидии умели выделить золото из сплава при помощи соли, древесного угля и органических веществ, а затем перелить его в слитки, пластины, монетные кружки, готовые к чеканке. Воины и сопровождавшие их торговцы не были ни изыскателями, ни старателями, ни шахтерами, ни литейщиками: их интересовал лишь товар, способный стать сырьем для чеканки монет, или уже сами монеты. На протяжении двух лет, с марта 329 года по март 327 года, войско ведет боевые действия между Кабулом и Ташкентом, чтобы завладеть сокровищами сатрапов и местных князьков. Оно переходит Сырдарью и основывает на берегу реки большой город со смешанным населением, ведет переговоры с «сака хаомаварга», «кочевниками, делате-

лями дурмана», предками казахов, чтобы позволить караванам с Алтая продолжать обменивать золотой песок на греческую серебряную и бронзовую посуду.

Здесь следует обратиться к археологам из советского Таджикистана В. Литвинскому, И. Пичикиану, В. Искандарову, которые рассказывают нам об открытиях предметов греческого искусства между двумя реками, некогда впадавшими с востока в Каспийское море. В 1877 году три бухарских купца отправились в Индию. По дороге они остановились на отдых в оазисе Ковадия на юге Таджикистана, недалеко от Амударьи*. Жители продали им сотни золотых и серебряных вещиц, в том числе монеты первых греческих правителей Бактрианы. Все эти вещи были обнаружены в старом «замке» в нескольких километрах к западу от места слияния Вахша и Амударьи. Это плодородный и живописный район, простирающийся у подножия массива Тешик-Таш, немного в стороне от крупной дороги, проходящей с севера на юг и связывающей Ташкент с Кабулом. По этой дороге обязательно должны были проходить колонны греко-македонского войска. В районе, где были обнаружены ювелирные изделия из Амударьинского клада, в 1956 и 1976 годах археологам удалось идентифицировать небольшие военные поселения, Тахт-и-Хубад («трон Хубада», древнего иранского царя) и, в 5 километрах к северу, Тахт-и-Сангин («Каменный трон»). В святилище Тахт-и-Сангина, аналогичном святилищу города Ай-Ханум, раскопанному французами, было сложено около пяти тысяч железных и две тысячи бронзовых наконечников стрел, греческие мечи, украшения, сотни золотых и серебряных монет III и II веков до нашей эры. Бронзовые пластины были посвящены культу Диониса. В надписи на греческом языке размером в четыре строки говорится о приношении реке Окс во II веке до нашей эры. Маленький бюст Александра из слоновой кости позволяет датировать возникновение этого поселения временем завоевания Бактрианы в 329 году. Между тем здесь, точно так

* Окский (или по советской терминологии Амударьинский) клад хранится в Британском музее.

же, как в Тахт-и-Хубаде и в Ходженте, где был обнаружен посеребренный бронзовый кратер, столь же красивый, как и те, что хранятся в археологическом музее в Фессалониках, прослеживаются черты искусства северных скифов и хорезмийцев с берегов Аральского моря (Западный Туркменистан) — доказательство существования и разнообразных обменов, грузооборота и обычной торговли, словом, старинных традиций. Поскольку уже на золотой табличке Дария I (522—486 годы), найденной в развалинах дворца в Сузах, мы читаем: «Используемое здесь золото пришло из Сард и Бактрианы, ляпис-лазурь и халцедон из Хорезмии... Камнерезы, работавшие здесь, прибыли из Явны, то есть из Греции, и Испарды, то есть из Лидии. Ювелиры были из Мидии (столица Экбатана, современный Хамадан в Иране) или из Мудрайи (Египет)».

Что же могло подтолкнуть такое количество греков к пескам и золотоносным скалам Центральной Азии, что заставило их взять и разрушить столько торговых и административных городов, чтобы построить рядом другие? Откуда это притяжение греческой души к персидскому золоту, подобное притяжению магнитом железных опилок? Откуда это, как пишет Лукреций, «поразительное почтение» к золоту*, которым возмущаются во время Азиатского похода философы-кинники и эпикурейцы? Его физические качества: ковкость, гибкость, неизменяемость (стойкость к окислению), огромная плотность; его осязаемые качества: приятный блеск, зелень, желтизна, белизна, сверкание, мерцание, даже его бесполезность (использовалось исключительно для изготовления украшений и предметов роскоши) — всё это пустяки по сравнению с врожденным, но необъяснимым убеждением, что золото является божественным веществом, подобным солнцу или огню и потому священным. В брахманской Индии, куда проникли завоеватели, когда невозможно разжечь огонь для совершения жертвоприношения,

* О природе вещи», V, 1275: «nunc iacet aes, aurum in summum successit honorem» — «бронза презренна теперь, золоту высшая почать».

учит «Махабхарата», можно заменить огонь золотом, если ты являешься *jamadagnyah*, то есть если ты знаешь, что огонь и золото подобны друг другу и солнцу. Из золота сделаны боги. В золото одевали и накрывали золотыми масками покойных царей, им окружали себя вельможи, сопричастные могуществу богов. Золото желанно по религиозным и даже мистическим причинам. Тот, кто дотрагивается до него и обладает им с позволения богов, имеет в руках или на коже окаменевшую частицу солнца, залог вечности. Греко-македонские завоеватели не были вульгарными конкистадорами или пролетариями, желавшими избавиться от нищеты. Для друг с другом украшения, драгоценности и вазы, вызывающие сегодня наше восхищение в музеях Мосула, Багдада, Тегерана и Кабула, они верили, что поднимаются по общественной лестнице, осознавали начало своего обожествления. Их деятельность приобретала духовное значение. Расфуфыренные, увешанные украшениями, сияющие, радостные, они верили, что в Азии и Греции им, как богам, всё позволено.

Экономические последствия

Последствия подобного притока драгоценного металла в Западное Средиземноморье, как минимум в двадцать раз большего, чем до начала похода, были одновременно ошеломляющими и драматическими. Такой приток способствовал техническому прогрессу и развитию производства. Но, кроме того, он вызвал немедленную покупку всего, что продавалось — товаров, предметов искусства, земель, домов, должностей, милостей и даже убеждений. Гарпал, чье присутствие в Афинах в 324 году было объявлено нежелательным, подкупил оратора Демосфена и его друзей, возвратился в Афины, был арестован и тем не менее умудрился бежать, тоже благодаря золоту. Для бедняков с их серебром и медью стало невозможно покупать хорошие вещи по причине появления золотых монет, обеднение росло одновременно с ростом цен. Это была двойная инфляция, ощущавшаяся даже в армии, в Бактриане и Индии. Богатые становились

всё богаче, а бедные — всё беднее. Чтобы выбраться из нищеты и безработицы, у рядового молодого грека имелся всего один способ: завербоваться в армию, где ему обещали азиатское золото, стать наемником, продать себя по самой выгодной цене. Диодохи и эпигоны, наследники Александра, наберут столько солдат, сколько им понадобится, а старая Греция, потеряв половину своего населения, менее чем через сто пятьдесят лет окажется добычей римских легионов. Новая экономика потрясла социальные отношения. С завоеванием Центральной Азии, Сирии и особенно Финикии, с вводом в обращение огромной монетной массы греческий мир перешел от экономики накопления к финансовой практике, основанной на кредите. Общины вручали свою судьбу в руки ростовщиков, а цари — в руки деловых людей, откупщиков налогов, которые их авансировали, а на деле их порабощали. Военачальники, подобно счетоводам и казначеям 334—323 годов, были убеждены, что для того, чтобы финансировать войну, следует вести войну, что городами противника следует овладевать приступом или с помощью предательства, чтобы заставить их отдать золото, драгоценности, интересные в коммерческом отношении вещи или, за недостатком оных, человеческие ресурсы. Более чем когда-либо, всего лишь за десять лет, человек стал телом (*soma*), а тело — вещью, разменной монетой (*brema*).

Пурпур

Говоря о добыче, не следует забывать два других особенно желанных продукта — пурпур и ладан. «Александр овладел Сузами, где нашел в царском дворце 40 тысяч талантов в чеканной монете, а также различную утварь и бесчисленные сокровища (40 тысяч талантов не монетами и 9 тысяч талантов золотых монет, пишет Диодор (XVII, 66, 1—2). Обнаружили там, как рассказывают, и 5 тысяч талантов гермионского (Гермиона — небольшой порт в Арголиде на Пелопоннесе) пурпура, пролежавшего в сокровищнице сто девяносто лет (с начала правления Дария I в 521 году), но всё еще сохраняв-

шего свежесть и яркость. Это было возможно, как полагают, благодаря тому, что краску для багряных тканей изготавливают на меду» (*Плутарх* «Жизнь», 36, 1—3). Причина не столь материальна, как об этом пишет наш автор. Столь драгоценным пурпур делал не его стойкий цвет (который может к тому же меняться от желтого до фиолетового), не трудность его извлечения из крошечных желез морских брюхоногих моллюсков-иглянок *Murex brandaris*, или так называемых пурпурных улиток, и даже не его цена на средиземноморском рынке (за меру краски на острове Делос давали тот же вес неочищенного серебра). Нет, как и в случае с золотом, главной была заключающаяся в нем идея. Поскольку считалось, что пурпурная краска переживает века и даже смерть, поскольку она напоминала, когда была ярко-алой, самую чистую и живую кровь, поскольку ее животное происхождение превращало ее в живую субстанцию, она считалась кровью самих богов. Она была символом власти и вечности. Ее носили лишь божественные идолы и великие мира сего: цари, военачальники, высшие чиновники. Две наиболее волнующие реликвии из гигантской гробницы в Вергине, около античных Эг, столицы Македонии, — это расшитые золотым орнаментом пурпурные лоскуты, покрывавшие иссохшие кости молодой женщины, возлюбленной Филиппа II. В музее в Фессалониках археологи кропотливо, на протяжении месяцев, восстановили эти два трапециевидных куска темно-красной ткани, некогда украшавших живое тело. Кажется, что они еще трепещут. Когда Хиос, принявший сторону Персии, был вынужден сдаться, Александр обязал побежденных олигархов поставлять ему пурпур. Для царя, носившего пурпурные шляпу и плащ, не было — после золота — ничего более ценного, чем этот символ власти (*Плутарх*. О воспитании детей, 14, 11А).

Ароматические вещества

Известно, что за несколько месяцев до смерти царь стал тщательно готовить морскую экспедицию вокруг Аравийского полуострова. Он уже отдал приказ построить

на Евфрате большой флот, оснастить его, тренировать, учить маневрировать, посетил эстуарий двух великих рек и за восемь дней до кончины беседовал с флотоводцем Неархом и военачальниками о подготовке к плаванию, которое он желал совершить незамедлительно. В этом уверяют нас царские «Ежедневники», составленные главным писцом Эвменом из Кардии (*Плутарх* «Жизнь», 76, 3; *Арриан*, VII, 25, 4). В его намерения входило захватить острова Персидского залива, особенно Бахрейн, удержать оба берега Ормузского пролива, обогнуть мыс Эль-Хадд и через Аденский залив и Красное море достичь Суэцкого перешейка. Демонстрация военной силы, при необходимости сопровождаемая осадами нескольких столиц, должна была напомнить маленьким царькам Аравии, что они всегда были данниками Царя царей и в их приношения, кроме золота и драгоценных камней, входили еще и ароматические вещества. Монарха и его военачальников более всего интересовали две ароматические смолы из Аравии, а вернее из Йемена: ладан и мирра.

Ладан, или фимиам, является масляной смолой, вытекающей беловатыми слезами, когда делают надрезы на ветвях и стволе небольшого дерева *Boswellia Carteri*. Оно принадлежит к семейству бурзеровых порядка сумачовых, то есть в конечном счете довольно близко к фисташке терпентинной, известной своими плодами и маслом, и к мастиковому дереву, из которого греки до сих пор еще добывают смолу под названием «мастикс»*. Каждому известно, что ладан, высушенный и разделенный на маленькие шарики, горит в курильницах и кадилницах, распространяя бальзамический запах, возбуждающий и мистический. Мирровое дерево, *Commiphora simplicifolia*, растет на вершинах скалистых холмов Хадрамаута. Высотой от 1,20 до 6 метров, с коротким толстым стволом толщиной 30 сантиметров, корой цветом от красно-коричневого до бледно-серого, при насечке оно выделяет желтую смолу, которая на солнце твердеет и приобретает коричневый цвет, и

* Сумаховые и бурзеровые являются семействами двудольных растений. *Boswellia Carteri* входит в бурзеровые, фисташки и мастиковое дерево — в сумаховые.

тогда из нее формируют бруски или ароматические пластинки. Мелкие листья и белые цветочки появляются на мировом дереве лишь на несколько дней, в конце августа и начале сентября. Так что сбор ароматической смолы происходит при восходящем токе, то есть в самую сильную жару, в месяцы, предшествующие цветению. Подобно ладану и меккскому бальзаму (*Commiphora opobalsamum*), мирра принадлежит к семейству сумаховых, которых выращивают до наших дней в Сомали и Йемене, к северу и югу от вади Масила, на плато Джо и горе Эль-Магра. Нижняя часть долины до маленького порта Сайхут покрыта античными руинами, которые раскапывают на протяжении вот уже нескольких десятков лет различные археологические экспедиции. Наконец-то осознана важность трех растений с горьким соком (это и означает слово *murr* по-арабски), казалось бы несъедобных и бесполезных, в истории человечества.

Ибо сумаховые растения Аравии разыскивали и вывозили не только за их медицинские и гигиенические качества, например как спазмолитические, успокаивающие и косметические средства, или потому что их смола, подожженная или растворенная в масле, служила защитой от ужасающего зловония, которое приходилось вдыхать в городах Востока. Семиты, использовавшие их в религиозных целях в конце III тысячелетия до нашей эры, прежде чем передать жителям Кипра и Греции, знали, что ароматы составляют самую суть вещей; что они придают им как характер и индивидуальность, так и имя; что люди и демоны источают запах смерти, а боги пахнут необыкновенно прекрасно. Следовательно, аромат бальзама и ладана был средством, отгонявшим зло и смерть, объединявшим людей с богами, позволявшим избежать человеческой участи, стать бессмертным. Мертвых бальзамировали. Ладан курили перед тронами правителей и статуями божеств. Мирровым маслом умащали тела, волосы, бороды, ноги, жрецы и знать буквально жили в аромате святости. Запах ладана вызывал восторг и способствовал экстазу прорицателей, подобно дыму опиумных шариков на Крите минойской эпохи и в архаических святилищах

Астарты-Афродиты на Кипре. Мирровое масло добавляли в вино не для того, чтобы придать ему аромат, а чтобы сделать более пьянящим: хмельным, сладким, радующим. Как считали финикийцы, кора миррового дерева треснула, чтобы на свет мог появиться бог Адонис, «господь мой»*.

Наряду с четырьмя дешевыми ароматическими веществами, которые греки использовали в религии, медицине, почитании покойников, туалете, кухне: настоек, получаемой из критского ладанника, смолой мастикового дерева, смолой терпентинного дерева, бальзамом стираксового дерева или ликвидамбара, который собирали в Сельге на юге Малой Азии, они покупали, брали в качестве дани или просто грабили в землях прежнего Персидского царства невероятно богатые и мощные ароматические вещества — кассию, кардамон или корицу, лавр из Эфиопии, ладан и мирру из Аравии, имбирь и росный ладан из Индии, мускатный орех. Если мы не упоминаем здесь о терминалии из Индии, сушеные плоды которой имеют аромат мирры, а также сандаловое масло, которое, сколько можно судить, использовали в Индии всегда, то лишь потому, что античные тексты не слишком ясно высказываются по этому поводу, а торговцы и пираты Индийского океана и Красного моря не распространялись об истоках своих состояний. Напомним, как при входе в Гедрозию (пустынный юг современного Белуджистана) торговцы, следовавшие за отступавшей армией в сентябре 325 года, захватывали все, какие только могли, ароматические смолы, окрещенные «ладаном», по-гречески *thus*, то есть «все, что можно воскурять». Начиная с V века до нашей эры, подражая арамеям, финикийцам, евреям и египтянам, греки неуклонно увеличивали потребление этих смол. Курение ладана и натирание миррой стали двумя основными религиозными и празд-

* Согласно греческому мифу, заимствованному у финикийцев, Мирра (или Смирна) — дочь кипрского царя Кинира. Царь в неведении сошелся с ней, а когда узнал ужасную правду, то хотел убить влюбленную в него Мирру, но она превратилась в дерево с тем же названием. Из этого дерева — мирры — родился Адонис, имя которого означает «господин».

ничными действиями. Подобно средневековой торговле специями, во времена Филиппа и Александра торговля ароматическими веществами, использовавшимися в различных целях, приобрела столь огромное значение, что мы не можем ее недооценивать. Составленный Геродотом около 430 года рассказ о происхождении и сборе ладана, мирры и корицы (III, 107—112) изобилует баснями наихудшего сорта, но век спустя ботаники школы Аристотеля, сопровождавшие поход Александра, собрали в Вавилоне и Индии сведения о путях и способах их получения и, вне всякого сомнения, стимулировали рвение Александра, который сам очень любил драгоценные ароматические вещества. Стоит лишь прочесть «Историю растений», «Происхождение растений» и «Трактат о запахах» Теофраста, возглавившего школу после смерти Аристотеля.

«Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде, — это я читал в записках Аристоксена (Тарентского, бывшего ученика Аристотеля). Причиной этого, возможно, была температура его тела, горячего и огненного, ибо, как думает Теофраст, благовоние возникает в результате воздействия теплоты на влагу. Поэтому больше всего благовоний, и притом самых лучших, производят сухие и жаркие страны, ибо солнце удаляет с поверхности тел влагу, которая дает пищу гниению» (*Плутарх* «Жизнь», 4, 4—6; ср. Застольные вопросы, I, 6, 623 EF). Сразу после битвы при Иссе (октябрь 333 года) Александр восхищается солью для ванны Дария, наполняющей ароматические флаконы и «божественно пахнущей» различными ароматами и миррой (*Плутарх* «Жизнь», 20, 13). В ноябре 332 года, во время взятия Газы (что значит по-персидски «Сокровище»), царь приказывает отправить Леониду, своему наставнику в детстве, щедрый подарок: «Воспитателю Леониду, вспомнив об одной своей детской мечте, он послал 500 талантов ладана и 100 талантов мирры (13 тонн и 2600 килограммов соответственно). Некогда Леонид во время жертвоприношения упрекнул Александра, хватавшего благовония целыми пригоршнями и бросавшего их в огонь:

“Ты будешь так щедро жечь благовония, когда захватишь страны, ими изобилующие. Пока же расходуя то, чем располагаешь, бережливо”. Теперь Александр написал Леониду: “Я послал тебе достаточно ладана и мирры, чтобы ты впредь не скупился во время жертвоприношений!”» (*Плутарх* «Жизнь», 25, 6—8; Изречения царей и императоров, 179 Е). Не было ни одной царской сокровищницы, в которой не нашлось бы ладана, как в Сузах в 331 году; не было ни одного роскошного города, например Вавилона, Персеполя или Таксилы, в котором победители не поливали бы себя благовониями и не ароматизировали свое вино. Завоевание городов Аравии, от Тарима до Саны, было детской мечтой и последним обетом умирающего. А также самым заветным желанием всех греческих купцов, всех потенциальных грабителей, составлявших Великую армию.

Драгоценности

Во время грабежа взятых городов одни хватают всё, что попадает под руку, а другие, сколько могут, прячут. Украшения, драгоценные камни всегда желанны для торговцев ювелирными изделиями и, конечно, желанны они были для ювелиров Македонии и старой Греции, а также в их колониях — египетской Александрии, Таренте или Сиракузах. После похода простые украшения из золота и серебра уступили место перстням с кабошонами*, шкатулкам, украшенным драгоценными камнями, сверкающим серьгам, камням и браслетам. Покоряя города Бактрианы и Согдианы, завоеватели овладевали рынками ляпис-лазури, бирюзы, сердолика и топазов, брали под свой контроль дороги к рудникам Бадахшана, в восьми днях пути к северо-западу от Кабула или Хорезма, на юге Аральского моря, где современные узбекские археологи раскапывают столь интересные руины Топрак-Кала и Белеули. Пройдя через горы Западного Пакистана, особенно Орит-

* Неграненый драгоценный камень.

ские горы к северу от современного Карачи, они оказались в краю драгоценных камней, прежде неизвестных грекам — рубинов и изумрудов. С помощью своего флота и трех военных гарнизонов на Аравийском море, между Карачи и Ормузским проливом, завоеватель контролировал наземные и морские пути, по которым из таинственной Индии в Бахрейн и Вавилон доставлялись камни-амулеты. Он довольно умело обирал и грабил подданных Персидского царства, но не желал, чтобы каботажные суда Пиратского берега смогли отрезать его от Маската, Омана и современных Эмиратов.

Для чего это делалось?

Одним из следствий захвата и организованного грабежа городов Азии войсками «освободителей» было то, что, нагрузившись добычей, получив жалованье и дополнительное вознаграждение и уйдя на покой, войска эти вполне естественно задавались вопросом: почему бы не продолжить в том же духе? Разумеется, они не испытывали ни малейшего желания затягивать войну, поскольку на все лады отстаивали свои права на возвращение домой, а кроме того, их мучили раны и вечная ностальгия по родине. Но многие из этих отвоевавших солдат вместе со своими юношескими желаниями сохранили и опасные привычки. За сто, сто пятьдесят, двести дней похода подходили к концу захваченная добыча и припасенные сбережения, кроме того, победителей ошпиывали мошенники — хозяева караван-сараев, ловко заманивая их к себе в сети. Я ничего не выдумываю: Платон пишет об этом в своих «Законах» (XI, 919a) в середине IV века до нашей эры. Подробные разъяснения находим мы у Диодора (XVII, 111, 1—2). В 324 году «Александр приказал всем сатрапам (македонским) распустить наемников; приказание это было выполнено, и много чужестранцев, уйдя с военной службы, разбрелось по всей Азии и стало добывать себе пропитание грабежом. Наконец они стеклись со всех сторон к (мысу) Тенару». Это современный мыс Матапас (Тенарон) на Пелопоннесе. Подобное же наблюда-

лось во Франции в конце XIV века в ходе экспроприаций, осуществлявшихся «большими ротами»*, и известно, какой ужас внушали уединенным хозяйствам и даже маленьким городкам бродячие солдаты и матросы, дезертиры и пустившиеся в бег иррегулярные войска начиная со Средних веков и до войн времен Первой империи. Потребовалась настоящая война, Ламийская война между Антипатром и Леосфеном, чтобы заставить одуматься этих сбитых с толку людей, эти горячие головы. Но их пример не был забыт. Причины недовольства остались. Едва умер Александр, банды неконтролируемых солдат от Фракии до Бактрианы бросились грабить и вымогать, чтобы выжить, когда им не платили диадохы. В Египте в III веке до нашей эры это стало одним из самых страшных бедствий. А образ «победителя башен» или «башня-берегись», по-гречески *Pyrgopolinikes*, то есть солдата-фанфарона, взявшего и разграбившего все города (если только это не были просто курятники), стал одним из самых знаменитых литературных образов от Менандра и Плавта до Корнеля.

А после?

По правде говоря, взятие городов с помощью осадных машин, подкопов, хитрости или военного гения Великой армии ничего не решало. Всегда приходилось всё начинать заново. Или стены и население оставались неповрежденными, и всегда следовало опасаться восстания. Или они были уничтожены, но географические или торговые преимущества привлекали в это место толпы людей, и можно было предположить, что феникс однажды возродится из пепла. *Urbem captam hostis*

* «Ротами» или «бандами» (отрядами) в Средние века назывались отряды рыцарской и другой конницы, а иногда и пехоты феодальных армий, а также бродячие наемные дружины (*compagnies*), предлагавшие свои услуги всякому, кто им платил или обещал добычу. Когда не было войны, они содержали себя грабежом и насильственными поборами с мирных жителей, дохода по численности иногда до нескольких тысяч.

diripuit, как всегда лаконично, говорят по-латыни: «Враг захватил город и его разграбил». А после? Неужели на вершине своей цивилизации греки вели себя подобно варварам, будущим вандалам? Когда Александр и его ближайшее окружение вновь прошли через Персеполь шесть лет спустя после пожара 25 апреля 330 года, они горько сожалели, как сообщают историки, что некогда разорили жемчужину царства, что разбазарили сокровища и шедевры, которые человечество собирало и хранило на протяжении пяти поколений. Сделать пустыню ради сохранения мира — это не входило ни в намерения, ни в политику греков, для которых политика в прямом смысле слова заключалась в строительстве и управлении городами. И значит, если город был взят, Полиоркету не оставалось ничего иного, как взяться за дело и его восстановить, построив более крепкие стены, как это было сделано в Тире, на том же самом месте, и как это было в случае стольких городов Среднего Востока, возрожденных под названием Александрий. А из этого вытекает следующая глава *Повседневной жизни* этих крепостей. Нам, как и им, достаточно лишь перевернуть страницу.

ОСНОВАНИЕ ГОРОДОВ

Работы, приписываемые войску Александра Македонского или на самом деле выполняемые им и вместе с ним, требовали человеческих и умственных ресурсов. При высадке в Азии армия располагала приблизительно пятьюдесятью тысячами пар рук, а семью годами спустя — ста двадцатью тысячами. Сократившись на тридцать тысяч после катастрофического отступления 325 года, войско было пополнено тридцатью тысячами эпигонов или «преемников» греческих солдат в 324 году, двадцатью тысячами персов в 323 году, десятью тысячами наемников из Европы и, наконец, неопределенным числом военных контингентов касситов, мидян, карийцев и лидийцев и, вероятно, насчитывало на момент смерти царя, когда он задумывал совершить поход в Аравию, от девяноста до ста тысяч человек всех национальностей.

Работы стратегического характера

Инженеры, архитекторы, плотники, художники, сопровождавшие войско начиная с 334 года, отыскивали в самом этом войске, а также среди пленников рабочие руки, с помощью которых могли осуществлять самые грандиозные проекты македонских царей. Упомянем

среди этих проектов о канале через Коринфский перешеек и полуостров Галлиполи, об изменении формы горы Афон (Фракия) архитектором Стасикратом (*Плутарх. Об удаче и доблести Александра*, 2, 325 С; «Жизнь», 72, 6)*. Первые два проекта предполагали съемки с помощью прицельного приспособления, называемого угломер, и гигантские земляные работы. Например, чтобы прорезать перешеек Галлиполи от Бакла-Буруна (античная Кардия) в Саросском заливе до пролива Чанаккале (Дарданеллы), потребовалось бы скрыть 8 километров миоценового конгломерата, возвышавшегося на 50 метров к востоку от деревни Авир. Прорыть канал западнее от этой деревни означало сократить его длину на 2900 метров, но это предполагало прорезать 100-метровую гору. Видимо, это преимущество показалось инженерам незначительным, хотя они располагали техническими средствами для решения этой задачи. Но наряду с осуществлением гигантских и порой бесполезных проектов древние авторы вспоминают о форсировании великих рек, подчас шириной в несколько тысяч метров, по понтонным мостам и на плотках — в Бактриане, Согдиане и Индии. Говорят они и о возведении двенадцати колоссальных алтарей и фальшлагерей на восточном берегу Биаса, около Лахора, мавзолея Гефестиона в Вавилоне высотой с двадцатипятиэтажный дом, о строительстве порта на тысячу военных кораблей в Вавилоне, о временном закрытии деривационного канала, параллельного течению Евфрата. Арриан (VII, 21, 5) пишет, что десять тысяч ассирийцев некогда работали три месяца ежегодно, чтобы запрудить реку и не дать ей затеряться в болотах, но греческие инженеры в 324—323 годах быстро решили проблему, проложив соединительный путь в скале.

Однако следует отметить, что эти работы, следов которых сегодня не отыскать, с нынешней точки зрения совершенно несопоставимы по значению в сравнении

* Стасикрат предложил превратить гору Афон в статую Александра, «державшую в левой руке город в 10 тысяч жителей, а из правой выпускающей реку, которая волнами стекала бы в море».

со строительством городов, которых, вероятно, насчитывалось всего сорок два, и реконструкцией пятнадцати крепостей, проведенной из стратегических соображений. Но что же понимается под словом «город»?

Что такое город?

Индоевропейские народы, от которых произошли македоняне, греки, персы, индийские арии, не имели общего термина для обозначения города. Несомненно, что изначально, в момент своего разделения в конце V тысячелетия до нашей эры где-то на территории между Днестром и Доном, они располагали как минимум восемью основами для обозначения своих более-менее временных резиденций. Это:

AWES (санскрит: *vastu* — резиденция, *vasati* — проживать; греческий: *aesa* — проводить время, откуда происходит слово *astu* — город; тохарский «А» язык оазиса Турфан в китайском Туркестане: *wast* — дом).

DUN (кельтское: *dunon*, например Луг-дунум, Лион, Лудун и т. д.; английское: *town*; немецкий: *Zaun*, предполагающее идею защищенного места, крепости, цитадели).

GORT (представлен в многочисленных топонимах — Гортина на Крите, французские города Гурдон, *град* и *город* в славянских языках, а также греческое *bortos* и латинское *bortus* — закрытое место, огороженное, окруженное стенами, защищенное от диких зверей и от людей).

PERG (откуда греческий Пергам, итальянский Бергамо, а также родственные им немецкие *Berg* и *Burg*: высота и крепость, укрепленное место).

PUL (санскрит: *pūr*, *purib* — крепость; литовский: *pilis* — цитадель; греческий *polis* — «акрополь», очень рано, как минимум в XIII веке до нашей эры, начавший обозначать укрепленную высоту, где люди строили свои святилища, а спустя 500 лет — политическое и религиозное сообщество, город, государство).

STA (немецкий *Stadt*, буквально пространство, где «помещаются», место для резиденции, прежде чем она станет городом).

VIS (на санскрите клан, группа из нескольких семей; это слово соответствует греческому *oikos* — семья, домочадцы, а на латыни *villa* — сельская агломерация, *vicus* — селение, улица, квартал).

WER (древнеперсидский: *avarana* — форт; латинское *urbs* — ограда; фракийское *bria* — город).

Смысл этих слов сводится к трем типам: 1) выгороженное, огражденное место, построенное для защиты, то есть ограда, фортификация: таков самый основной смысл, очевидно, самый древний, когда люди объединялись, чтобы стать сильнее и защищеннее; 2) постоянное жилище, постоянная резиденция в противоположность лагерям пастухов-кочевников; 3) место политического и религиозного собрания, порой праздничного: таков наиболее поздний смысл любой массовой агломерации, по-гречески *polis*, ставшей позднее институтом, организмом, *полисом*. В смысле материальном, как кажется, более древние захватчики определяли и противопоставляли два типа агломераций: защищенное место, более-менее постоянное или временное, и открытое место, более-менее подвижное. Исторически новые завоеватели отличали старые укрепленные города балканского мира от смешанных агломераций, которые они создавали, и различали старинные термины, названия *larissa*, *theba*, *glamia*, *tederi* (три слова пеласгов и одно ликийское) от *полиса*, подобно тому, как англичане позднее станут различать *town* — посад и *city* — столицу. В Галлии археологи подобным же образом выделяют два типа городов: место укрытия на горной вершине или отгороженном горном отроге, с одной стороны, и святое место, святилище, понемногу привлекающее к себе временные праздники, паломников, рынки. Следовательно, город в Греции, по крайней мере в IV веке до нашей эры, являлся результатом тысячелетней эволюции, продуктом цивилизации, то есть строительства, общественных институтов и культуры, в то время как другие поселения были простым объединением населения, ограниченным несколькими тысячами человек, своим расположением в защищенном месте и превосходством над окрестностью.

Уточняя отличия между греческим городом и городами Финикии, Египта, Персии и Индии, отметим, что первый стремился стать, если еще не был, полисом, в то время как остальные оставались «местами» определенными, постоянными, укрепленными или нет, в основном осуществлявшими контроль над торговым обменом и коммерческими потоками. Такое же отличие существует и между двумя типами коллективной жизни: в греческом городе «гражданин» принимал участие в управлении и администрировании своей страны; в других городах жители отстояли от власти на более или менее далеком расстоянии. Кто говорит «полис», подразумевает «политика». Кто говорит «закрепленное место», подразумевает жилище, рынок, участок, обеспечивающий защиту группы людей и их связей между собой. Здесь акцент ставится на замкнутость, закрытость, иерархию, командование. В Греции акцент ставился на жизнь в коммуне, открытость, обсуждение. Греческий город основывался на разделении властей; персидский город — на централизации. Два типа городов — два типа власти. В середине IV века до нашей эры, несмотря на многочисленные известные примеры монархий и даже тираний, греки чаще всего выбирают демократию — столь ясно и осознанно, что одной из первых забот «освободителя» греческих городов Малой Азии в 334—333 годах являлось установление в них демократических режимов. Что касается подвластных общин Африки и Азии, македонский царь, унаследовавший от своего отца понятие управления, администрации, руководства людьми, то есть по сути понятие государства, предоставил местным властям частичную автономию при условии, что они будут повиноваться указаниям, поступающим из столицы. Вероятно, шесть лет спустя после пожара в Персеполе Александр сожалел не о разрушении крупного города, богатого людьми и ресурсами, сильного, хотя и беззащитного, а о том, что он потерял центр, из которого своей волей мог с наибольшим удобством управлять всей империей. Ни Экбатана, ни Сузы, ни — еще того менее — Вавилон не могли заменить Персеполя, чтобы управлять одновременно Египтом и Индией. Столица — вот новое поня-

тие, город, расположенный настолько удобно, чтобы стать «головой» огромного тела, в котором провинциальные агломерации всего лишь члены. Осталось узнать, согласятся ли греческие города, даже свободные и автономные, подчиняться этой «голове» или, по крайней мере, объединиться с ней, чтобы не вести политику в собственных интересах. Говорят, что игра в шахматы была придумана царем Персии или для него. Буквально это игра *shah*, «шах», в царя по-ирански; политическая и военная игра, в которой первенствовали жители Востока. Греки не желали быть в ней пешками.

Колонии нового типа

Чтобы примирить непримиримых, завоеватель должен был отыскать очень гибкие средства, учитывающие особые случаи. Взяв приступом и разрушив множество городов, необходимо было найти им замену. Уведя стольких балканских пролетариев и безработных далеко от дома и стронув с места стольких пленников, требовалось обеспечить их работой. Разбудив притязания стольких греко-левантийских искателей приключений и торговцев, требовалось их удовлетворить, не покушаясь на их свободы. Отсюда строительство как минимум трех типов агломераций: торговых городов, колоний для населения, опорных пунктов или сторожевых постов. Необходимо также было обеспечить сотрудничество побежденного и вроде бы покоренного населения. В основном македоняне использовали политику, уже принесшую им успех в провинциях, более века присоединенных к старой Македонии, в Иллирии, Пеонии и Фракии: политику смешивания. В новых колониях — в Амфиполе, Филиппах, Александрополе во Фракии — отец Александра поселил за крепостными стенами бок о бок семьи македонских добровольцев, коренных жителей, привязанных к земле или лесу, торговцев и иностранных ремесленников. Там учитывались самые различные интересы, международные по своей природе, а администрация и военные губернаторы с их царскими чиновниками и мили-

цией заставляли жителей подчиняться. В то же время цари отвечали глубоким чаяниям греческого народа, вот уже четыре сотни лет колонизировавшего все доступные берега Средиземного и Черного морей и ставившего повсюду с двумя одинаковыми препятствиями: оппозицией местных жителей и отсутствием центральной власти. Со своей стороны, три самых великих политических теоретика IV века до нашей эры Исократ, Платон и Аристотель не переставали повторять, обращаясь к Филиппу Македонскому, Дионисию Сиракузскому и Эвагору Кипрскому, что следует основывать колонии нового типа, идеальные города, образцы гармонии и справедливости. Форма не имела большого значения — круглая, квадратная, звездообразная, лишь бы она соответствовала требованиям разума. Не важен режим, лишь бы он подчинялся принципу власти, божественному в своей сущности. Сами того не подозревая, строители семилетия, с 331 по 325 год, буквально воплотили в жизнь идеи отца геометрии и математических пропорций Пифагора (572—492 годы), жителя городов Навкратис (Египет), Кротоны и Метапонта (Великая Греция). Государство творит город. Пространство, в котором укореняется власть, новая колония будет одновременно геометрическим местом и сателлитом, средним термином системы суверенитетов. Отгороженность больше не будет его специальным признаком. Это будет план, подобный хорошо известному плану города Метапонта.

Александрия в Египте

Первый город, основанный греко-македонским войском, египетская Александрия, как всем известно, был заложен через три года военных кампаний и в Африке, а не в Азии. Почему так медленно и слишком далеко от зоны боев, в то время как Александрополь, военная колония, был построен в 340 году у фракийских медов (в современной Болгарии) сразу после молниеносной кампании? Существовало очевидное стратегическое основание, которое с давних пор

предлагается в качестве объяснения: войско должно было занимать, удерживать и контролировать страну, только что захваченную в конце 332 года, готовую вновь вернуться в лоно Персидской державы, если бы Дарий собрал достаточно воинов и если бы удача отвернулась от победителей в битве при Иссе. Египтян называли непостоянными. Перед отправлением основных сил войска навстречу новым битвам с персами следовало укрепить свои тылы. Однако следует отметить, что строительство Александрии на пустынном берегу, за внушительной оградой рифов, было совсем не обязательным, и, вероятно, хватило бы хорошего гарнизона в Пелусии, Канопе, Саисе или Мемфисе. И к чему было здесь оставлять десять тысяч солдат и ремесленников, когда они так были нужны греческой армии в Сирии и Персии? На первый план выдвигались также и экономические основания: Тир и Газа уничтожены, греческая торговля отныне больше не имеет конкурентов в дельте Нила, но не имеет и торгового порта. Тем более что начиная с Псамметиха II в VI веке до нашей эры Греция располагала факториями в Саисе и Навкратисе, в местах, находящихся под пристальным наблюдением египтян и обремененных налогами. Но, зададимся этим вопросом еще раз, к чему выбирать самый западный рукав дельты, среди дикой страны, с песками как на востоке, так и на западе и с болотами позади? Александрия «подле Айгюптоса», таково ее настоящее название, стала вызовом в смысле географии и экономики. К тому же получилось, что инженеры, строители городов, архитекторы и военные власти выбрали подобное место, взяв за основу исключительно греческие обоснования — политические. Раз уж им было невозможно объединиться с египтянами остальной части страны, законченными ксенофобами, с финикийскими купцами, закрепившимися в дельте, а с другой стороны, фаросская якорная стоянка уже прославил греков со времен легендарных приключений Одиссея, Протея, Менелая и прекрасной Елены, они ограничились напоминанием стихов своего национального поэта Гомера:

Остров такой существует на море высокоприбойном;
Перед Египтом лежит он (название острову Фарос)...
(Одиссея, IV, 354—355, пер. В. Вересаева)

Фарос, одна из дверей в «реку Айгюптос» в семи днях пути от Мемфиса, место обязательной остановки перед греческой колонией Киренаикой. И побольше фантазии, разове́м тему! Александр якобы увидел во сне великого, убеленного сединами старца, продекларировавшего ему эти стихи и призвавшего удостовериться, что никакое другое место недостойно более носить его имя.

То, что царь вместе с небольшой группой сопровождавших увидел на самом деле, вероятно, вряд ли внушило ему уверенность. На эту мысль нас наводит рассказ Гелиодора из Эмессы, писателя, современника (и друга?) автора «Романа об Александре» (около 250 года нашей эры): «Весь этот район египтяне называли “странной пастухов”. Это природная впадина, получающая часть нильских паводков и превратившаяся в озеро (озеро Мареотиды, нынешнее Марьют), достигающее значительной глубины в середине, но по берегам переходящее в болото. Именно это место считают своей вотчиной все разбойники Египта. Один на выступающем из воды небольшом клочке земли построил себе хижину; другой жил на лодке, служившей ему одновременно средством передвижения и домом... Озеро было для разбойников самым надежным пристанищем... Болотный тростник использовался ими как забор» (Эфиопика, I, 5). Узкий язык из бесплодного белого известняка отделяет озеро от морских дюн. В море на расстоянии 1260 метров высится утес с двумя выступами, длиной в 3500 метров, с двумя бухтами на востоке и западе, охраняющий берег от разрушительного действия волн. Это Фарос, «Великие ворота». Военные инженеры Диад и Харий и архитектор Дейнократ с Родоса тут же решили, что остров Фарос имеет ту же конфигурацию, что и остров Тир, крепость, которую солдаты недавно превратили в полуостров, обеспечив его двумя крупными портами. Фарос заменил бы Тир, если бы там могли стоять на якоре корабли, если бы войско сделало то, что уже со-

вершило в Тире, то есть построило насыпь в 7 стадиев (1260 метров) и одновременно два порта, продолжив и закрыв прибрежные бухты. Корабли могли бы тогда укрываться, по необходимости, с западной или с восточной стороны, в зависимости от направления ветра. Наметились невероятные по объему работы, особенно если одновременно заселять как остров, так и материк.

Итак, официально первая Александрия была заложена 25-го числа египетского месяца *тиби*, то есть 20 января 331 года, незадолго до отбытия царя и его приближенных в оазис Сива. В то время когда псевдо-Каллисфен писал свой «Роман об Александре» (I, 32, 10), то есть 500 лет спустя, эта годовщина все еще отмечалась в местном календаре, приведенном в соответствие юлианскому римскими завоевателями. Вначале выслушали жрецов и прорицателей, поскольку войско сочло плохим предзнаменованием тучи птиц, взлетевших над Мареотидой и набросившихся на мясо и зерна ячменя, усеивавшие алтари и столы в военном лагере. Однако прорицатели сказали, что пеликаны, фламинго, журавли и зимородки в этом случае — добрый знак и возвещают удачу, процветание, многочисленных друзей. Было решено также добиться благосклонности богов земных и подземных, добрых гениев, *Agathoi Daimones*, являвшихся в виде змей. И посему в нескольких местах были насыпаны небольшие кучки крупы и каши. Из этого двойного ритуала не замедлила родиться легенда. Вот три ее наиболее характерных варианта.

«Существует еще такой рассказ, вполне, по-моему, вероятный. Александр хотел оставить строителям знаки, по которым они и вели бы стену, но у них не было ничего, чем сделать на земле метки. Тогда один из строителей придумал, забрав всю муку, которую воины привезли в бочках, насыпать ею на земле там, где укажет царь, и таким образом описать круг, по которому он рассчитывает обвести город стенами. Над этим случаем задумались прорицатели, особенно же Аристандр из Тельмесса, который во многих случаях правильно предсказывал Александру. Он сказал, что город будет изобиловать всем, в том числе и земными плодами» (*Арриан*, III, 2, 1—2). «Тут же Александр приказал начер-

тить план города, сообразуясь с характером местности. Под рукой не оказалось мела, и зодчие, взяв ячменной муки, наметили ею на черной земле большую кривую, равномерно стянутую с противоположных сторон прямыми линиями, так что образовалась фигура, напоминающая военный плащ (буквально: хламида). Царь был доволен планировкой, но вдруг, подобно туче, с озера и с реки налетело бесчисленное множество больших и маленьких птиц различных пород и склевало всю муку. Александр был встревожен этим знамением, но ободрился, когда предсказатели разъяснили, что оно значит: основанный им город, объявили они, будет процветать и кормить людей самых различных стран» (*Плутарх* «Жизнь», 26, 7—10). «Есть предание, что, когда царь, по македонскому обычаю, ячменем обозначил черту будущих стен города, налетели птицы и поклевали ячмень: многими это было истолковано как дурное предзнаменование, но прорицатели разъяснили, что этот город всегда будет убежищем многим чужеземцам и будет снабжать много земель продовольствием» (*Квинт Курций*, IV, 8, 6).

«Вульгата» или традиционный вариант не менее правдоподобны. Просто она ставит повозку вперед быков, поскольку приношения богам и божественные предсказания обычно предшествуют начертанию линии укреплений. К тому же с чего вдруг болотные птицы, голенастые и длинноклювые, стали бы клевать муку или, согласно некоторым версиям, жидкую мучную кашу, крупу и даже зерна пшеницы, посыпанные якобы вместо мелового порошка? Вероятно, рассказчикам очень хотелось верить в чудо. Этот край не нравился строителям и будущим колонистам. В этом самом январе дул сильный ветер, прилетавший с рифов, где некогда резвились тюлени Морского Старца* и дождь лил как из ведра. Между морем и болотом протянулась полоска земли шириной в 3 километра, наводненная змеями и хищными птицами. Около озера на шестнадцатиметровом холме египетские власти некогда поселили местных разбойников в хижинах, возведенных из

* То есть Протея.

выброшенных морем обломков. Это была деревня Ракотида. Девять других холмов должны были войти в новый город. Ничего ясного, никакого плана. И, самое главное, никакой питьевой воды в период обмеления Нила, когда питающее его озеро превращается в нездоровое болото. Не на чем замесить муку, тем более что кроме большой дамбы и крепостных стен необходимо построить трое ворот, одни из которых на болоте, а двое других на море, провести улицы, площади, сады, вырыть каналы и создать резервуары для воды, возвести святилища и административные здания. Даже полный энтузиазма герой-основатель, вероятно, выглядел растерянным.

По счастью, прорицатели имели ум, архитекторы — талант, механики — машины, а ремесленники — отвагу. Царь, считавший себя главой жрецов, не терял времени ни на консультацию с местными богами, ни на прочерчивание многих километров улиц и укреплений с помощью муки (обычай, о котором не упоминается ни в Македонии, ни где бы то ни было еще): вероятно, он прошел пешком по дозорному пути, который указал ему глава инженеров Дейнократ, приказав провесить трассу или время от времени вбивать в землю хорошо заметные вехи; он одобрил контуры города в форме развернутого плаща и шахматную планировку, также идею устроить в городе две агоры и зеленые скверы. Он оказал доверие градостроителям, землемерам и бригадирам, а затем исчез в западных песках со свитой всадников и бедуинов. Он вернется в Александрию только после смерти, восемь лет спустя, по воле Птолемея Лага, будущего царя Египта, который ни словом не упомянул в своих «Мемуарах», что для обозначения будущих стен и подкармливания розовых фламинго им требовались мука и крупа.

Разумеется, здесь было еще много работы, причем на долгие годы — чтобы превратить в единый город остров и полосу земли длиной, согласно Страбону (XVIII, 1, 5, р. 793), в 30 стадиев (то есть 5340 метров) и шириной от 7 до 8 стадиев (от 1246 до 1424 метров), то есть площадью около 750 гектаров, огороженный стенами длиной более 15 километров. О конфигурации

города, бывшего до Рима и Антиохии столицей Средиземноморья с населением около миллиона жителей, мы почти ничего не знаем, так как сколько-нибудь систематических раскопок здесь проведено не было. Лишь литературные тексты эллинистической эпохи, редкие описания, фрагменты папирусов сообщают, что «македонская хламида» была разбита на квадраты по образцу ионийских городов Смирны, Милета, Приены, Магнезии, Пирея и Олинфа в македонской Халкидике, улицы здесь пересекались под прямыми углами, а позднее появилось множество величественных зданий, вероятно, навеянных египетскими образцами: дворцы, святилища, театр, суд, гимнасии. Ясный план, во всяком случае, позволявший жителям быстро передвигаться от двух ворот на севере до ворот на юге, войскам — маневрировать, а городской внутренней страже — осуществлять контроль. Две главные артерии шириной 29 метров пересекались к северо-востоку от холма Пан — не в центре города, а во впадине к востоку. Они шли вдоль *Мезопедия*, или большой площади, вокруг которой высились общественные здания. В начале 1260-метровой насыпи, связывавшей остров с берегом, рыночная агора, соединенная с портом, представляла деловой центр города. Целая сеть канализационных труб проходила вдоль такой же сети улиц, достаточно широких, чтобы на них не сталкивались колесницы, всадники и пешеходы. Кроме того, вероятно, после 331 года архитекторы прорыли с севера на юг канал между озером и морем и возвели огромный акведук, доставлявший в город воду из канопского рукава Нила на расстояние 25 километров. Но самым удивительным в глазах чужестранцев оставались огромные крепостные стены, неприступные как снизу, поскольку их окружала вода, так и сверху, поскольку они были двойными, с сотней башен, и возведены из каменных, устойчивых к таранам блоков. Высотой и прочностью они превосходили стены Тира. При Птолемее I они еще не были завершены. В 170 году царь Сирии, имевший метательные машины и великолепные осадные башни, был вынужден ретироваться из-под стен Александрии и признать себя побежденным.

Сколько исследований на тысячу раз перепаханной земле, сколько раскопок с целью спасения, сколько съемок местности и нивелировок было выполнено с тех пор, как Махмуд-эль-Фалаки, астроном вице-короля Египта Исмаил-паши начертил в 1866 году первую «Карту античной Александрии». Самое очевидное, что мы можем из нее извлечь, — это то, что город был разбит на пять округов, имевших свою администрацию и обычаи и обозначавшихся пятью первыми буквами греческого алфавита. Четвертый же округ, на северо-западе, был населен в основном евреями, очень многочисленными в этом эллинистическом городе, начиная с правления Птолемея I. С момента своего основания Александрия являлась настоящим винегретом народов, по выражению Шампольона (письмо от 18 августа 1828 года), поскольку задумывалась, как ворота, открытые для всех товаров, вывозимых из Египта в Средиземное море, как открытая дверь для всех купцов, приезжавших со всех сторон света. «Удобства местоположения Александрии разнообразны. Место омывается двумя морями, с северной стороны Египетским, а с южной болотным озером Мареотидой. Вода из Нила наполняет озеро через множество каналов... по этим каналам совершается более значительное движение товаров, нежели со стороны моря, так что гавань у озера богаче морской. Также и вывоз из Александрии значительнее ввоза» (*Страбон*, XVII, 2, 7). Но волей своих основателей Александрия прежде, чем стать великим торговым городом, задумывалась многонациональной крепостью. Только что упомянутый Страбон заявляет, что первыми поселенцами города стали жители Ракотиды, деревни на холме (около будущего Серапейона и так называемой колонны Помпея), наемники армии Александра, особенно греческие и союзные контингенты, и, наконец, ветераны. Арриан уточняет: «легко вооруженные солдаты, лучники и агриане», стрелки из высокогорной долины Стримона (III, 4, 4), а Квинт Курций (IV, 8, 5) добавляет, что люди из соседних городов, то есть греческих колоний дельты Нила, в беспорядке эмигрировали в Александрию. Если судить об этом по городам того же типа, построенным во время похода и при Селевкидах, например по Анти-

охии на Оронте, основанной 22 мая 300 года, очевидной имитации Александрии, это был сложившийся принцип заселения новых городов местными жителями, греками и македонянами и обеспечения их достаточным пространством и относительной свободой на «шахматной доске», чтобы у них не было впечатления жизни в гетто. И не менее очевидно, что за огромные стены первой Александрии предполагался значительный приток иммигрантов, и число первых строителей (10 тысяч человек), включая рабов и женщин, увеличилось далее в арифметической прогрессии.

Несомненно, царь не предполагал, что здесь будет его могила, поскольку некрополь правителей его семьи находился в Эгах, в Верхней Македонии, а после посещения оазиса Сива он поверил или притворился уверовавшим, что он сын бога Амона и, следовательно, должен покоиться у него в пустыне. После смерти царя его приближенные никак не могли решить, где поместить его саркофаг — в Македонии, в Египте или на агоре одной из двенадцати Александрий, которые он основал. В конце концов он на шестьсот лет упокоился на восточной границе большой площади, некогда вычерченной Дейнократом. Подобно всем героям-основателям, ему оказали честь быть погребенным в глубине подземной гробницы под зданием в форме храма сперва в золотом гробу, а затем начиная примерно с 100 года — в стеклянном. Захоронение, называемое *Сема* (Могила) или *Сама* (Тело), найдено не было: христиане быстро взяли за идолов здесь точно так же, как в Дельфах или Олимпии, а арабы вплоть до XVI века поклонялись в центре города воображаемой могиле царя и пророка Искандера. Мы вряд ли ошибемся, если будем искать ее к северо-западу от форта Ком-эль-Дик, на проспекте Эль-Журийя, недалеко от Каирского железнодорожного вокзала.

Похоже, колонистам Александрии Эсхаты под Ходжендом хватило всего три недели, чтобы возвести свои стены (*Арриан*, IV, 4, 1). Разумеется, строителям египетской Александрии потребовалось гораздо больше времени, чтобы построить из сухих глиняных кирпичей и рубленого тростника, на манер египтян, одновременно свое первое жилье, первую линию укреплений и первые

публичные здания. С утра до вечера каждый был сам себе землекоп, каменщик, плотник. Но все работали бригадами под руководством специалистов, начальников стройки и под контролем царских чиновников, эпимелетов. Землемеры нарезали каждому участок, чтобы он мог построить домик с плоской крышей в глубине закрытого дворика, на греческий манер, с садом. Морские инженеры набирали плотников, столяров, конопатчиков, канатчиков для строительства кораблей, а также кузнецов для изготовления таранов, якорей и металлических снастей военных и торговых судов. Местные жители рассказывали, где взять дерево, лен, соду, медикаменты, домашнюю птицу, овощи, составлявшие основное богатство Египта. Рыбу удили, поднимаясь по течению каналов или рукавов реки, от Навкратиса до Саиса или Канопа. Египтянки, которых поселенцы брали в жены, просто учили их жизни. Когда в начале апреля 331 года войско покинуло Мемфис, Александрия представляла собой огромную стройку от трех до четырех тысяч домов, по образцу которой потом строились, с меньшим успехом, все другие колонии греко-македонской военной экспедиции в Азию. Первые успехи заставили позабыть о первоначальном жалком существовании и поверить в предсказание птиц. Перед отъездом царь предусмотрительно поручил Клеомену, греку из Навкратиса, осуществлять финансовый и экономический контроль над Египтом и Ливией, а также возглавить строительство Александрии. Одной из первых забот главного смотрителя, вскоре ставшего гражданином города и сатрапом Египта, было строительство из огромных каменных блоков таможи, крепости казначейства и собственной резиденции на мысе Лохиада севернее еврейского квартала. Именно там Птолеми возвели впоследствии свой дворец, хранилище казны и порт.

Александрия Паропанисадская

Мы не собираемся здесь вдаваться в детали строительства пятнадцати других «Александрий», которые неправоммерно приписывают завоевателю, поскольку

не имеем о них никаких географических данных и потому что многие среди них, например Александретта, сегодня Искендерун в Турции, не относятся к эпохе великого похода. Весьма сомнительно, чтобы Герат (Афганистан) следовало отождествлять с Александрией Азиатской, а Карачи (Пакистан) — с Александрией Оритской. Перечислим в хронологическом порядке лишь то, в чем мы уверены. В конце 330 года вновь начинается активное строительство городов. Войско покинуло Кандагар (позднее ставший Александрией Арахозийской), согласно Страбону (XV, 2, 9), при заходе Плеяд, то есть около 6 ноября, в разгар афганской зимы. Оно поднялось по долине Тарнака и спустилось через Газни к Гандхаре, так в древности называли район Кабула. От одного до другого пункта по современной асфальтированной дороге ровно 510 километров. Армия Александра, проходя в день от 15 до 20 километров, вряд ли достигла Гиндукуша ранее 10 декабря. Античные рассказчики называют его то индийским Кавказом, то Паропанисадой, на древнеперсидском Пара-Упари-Сена, буквально гора, «слишком высокая для того, чтобы ее мог перелететь орел». Действительно, к северу от долины Кабула белоснежные зубцы устремляются вверх на высоту от 5 до 6 тысяч метров. Послушаем рассказы свидетелей, записанные Клитархом в конце IV века до нашей эры: «В этом году Александр выступил против паропанисадов. Страна их лежит на крайнем севере, вся завалена снегом и не доступна для других народов по причине чрезвычайных холодов. Большая часть ее представляет безлесную равнину, покрытую деревьями. Крыши на домах черепичные, с острым коньком. Посередине крыш оставлен просвет, через который идет дым... Жители по причине больших снегопадов большую часть проводят дома, заготовив себе запасы пищи. Виноградные лозы и фруктовые деревья они на зиму прикрывают землей, которую убирают, когда приходит время растениям распускаться. Страна не имеет вида обработанной и засаженной; она лежит в сверкающей белизне снегов и застывшего льда. Не присядет и птица, не пробежит через дорогу зверь: всё неприветливо и неприступно в

этой стране» (*Диодор*, XVII, 82, 1—5). Рассказ Квинта Курция (VII, 3, 5—11) порой слово в слово повторяет на латыни текст Диодора, доказывая, среди прочего, общий источник информации. Он уточняет лишь, что «постройки, более широкие внизу, постепенно сужаются, своим верхом очень напоминая киль корабля. Наверху оставляется отверстие, через которое проникает свет», и оттого возникает ощущение, которое, вероятно, испытывали воины, оказавшиеся в городке Ортоспана: «С неба нисходит на землю скорее черная, подобная ночи, мгла, чем свет, так что едва можно различить близкие предметы».

Именно здесь, среди лишенных деревьев гор, между Баграмом и Чарикаром (в 68 километрах к северу от Кабула), вероятно, совсем рядом с Баграмом, богатым находками периода эллинизма, командование решает построить укрепленный лагерь, колонию для всех вышедших в отставку: «7 тысяч старейших македонян и, кроме того, воины, уже негодные для военной службы, получили разрешение поселиться в новом городе», согласно Квинту Курцию (VII, 3, 23), совместно «с шестью тысячами варваров, тремя тысячами из числа людей, сопровождавших войско, и теми наемниками, которые пожелали», согласно Диодору (XVII, 83, 2). Сюда присоединилось также «некоторое число окрестных жителей и ... солдат, которые уже не годились для военной службы», согласно Арриану (IV, 22, 5). Объединив эту информацию, мы делаем вывод, что Александрия Кавказская была построена зимой 330/29 года семью тысячами жителей Гандхары и таким же количеством греческих и македонских солдат и гражданских лиц из обоза. Строительство предвляло торжественное жертвоприношение обычным богам — Зевсу, Афине, Гераклу. Невозможно себе представить, чтобы дома были выстроены иначе, чем по образцу домов местных жителей: кирпичные хижины с остроконечными крышами, подобные тем, о которых, начиная со Средних веков, писали побывавшие в этом районе Гиндукуша китайские и европейские путешественники. Строительные работы шли по заведенному плану: стены, памятники, дороги, обеспечение водой, продовольственные склады были поручены одному из македонских

гетайров царя, Нилоксену, которому было также доверено военное командование особо сложной сатрапией. В 327 году царь, недовольный его успехами, назначил управлять новым городом другого гетайра, Никанора, что еще раз подтверждает, что речь шла о военном пункте на дороге из Индии в Бактриану и Персию, а не только о торговом городе. Колония, вероятно, процветала: из нее поступило большое число произведений искусства смешанного стиля, определявшего в III и II веках до нашей эры искусство Гандхары, которые служат предметом гордости музеев Баграма, Кабула и Парижа. Между египетской Александрией и ее младшей сестрой, расположенной на расстоянии в 3600 километров от старшей, тогда существовали тесные художественные и торговые связи. Серебряный кубок, найденный в Баграме французской археологической экспедицией, изображает исполненный рельефно маяк египетской Александрии. Согласимся, что александрийское искусство Африки сияло ярче азиатского. Вначале два города имели приблизительно одинаковое население. Отличие в климате и функциях, несомненно, объясняет превосходство первой Александрии.

Также можно отметить, что военное командование позаботилось о расселении в этих двух городах жителей окрестных деревень, «варваров», или местных жителей, считавшихся негостеприимными. Подобные меры градостроительства предпринимались не для того, чтобы цивилизовать людей, не говорящих по-гречески, или просветить крестьян, а для оседлости сельского населения, то есть кочевников, всегда опасных в глазах центральной власти. Когда советское правительство предприняло аналогичные меры в Узбекистане в 1929 году и Афганистане в 1980 году, известно, с какими трудностями оно столкнулось. Пастухи превратились в борцов за свободу и стали партизанами. Запертые в городах, где их женщины и дети оставались заложниками греков и македонян, местные жители чаще всего меняли свое ремесло. Вначале кормильцы и наставники колонистов, постепенно они становились слугами тех, кто обладал оружием и деньгами. Македонская урбани-

зация принесла мир и порабощение. И эксплуатацию, но не земли, а людей. Еще немного, и царские наместники (*hyparhoi*) будут ссылаться, как на собственные, на слова латинского поэта Вергилия и римских завоевателей: «Parcere subjectis et debellare superbos» — «Милость покорным являть и смирать войною надменных» (Энеида, VI, 853).

Александрия на Оксе

Весной 329 года Гиндукуш вновь был преодолен за шестнадцать или семнадцать дней — и ценой каких страданий! Греко-македонское войско захватило форт (*avarana* или *aornos*) Ташкурган и город Бактру (Балх), столицу непокорной Бактрианы, оставило там гарнизон, устроило демонстрацию силы на левом берегу Окса (Амударьи), но прежде чем форсировать реку и преследовать сатрапа Бесса, объявившего себя Царем царей, оно попыталось обезопасить свой отход. Вот почему третья Александрия была основана недалеко от места переправы и, вполне вероятно, в Термезе (*oppidum Tarmantidem* в «Метцкой эпитоме», 4). Античные историки и географы называют этот город *Александрия Окская*, Александрия на Оксе (*Диодор*, XVII, 83, 2) и говорят, что население здесь было такое же, как в Александрии Кавказской (Беграме), а вернее тот же смешанный тип населения: варвары, греческие и союзные наемники и три тысячи следовавших за армией гражданских. Арриан уточняет, что перед тем, как переправиться через Окс, Александр «отобрал среди македонян людей пожилых и уже негодных к военной службе и отправил их домой вместе с фессалийцами, добровольно остававшимися у него на службе» (III, 29, 5). В наши дни город Термез, крупный нефтяной центр, оседлавший оба берега Амударьи, относится к Узбекистану*. В древности он вел торговлю с античной Согди-

* Поскольку узбекский город Термез (136 800 жителей в 2004 году) находится на границе с Афганистаном и на другом берегу Амударьи расположено другое государство, о нем никак нельзя сказать, что он «оседлал Амударью».

аной. (Ныне железная дорога, шоссе, аэропорт связывают город со столицей Таджикистана Душанбе. Через Термез можно попасть непосредственно в Афганистан.) Бактра, столица Бактрианы, отстояла от новой Александрии всего на 80 километров. Это была все та же политика, заставлявшая создавать вторые столицы, отдаленные от центра, но стратегически важные и руководимые греками. Здесь, на узкой плодородной полосе долины Амударьи, столь похожей на Нил, жители Европы были и колонистами, и воинами.

Вполне вероятно, что эта колония просто оказалась удвоенной. Диодор (XVII, 83, 2), Плиний Старший (VI, 92), Феофилакт Симокатта (История, 7, 9, 6) упоминают в Согдиане два города, расположенные рядом друг с другом и связанные с памятью Александра: «на расстоянии одного дня пути», пишет Диодор; «в отдалении нескольких мер» и «после порабощения Бактрианы и Согдианы», пишет Феофилакт. Со своей стороны, Арриан (IV, 22, 6) упоминает о городе Никея на дороге, которой победоносная армия шла в 327 году из Согдианы к реке Кабул. Вот я и спрашиваю, не стоит ли поискать его около Ниша в Таджикистане, при слиянии Вахша, Амударьи и Кундуза, рядом с тем местом, где был обнаружен знаменитый Окский клад, о котором мы уже говорили. Этот Ниш расположен в сотне километров выше Термеза, и оттуда через долину Кундуза можно быстрее всего добраться до Александрии Кавказской, то есть до долины Беграма. Во всяком случае, следовало занимать и охранять переправы через крупные реки. Использование переправы на Оксе в июле 329 года, несколько ниже Термеза, наделало столько шума, что даже две тысячи два года спустя ставшие магометанами и говорящие по-турецки и по-арабски географы все еще упоминали в своих книгах Рубат Дх'ул Карнаин, сторожевой пост Искандера Двурогого, каким он изображался на своих монетах. Что касается города, который вот уже восемнадцать лет раскапывает французская экспедиция в Афганистане в Ай-Кхануме при слиянии Амударьи и Кокчи, этот город был основан неким Кинеем в начале III века, и название его пока неизвестно. Была ли это Гераклея Плиния (VI, 48)? Во

всяком случае, короткая надпись ссылается на Дельфийский оракул, цитируя первые его изречения. Греки вновь основали там город, прямоугольный в плане, с огромными кирпичными стенами, прямо поверх или рядом с укреплениями бронзового века. Ни в одном месте из тех, которые мы рассмотрели, завоеватели не начинали с нуля. Македоняне были гениями по части организации или реорганизации.

Александрия на Яксарте

На крайнем севере Согдианы был заложен другой пограничный город, еще одна Александрия. Это край скифской пустыни, Александрия Эсхата, или Александрия Согдийская, или на Яксарте, современной Сырдарье. В сентябре 329 года часть войска, а вернее мобильный отряд конницы, совершила разведывательный рейд к племенам сака-хаомаварга, скифам—«делателям дурмана», от которых в Персию поступали золото, драгоценные камни, меха, чистокровные лошади. Но путь ей преградили широкая река и угрожающего вида скифские всадники, к тому же связанные с восставшими согдийцами. Кроме того, летом при осаде «Города Кира» (Ура-Тюбе, в 73 километрах к юго-западу от Ходжента) царь получил тяжелое ранение, и осуществление замысла было отложено. «Сам он решил основать на реке Танаисе город, назвав его своим именем. Место это показалось ему подходящим для города, который станет расти, будет превосходно защищен от возможного нападения скифов и станет для страны оплотом против набегов живущих за рекой варваров. Что город станет большим, на это указывали и обилие поселенцев, которых он хотел собрать здесь, и блеск его имени» (*Арриан*, IV, 1, 3—4). Речь идет именно о совместном проживании, бок о бок, местных жителей, македонских солдат и греческих купцов, уже реализованном в Египте и двух Александриях по обе стороны Гиндукуша. «Между тем Александр вернулся к берегам реки Танаис и обвел стенами все пространство, занятое лагерем. Стены имели протяженность 60 стадиев

(10,8 километра; “6 римских миль” = 9 километрам, согласно Юстину (XII, 5, 12), этот город он также велел назвать Александрией. (Это был нынешний Ходжент на левом берегу Сырдарьи в Таджикистане.) Возведение города происходило с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый кончит работу, ибо каждый выполнял свою. В новом городе поселили пленников (захваченных в “Городе Кира” и семи других взятых приступом крепостях), которых Александр выкупил у их господ; их потомки, столь долгое время сохраняя память об Александре, не забыли о нем и теперь» (*Квинт Курций*, VII, 6, 25—27). Рассказ Арриана (IV, 4, 1) несколько менее романтичен: он отводит двадцать дней на строительство одних только крепостных стен будущего города. Царь поселил там сколько-то греков-наемников, всех местных жителей, пожелавших переехать туда добровольно, и сколько-то македонян, негодных к службе, слишком старых, усталых или инвалидов. Арриан также уточняет, что основание города сопровождалось, согласно обычаю, жертвоприношением богам, лошадиными скачками и атлетическими соревнованиями. Подобные соревнования в 4 тысячах километров от Македонии, в нескольких днях пути от китайской границы, такие типично эллинские, являются, наряду с жертвоприношениями, доказательством не столько ассимиляции, сколько горячего патриотизма. Откуда такая скорость строительства укреплений, объясняет F. von Schwarz «*Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan*». Еще в 1893 году стены всех строений в этом районе возводились из глины, то есть из земли, армированной ветками и балками.

Единственный город, имевший в периметре на самом деле 6 (1080 метров), а не 60 стадиев и очень плотно заселенный (5—6 тысяч жителей), не мог притязать на то, чтобы стать надежной защитой от проникновения скифов по границе протяженностью в сотни километров. Тогда на севере Самарканда войско выстроило крепости и пограничные посты во всех тех местах, где оно их прежде разрушило: восемь, по Стра-

бону (XII, 517), двенадцать, по Юстину (XII, 5, 13). Шесть других упоминаются вокруг Мерва. Здесь, как и в Бактриане, повседневная жизнь на границе с пустыней, под постоянной угрозой скифской конницы, вряд ли была такой приятной, поскольку в течение 326—325 годов по наущению одного из военачальников по имени Афенодор, а затем одного из его соперников, Битона, три тысячи охваченных ностальгией греческих воинов восстали, бросили свои посты, захватили цитадель Бактры и попытались вернуться к себе на родину. Они были вырезаны македонянами в 323 году (*Диодор*, XVII, 99, 5—6; *Квинт Курций*, IX, 7, 1—11). Довольно часто — в Газе, Оре, Массаке в Индии и у уксиев — захваченные города преобразовывались в гарнизоны, что вызывало всеобщее недовольство.

Александрии Индийские

Вопрос расселения греков и македонян в Индии остается одним из самых неясных. Поскольку, хотя мы располагаем монетами с изображением царей с греческими именами из высокогорных долин Инда вплоть до середины I века нашей эры и хотя есть свидетельства, что до самого конца эпохи расцвета Римской империи существовали торговые связи между Средиземноморьем и Синдом в Южном Пакистане, никто не может сказать, ни где в точности находились Никея, Букефалия и две (или три?) Александрии, основанные в долине Инда, ни за сколько месяцев или лет они были уничтожены наводнениями или притоком местного населения. Все, что известно, сводится к следующему: Никея (Победоносная) и Букефалия (в память о любимом коне Букефале) были построены по обоим берегам Джелама, античного Гидаспа, после победы над Пауравой (Пором) около Джелампура, в период муссонов в 326 году, но так непрочно, что спустя несколько месяцев всё войско было вынуждено восстанавливать причиненные водой повреждения (*Арриан*, V, 29, 5). Гефестийон, любимый военачальник царя, был назначен руководить работами по укреплению индийского го-

рода на берегу античного Акесина, современного Чинаба, и собрать там несколько местных племен-добровольцев и наемников, непригодных к службе (зима 326/25 года). Вполне возможно, что этот город был назван в честь любимой собаки Александра, Перита (*Плутарх* «Жизнь», 61, 3), возможно также, что это была *Александрия Опиенская*, современный Уч, носивший в Средние века название Аскаланд-Усах. Практически все авторы упоминают *Александрию Согдийскую* на берегу Инда, которую единодушно помещают около Раджанпура: огромного города, оснащенного корабельными верфями, где, как говорят, проживало 10 тысяч колонистов. Слово *oiketoras*, используемое Диодором (XVII, 102, 4), предполагает, что они были собраны отовсюду. В вершине дельты Инда, около Хайдарабада, войско укрепило Патталу, построило там арсенал и гавань, вырыло в окрестностях колодцы, позвало туда жить вместе с греками бездомных из Синда. Наконец, летом того же 325 года армия основала *Александрию Оритскую*, торговый порт в устье Пурали, в 100 километрах к северо-востоку от Карачи (Западный Пакистан), на месте городка под названием Рамбакия. Переселение местных жителей из внутренних областей и ихтиофагов осуществил Гефестион. Речь шла не о том, чтобы их цивилизовать, но о том, чтобы ими управлять. Деловые люди, сопровождавшие армию, день за днем наставляли их в коммерции и денежной экономике. Напомним, что в устье Пурали прибывали драгоценные камни и металлы Памира, ароматические вещества, пряности и индийские ткани: по мощи этот город был сравним с египетской Александрией.

Александрия Сузианская и александрийские порты

Хотя мы и обходим молчанием поселение измученных солдат и сопровождавших армию гражданских лиц в Сальмунте (современный Хану, в Средние века Кано-Сальми) в Кармании, основанное в 75 километрах к северу от Ормузского пролива (Иран) в декабре 325 года в крепостце, называвшейся Александрией в

римскую эпоху (*Плиний Старший*, VI, 107), его мы примем за построенный Александром город, который тот же Плиний (VI, 100; 138—139) называет Александрией при Тигре, или в Сузиане. Должно быть, в апреле—мае 324 года он занял место разрушенного персидского города Дурина между устьями рек Тигр и Эвлай (современный Карун), около современного славного Абадана. Повторилось то же, что и в предыдущих случаях: местное население, отпущенные из войска македонские солдаты и союзники, гражданские лица и деловые люди должны были создать на берегу Персидского залива весьма важный торговый центр, родного брата Александрии Оритской, расположенной в устье Пурали, в 2100 километрах западнее. Известно также, что Александр, планировавший завоевать Аравию и достигнуть Египта по Красному морю, уже построил, заселил и укрепил в 324—323 годах порт севернее Кувейта и к юго-востоку от озера Эль-Хаммар, очевидно там, где находится в наши дни Умм-Каср, передовая гавань Басры. Арриан (VII, 21, 7), сообщая, что этот маленький город был построен и укреплен наемниками, уволенными из армии воинами и различными добровольцами, не указывает его названия. Правда, запланированная экспедиция так и не состоялась. Царь между тем умер. Неизвестно, в каком конкретно месте в устье Евфрата находились «Остров Александра» и остров Икара, наряду с Тилом или Тиром (= Бахрейн), являвшиеся перевалочным пунктом для будущей торговли с Индией. Но реально настоящими политическими, торговыми и военными городами, основанными греко-македонским войском в 334—323 годах, следует считать лишь следующие семь Александрий:

Александрию «близ реки Айгюптос», построенную между Фаросом и Ракотидой в январе 331 года;

Александрию при горе Паропанисада (или на индийском Кавказе), у Баграма (Афганистан) в декабре 330 года;

Александрию на Оксе (Амударье), у Термеза (Узбекистан) в июне—июле 329 года;

Александрию на Яксарте, или Александрию Эсхату, у Ходжента (Таджикистан) в октябре 329 года;

Александрию Согдийскую, или на Инде, близ Раджан-пура (Центральный Пакистан) в начале 325 года;

Александрию Оритскую в устье реки Пурали и к югу от Белы (Западный Пакистан) летом 325 года;

Александрию Сузианскую около Абадана (иранский Хузистан в глубине Персидского залива) в апреле—мае 324 года.

Организация

Пять других городов, названия которых сохранили географы, нельзя с достаточной степенью уверенности отнести к данной эпохе, а возможно, их имена были лишь дополнительными названиями, присвоенными азиатским городам, в которых греки когда-то имели фактории. Все прочие населенные пункты, строительство которых приписывается Великой армии, были всего лишь более-менее укрепленными военными опорными пунктами или временными торговыми поселениями. Древние четко разделяли собственно город (*polis*) и военный гарнизон (*phourion*): под первым понималось укрепленное поселение с прилегающей сельскохозяйственной территорией; второе являлось цитаделью с живущим вокруг невооруженным населением. Во всех этих городах лишь греческая или македонская прослойка, в принципе равная по численности группе местных жителей, но часто и меньшая, осуществляла охрану при помощи собственных отрядов и единственная имела политическую власть. В семи Александриях, за основанием которых мы проследили, лишь греки, к которым, как считалось, имеют непосредственное отношение свободные македоняне, располагавшие правом устраивать полис на греческий лад, имели народное собрание и совет, рассматривавшие местные дела и располагавшие тем, что они считали самым ценным — свободой слова. В какой мере их городское самоуправление было ограничено военной властью местного командования и полководцем, назначенным в дополнение к сатрапу, приказами и финансовым контролем последнего и, на-

конец, приказами царя и его канцелярии — вопросы, при обсуждении которых у нас явно недостает данных. Мы уже неоднократно видели, как некое доверенное лицо, гражданское или военное, назначалось царем для наблюдения не только за строительными работами, но и за финансами и администрацией нового города. Из чего следует, что в качестве царского наместника этот наблюдатель, *этимелет*, вмешивался в ход событий в случае волнений или неподчинения. Ведь, зная историю египетской Александрии, легко представить, что находилось немало поводов для ссор между греческими и разными африканскими и азиатскими сообществами, каждое из которых имело свои обычаи и не подчинялось закону большинства. Естественно, местные жители обладали в греческих городах гражданскими правами, отличавшимися от прав подчиненного населения, но не обладали правами политическими. Каждая община имела свой суд, вероисповедание, праздники, матримониальные и наследственные порядки. Добавим сюда налоговое неравенство: священные земли, где хозяевами были жрецы, освобождались от налогов; царская земля, которая могла дароваться местным жителям только в аренду; участки, принадлежавшие колонистам и облагавшиеся лишь оброком и необходимостью защиты. А кто платил налоги по сделкам, если не клиент греческого торговца?

Греки и не-греки

Сколько было их в войске, этих привилегированных, расселенных по Александриям или возобновленным городам бывшего Персидского царства? При освобождении от службы в 324 году десяти тысяч солдат «Александр, отпустив на родину наиболее пожилых, велел отобрать 13 тысяч пехоты и две тысячи конницы, чтобы оставить их в Азии; он полагал, что сможет удержать за собой Азию со столь немногочисленными силами, потому что ранее расположил во многих местах гарнизоны, кроме того, он надеялся, что новые города, заселенные колонистами, окажут сопротивление всем

попыткам переворота»* (*Квинт Курций*, X, 2, 8). Сравнив то, что нам известно о населении четырех Александрий — египетской, при Паропанисаде, на Оксе и Яксарте — с населением Антиохии в 300 году — 5300 свободных человек, македонян, критян, киприотов, афинян... мы можем исходить из того, что в семи Александриях в 332—324 годах насчитывалось около 40 тысяч греков, военных или гражданских, выходцев из постоянно обновляемой Великой армии, и из присутствия в самих городах или гарнизонах такого же числа наемников, состоявших на жалованье. Мы уже писали, как в 326 году в одной только Бактриане взбунтовались три тысячи греков, охваченных тоской по родине. После смерти завоевателя 23 тысячи этих людей будут истреблены в верхних сатрапиях. Как они жили, эти лишившиеся своих корней люди, эти мужчины и женщины, вырванные с Балкан для строительства идеального города Платона или Аристотеля, конкретного и практичного города Царя царей? Подтвердились ли их первоначальные впечатления: что они заброшены на самый край мира на самую неплодородную землю: те, что были в Египте, на самом деле видели вокруг пустыню, те, что попали на Гиндукуш, полагали, что находятся на Кавказе или, как писали эллинистические географы, «под Медведями»**, то есть близ Северного полюса, убежденные, что памирский Яксарт — это иранский Аракс или Танаис, то есть Дон, впадавший в Черное море, а Ганг — это и есть великий внешний Океан?

Но вот дом возведен — из местных материалов и в местных традициях, и что ему теперь делать, этому поселенцу, по крайней мере когда позволяет время года? Если он еще не был женат, то прежде всего искал себе супругу, сожительницу или служанку, и поскольку

* Окончание фразы — с учетом предложенного издателями улучшения текста: вместо «*res novare cupientibus*» — «*res novare cupi[en]tes coerc[en]tibus*», но поскольку П. Фор следует чтению рукописи, в оригинале ему пришлось подгонять перевод, предлагая небывалое понимание весьма стандартного выражения «*res novare*» — «делать переворот», «разрушать существующий порядок управления».

** Имеются в виду созвездия.

не мог, кроме как в Египте, рассчитывать на прибытие невесты из Греции, то обращался к туземной общине. Когда царь, законный супруг четырех персидских женщин: Барсины, Роксаны, Статиры и Парисатиды, в марте 324 года праздновал в Сузах бракосочетание десяти тысяч греко-македонян с таким же количеством азиатских женщин, он лишь узаконивал положение вещей, а также обычай, получивший распространение во всех Александриях, основанных армией от его имени. И когда я говорю, что они обращались к туземцам, не думайте, что женщин похищали или насиловали. Известно множество примеров, когда за насилия и вымогательства командиров по приказу царя лишали звания и даже казнили. Нет, все было гораздо проще: греческие колонисты вступали в переговоры. Такой персонаж, как посредник, порой сводник, порой сутенер, занявший столь важное место в новой комедии в египетской Александрии, а затем в Риме, вел, так сказать, род от своего колониального прототипа. Торговцы рабами, то есть пленными женщинами, посредники, драгоманы или толмачи, врачи и другие целители, следовавшие за армией, играли также роль сводников, не забывая при этом получать огромную прибыль. В этом заключалось одно из преимуществ свободы слова, столь дорогой для греков. Никакого насилия, никаких историй с туземками, а вместо этого удачные дела с бесконечными переговорами и комбинациями, достойными критянина Одиссея*, домогавшегося руки Пенелопы из Спарты.

Также «выходили из затруднения», обеспечивая себя слугами, собакой и, если имели землю за пределами городских укреплений, работниками, одной-двумя упряжками волов, сельскохозяйственными инструментами, инвентарем. Также и в этом случае грекам, не имевшим пленников и рабов, приходилось обсуждать, вести переговоры, меняться или нанимать. Или, став ремесленниками, они продавали предметы повседневного обихода,

* Вероятно, намек на XIV и XVII песни Одиссеи, в которых Одиссей, прибыв на родную Итаку под видом нищего уроженца Крита, дважды рассказывает вымышленную (но вполне правдоподобную) историю своего пленения во время набега на Египет.

изготовленные своими силами. Постепенно греки, которые не были ни солдатами, ни простыми земледельцами, превратились в торговцев. Даже художники и ученые, которых, как мы видели, было немало в колоннах на марше, продавали свою интеллектуальную продукцию тем, кто в ней нуждался. Новые города с широкими проспектами, площадями, прекрасными скверами желали украсить себя гражданскими и религиозными памятниками, театрами, гимназиями, статуями, фонтанами. Здесь всегда была работа для каменщиков, строителей, плотников, кровельщиков, гончаров, стекольщиков и ювелиров. Истощив запас товара, торговцы бездушками возвращались в Египет или ближайшие греческие фактории за всяким недорогим барахлом, которое они потом по безумным ценам сбывали местным жителям или меняли за серебряные браслеты или подвески из ляпис-лазури. Самые ловкие открывали с помощью рабов или освобожденных пленников гончарную, скобяную, столярную, красильную мастерские или, как в египетской Александрии, где было в избытке песка и натрия, стекольную. Другие покупали у местных жителей, чтобы перепродавать в городе или переправлять в Грецию, ароматические шарики, пряности, наркотики, пользовавшиеся на Востоке. Те, кто не умел ни производить, ни торговать, нанимались к другим в качестве педагогов, певцов или музыкантов, рассыльных, общественных писарей, парикмахеров, поваров или просто нахлебников. Уже около 320 года появляется *паразит*, которого Теренций, перенесший *евнуха* Менандра на римскую сцену, вывел здесь под весьма красноречивым греческим именем Гнафон, «Ненасытная глотка»:

Пока мы так беседуем, доходим мы до рынка.
Бегут ко мне приветливо торговцы тонкой снедью:
Колбасники, пирожники, и рыбак, и кондитер,
Мясник бежит и повар с ним. Не мало им дохода
Давал я и теперь даю, хотя и разорился.

Пер. А. В. Артюшкова

Менандр, которому на момент смерти Александра было двадцать лет, являлся самым исполняемым автором в театрах египетской Александрии.

В этих новых городах на смену политической сатире и комедии характеров приходит комедия положений. Дело в том, что изменились человеческие отношения. Старые социальные структуры Греции разрушаются. Люди изменили среду, отношения, союзы, состояния. Внезапное открытие небывалого климата и условий, появление золота заставляют поверить в новую богиню: *Тюхе*, Удачу, особую покровительницу Александра и деловых людей. Именно они на самом деле управляют городом. Насколько мы можем об этом судить, греки азиатских колоний интересовались не столько политикой, услугой старых афинян, сколько ценами на зерно и драгоценные металлы, передвижением кораблей и караванов, экономической конкуренцией чужеземных городов, опасностями, грозящими торговле со стороны критских и аравийских пиратов, словом, делами. Для занятий политикой существовали царские чиновники. День поселенца, бывшего прежде воином или кем-то в том же роде, проходил, после сытного завтрака, в работе, в попытках получить большую прибыль, в эксплуатации местных рабочих, в перемещениях по городу, в интригах, а когда наступал вечер, в подсчете барышей, ужине, выпивке, танцах, пении под новые ритмы, узнанные от восточных жен. Во время остановки в Сальмунте (Кхану к северу от Ормузского пролива) в декабре 325 года одной из первых забот оставшихся здесь воинов было соорудить театр и сыграть в нем комедию. Второй заботой была организация вакхического шествия. Позднее Сальмунт стал Александрией Карманийской. Вероятно, единственное, что сохранили от старой Греции александрийцы, — это любовь к помпезности и зрелищам.

Предшествовавшие учреждения

Возможно, колонистам так нравились театр и пение, потому что жизнь в Александриях оказалась не такой легкой, как им мечталось. Прежде всего имелась конкуренция со стороны местных торговцев, и ее следовало подавить или нейтрализовать полубовно или

силой. Мы уже писали, что, прежде чем вновь отстроить Тир и Газу, потребовалось затопить целый флот грузовых судов, взять приступом старые стены, перерезать защитников города, продать жителей в рабство и завоевать симпатии местного сельского населения. Финикийцы были очень опасными соперниками в торговле. Но в Персидском царстве проживали и другие конкуренты, ничуть не хуже торговцев Тира. Это были сами греки. Все, как правило, забывают о том, что, оказавшись в Центральной Азии, греко-македонское войско было вначале удивлено, а затем — поражено и возмущено, обнаружив там столько греческих художников, ученых и поселенцев, состоявших на службе у Ахеменидов. Вот семь моментов, повествующих о их деятельности и о том, что случилось после, пусть даже это частью миф, частью реальность в изложении Геродота и Клитарха.

Как повествует Геродот (VI, 119), в 490 году Дарий I получил от своих военачальников целый транспорт пленных эретрийцев: «По прибытии с флотом в Азию Датис и Артафрен привели пленных эретрийцев в Сузы. Царь Дарий распалился на эретрийцев страшным гневом (еще до их пленения) за то, что они первыми начали борьбу с персами. Увидев теперь приведенных к нему эретрийцев в своей власти, царь не причинил им никакого зла, но приказал поселить их в области Киссия (современный Хузистан) в своем поместье по имени Ардерикка. Ардерикка находится в 210 стадиях (37 километров) от Суз и в 40 стадиях (около 7 километров) от известного колодца, откуда добывают три разнородных вещества: именно из этого колодца вычерпывают асфальт, соль и масло». Филострат в «Жизнеописании Аполлония Тианского», написанном в начале III века нашей эры, утверждает, что эти бывшие жители Эвбеи были депортированы в количестве 780 человек и, живя в Мидии, сохранили свой язык и обычаи, включая привычку к работе в карьерах (гл. 23 и 24). А ведь известно, что Айн-Сарай находится в центре современных больших нефтяных месторождений от Нали до Радж-э-Сафида на берегу Каруна. Когда завоеватели Персидской державы основали в апреле—мае 324 года около

Абадана Александрию Сузианскую, это делалось для того, чтобы выкачать весь асфальт и всю нефть, которую с толком использовали морские инженеры и строители, не говоря о ведущих осаду войсках. Можно было бы написать огромные книги об использовании углеводородов в Античности, но мы были бы не правы, считая себя в этом вопросе более дальновидными, чем древние. Тот же Геродот (VI, 20) пишет, что жители Милета, взятые в плен в 494 году, были отправлены в Сузы и «что царь Дарий, не делая им никакого зла, поселил их на море, называвшемся Эритрейским (Персидский залив) в городе Ампе, около которого течет Тигр, когда он впадает в море». Эта «колония милетцев» (*Плиний*, VI, 28) на месте будущей Бассоры или Басры, главного порта Ирака, должно быть, внушала завоевателям достаточные опасения для того, чтобы в 324—323 годах они начали строить около Умм-Касра последнюю Александрию, о которой мы упоминали, ссылаясь на Арриана (VII, 21, 7).

Тот же Квинт Курций (IV, 12, 11), который рассказал нам об эвбейцах, переселенных в Гортиену около Джебзирата и нефтяных колодцев Курдистана, в 150 километрах к северо-востоку от Мосула, рассказывает о невероятной судьбе тех милетцев, жрецов Аполлона и Бранха, которые, чтобы понравиться Ксерксу, в 480 году осквернили свое собственное святилище и построили поселение в Бактриане, на берегу Окса (Амударьи) и как бы случайно рядом с нефтяными скважинами Термеза, если не в самом Термезе, античном Тармите. «Они еще не забыли обычаев предков, но говорили на двух языках, постепенно отвыкая от родного. Они приняли царя с радостью и сдались ему всем городом» (*Квинт Курций*, VII, 5, 27—29)... а Александр приказал уничтожить их всех, как предателей Греции. Неважно, что потомки милетских жрецов занимали переправу на границе современного Афганистана и Узбекистана, около Келифа, Чучка-Гузара или Термеза, в 70 километрах к северу от Бактры: странность заключается в том, что завоеватель приказал поселить на их место, в прекрасной колонии Александрии на Оксе других греков, прямо посреди нефтеносного района и там, где они могли собирать самые большие пошлины.

Около 450 года Геродот обнаружил в Вавилоне колонию греческих торговцев, художников и интеллектуалов, внесших свой вклад в историю и повседневную жизнь города в виде висячих садов, одного из семи чудес света. Сто двадцать лет спустя великая греко-македонская армия встретила там такой прием, что царь, ее полководец, после возвращения из Индии решил сделать Вавилон своей столицей. Он обнаружил здесь множество греческих техников, архитекторов, скульпторов, граверов, ювелиров и врачей, некогда служивших при дворе царя Персии в Сузах и Персеполе. Самыми верными и надежными наемниками Дария III были греки. Можно вспомнить, какими почестями и материальными благами владыки династии Ахеменидов встречали Гиппия, тирана Афин, Демарата, царя Спарты, Фемистокла, победителя в битве при Саламине, и Павсания, победителя при Платеях. Остается лишь посмотреть на руины Персеполя и Суз, чтобы удостовериться в том, что мы читаем на золотой табличке Дария I (522—486 годы) в Национальном музее Тегерана: «Из Вавилона ионийцы (греки) и карийцы (из Галикарнаса, с родины Геродота) везли дерево кедра до области Суз... Орнаменты, украшающие крепостные стены, происходят из Ионии (то есть из греческого мира)... Камнерезы, работавшие здесь, были ионийцами (греками) или из района Сард». Когда «Вульгата», наследница Клитарха, хрониста армии Александра, упоминает, что на подступах к Персеполю в апреле 330 года «навстречу царю шли около 800 эллинов с ветвями в знак просьбы о милости. Прежние цари, предшественники Дария, переселили их с родины. Большинство из них были старыми, и все они были искалечены» (*Диодор*, XVII, 69, 3), она пытается лишь оправдать пожар и разграбление Персеполя. Похоже, как сообщают те же источники, это были известные люди науки, владевшие важными ремеслами, и что новый царь подтвердил их привилегии. Но случилось ли это в городе, опустошенном и лежащем в руинах? Или, что скорее, в ближайшей Александрии? Их было восемьсот, подтверждает Юстин (XI, 14); четыре тысячи, пишет Квинт Курций (V, 5, 5).

Не стоит путать греков из Персиды с греками из Халонитиды, поселенными Ксерксом при входе в Мидию,

на полпути между Багдадом и царским парком или «парadisом», по соседству со знаменитыми Бехистунскими надписями. Там «и посейчас живут беотийцы, которые во время похода Ксеркса были согнаны со своих мест, но еще помнили родные законы. Говорили они на двух языках... сохранили они и некоторые обычаи» (Диодор, XVII, 110, 5). Этот хорошо мне известный (потому что я не спеша прошел через него пешком) район в Луристане, на западных склонах Загроса, как нарочно — один из самых богатых медными рудами, скрытыми под железной шляпой*, и через него проходит нефтепровод в Керманшах. Эти греки были определены служить там благодаря своим знаниям в области горного дела и металлургии и чувствовали себя превосходно. Любопытно, что из семи греческих колоний или предприятий, существовавших в Центральной Азии до появления Александра, как минимум пять были напрямую связаны с производством асфальта и нефти, и три или четыре из них после похода Александра были уничтожены. Основное новшество, имевшее место в 330—324 годах, заключалось не в переселении греков в Персию, а скорее в установлении новых отношений между колонистами и колонизированными народами.

Ссоры

«В Александрии, — как пишет Полибий (XXXIV, 14), сам побывавший здесь два века спустя после ее основания, — можно различить три класса населения. Первый — это туземцы-египтяне, деятельные и общительные; другой состоит из наемников, народа тупого, многолюдного и грубого: в Египте издавна существовало обыкновение содержать иноземных солдат, которые благодаря ничтожеству царей приучились больше командовать, чем повиноваться. Третий класс составляли

* Железная шляпа — остаточное образование, возникающее в поверхностных частях рудных (главным образом сульфидных) месторождений меди, свинца, цинка и других металлов в результате химического выветривания и окисления первичных минералов рудного тела.

александрийцы, которые точно так же и по тем же самым причинам не отличались большой любовью к гражданскому порядку, но все-таки были лучше наемных солдат. Александрийцы — греки, хотя и смешанные, но не забывшие окончательно греческих учреждений... Этот народ был уничтожен по большей части Эвергетом Фисконом («Пузатым Благодетелем», то есть Птолемеем VII, 145 год и сл.), при правлении которого я посетил Александрию. Многократно смущаемый восстаниями, Фискон передал народ в руки солдат и истребил его». Не впадая в анахронизмы или обобщения, следует отметить, что все Александрии, основанные войском между 330 и 324 годами, были обречены на ту же участь. И хотя шесть рассмотренных колоний были поглощены так называемыми варварами, но все они испытывали и одинаковые внутренние трудности: гражданские и военные конфликты, классовую и сословную борьбу, численное меньшинство колонизаторов, необузданный индивидуализм греков, отсутствие общих традиций или, проще, гражданского духа.

Попытки объединения

Напрасно молодой царь надеялся хотя бы сблизить умы и сердца, если не осуществить объединение, слияние греческого гения, македонской силы и жизнеспособности местных жителей — трех знаменитых качеств индо-иранских каст, — ибо творческий гений греков заставлял сиять все остальные категории. Греческий гений проявлял себя более пригодным к четвертому и пятому свойствам, способностям к торговле и исследованию или поиску, чем к религиозному рассуждению. Чтобы активизировать сближение между жителями Запада и Востока, Александр дважды, в 329 и 324 годах, рекомендовал своим воинам жениться на женщинах Персидского царства и брал на себя заботу о воспитании их детей, при помощи дополнительных выплат призывал их пополнять кадрами будущую армию и администрацию. Вероятно, эти официальные, более-менее вынужденные бракосочетания девяти или десяти тысяч македонян и

стольких же персидских женщин в Сузах в марте 324 года были великолепным праздником. У Хареса, царского придворного, несомненно бывшего очевидцем этого праздника, Плутарх (Об удаче и доблести Александра, I, 329 EF; «Жизнь», 70, 3), Арриан (VII, 4, 4—8) и Афиней (538b—539a) черпают весьма недвусмысленные сведения: пир на десять тысяч лож и десять тысяч приборов под тентами, пятидневная попойка мужчин, торжественный вход накрытых вуалями десяти тысяч персидских женщин, их распределение между ложами, поднесение каждой паре золотой чаши для священного возлияния, официальная раздача приданого от царя, всеобщее братание, возвращение домой — и в каком состоянии! Затраты на празднество: 8870 талантов, при эквиваленте одного таланта 6 тысячам золотых франков. И всё это для установления вечной гармонии между народами. На самом деле самым главным результатом союза сорока тысяч греко-македонских колонистов с местными женщинами в мире, население которого было в сто раз больше, стало то, что с помощью любви завоеватели научились управлять и уважать своих соседей в многочисленных Александриях и их окрестностях. Уважение упомянутого нами Полибия к египтянам, его презрение к наемникам и жалость к грекам, деловым людям и администрации, в какой-то мере соответствуют реальности, о чем сообщают все историки этого похода. Пример основанных Александром городов показывает нам, что покоренная Азия покорила своего жестокого завоевателя*. Покорила во всех смыслах этого слова: телесно, интеллектуально и нравственно.

Взаимные связи

Хорошо известно, что македоняне и греки многое могли дать покоренным народам Египта и Азии: например, технику обработки камня, усвоенную в скульптуре

* Перефразированные слова Горация относительно покоренной Римом Греции: «Graecia capta ferum victorem cepit» (Послания, II, 1, 156) — «Покоренная Греция покорила дикого победителя».

Гандхары под влиянием Александрии Кавказской, или резьбы — в Согдиане под влиянием Александрии на Оксе, или умение чеканить монету, повсюду распространяющую царский лик. Они же принесли на Восток торговые навыки, заменившие бартер, дарение или отдаривание; некоторые понятия о гигиене и жизни в общежитии в разбитых на квадраты городах с одной или двумя рыночными площадями, судами и административными зданиями; новые виды продуктов питания, такие как оливковое масло и ароматические травы Эгейского моря — тмин, майоран, чабер. Меньше известно, какую сочувственную любознательность, какой интеллектуальный интерес проявили греки к нравам и представлениям туземцев, к их жизненным навыкам и образу жизни, — до того, что они незамедлительно полностью с ними ассимилировались. В греческой религии, основанной прежде всего на ритуалах и пояснительных мифах, нет никакого прозелитизма. Но какое уважение к маздаистской религии и к Заратустре проявляли они в той самой стране, в долине Окса, где была написана священная книга «Авеста»! Какое восторженное удивление суровой чистотой брахманов и самоубийством на костре Калана из секты Джайна! (*Плутарх* «Жизнь», 65 и 69). Сопровождавшие войско философы школы киника Диогена были поражены мудростью местных философов. После возвращения в Грецию они расхваливали достоинства того, кого называли Зороастром, и рассказывали легенду о коварных вопросах, заданных Александром десяти нагим индийским мудрецам, спасшимся с помощью ловких и лаконичных ответов. «Александр сказал: На каком основании ты посоветовал царю Самбху объявить мне войну? — Индус отвечал: Чтобы жить с честью или умереть с ней» (Метцкая эпитама, 80). Что касается тысячелетних религий Египта, александрийцы восторгались ими и даже стали поклонниками Исиды, Сераписа и Амона-Ра.

Греки также уважали обычаи и одежду других народов. Македонские всадники, носившие на голове *kausia*, широкополую красную шляпу, находили общий язык и с теми, кого иранские тексты называли *yaunas*, «явнами» — греками, носившими *petase*, разновидность сомбреро,

и с саками *Tigrachauda* — кочевниками в остроконечных шапочках, и с бактрийцами, носившими плоские шлемы. Иранские греки сменили свои туники на платье и широкие штаны. Индийские греки начали заворачиваться в сари своих жен. Все они с удивлением узнали, что детей, родившихся от азиаток, отличает при рождении голубовато-фиолетовое пятно на крестце, с возрастом становящееся бледно-голубым, хотя и все еще хорошо видимым кружком. Они открыли для себя татуировку, огромные браслеты с кабошонами. Они с наслаждением пробовали новую пищу: оксианский рис, парфиенские абрикосы, персидские персики, бобы и розовую чечевицу Индии, курдючных степных баранов, памирских муфлонов, тибетских яков. Используя в качестве переводчиков кочевников-тохарцев из оазисов Турфан и Куша, говоривших на индоевропейском языке, александрийцы Согдианы и Бактрианы находились в постоянных сношениях с китайским Туркестаном. Едва ли смогли прижиться в Александрии Оритской бараны, привезенные греками из Гедрозии: мясо этих несчастных животных, подобно мясу морских птиц, имело вкус рыбы, потому что ихтиофаги, за неимением травы, кормили их рыбной мукой (*Арриан*. Индика, 26, 7; *Плутарх* «Жизнь», 66, 7). В Оритиде (Белуджистан) греки с любопытством этнографов рассматривали невероятно архаичные обычаи местных жителей: погребальное шествие обнаженных воинов, оставление трупов в зарослях на съедение диким зверям, скотскую жизнь ихтиофагов, одетых в звериные шкуры и живущих в хижинах, сделанных из китовых ребер.

Конечно, они не собирались им подражать до той степени, чтобы не стричь ногти и оставлять волосы в беспорядке. Войско пострадало от тифа в Вавилоне, от инфекционной дизентерии в Согдиане, от чесотки в Индии; одной из вероятных причин, заставивших три тысячи воинов покинуть гарнизоны в Бактриане в 326—325 годах, была бубонная чума, переносимая сусликами и дошедшая до состояния эпидемии на севере современного Афганистана. В урожайные годы случались нашествия крыс, а также чумных блох. Людей валила с ног лихорадка. Их тела слабели и чернели.

Опыты докторов Бальгазара и Моларе из института Пастера не оставили никаких сомнений в истоках и периодичности эпидемий. Греки, рассматривавшие баню после занятий спортом как необходимость, а чистую воду — как священную жидкость, тщетно пытались приучить жителей Востока к большей чистоплотности. Все, что им здесь показали, — это ледяные источники и минеральные воды. Но в Кармании, десятками умирая от перепоя, они в конце концов стали остерегаться воды. Необъятные реки Азии, быстрины Чинаба и Инда, дельты Шатт-эль-Араба* и Синда приводили их в ужас, и уже не вставал вопрос о том, чтобы отводить их в каналы, как это сделали с Нилом. Таковы были лишь некоторые страхи, которыми поделились с ними жители Востока.

Ненадежность колонизации

Именно в обширных, на 95 процентов диких степях той земли, которую потом назвали Туркестаном, на восток от Каспийского и к югу от Аральского моря, греки обучались больше всего, потому что сильнее всего страдали от контакта с живыми существами и с неживой природой. Пустыни Каракумы, или Черный песок, и Кызылкум, или Красный песок, вдвоем заключают в себе четверть пустынных пространств мира. На востоке находятся плодородные отроги бескрайних горных массивов Памира и Тянь-Шаня. Их ледники питают два речных бассейна, которые теряются в песках или же впадают в Аральское море. В Туркестане насчитывается сорок пять видов змей. Гюрза, гадюка Додена, эфы столь же ядовиты, как громадные, черные, похожие на тарантулов пауки, маленькие, коричневые, с красным пятном на животе каракурты и бесчисленные скорпионы. Репетек, между Мары-Мервом (Александрия Маргианская) и Бухарой (Согдиана), наряду с Термезом (Александрия на Оксе) считается самой жаркой областью во всей Центральной Азии. Согдиану постоянно

* В древности Персидский залив простирался дальше на северо-запад, так что Тигр и Евфрат не сливались, образуя нынешний Шатт-эль-Араб, а впадали в Персидский залив по отдельности.

сотрясают землетрясения. Узбекские сейсмографы круглый год регистрируют более трех толчков в день. В 1948 году землетрясение уничтожило Ашхабад, античную Нессу-Нису Гирканийскую. Другое, в апреле 1966 года, разрушило Ташкент в 92 километрах от Александрии Эсхаты. «Это земля, которая дает не фрукты, а воду», — гласит туркменская пословица. Для жителей пустыни река Окс (Амударья) является матерью, полноводной два раза в год, в марте—апреле и в июне. Ее воды шоколадного цвета несут в два раза больше ила, чем Нил. Войску Александра потребовалось пять дней и пять ночей на то, чтобы форсировать Окс на сшитых и надутых шкурах. Этот водный поток, согласно Страбону самый мощный в Азии, обрамлен по берегам настоящим лесом из тростника, кустарника и оплетенных лианами деревьев. Там водятся великолепные фазаны, лани, кабаны. В разреженном воздухе вершин Памира и Тянь-Шаня, откуда течет Яксарт (Сырдарья), снежный барс бежит так быстро, — со скоростью более 80 километров в час, — что догоняет муфлонов и яков.

Такова была невероятная природа, с которой столкнулись на протяжении двух полных лет, в 329 и 328 годах, подвижные отряды небольшой армии, брошенной на преследование Бесса и Спитамена. Такова была природа, в конце концов поглотившая греческих колонистов во всех оазисах, во всех крепостях, перестроенных Птолемеем, Клитом или Александром. Но кроме кобр, затаившихся среди маковых полей, куланов, мчавшихся по степи, вытянувшись в струну, лягавшихся, словно ослы, и галопировавших, как лошади, были и другие чудеса — всадники дахи и абиойи Красных песков, массагеты Черных песков, различные саки или скифы с обоих берегов Яксарта. Они появлялись внезапно, эти чудовищные порождения пустыни, в смерче из песка, с высоты своих породистых коней осыпали противника дождем из стрел, поджигали плохо защищенные посты, грабили идущие в города караваны, а затем исчезали. Как эти кочевники могли понять оседлых жителей? С ними ничего нельзя было сделать, разве что договориться, обменяться подарками, стадами и женщинами, притаиться, попытаться им подражать. Но ни в коем случае не терять ли-

цо. Это были гордые, рассудительные люди, а некоторые из них опьяняли себя, подобно древним персам, галлюциногенным напитком хаома. Греки объединяли их, хотя они отличались друг от друга; под общим названием скифов, так же как называли амазонками все племена кочевников от Армении до китайского Туркестана, в которых женщины присваивали себе чудовищное в глазах греков право ездить верхом. Одним из великих подвигов Александра, одним из основных слагаемых его легенды было покорение амазонок практически повсюду от берегов Каспийского моря до Александрии Эсхаты. Говорят, он даже уложил к себе в постель царицу амазонок Фалестриду. Мужчины и женщины на этих границах мира принадлежали к сказочному народу, делавшему повседневную жизнь греков сказочной. «Роман об Александре» был рожден в памяти жителей, греков и не-греков, во всех Александриях, основанных именем Александра по границам бывшей Персидской державы. В нем упоминается столько поездок, переходов, охот, боев и тягот, что колонисты искренне верили во все преувеличения, чувствуя свою к ним сопричастность.

Жорж Сен-Жорж в 1974 году в своем труде о пустынях и горах России «Великие дикie пространства» («Les Grandes Étendues sauvages») приводит рассказ одного чиновника, встреченного им около Ашхабада, на краю пустыни Каракумы, о том, как жил его отец, бывший царский солдат: «(Наш отец) рассказывал нам о гигантских песчаных бурях, полностью закрывавших солнце, совершенно бесплодных пустынях, в которых русские солдаты умирали от жажды или получая смертельный укус ядовитого паука, прятавшегося в барханах, о диких воинах на своих быстрых лошадях, откуда ни возьмись появлявшихся, чтобы убивать неверных. Он рассказывал нам о снежных вершинах гор, реках, поглощенных песками пустыни, об экзотических растениях и животных, о сказочных городах, где мусульманские правители держали гаремы в чудесных дворцах...» Заменяем слова «русские» и «мусульманские» на «греческие» и «скифские» и, возможно, мы сможем ощутить, каково было строителям городов за 330 лет до нашей эры на границах Персидского царства.

МОРСКОЙ ФЛОТ

Необходимость флота

До наших дней флот остается самой большой загадкой и тайной Азиатского похода. Без конца говорят о войске Александра, но ни слова не упоминают о действиях флота. Что несправедливо и удивительно, поскольку известно, что Греческий архипелаг был населен в основном моряками, что Азиатский поход начался со сбора кораблей, продолжился осадой четырех крупных портов и созданием пятого, а завершился приготовлениями к самому крупному морскому походу, который когда-либо задумывали. Чтобы оценить значение морского вооружения в период 334—323 годов, следует привести несколько цифр. Греческий флот, *hellenikon nautikon* (таково было его официальное название), собравший в Амфиполе все суда союзников весной 334 года, насчитывал 160 военных кораблей, а возможно, если верить Юстину (XI, 6, 2), даже 182, то есть только для того, чтобы обеспечить все корабли командой, ему требовалось от тридцати двух до тридцати семи тысяч моряков, гребцов и солдат или почти столько же свободных людей, сколько человек насчитывалось в пехотных частях сухопутной армии. В 332 году перед Тиром флот союзников числом в двести военных кораблей, главным образом кипрских и финикийских, насчитывал сорок тысяч человек, гребцов и солдат, по большей части греков. В

326 и 325 годах большая часть греко-македонского войска в Индии спускалась по рекам Джеламу и Инду с помощью флота, состоявшего из 1800—2000 кораблей, 200 из которых были построены плотниками греческого военного флота; у Непарха было как минимум 120 самых крупных кораблей и чуть менее десяти тысяч человек команды, чтобы бросить вызов Индийскому океану и пройти вглубь Персидского залива. Накануне смерти Александр приказал построить в Вавилоне и в своей последней Александрии пристани и причалы для одной тысячи кораблей, а Непарх готовился с огромным флотом обогнуть Аравийский полуостров. Мы уже не говорим о тысячах транспортных, грузовых, пиратских кораблей, о беспалубных галерах, шлюпках и лодках на службе войска, также имевших свои экипажи и рулевых. Личный состав этой морской армады можно как минимум приравнять к составу сухопутной армии. И если о флоте практически никогда не говорят, то лишь потому, что античные историки были заняты лишь Александром, а также потому, что флот принимал участие в военных операциях с перерывами в 334—332 годах и в 325—323 годах, то есть всего половину времени, но какую половину!

Морские операции 334 года

Не имея возможности входить в детали событий, разворачивавшихся на двух разных морях и на реках разных размеров и разных географических районов, в разные времена года и в почти противоположном по своему характеру климате, мы вынуждены лишь схематично набросать историю морских операций. В конце 335 года разные города Греческого союза, объединившиеся в Коринфе, получили приказ следующей весной сосредоточить свои военные и транспортные корабли в устье Стримона, между тем как корабли союзников, охранявшие проливы, Византий, Халкедон, Кизик, Сест, Абидос, должны были препятствовать персидскому флоту, если бы он когда-нибудь собрался перекрыть Босфор и Дарданеллы. Счета афинского арсенала

ла, выбитой на камне копией которых мы располагаем, показывают, что великий город мог выставить тогда 277 триер (*Inscriptiones Graecae*, III, 1627) и что он располагал деревом и снастями еще на 400 таких кораблей, бравших на борт по 200 человек каждый. Однако город оснастил, да и то после предъявления требований, всего только 20 военных кораблей, для которых богачи оплатили вооружение, а бедные составили плохо оплачиваемые экипажи. Поскольку военная эскадра, вооруженная Македонией, состояла лишь из кораблей старинных греческих колоний Халкидики, к тому же вынужденных обеспечивать охрану македонских берегов, можно сказать, что основной вклад в снаряжение флота выпал исключительно на долю греческих городов Фессалии, Эвбеи, Пелопоннеса и островов, уже несших расходы по ведению наземных военных действий.

Каждый из флотов-участников располагал своими кораблями и командованием, перевозил собственные войска и более всего страшился встречи с эскадрой персидского царя, в два раза превосходящей греков числом (четыре сотни военных кораблей!) и куда лучше оплачиваемыми моряками (*Арриан*, I, 18, 5). В 333 году Мемнон от имени Дария мобилизовал еще 300 кораблей. К тому же флот, собранный Греческим союзом, полностью, включая сюда грузовые корабли и транспорты для перевозки лошадей, подчинился командованию сухопутного войска, по крайней мере вначале. В то время как 60 длинных кораблей с тремя рядами весел прикрывали Дарданеллы от любого вражеского вторжения с Мраморного и Эгейского морей, остальные 182 (?) триеры и бесчисленные транспорты сновали между Сестом и Абидосом, загружая и выгружая 43 тысячи пехотинцев и шесть тысяч всадников, которые должны были действовать в Малой Азии. Считается, что для форсирования, которое организовал и контролировал методичный Парменион, понадобилось не менее пяти дней и ночей. Тем временем Никанор, македонский флотоводец, перевозит царя на мыс Сигей, туда, где ахейцы некогда разбили свой лагерь для осады Трои. Легко можно вообразить себе высадку

людей с помощью мостков и трапов, для лошадей и мулов она была более трудной. Достаточно было скинуть с пристани в шлюпку козла или барана, как за ними бросался весь мелкий скот, но пугливых от природы лошадей следовало избавить от вида волн и качки. Можно предположить, что их грузили на транспорты, ведя по горизонтальным мосткам с завязанными глазами, или с помощью наклонных, огражденных по бокам, сходней вспомогательных судов, или на подпругах подвешивали на грузовой стреле, которую потом разворачивали, пока лошадь не окажется на месте. Количество животных при погрузке на шлюпку с тридцатью гребцами для преодоления двухкилометрового пролива не превышало семи-восьми. Это число заставляет вспомнить наши грузовые вагоны времен Первой мировой войны: «Человек — 40; лошадей в длину — 8». Во всяком случае, и речи не могло быть о перевозке лошадей и вьючных животных на 160 триерах Греческого союза, разновидности очень узких галер (не более 5,2 метра шириной), военных кораблях, более похожих на гребные скифы, чем на баржи с плоским дном. Триеры брали на борт только воинов. Как минимум 400 транспортов для животных (*hippagogoi*), оборачиваясь как минимум два раза в день, перевозили с берегов Европы на берега Азии животных, продовольствие, военную технику, повозки, а также всех гражданских, следовавших за армией, не смешиваясь с войсками. Даже будучи хорошо организованным, продвижение такого количества кораблей той очень бурной весной 334 года по реке с быстрым течением, которую представляют собой узкие Дарданеллы, не могло проходить без давки, брыкания, криков, брани, тошноты. Без этого невозможно было бы представить жителей Средиземноморья. И, разумеется, не существовало никакого расписания. В ту эпоху не было другого хронометра, кроме солнца или луны, другого компаса, кроме звезд.

Высадив сухопутную армию на землю Азии, транспорты и купеческие корабли вернулись в свои порты, между тем как часть военных кораблей крейсировала в Мраморном море, а другая — между островами Эгейского моря и вдоль западного берега Малой Азии, го-

товые прийти на помощь воинам Греческого союза, если у тех возникнут трудности с армией персидских сатрапов, а также нейтрализовать флот Финикии и греческих городов, принявших сторону врага. Практически это означало, что ежедневно греческие эскадры бороздили море, ловя ветер прямыми парусами или гребя веслами, но не теряя из виду берег, и каждый вечер моряки искали гавань, чтобы вытащить на прибрежный песок или гальку тяжелые 70-тонные корабли с почти плоскими днищами, чтобы дождаться конца ночи или плохой погоды. Каждый вечер весной 334 года моряки сходили на сушу, подклинивали и укрепляли вытащенные на берег суда, готовили ужин — буйабес, рагу из сушеных овощей с оливковым маслом, сыром, оливками и изюмом — и засыпали, завернувшись в одеяла, под охраной сигнальных. Не происходило решительно ничего, кроме пополнения запасов питьевой воды, исправления поломок, конопачения течи, вычерпывания нечистот из трюмов, обсуждения новостей о победах на суше... Как вдруг в один прекрасный день в июле 334 года командиры кораблей получают приказ направляться к Милету, греческому городу, правитель которого Гегесистрат встал на сторону персов и закрыл ворота перед армией-освободительницей. В рассредоточенном боевом порядке, но, несмотря на это, не слишком тревожимый четырьмя сотнями судов, состоявших на службе у Дария, греческий флот в 160 боевых кораблей с опозданием на несколько дней высадил морской десант на острове Ладе и, развернувшись в сторону открытого моря, блокировал один из четырех портов Милета. Около трехсот осажденных захватили островок посреди илистых отложений Меандра. Александр взошел на корабль и отдал морским пехотинцам приказ взять остров приступом с помощью мостиков, перекинутых с носовой части триер на берег — там, где он крутой. Неслыханный маневр, требующий полной устойчивости или, вернее, полной неподвижности кораблей, то есть еще неизвестной грекам постановки на якорь и швартовки. Подобные инновации позволяют оценить важность флота в будущих операциях. По-видимому, еще

до решительного приступа осажденные капитулировали (*Арриан*, I, 19, 5—6).

Флот персов, стоявший у мыса Микале, не имевший возможности пополнить запасы питьевой воды и провизии без того, чтобы на него не напали конница и македонская фаланга, отправился за провиантом на Самос, а затем разместился на боевых позициях в заливе Милета. Он пытался спровоцировать греческий флот на крупное морское сражение. Несмотря на мнение Пармениона: рискнуть всем, мы ничего не теряем! — «совет гетайров» («друзья» Александра) решил маневрировать лишь десятью кораблями, тем более что большая часть экипажей была занята сбором дерева, продовольствия и фуража и просто бродила поодаль от кораблей. Греческие триеры, более быстрые, чем азиатские, поскольку могли развивать скорость до 12 узлов, обратили в бегство персидские сторожевые суда и даже захватили тяжелый родосский корабль. Союзники персов тут же вышли в открытое море и исчезли, несомненно, из опасения быть застигнутыми врасплох в глубине залива, как некогда их предки при Саламине, а возможно и потому, что команды, собранные из греческих наемников, не хотели мериться силами со своими уже одержавшими победу соотечественниками, но, может быть, в первую очередь из финансовых соображений. Потому что стоило им только скрыться из вида, как Александр распустил весь греческий флот. Ему тоже было нечем платить своим морякам. Ему едва хватило всего золота Сард и Пактола для оплаты собственных долгов и процентов по ним, для покупки новых метательных машин, содержания огромной сухопутной армии и собственной свиты. Античные историки полагают, что, оценивая свое войско в состоянии численного меньшинства, щедрый царь решил не рисковать даже меньшей частью флота; он также, вероятно, сказал себе, что, когда Азия будет покорена, персидский флот все равно отойдет победителям. Рассказывают даже, будто на одну из рей вытасненных на песок около Милета греческих кораблей сел орел и что это было предзнаменованием победы земли над морем. Несомненно одно:

моряки были весьма легковёрны, и столь же наивны оказались историки, читавшие сообщения, исходившие из канцелярии Александра, регенту Македонии и совету Греческого союза.

Жалованье

Зная, что во времена Демосфена афинский моряк получал на пропитание по два обола ежедневно (1-я Филиппика, 28, в 351 году), то есть гораздо меньше квалифицированного рабочего в Афинах около 330 года (12 оболов) и гоплита сухопутной армии в Азии, нам становится понятно, почему гребцы и воины на галерах, которым ведь приходилось буквально налегать на весла и гораздо больше рисковать, жестко требуя выплаты своего жалованья, нередко разбегались по суше и угрожали завербоваться к врагу. Вот, для справки, что можно сообщить о пехотинцах, вступивших в македонское войско в 325 году: десятник, командуя десятью солдатами, получал 75 драхм в месяц (15 оболов в день, в одной драхме 6 оболов); македонянин, получавший двойное жалованье (*dimoirites* — *двудольник*), — 60 драхм в месяц; «человек на 10 статеров» (десятистатерник) — 40 драхм в месяц (= 1,5 драхмы в день); простой солдат — 30 драхм в месяц (согласно *Арриану*, VII, 23, 3). Исходя из минимальной выплаты моряку в размере одной драхмы в день, как во времена Фукидида (VIII, 29) — не включая пропитание, входившее в обязанности городов, — македонское командование должно было выплачивать флоту, стремившемуся любой ценой избежать контакта с врагом, ежедневно 5,3 таланта. К концу июля 334 года флот теоретически обошелся армии в 640 талантов (один талант — 6 тысяч золотых франков), что в девять раз превышало все деньги, которые имелись к началу похода! (*Плутарх* «Жизнь», 15, 2). Отпуская союзные корабли, правитель лишь покорялся необходимости, причем необходимости финансовой. Ознакомившись по приписываемой Аристотелю «Экономике» со всеми приемами, использовавшимися для того, чтобы избежать выплаты жалованья, как-то его

конвертировать или отложить, начинаешь понимать плачевное состояние духа, которое могло господствовать на борту. Я уже не говорю о приговоре, вынесенном Платоном (Законы, 706b—707b) гоплитам афинского флота, которые, по его мнению, способны были лишь на то, чтобы высадить десант и тут же убежать. Летом 334 года Александр ограничился тем, что оставил лишь двадцать афинских триер в качестве заложников и грузовые корабли, построенные для перевозки осадных механизмов.

Операции с 334 по 332 год

Последствия подобного пренебрежения не замедлили сказаться, причем достаточно серьезно. За зиму 334/33 года Мемнон с Родоса, назначенный Дарием верховным командующим всех азиатских сил на Средиземноморье, собрал большое количество наемников и снарядил триста кораблей. С их помощью он захватил острова Кос, Хиос, Тенедос и все города Лесбоса, за исключением Митилен, которые персы в конце концов все же возьмут приступом (*Диодор*, XVII, 29; *Арриан*, II, 1). Киклады шлют ему послов. На Эвбее и Пелопоннесе поднимают голову сторонники Мемнона. Считается, что он намерен напасть непосредственно на Македонию и уж во всяком случае перерезать все линии снабжения войска Александра, увязнувшего в теснинах и пустынях Малой Азии. В Гордии в мае—июне 333 года царь приказал Амфотеру из Орестиды, младшему брату своего любимого Кратера, как можно быстрее вооружить и набрать команды на корабли, чтобы защитить Македонию и прикрыть проливы. Гегелох, назначенный командующим флотом, получил 500 золотых талантов, то есть сумму, достаточную на то, чтобы на протяжении четырех месяцев летней кампании выплачивать жалованье приблизительно ста пятидесяти экипажам. Самое большее, что ему удалось сделать, это разблокировать проливы с помощью триер Греческого союза и войск освобожденных греческих городов. «В это же время, — пишет Квинт Курций (IV, 1, 36), — и

флоту македонян, вызванному из Греции, удалось взять верх над Аристоменом (еще один грек на службе у персов!), которого Дарий послал отвоевать берега Геллеспонта (от Дарданелл до Босфора): все его корабли были либо потоплены, либо захвачены». Но Фарнабаз, командовавший персидским флотом, вновь овладел Милетом и потребовал с него огромную военную контрибуцию; затем он разместил гарнизон в городе Хиос и с сотней судов захватил Андрос и Сифнос на Кикладах, взяв с них большую дань. Тридцать пять тысяч греческих моряков своими кораблями поспешно пытались прикрыть берега Фракии и Македонии. В сентябре 333 года решалась судьба всего Азиатского похода, и решалась она в Эгейском море. Три главных города Греции — Фивы, Афины и Спарта — уже отправили послов в Дамаск. Они вот-вот должны были вступить в союз с Дарием против Александра (*Арриан*, II, 15, 2—5).

Битва при Иссе в конце октября 333 года переворачивает всё. «Надежда переметнулась в другой лагерь, сражение переменяло душу». Персидское командование совершило минимум две стратегические ошибки: оно упустило прекрасный случай высадить свою морскую пехоту в количестве не менее 60 тысяч человек на незащищенные берега Македонии; оно отозвало 30 тысяч греческих наемников, сражавшихся на флоте, чтобы бросить их в битву при Сирийских и Киликийских воротах. Узнав, что при Иссе они потерпели поражение, а их послы пленены, греческие города одумались. Корабли с экипажами из кипрских и финикийских городов поспешно, еще до наступления зимы, вернулись в свои порты, как будто для защиты того, что осталось от Персидской державы, а на деле, чтобы перейти на более сильную сторону. В течение зимы 333/32 года правители Кипра и ассиро-финикийских берегов сдавались победителям при Иссе и Дамаске, то есть практически все морские силы Дария перешли на службу Греческому союзу и Македонии. Так, пока македонская армия топталась у острова Тир, образовался огромный флот, полностью составленный из иностранных кораблей, самый большой, какой македонский флотоводец Гегелох когда-либо имел в своем

распоряжении. В течение лета 332 года флот собирался в Сидоне, непосредственно перед тем, как вступить в бой и взять Тир штурмом. Согласно Арриану (II, 20, 1—3), в это время флот насчитывал около 225 военных кораблей: около 80 пришло из Арвады (Арада), Библа и Сидона, 120 — с Кипра, в первую очередь из эллинизированных городов Амафунта, Куриона и Саламина, 15 — с берегов Киликии и Ликии, 10 — с острова Родос. Без них Тир никогда бы не капитулировал, никогда финикийская торговля не уступила бы торговле греческой, и гетайры Александра никогда бы не выдвинулись так далеко вперед — на Египет, Вавилонию и Индию.

Новый флот

В этой победе наиболее важно было не число кораблей, а их форма; не количество, а качество. Помимо того следует отметить, что моряками, как правило, служили люди, родившиеся от браков греческих колонистов и азиатских женщин. Они не считались ни греками с Балканского полуострова, ни семитами, в которых Александр никогда не видел воинов, но служили на судах столь же разнообразных, как и практичных, вооруженных для новой формы войны. Историки упоминают пентеры (*pentereis*. — Арриан, II, 22, 3), тетреры или квадриемы (*tetrereis, quadriremes*. — Квинт Курций, IV, 3), триеры «с ускоренным ходом» (Арриан, II, 21, 1), *hemioliai* или «полторарядные суда» (Арриан, III, 2, 4), *triakontoroi* (Арриан, II, 21, 6), которые Квинт Курций, очевидно, описывает как «малые корабли» (Квинт Курций, IV, 4, 6), которые при случае могли иметь палубу, то есть были *kataphraktoi*, а еще *dikrottoi* и, наконец, *kerkouroi*. Список можно было бы расширить еще очень сильно, как минимум в десять раз. Уже в лексиконе дофиникийского языка Угарита-Рас-Шамра (Сирия. Т. 12. 1931. № 5. С. 228—230) насчитывается не менее двадцати восьми типов различных судов. Выше мы не приняли в расчет ни торговых и грузовых судов, ни транспортных для перевозки лошадей, ни маленьких

беспалубных галер, ни рыбацких кораблей, ни китобоев, ни различных типов плотов, сдваивавшихся при высадке подобно катамаранам, которые тексты постоянно упоминают в связи с походом Александра. По правде говоря, чтобы их идентифицировать, нам не хватает не только подводных раскопок, макетов и рисунков, но и большого «Словаря античного флота». Да будет мне позволено указать эллинисту, который задался бы таким намерением, что после Геродота, Полибия, Тита Ливия и Плиния Старшего и гораздо раньше византийских лексикографов Авл Геллий около 175 года нашей эры собрал в своих «Аттических ночах» (X, 25, 5) тридцать два названия различных судов, из которых больше половины греческие... или финикийские и которые соответствуют нашему грузовому кораблю (например, сиро-финикийский *gaulos* в форме круглой вазы, по-еврейски *gulla*). Это корабли-корзины, транспорты для перевозки скота, корабли с высокой посадкой, ялики, шлюпки, простые паромы, корабли с закругленным корпусом, прогулочные корабли, пиратские, крытые суда, барки и баркасы, лодки, сторожевые суда, баржи... Дело в том, что уже в эпоху Филиппа Македонского корабли Восточного Средиземноморья становятся все более специализированными, все более скоростными и, наконец, все более грузоподъемными, способными перевозить войска и огромные машины. В который раз мы утверждаем: война была выиграна не мнимым гением Александра, а благодаря его инженерам. И сколько бы раз он ни ступал на борт корабля в августе 332 года на правом крыле сидонского флота, предназначенного противостоять флоту Тира и штурмовать крепостные стены города, он ничего не добился бы без судов со сплошной палубой, перевозивших осадные башни и катапульты, так же как и без гения Диада из Пеллы, столь же одаренного механика и изобретателя, каким был впоследствии прославленный Архимед. Одной из причин, вследствие которых Афины утратили свое могущество и державу в 338 году, было их отставание в области морского вооружения.

Наши источники информации, какими бы приближительными и разрозненными они ни были, отмечают

пять основных типов судов (*ploia*): «длинный корабль», *naus makra*, или военный корабль, бывший в девяти случаях из десяти триерой, то есть галерой с тремя рядами весел и единственным парусом; грузовой корабль, *phortis* или *phortion*, как правило, это было каботажное судно с прямым парусом и довольно высокой посадкой; транспорт для перевозки лошадей, *hippagos*: сколько можно судить, его борта (скорее, нежели корма) могли мгновенно открываться (или опускаться?); рыболовный корабль, *halias* или *halieutike*; пиратский корабль, *paron* или *tyoparon*, легкое судно, имевшее от нашей бригантины лишь прямой парус и скорость. А ведь говоря о военных кораблях или триерах экспедиции Александра, мы наивно представляем их себе по образцу афинских галер предыдущего века, такими, какими знаем их по рассказам Фукидида и редким изображениям, например, как на рельефе Ленормана в музее Акрополя или на античной вазе, называемой Вазой аргонавтов, или Талосской, конца V века до нашей эры. Мы ищем ответ в описях с мрамора Пирейского порта и измеряем крытые доки порта Зеи*. Можно утверждать, что в то время, когда Демосфен около 350 года требовал от афинского народного собрания снарядить двадцать несчастных триер для прекращения рейдов македонских корсаров, каждый из этих боевых кораблей и судов сопровождения имел немногим более 36 метров в длину, 5,20 метра в ширину, возвышался над водой на 2,20 метра при осадке немного более метра. Их широкое и практически плоское дно позволяло каждый вечер вытаскивать корабль на песчаный берег. На носу закреплялся бронзовый таран с тремя зубцами, предназначенный пробивать и топить вражеские суда. Теперь мы можем представить себе греческие корабли благодаря великолепному экземпляру, обнаруженному в Атлите, около Хайфы, в 1981 году, на котором красуется знак кадуцея. Здесь можно вспомнить знак водителя душ, бога Гермеса, из храма Артемиды в Эфесе (350—339 годы). Ибо такое судно водоизмещением от 80 до 90 тонн перевозило как

* Внутренняя гавань Пирея.

раз души. Теоретически на нем помещались двести человек: сто семьдесят гребцов, пятнадцать матросов, пятнадцать гоплитов или тяжеловооруженных солдат. Командовал судном триерарх или арматор, а управляли им кормчий и сигнальщик.

Поскольку это очень узкое и вытянутое судно больше напоминало скоростную яхту, чем транспорт для воинов, коринфские инженеры, чтобы выиграть место, приблизительно в 625 году догадались рассадить гребцов на трех уровнях со смещением и расположить верхний ряд уключин на выступающих брусках, *parexeiresia*. В V веке до нашей эры, около 460 года, афиняне разместили этих последних гребцов под второй палубой, сделавшейся палубой боя и управления. Они закрыли отверстия, за которыми гребли люди, боковыми выступами. Корпус корабля, тем более хрупкий, что он строился поспешно и каждый вечер его вытаскивали на берег, был укреплен двояко: деревянными вельсами (*zosteres*) и арматурой из тросов (*hypozomata*). Такие корабли очень быстро выходили из строя. Флот постоянно обновлялся. Отсюда пошел порядок обеспечения военным вооружением, при котором тяготы по снаряжению кораблей возлагались лишь на богатых людей, и создавалась особенно ненавистная земледельцам система морских округов, навкрарий, при которой каждый округ был обязан снарядить один корабль. Классическая афинская триера обычно ходила под прямым парусом площадью около 170 квадратных метров, без лавирования, маневрируя на веслах только в случае штиля или боя. При скорости около 18 гребков в минуту она делала только на веслах чуть более 5 узлов; с парусом и на веслах — более 10 узлов. Этой информацией, относящейся к 399 году, мы обязаны Ксенофону (Анабасис, VI, 4, 2), который рассказывает о путешествии из Византия в Гераклею (современный Эрегли) по Черному морю. Превосходно подходившая для того, чтобы на полном ходу в 10 узлов протаранить борт противника, триера, чью маневренность мы так нахваливает, была на самом деле очень неустойчивым судном. Бокового ветра в парус при пяти баллах по шкале Бофорта было бы вполне достаточно, чтобы ее опро-

кинуть. Можно подсчитать, что максимальное отклонение центра тяжести водоизмещения триеры от центра выталкивающей силы, то есть 0,4 метра, оставляло ей очень малый запас остойчивости, особенно с учетом того, что галеры были почти в пятьдесят раз более чувствительны к бортовой, чем к килевой качке. Отсюда вывод: собственные движения корабля препятствовали всякой атаке, если только на море не устанавливался полный штиль; они также решительным образом сказывались на точности стрельбы палубного оружия. На практике это означало, что малейшее боковое колебание при бортовой качке или развороте препятствовало наводке катапульты. Мы уже не говорим об удержании равновесия гоплитами, стоявшими на верхней палубе. Таковы были суда, которые афинские морские плотники настойчиво пускали в серию вплоть до начала похода Александра — из удобства, из уважения к прошлому и, скажем честно, из лени.

Жизнь на корабле

Эгейское море судоходно сто дней в году: пятьдесят весной, в основном в апреле и мае, и пятьдесят дней в конце лета и середине осени, когда утихают жестокие ветры этесии, дующие с гор Македонии и Фракии. Между 28 октября и 9 ноября по нашему календарю.

После того как ужасная мощь Ориона погонит
С неба Плеяд, и падут они в мгlisto-туманное море,
С яростной силою дуть начинают различные ветры.
На море темном не вздумай держать корабля в это время,
Не забывай о совете моем и работай на суше.
Черный корабль из воды извлеки, обложи отовсюду
Камнем его, чтобы ветра выдерживал влажную силу;
Вытащи втулку, иначе сгниет он от Зевсовых ливней.

(Гесиод. Труды и дни / Пер. В. Вересаева. С. 621—625)

Повседневная жизнь моряков Азиатского похода была тесно связана с расписанием течений и ветров. Во время неблагоприятных сезонов, то есть около шести месяцев в году (скажем, как это бывает в современной Греции, со Дня Всех Святых и до Пасхи), гребец

становился работником, скотоводом или безработным в городе. С наступлением хорошей погоды, когда триеры вновь готовили к плаванию, он складывал в мешок из непромокаемого полотна белье, одеяла, а дорожную суму наполнял зерном, сушеными овощами и фруктами, оливками, сухарями, брал флягу с оливковым маслом и еще одну — с вином (Фукидид, III, 49, 3). Первые дни проходили в тренировках. Невозможно, чтобы примерно 170 человек управляли судном с помощью весел длиной от 4,17 до 4,4 метра без многократных повторений движений и без помощи ритма. Музыкальный инструмент (флейта, гонг или барабан) задавал ритм, которого следовало придерживаться. Французское слово «*chiourme*», которое обозначает команду гребцов на галере, произошло от греческого *keleusma*, означающего ритмическую песню гребного. Всем известно, что дисциплина на борту гораздо строже, чем на суше, а выше морского офицера на корабле нет никого, кроме Бога. Гребля — это честь и спорт одновременно, ей занимались исключительно граждане, то есть свободные люди. Во время походов они постоянно тренировались, выполняли упражнения и целыми днями маневрировали. Марсовы матросы при попутном ветре разворачивали парус, натягивая его на рее, сделанной из двух длинных шестов, поднимали всё полотно, управляя шкотами, или растягивали его как портьеру с помощью гитовых, продетых в кольца. Поскольку обычно при хорошем ветре галера шла под одним парусом, гребцы, которые в это время не спали и не играли, могли участвовать в маневрировании, драить палубу, вычерпывать нечистоты из трюма, чинить снасти и паруса, скручивать канаты. Никаких рифов на парусе предусмотрено не было. Команда лишь старательно сворачивала грот, обделанный по краям кожей или несмоленным пеньковым тросом, ликтросом, а в каких-то случаях — тот раздутый парус, который изображен на вазе конца VI века до нашей эры, найденной в Коринфе в 1972 году (Hesperia, t. 42, p. 13—14). Оснащенный дополнительными шкотами и булинами, он, похоже, крепился на рее мачты и за кнехты для крепления лееров или за

фальшборта. Свое место для каждой вещи, всякая вещь на своем месте.

Стоило ветру посвежеть, как парус спускали, отвязывали растяжки и штаги, мачту вытаскивали из ее гнезда и крепили на верхней палубе. Если мачта составляла, как это часто бывало, чуть больше трети максимальной длины всего корабля, она все равно имела не менее 15 метров в длину и сама по себе весила как хвойных пород бревно высотой с пятиэтажный дом. Поэтому двенадцать человек были потребны на то, чтобы ее поднять и перенести. И хотя в ту эпоху, около 332 года, мачты еще не начали собирать из нескольких частей, соединенных с помощью металлических обручей, эзельгофтов, позволим себе на мгновение остановиться, чтобы провести одно сравнение. На Мальте галеры строили вплоть до 1785 года. Для мачтового судна длиной 55 метров, груженого и весящего от 260 до 300 тонн, с пятью пушками весом 3,5 тонны, дерева требовалось немногим менее половины этого веса. Дерева, которое следовало прежде долго сушить, а затем вымачивать или, вернее, гнуть, чтобы подогнать шпангоуты под размер. Итак, если допустить, что триера афинского типа, самого распространенного среди кораблей бывших афинских колоний, весила с грузом 90 тонн, это означает, что на ее постройку требовалось 40 тонн безупречного дерева, что эквивалентно 80 дубам высокого строевого леса, или 100 северным соснам, или 5 гектарам леса на один корабль. 400 триер Афинской республики времен ее расцвета представляли собой 1200 гектаров леса, вырубленного на Балканах или по берегам Черного моря. Когда республика пала, где же было добывать дерево по сходной цене, как не поблизости, на горах Тавра и в массиве Троодос на Кипре, на горах Аманус, Ливан и Антиливан? Обычно говорили, что гребец отделен от судьбы деревом толщиной в три пальца — простой пятисантиметровой доской. Но дубовый киль имел толщину больше одного локтя; флоры (балки поперечного набора) и элементы, максимально приближенные к шпангоутам, — толщину больше ладони. А еще мы не упомянули здесь о большом количестве битума, смолы, вара, пакли и клея, требовавшихся

для водонепроницаемости. Заметим еще, что на военных кораблях XVIII века было около 45 километров веревок из конопли, сизаля или волокна агавы и корабли эти никогда не превышали 64 метров в длину, то есть были всего в два раза длиннее нашей триеры. Откуда же поступали конопля и джут, если не из Скифии и Индии?

Жизнь на суше

Не требуется каких-то специальных документов, чтобы представить, чем могли заниматься моряки на суше в дружеской стране кроме стряпни и поиска съестного. У греков была горячая кровь. У женщин из средиземноморских портов — тоже. Что касается вражеской страны, достаточно привести выдержку из «Анабасиса» Арриана (I, 19, 9): «Пять судов (находившихся на службе у Персии) вошли в пролив между островом Ладой (напротив Милета) и гаванью, где был вытасчен на берег флот в надежде захватить корабли Александра пустыми. Они узнали, что матросы в большинстве своем разбрелись с кораблей, получив приказы идти одним за топливом, другим за продовольствием, третьим за фуражом. Какая-то часть моряков действительно отсутствовала, но из тех, которые были налицо, Александр смог составить полные экипажи для десяти галер». Десять из ста! Никакого сомнения, что эти случайные моряки не имели ни малейшего желания становиться героями, бродяжничество и игры интересовали их гораздо больше, чем война.

Вывод: поскольку глава Греческого союза рассчитывал на военные корабли или триеры бывшей Афинской республики (но в какой степени рассчитывал он на них когда-либо?), он имел дело лишь с медленными, непрочными и ненадежными судами и с экипажами, годными в лучшем случае сопровождать транспортные корабли. Ему требовались суда более прочные и в то же время надежные, а экипажи — более обстрелянные. И ему удалось отыскать их на Кипре, в Киликии и на сиро-финикийском побережье.

Финикийские и кипрские корабли

Одной из великих заслуг Люсьена Баша (*Basch*), нашего лучшего знатока в области корабельной архитектуры, является документальное доказательство того, что в античном Средиземноморье существовал не единственный тип триера, а как минимум четыре. Самийский тип 530 года нисколько не походил на коринфские образцы предшествовавших поколений или на коринфскую бирему конца VI века до нашей эры, о которой мы уже упоминали, с ее надутым парусом и огромными кнехтами. Каждая верфь имела свои традиции и тайны, свои собственные материалы, а также своеобразие и потребности в совершенстве. Афинские триеры, прорывавшиеся при Саламине в сентябре 480 года, были беспалубными, в то время как хиосские триеры, сражавшиеся в битве при острове Лада в 494 году, уже имели на верхней палубе сорок пехотинцев, и из «Жизнеописания Кимона» Плутарха (XII, 2) мы узнаем, что приблизительно в 460 году Кимон приказал расширить и оснастить палубами триеры своих предшественников, чтобы в 459 году потопить триеры кипрского флота. Результатом всего этого стали всевозможные модификации парусного вооружения, палубных надстроек, фальшбортов, длины и расположения весел. Это можно заметить, сравнивая погребальную стелу Деметрия, сына Алексия, родом из Кизика (около 370 года, находится в Глиптотеке в Мюнхене), с погребальной стелой Макарта с Делоса (конец IV века до нашей эры, находится на раскопках Пеллы в Македонии): на обеих представлена полутриера, изображенная со стороны носа, с форштевнем в виде лебединой шеи, тараном в форме трезубца и выступами по бокам. Но какие разные пояса прочности, пропорции корпусов, в соотношении высоты палубы и кормовой скульптуры*. Филипп Македонский (356—336), собиравший у себя всех изобретателей и художников греческого мира, никогда не забывал о морских инженерах из Сиракуз и Ки-

* Речь идет о так называемой *aplustre* (лат.), изогнутой и разукрашенной части корабельной кормы.

пра, способных строить с начала IV века до нашей эры корабли с тремя рядами весел, подобные триерам, но с большим числом иначе расположенных гребцов. За образец они взяли триеры своих конкурентов и самых ближайших врагов, финикийцев и карфагенян, которые сами были выходцами из финикийского Тира.

В то время как на греческих монетах IV века до нашей эры, например, из Киоса, Синопа и Фаселиды, никогда не изображался весь корабль, но, как правило, лишь его носовая часть, монетные дворы Финикии в Сидоне, Библосе и Арваде (Араде) вплоть до 332 года чеканили серии монет, представлявшие триеру целиком. Именно эти монеты вместе с вотивным глиняным приношением и несколькими оттисками печатей на комках глины, найденными в сокровищнице дворца в Персеполе, позволяют нам оценить оригинальность и превосходство финикийских триер на момент похода Александра. Вот их основные характеристики: нет боковых выступов (*parexeiresia, apostis*; по-английски *outrigger*); непрерывный фальшборт, состоящий из круглых щитов; палуба шириной не менее 6,5 метра, на которой способны разместиться пятьдесят бойцов; под палубой три ряда расположенных со смещением друг к другу гребцов; более высокая посадка на воде; башневидная корма с веерообразным украшением; антропоморфная носовая фигура (пигмей, стрелок, Победа); огромный таран; общую длину можно оценивать в диапазоне от 36 до 37 метров. Естественно, обладая более широким и высоким корпусом, финикийские мастодонты были, несомненно, медлительнее узких греческих триер, но они были также прочнее, устойчивее, надежнее и, что самое главное, были способны одновременно сражаться и перевозить большое число бойцов. Ведя свое происхождение от «круглых кораблей», они сохраняли свое двойное преимущество по мощи и вместимости. Но, плавая на протяжении столетия в африканских и иберийских водах, они могли рассчитывать на успех при встрече с легкими кораблями

* Греческий термин, означавший грузовой корабль; еще встретится и будет пояснен ниже (в разделе о понтонных мостах).

Эгейского и Тирренского морей, лишь прибавив в скорости. Неизвестно где (в Сидоне или скорее в Карфагене?) и неизвестно когда (около 400 года?), финикийцам пришло в голову посадить за одно весло двух гребцов, сначала на самый верхний уровень гребных скамеек, а потом — на средний. Так появились квадриемы, или корабли с четырьмя рядами гребцов, по-гречески *tetereis*. Это не означает, как считалось долгое время, что с каждого борта было по четыре яруса весел, а лишь то, что взгляду, направленному с палубы на команду гребцов, открывались четыре ряда гребцов с правого борта и четыре — с левого. Точно так же и квинкверемы, по-гречески *pentereis*, распределяли свои пять продольных рядов гребцов по двум или трем уровням, то есть три человека на одно весло верхнего яруса и два человека на весло нижнего яруса, или два плюс два плюс один, если галера насчитывала три этажа гребцов. Естественно, длина весел возрастала вместе с шириной судна, а прибавка в скорости могла составлять от пятнадцати до тридцати процентов, учитывая дополнительное усилие, сообщавшееся каждой лопасти весла двумя или тремя сильными мужчинами.

В 398 году Дионисий Сиракузский противостоял карфагенскому флоту с «четырёх- и пятирядными» кораблями (имеются в виду ряды гребцов). Около 390 года Эвагор, греческий царь Саламина на Кипре, принимает на вооружение «пятирядный» корабль, на протяжении всего века использовавшийся во флотах Сидона в Финикии. Когда в 333 году Мемнон с Родоса, а затем Фарнабаз, его шурин, бросили в бой против островов Эгейского моря 300 боевых кораблей азиатского флота, триеры Греческого союза сразу стушевались и сочли благоразумным рассеяться. Насущной необходимостью для греков, и особенно для афинян, сделалось строительство чего-то иного. В 332—331 годах, в то время как войско Александра оказалось обеспеченным всеми «пятирядными» судами с Кипра и из Сидона, арсеналы Зеи и Пирея пустили в серию «четырёхрядные», а затем и «пятирядные» суда. В 330 году в их инвентарях числились 18 *тетрер* против 492 *триер*; в 325 году — 50 *тетрер* и 7 *пентер* против 360 *триер*; в

323 году к участию в Ламийской войне было привлечено 40 *тетфер* и 200 *триер*. Одним из следствий морских операций вокруг Тира в августе 332 года стало полное изменение концепции средиземноморских флотов. В конце века новые квадриемы длиной 38 метров были укомплектованы, возможно, 232 гребцами, а квинкверемы — 286 гребцами. Строились галеры, имевшие от семи до тринадцати рядов гребцов, которые, поставив ноги на упоры, изо всех сил налегали на весла трех ярусов.

В том же веке был построен и получил распространение загадочный боевой корабль *hemiolia*, то есть «полуторарядное» судно. Самый старый пример такого корабля появился в следующем военном контексте: военачальник Фалек, стоявший во главе фокейцев в районе Дельф, использовал *hemioliai* в 346—345 годах (*Диодор*, XVI, 61, 4). Агафокл Сиракузский использовал их во время ночного рейда на Мессину в 315 году, а тиран Аристоник — в рейде против Хиоса в 332 году. Шестью годами позже Александр приказывает построить большое число «полуторарядных» кораблей на Джеламе (античный Гидасп) в Индии (*Арриан*, VI, 1, 1). Вообще-то их считали пригодными для пиратских набегов. За неимением определенных изображений нам приходится делать заключения на основе упоминаний историков и лексикографов, что речь здесь идет о корабле с низкой посадкой, легком, узком, беспалубном и открытом, с одним ярусом гребцов, распределенных, вероятно, исходя из двадцати шести весел с каждой стороны: в передней половине с веслом управлялся один человек, в задней половине — двое. Итого всего 78 гребцов, способных при высадке десанта незамедлительно превратиться в бойцов. При обычном интервале в 0,9 метра между скамьями этот прототип нынешней шлюпки мог достигать в длину от 30 до 31 метра и плыть так же быстро, как корабли с плоским дном и пятью рядами гребцов, развивавшие до 9,5 узла (17 километров в час) — на узел меньше, чем наши парусные яхты в соревнованиях.

Понятен страх, который, вероятно, испытывали впечатлительные люди при приближении таких су-

дов — с носа были видны только парус и торчащие в стороны весла (*Теофраст* «Характеры», XXV, 2). Во всяком случае, это было идеальное оружие для внезапных набегов и отступлений. Позднее, но как минимум до 304 года, родосские кораблестроители сдвоят гребной ярус и посадят на половину весел по три гребца. Это судно назовут *triemiolia*, «трижды по полтора». Ника Самофракийская, шедевр Пифокрита Родосского (190 год), украшала настоящую триеру с боковыми весельными выступами, а вовсе не такой вот пиратский корабль.

Арриан (VI, 1 и 2), ссылаясь на «Записки» царя Птолемея, сообщает, что для спуска по течению Джелама и Инда в 325 году в большом числе были снаряжены тридцативесельные корабли, корабли «двухрядные» (*dikrotoi*), «полуторарядные» (*hemioliai*) и *kerkouroi*, которые сооружали и которыми правили финикийцы, киприоты, карийцы и египтяне, сопровождавшие греко-македонское войско. Какими были эти спешно построенные суда, которые на быстрине в месте слияния Джелама и Чинаба испытали трудности, потому что их весла располагались около ватерлинии? (*Арриан*, VI, 5, 2). Тем не менее они считались самыми прочными из всех 1800 кораблей (*Арриан*, VI, 18, 3). По всей очевидности, если верить Геродоту (VII, 97), Плинию Старшему (VII, 56), античным папирусам и лексикографам, *kerkouros* был кипрским кораблем с парусом и веслами, служившим в основном для перевозки товаров и путешественников между сиро-килийским побережьем и берегами Нила. Согласно грекам, свое название он получил оттого, что корма его напоминала поднятый хвост. И в самом деле его название напоминает ассирийское *gurgurru* и финикийское *kirkarab*. Тут же вспоминаются изображения сирийских кораблей в гробнице Кенамона, корабли *mn*? (из страны Менуш) из храма Рамсеса II в Абидосе и, наконец, редкие изображения кипрских кораблей архаичной эпохи: все они характеризуются наличием высокой вертикальной кормы (поднятый хвост, о котором говорят этимологи!) и непрерывной линией поперечных решеток на планшире. Не стоит также забывать,

что Александр привез в Индию кипрских корабелов и что кораблями Кипра, спускавшимися вниз по Инду в 325 году, командовали Никокл, сын царя Сол, и Нитафон, сын царя Саламина, что на Кипре (*Арриан. Индика*, 18, 8). Царь Эвагор, его предок, собирал макеты кораблей. И здесь уже упоминавшийся г-н Л. Баш привлекает наше внимание к очень странному судну с берегов Индийского океана, называемому *dungiyah*, о котором капитан Эдмон Пари писал в 1841 году: «Считают, что эти корабли, самые старинные в Индийском океане, восходят ко времени экспедиции Александра Македонского; их вид ... заставляет полагать, что они сохранились без изменения, и совершенно непонятно, как они могут еще использоваться» («*Essai sur la construction navale des peuples extra-europeés*». Paris, 1841. P. 11, 12). Эти суда длиной от 13 до 15 метров встречались на берегах Персидского залива, Аравии, Бомбея и устья Инда как минимум до 1930 года, когда удалось сделать несколько их фотографий, находящихся ныне в Национальном морском музее Гринвича.

Хотелось бы иметь возможность полностью привести здесь текст адмирала Пари, касающийся *dungiyah*, а также *baggala* и *budgerow*, которые иногда путают с первым судном, чтобы понять, в каких условиях могли жить спутники Неарха и Онесикрита во время спуска по течению великих рек и плавания по Индийскому океану в ноябре и декабре 325 года. Но довольствуемся лишь несколькими яркими фразами. «Часто они толпами прибывают в порт Маската, салютуя выстрелами из камнеметов, вымпелами и флагами счастливое завершение путешествия, которое могло бы быть опасным в связи с их несовершенством, хотя они плавают лишь при покровительстве муссона. На их корме непомерной высоты находится полуют с двумя палубами, наклоненный еще сильнее, чем носовая фигура... так что подчас по нему довольно трудно ходить. Полуют окрашен в черный цвет, украшен скульптурами, в нем проделано несколько люков... Конструкция этих кораблей тяжелая и громоздкая: двойные шпангоуты редкие и очень толстые, но пло-

хо пригнаны, а некоторые даже не отесаны... Внутренней обшивки нет, и с обеих сторон имеется лишь по два пояса обшивки. Нижние части, однако, довольно красивы и похожи на наши, за исключением соотношения длины и ширины, которую, при отношении 3 к 1, можно рассматривать как одну из наиболее прочных... Дерево планшира поднимается над водой не более чем на метр, а при загрузке даже на 0,5 метра. Вверху эта часть заканчивается крепкой горизонтальной доской, в которую входят концы шпангоутов. Она пронизана прямоугольными отверстиями, куда входят шесты, поддерживающие оплетку... из пальмовых листьев, расположенных горизонтально и поддерживаемых маленькими вертикальными рейками... Эти суда имеют, как правило, одну мачту, иногда превосходящую длиной сам корабль... Парус меньшей ширины и с меньшей шкаториной, чем парус *baggala*, потому что рея никогда не бывает длиной с корабль, а также потому что она сильнее наклонена... Длинные шесты на корме несут флаги и большие деревянные флюгеры... Плавают эти корабли плохо, быстро приходят в негодность и часто ломают мачты... Их ходкость не столь плоха, как можно подумать» («Essai sur la construction navale...». Paris, 1841. P. 12, 13). И таким кораблям вверяли свои жизни тридцать человек, располагавших на случай аварии лишь небольшим сменным парусом и пирогой-однодеревкой вместо шлюпки.

Морские орудия

Одним из крупных новшеств флота Александра, действовавшего в 332 году совместно с сухопутным войском, было использование морских метательных орудий. В этом году командующий флотом повелел установить на кораблях, осаждавших город Тир, мощные катапульты (*oxibeles*) и камнеметы (*petroboloi*), а чтобы придать кораблям большую устойчивость, приказал соединить их попарно. В предыдущей главе мы уже видели, что инженер Диад из Пеллы разместил даже арбалеты и баллисты в деревянных башнях на спаренных

кораблях. Если вдуматься, это была невероятная дерзость. Потому что на этот раз задача, которую предстояло разрешить, заключалась не столько в дальности стрельбы, сколько в ее точности в условиях постоянно беспокойного моря. В разгар лета, когда внезапно начинали дуть северные ветры аквилоны, корабли испытывали три вида качки: резкий разворот в горизонтальной плоскости, килевую качку в вертикальной плоскости, бортовую качку или крен с одного борта на другой — именно эта последняя качка была наиболее ощутимой даже на спокойном море, учитывая очень высокое соотношение длины к ширине античных галер, у триер афинского типа — более семи. Бортовая качка приводила к постоянному смещению в сторону острия дротика катапульты то к левому, то к правому борту, и стрелки могли вести эффективную стрельбу, лишь когда катапульты и цель находились в одной вертикальной плоскости. Ловкость заключалась в выстреле в цель до того, как она окажется на траверсе, что влекло за собой рассеивание стрел по зоне, имевшей форму вытянутого эллипса, аналогичного форме триеры. Ступенчатое расположение гребцов внутри корпуса галеры, в которую производилось прицеливание, увеличивало число жертв от каждого выстрела. Малейших изменений в прицеле катапульты, как, например, вызванное гребком поднятие носа, было достаточно для перелета или недолета. Для исправления этих неудобств морские инженеры, уже располагая судами с практически плоским дном, а следовательно, более устойчивыми, соединяли их словно поплавки катамаранов, убирали все рангоуты, покрывали фальшборты высокими планширами, бронированными металлом, в то время как метательные машины, обслуживавшиеся все возрастающим числом воинов, концентрировались на одной-единственной цели. Падавшие практически вертикально стрелы пирамидальной формы с металлическими наконечниками имели большую проникающую силу, пробивая не менее 5 сантиметров древесины туи, из которой делались верхние палубы. Во времена Юлия Цезаря стрелы катапульт пробивали 30 сантиметров массивного дуба. При одном гребце на

весле даже один раненый заставлял весь борт сбиваться с ритма, путал лопасти, резко пресекал порыв устремившегося в атаку корабля. Наоборот, меньшее число ярусов гребцов и большее число людей, управлявшихся с одним веслом, сокращали риск подобных нарушений в случае внезапного попадания метательного снаряда. Вывод: именно массовое использование метательных машин вынудило изменить форму и оснащение галер после осады Тира и Газы.

Другие новшества

Стоит ли рассматривать некоторые другие нововведения на флоте после той осады? Оставив в стороне все операции по возвращению под свой контроль кораблей и arsenалов на островах Эгейского моря; преобразование части военного флота в торговый в двух портах Александрии, перевалочном пункте, и установку разобранных на части кораблей на повозки, чтобы перевезти их через пустыню, мы имеем три следующих новшества: конопачение корпусов битумом, использование местных флотилий на реках Африки и Азии, широкое использование плотов и иных плавсредств на Среднем Востоке.

Известно, что деревянные корпуса триер требовали громадного количества набивочного материала, пакли и конопляных волокон, которые должны были препятствовать проникновению воды, а еще больше вара, чтобы предупредить течь, гниение, древесных жучков. Также мы знаем, что служащее для конопачения смолистое связующее вещество на средиземноморских рынках, особенно в Делосе, стоило очень дорого, на уровне с пшеницей, пурпуром и драгоценными металлами. Приходилось постоянно скоблить, ремонтировать, смолить эти «темноносые» корабли*, которые тем более приходили в негодность, что практически каждый вечер их вытаскивали на песчаные и галечные пляжи. До самого недавнего времени для проведения

* См.: Одиссея, III, 299.

ремонтных работ пустое судно, в отсутствие доков, укладывали на бок, конец реи прикрепляли к мачте, служившей точкой опоры, и конопатили. Всё изменилось, когда греческие и левантийские моряки, участники похода Александра, обнаружили огромные запасы битума, сочившегося сквозь сланец на берегах Мертвого моря и вдоль всего течения Тигра и Каруна до самого их устья и использовавшегося уже многими поколениями греческих торговцев, в то время как местные жители пропитывали им свои корабли и скрепляли дома. Вместо очень дорогого природного вещества, — поскольку вар приходилось готовить выпариванием его из смолы сосны и ели, которые в Греции не росли, — в распоряжении конопатчиков внезапно оказалось минеральное природное вещество, более богатое углеродом, более вязкое и по лучшей цене, чем вар хвойных пород дерева. Понятно, какую великую пользу извлекли из этого строители кораблей во время похода и особенно торговцы по его окончании. Это был вновь открытый рынок, переживавший рост, пока контроль над ним не захватили римляне в интересах своего собственного флота.

После осады Газы в ноябре 332 года значительная часть войска поднялась вверх по течению Нила на лодках до Мемфиса (*Арриан*, III, 1, 3), а два месяца спустя царь, его конница и все греки-наемники, которые собрались строить Александрию, вновь спустились по реке на лодках. В это время года Нил мелководен. Рядом с транспортными судами с Кипра и Сидона, послужившими при осаде Тира и Газы, появились *baris* из акации, лодки из папируса в форме ковша, и какие-то из тех кораблей-корзин, *nebout*, сплетенных из прутьев и служивших местным жителям с незапамятных времен. В болотах вокруг Александрии и для сообщения между двумя портами колонисты использовали канозы или пироги тех, кого греческие романисты называют пастухами или волопасами, *boukoloi*, дельты Нила: «Здесь могут плавать только челноки на одного человека, поскольку любое иностранное судно увязает в иле. Они маленькие и легкие, у них очень мелкая осадка. Если воды нет, пастухи взваливают свои лодки на спину и

несут их до того места, где вода есть. В этих озерах разбросано несколько островов... заросших папирусом» (*Ахилл Татий Левкитта и Клитофонт*, IV, 12). Я не утверждаю, что армия Александра приняла на вооружение такие суда, чтобы сохранить весь свой военный флот, собранный в Средиземном море. Я хочу лишь сказать, что воины, которым предстояло внезапно форсировать широкие реки Азии, на берегах Нила учились быстро строить примитивные плавсредства, о которых уже забыла их цивилизация, плести или сшивать непромокаемые лодки.

Едва добравшись до берегов Евфрата, который они должны были форсировать по двум понтонным мостам в июле 331 года (*Арриан*, III, 7, 1; *Квинт Курций*, IV, 9, 12), напротив Тапсака (ныне Джераблус), они были удивлены, точно так же, как и все путешественники от Геродота до наших дней, «местными судами» (*gouffa*) круглой формы и целиком из кожи. «Их изготавливают в районе Армении, выше Ассирии. Шпангоуты делают из ветвей ивы. Снаружи на них натягивают, как на ребра, оболочку из кожи... Кораблю придают закругленную форму, похожую на форму щита, его целиком обкладывают тростниковыми стеблями и дают возможность скользить по воде нагруженным товаром... управляется он двумя людьми, которые гребут стоя... Некоторые лодки очень широкие... На каждой находится живой осел» (*Геродот*, I, 194). Греки также обнаружили эти лодки в Вавилоне, обмазанные битумом, и неоднократно использовали их, чтобы преодолеть Тигр, имеющий около Багдада ширину в 500 метров и устремленный вперед, подобно наконечнику стрелы, поскольку таково, в переводе с персидского, название этой широкой реки.

Понтонные мосты

Весной 327 года отряд Гепестиона вместе с Пердиккой, предваряя в Индии основную часть войска, получил приказ собрать максимальное количество провизии и построить достаточно барж или шлюпок

для переправы через Инд. Две недели спустя, захватив считавшуюся неприступной цитадель Пир-Сар (Аорн), царская армия дошла до Удабханды (Охинда) и обнаружила корабли на тридцать гребцов в готовом состоянии, а русло реки уже перегороженным понтонным мостом (*Диодор*, XVII, 86, 3). Арриан (V, 7 и 8, 1) прилагает много усилий, пытаясь описать конструкцию подобного моста на Инде, то ли на персидский манер, то ли на римский, но подобные мосты еще сегодня можно встретить в Пакистане, например в Наушахре на реке Кабул в 43 километрах восточнее Пешавара. Речь идет об узких и длинных беспалубных лодках, способных плавать в двух направлениях. Их сцепляют друг с другом борт к борту и удерживают на месте с помощью двух прочных канатов, соединяющих два берега. По центру лодок устраивают настил шириной от 4 до 5 метров, с двух сторон огражденный перилами и устланный резаным тростником. Мост достаточно прочен и гибок, чтобы выдержать вес индийских слонов и уж тем более конную илу или воинов трех синтагм фаланги, построенных в колонну по четыре. Именно этот тип лодок, вероятно, лишь с более высокими бортами, составлял основу тысяч судов, которые предоставили в распоряжении Великой армии цари Амбхи и Паурава, чтобы преодолеть Пять Рек Пенджаба: Джелам, Чинаб, Рави, Сатледж, Биас и проплыть по Инду до моря (*Квинт Курций*, IX, 3, 22). Разобранные плавсредства армия перевозила на повозках (*Квинт Курций*, VIII, 10, 3; *Арриан*, V, 12, 4). При своем выступлении из Никеи по Джеламу в ноябре 326 года флотилия насчитывала 80 тридцативесельных кораблей, 34 триеры, несколько более маленьких галер (кипрские *kerkouroi* и *hemioliai*) и сотню лодок (*Диодор*, XVII, 95, 5; *Арриан*, VI, 1, 1 и 2, 4, на основании Птолемея, сына Лага), но эти 200 единиц далеки от двух тысяч и даже 1800 судов, о которых пишут достойные доверия источники. Большая часть плавсредств — это «круглые корабли», считавшиеся транспортом для перевозки конницы, к великому удивлению местных жителей (*Арриан*, VI, 3, 4), паромные лодки, *porthmeia*, и даже сами паромы, *ske-*

diai (Плутарх «Жизнь», 63, 1). Диодор, основываясь на сведениях Клитарха, упоминает 800 шлюпок, *hyperetika*, управлявшихся местными жителями (XVII, 95, 5 и 97, 1; *Арриан*, VI, 18). Вывод: 200 средиземноморских кораблей против 1600 местных баркасов и лодок. Войско максимально использовало местные ресурсы, весьма превосходящие его собственные.

Плоты и поплавки

«Сам он двинулся к Акесину (“Черной реке”, то есть Чинабу). Ширину только одной этой реки упомянул Птолемей, сын Лага (будущий царь Египта). В том месте, где Александр со своим войском переправился через нее на судах и на мехах (*diphtheron*), река течет стремительно, среди высоких и острых камней; вода, с силой ударяясь в них, бурлит и вздымается волнами, ширина ее здесь 15 стадиев (2700 метров). Те, кто плыл на мехах, переправились легко; из тех же, кто погрузился на суда, немало людей утонуло, потому что многие суда наскакивали на камни и разбивались» (*Арриан*, V, 20, 8—9). Вероятно, этот же свидетель рассказывает, как в июле 329 года, не имея возможности переправиться через Окс (Амударью) по деревянному мосту по причине большой ширины реки (1100 метров!) и быстрого течения, а более всего по причине отсутствия материалов, «Александр приказал собрать шкуры (*diphtherias*), служившие солдатам палатками, наполнить их как можно более сухим сеном, закрыть и зашить как можно крепче, чтобы не дать туда проникнуть воде. Заполненные сеном и зашитые, они служили таким образом всей армии на протяжении пяти дней» (*Арриан*, III, 29, 4). Квинт Курций (VII, 5, 17) пишет проще: «Он раздал воинам все имевшиеся у него меха, набитые соломой; те, лежа на них, переплывали через реку; переплывшие первыми несли охранную службу, пока не переправились остальные. Так он переправил все войско на противоположный берег только на шестой день». Это произошло в 70 километрах к северу от Бактры, немного ниже античной Тармиты (Термеза) и,

вероятно, на одном уровне с Чушка-Гузар (Навидах арабских географов): именно здесь, на пути в Самарканд и Туркестан, тысячелетиями переправлялись через реку путешественники. Таким же образом войска Александра переправились через Яксарт (Сырдарью) в 50 километрах от Ташкента в сентябре 329 года. Только на этот раз нам сообщают, что бурдюки, о которых идет речь, поддерживали плоты и что платформы были достаточно прочными и широкими, чтобы выдержать лошадей, и достаточно устойчивыми, чтобы метать с них тяжелые стрелы из катапульта (*Квинт Курций*, VII, 9, 2—8; *Арриан*, IV, 4—5).

Джеймс Хорнелл в книге «Водный транспорт» (*Hornell J. Water Transport*), вышедшей в Кембридже в 1946 году, приводит огромное число примеров переправ через реки на подобных поплавах в Индии, Афганистане, Кашмире, Тибете, Туркестане, Китае, происходивших не только во времена колониализма, но и в наши дни. Особенно хорошо они известны в верхнем бассейне Инда под названием *sarnai* и *zak* и в бассейне Амударьи под названием *massaks* — именно там, где их упоминают историки Азиатского похода Александра. Только историки несколько романтизируют или драматизируют положение вещей, поскольку речь в основном идет не о палаточном полотне, набитом соломой, а о бурдюках, сделанных из необработанных шкур коз, яков и быков, наполненных воздухом, собранных по четыре, шесть, восемь или шестнадцать и несущих на себе бамбуковый и тростниковый плот. Этими плотами управляли с помощью лопатообразных весел, а иногда их приводили в движение несколько людей, которые ложились на бурдюки на живот и болтали ногами в воде. Такие плавсредства хорошо служили как паромщикам, так и тем, кому надо было перевезти по реке тяжелые грузы. Кроме значительной экономии, они имели еще и то преимущество, что легко разбирались, сдувались, перевозились и позволяли быстро переправиться через быстрины и скалистые пороги, на которых разбивались деревянные лодки. Теперь понятно, почему греческие и латинские тексты пишут о судах из двух или трех частей, а также почему

войско Александра было способно незамедлительно и без наведения мостов переправляться через самые широкие и опасные реки Азии. Стоило бы написать целую книгу о постоянном использовании плотов в античном морском деле, как и о сплаве леса, когда ценные породы дерева доставлялись из Трапезунда в Византий по Черному морю на поплавах, сделанных из толстых балок, укрепленных горизонтально и поддерживаемых бурдюками или глиняными кувшинами. Благодаря плотам африканские слоны в III веке до нашей эры дошли до полей сражений в Сицилии; на подобных плотях, которые греческие тексты описывают самым красноречивым термином *skhedra*, то есть «то, что твердо держит», колоссальные статуи из наксосского мрамора прибывали в Делос или на фалерский берег. Греки не могли бы стать морским народом, если бы не умели на протяжении всей своей истории строить и управлять подобными плотями. Во всяком случае, достоверно то, что для проведения под Джелампуром решительной битвы, которая должна была в мае 326 года подчинить Александру весь север Индии, союзническая армия не только сама переправилась через Джелам на плотях, но и переправила всех своих слонов (*Квинт Курций*, VIII, 13, 11—25).

Сплав по крупным рекам

И вот все гражданские лица, обозные и часть конницы стали после муссона в декабре 326 года лодочниками, гребцами, матросами, речниками, а вскоре и моряками. В Никее около Джелампура флотилия из 200 кораблей, о которых мы уже писали, за 60 дней была отремонтирована и построена из ароматного кедра, смолистых сосны и ели, сплавленных из Гималаев. Команда в основном состояла из островных греков, ионийцев, карийцев, киприотов, финикийцев, египтян, сопровождавших войско и имевших глубокие познания в мореплавании. Рулевых и сигнальщиков дублировали индусы, знавшие проходы, быстрины и излучины Пяти Рек и Инда. Именно они руководили 1200

лодками и плотами, предназначенными для переправы около трети экспедиции, включая женщин и детей. Две другие трети двигались пешком, верхом или на спинах слонов по берегам Джелама, в древности Гидаспа. До отправления царь распределил среди своих приближенных соратников и союзников командование над 34 триерами и назначил адмиралом Неарха, сына Андротима, советника Филиппа II. Эта семья моряков происходила из города Лато на Крите (сегодня маленький порт Агиос-Николайос) в бухте Мерабелон. Именно Неарх еще прежде рулевого царского корабля Онесикрита и мемуариста Клитарха снабдил историков самым подробным рассказом о сплаве по великим рекам — 1400 километров — и о плавании по Индийскому океану от одного из рукавов в устье Инда около Карачи до одного из рукавов в устье Тигра около Абадана. Именно его рассказ в кратком виде представляет Арриан в VIII книге своего «Анабасиса», озаглавленной «Индика», то есть «Индийские дела»*.

Как и положено, отъезду предшествовало большое искупительное жертвоприношение. Царь, для которого это было второе морское посвящение и который мечтал увидеть великий Океан, опоясывающий мир, принес торжественное жертвоприношение богам своей родины, тем, на кого указали прорицатели, Посейдону, Амфитриту и nereидам, греческим божествам воды, самому Океану, а также Гидаспу, Акесину и Инду, по бурному течению которых ему предстояло спуститься. Он устроил музыкальные и гимнастические состязания, за которыми последовал пир для целого войска. Сев на корабль, царь сделал то, что делали все греческие капитаны, когда выходили в море: совершил жерт-

* Достаточно спорное утверждение, поскольку, хотя описание Индии и возникло в ходе работы Арриана над историей Александра, однако представляет собой самостоятельную работу, о чем он сам ясно говорит в «Анабасисе» (V, 5, 1). А вот событиям после Александра (323—321 годы) Арриан действительно посвятил особое, недошедшее до нас сочинение, так что продолжением истории Александра скорее следовало бы считать его.

венное возлияние вина из золотой чаши для недоверчивых божеств воды, которую он собирался покорить, еще одно — Гераклу, своему предку, одно богу Амону, своему отцу, и последнее — прочим богам своей семьи. Затем труба подала сигнал к отправлению. Каждое судно заняло свое место — военные корабли впереди, следом транспорты для лошадей и, наконец, шлюпки и лодки, которым было запрещено покидать свои места, чтобы не создавать беспорядка и толкотни. Отплывали в строгом порядке, в сопровождении весельного плеска и пения гребцов в корабельных трюмах. По берегам реки долго звучало эхо. Местные жители некоторое время с песнями следовали за этой флотилией, в которой находилось столько их соотечественников (*Арриан*, VI, 3, 2—5).

Плавание к морю длилось семь месяцев, прерываясь всевозможными злоключениями. Незадолго до слияния Джелама и Чинаба берега Джелама сужаются и вода с ужасным шумом устремляется между скал. Рулевые не в состоянии были править кораблями, которых крутил водоворот. Два тридцативесельных корабля разбились. Не в силах удержаться на ногах, воины цеплялись за что попало или падали на палубу. Царь, который не умел плавать, разделся и ждал неминуемой смерти, между тем как друзья готовились его выловить из воды, если бы флагманский корабль опрокинулся. Наконец, непонятно как, пороги были пройдены. Индийские рулевые отталкивались лопастями весел от скал и соседних кораблей, когда те подходили слишком близко, угрожая столкновением. Некоторые суда садились на мель вдоль берегов Чинаба, в бьефе современной плотины Эмерсон. Наконец прошли все корабли. Отдых. Устранили последствия аварий. Спасшись против всяких ожиданий, царь принес жертвы богам. Каждый день суда проходили приблизительно 40 стадиев, то есть около 7,5 километра, чтобы дать войскам высадиться, когда это позволяли берега, и подождать воинов, всадников и слонов, сражавшихся с местными жителями по обоим берегам реки. Если представлялась возможность, окружали заботой и подлечивали раненых, заболевших, отставших. А таких хватало. Прежде

всего тех, кого покусали змеи с металлическим отливом из района Никеи, гребенчатые гадюки, или раздавленных огромными индийскими питонами длиной от 7 до 10 метров. Были такие, кого убили палицами обитавшие на границе Пенджаба и Синда шивасы, одетые в звериные шкуры. Были и те, кто просто поцарапался отравленными дротиками фанатиков из страны брахманов на правом берегу Инда. Наконец, оказался среди них и сам бесшабашный царь, считавший, что один сможет взять крепость кшудраков: его пришлось целых семь дней лечить на борту, а сам он лежал без движения, между жизнью и смертью. Давали о себе знать дизентерия и чесотка, не давали покоя ужас и страх.

Но бывали и развлечения, а когда течение позволяло, приятно было медленно скользить по воде. В паузах наши моряки, бывало, ловили обезьян, особенно макак, которые быстро становились ручными. Клитарх, собиравший рассказы ветеранов Великой армии, описывал, как охотники на глазах у обезьян намазывали себе веки патокой из сахарного тростника, а потом оставляли на видном месте горшочки с клеем, которым и замазывали себе глаза несчастные подражатели (*Диодор*, XVII, 90, 1—3; *Страбон*, XI, 1, 29; *Элиан*. О природе животных, XVII, 25). Чтобы поймать этих лукавых компаньонов, которым готовилась роль забавных корабельных талисманов, существовало и множество других уловок, например сандалиии с подвохом или зеркала. Греки и туземцы участвовали в соревнованиях, которые устраивали в войске, в гладиаторских боях, испытаниях факиров, травле собаками диких зверей, дискуссиях между индийскими аскетами и греческими эрудитами, каковыми являлись, например, Дандамис и Онесикрит. Стоит ли включать в число пауз и развлечений основание таких городов, как Александрия Опиенская около Ушха, на берегу Сатледжа, или Александрия Согдийская около Раджанпура, для которых были набраны десять тысяч колонистов из числа местных жителей и уставших мореходов? Или прибытие тридцативесельных кораблей и шлюпок к независимому народу кшатрасов? (*Арриан*, VI, 15, 1). Вероятно, это была

столь же славная операция, как и переправа с одного берега Инда на другой около Суккуна, к северу от Мохенджо-Даро, отряда Кратера со всеми его лошадьми и слонами. В этом месте в половодье река достигает более 1500 метров в ширину. Но неизвестно, была ли эта переправа осуществлена при помощи понтонного моста, баркасов или на плотках, поддерживаемых тысячами бурдюков.

Экспедиция Неарха

Наконец флот пришел в Патталу (около Татты, 155 километров к востоку от Карачи?) в начале дельты Инда. Да и пора уже. Половина кораблей сгнила. Начались практически безостановочные муссонные дожди. Люди были изнурены. О состоянии женщин и детей, сгрудившихся на крошечных джонках, страдавших от лихорадки и недоедания, нам не сообщают, поскольку рассказчиков интересуют лишь заботы несчастных героев-мужчин и поскольку история, как и война, всегда была исключительно мужским уделом. Всё, что мы теперь знаем, — это то, что царь (всегда и всюду лишь он) велел построить порт, причалы и доки там, где разделяются два главных рукава реки. В его флоте слишком много торговых кораблей и купцов, чтобы можно было не оказать им поддержки в захвате двух огромных потенциальных рынков — в Индии и в Персидском заливе. А поскольку Океан, как утверждают, опоясывает землю, ясно, что одни и те же воды омывают берега Индии, Вавилонии и Аравии. Как только Патталу укрепят, она будет играть на границе Индии и пустыни ту же роль, что и египетская Александрия на границе долины Нила и Сахары.

Когда работы по укреплению нового речного порта продвинулись достаточно далеко, а хранилища наполнило конфискованное у местных жителей зерно, когда гребцы заявили, что отдохнули и повеселели, самые быстрые и хорошо проконопаченные триеры и полуторарядные полутриеры спустились по западному рукаву дельты. Царь и его гетайры хотели, нако-

нец, увидеть море и изучить возможность плавания среди болот. Представьте себе их крайнее удивление и беспокойство, когда утром третьего дня они внезапно обнаружили сперва отлив, а затем ужасающий прилив Индийского океана при муссоне. Лишь с крайним трудом смогли они укрепиться на острове Киллута, превратившемся с тех пор в илистый берег, и на скалистом холме Абу-Шах. По крайней мере однажды корабли оказались лежащими на боку, и повсюду виднелись разбросанные весла и снасти. «Корабли опрокидывались: одни на нос, другие на борт. Берега оказались завалены снаряжением, оружием, обломками досок и весел. Воины не решались ни выйти на сушу, ни оставаться на кораблях, все время ожидая новых, более страшных явлений. Им не верилось, что они сами видят все происходящее с ними: кораблекрушение — на суше; море — в реке» (*Квинт Курций*, IX, 9, 20—21). Вновь принесли жертвы богам. На следующее утро прилив поднял лодки. Главная галера доплыла до приливной волны. На горизонте больше не было видно ни одного островка. Царь, убежденный, что наконец достиг края обитаемой земли, совершил возлияние из большой золотой чаши, затем бросил ее в море. Громким голосом молил он Посейдона спасти Неарха, его друга, и довести его целым и невредимым по своим водам до слияния двух рек, Евфрата и Тигра.

Время года, однако, не благоприятствовало навигации. Юго-западный ветер то и дело выбрасывал на берег корабли, стволы деревьев, китов. В течение нескольких дней разведывательная флотилия плавала по дельте во всех направлениях, отмечая возможные стоянки, фиксируя точки, в которых следовало прорыть колодцы и устроить доки по берегам. Затем корабли и конница вернулись в Патталу. После того как все суда, сочные бесполезными, сожгли, а лучшие корабли сидонского типа укрепили и проконопатили, завершилось и стартовавшее в начале июля строительство грузовых кораблей кипрского типа: их вооружили, снабдили провизией, но чтобы «поднять якоря», пришлось дожидаться конца октября 326 года.

Всего насчитывалось 120 кораблей, способных плыть по морю, имея на борту около десяти тысяч человек. Александр и его приближенные вот уже два с половиной месяца как направились к пустынным горам Гедрозии. Они основали Александрию Оритскую и подготовили как минимум одну якорную стоянку, пытаясь высмотреть с высоты обрывистого берега греческие корабли, но тщетно. Неарх, как истинный критянин, должен был в одиночку сражаться на море за пределами изведенного мира, чтобы стать свободным или умереть. Арриан (Индика, 20, 1—2) сохранил для нас начало «Записок» Неарха: «Александр имел страстное желание проплыть по морю, простиравшемуся от Индии до Персии. Но он боялся долгого путешествия, встречи с пустынными берегами, не подходящими для стоянок или недостаточно обеспеченными провиантом. Он говорил себе, что его флот там погибнет и что это будет задача, непосильная для его подвигов, способная разрушить все то, чего он добился. Однако более всего он желал осуществить несколько новых и неизведанных вещей». Между строк ясно читается: царь выказывал больше амбиций и тщеславия, чем храбрости и компетентности, великий поход был делом его воинов.

Между Патталой и морем не обнаружили ничего интересного, разве что гряды, вынудившую четырех тысяч моряков при низком приливе прорыть отводной канал длиной 900 метров возле устья реки. Средняя скорость прохождения судов на реке и на спокойном море вплоть до местоположения современного Карачи — 25 километров в день. «Этот порт был большим и красивым, и Неарх решил назвать его порт Александра» (Арриан. Индика, 21, 10). Позднее македоняне превратили его в свой основной торговый порт в Индии, устроившись на островке Бибакта (Барке у Юстина, XII 10?). Здесь сильный ветер задержал моряков на 24 дня. Они питались огромными моллюсками. Потом плавание возобновилось, продолжаясь иногда даже ночью. К востоку от устья Пурали, где никто из местных жителей, похоже, не знал о существовании Александрии Оритской, основанной довольно далеко

на материке, порыв ветра послужил причиной гибели двух триер и одной *kerkouros* типа *dungiyah*, которую мы уже описали. Другие корабли починили и запаслись провиантом на десять дней, собранным по приказу царя на берегу. Уставших моряков сменили отважные воины Леонната. Теперь плыли вдоль пустынного берега, на вид покрытого пеплом. Когда на него стало возможным высадиться, моряки были поражены, увидев самых отсталых на свете человеческих существ, совершенно заросших волосами, мохнатых, вооруженных лишь длинными, как когти, ногтями и длинными заостренными и обожженными на костре палками. Они были одеты в шкуры зверей и панцири морских животных. Питались они, судя по всему, одной рыбой и жили в хижинах, построенных из скелетов китовых. Это были те, кого все античные тексты называют ихтиофагами. Они встречались по всему берегу Гедрозии, на протяжении 700 километров.

Наших путешественников неоднократно охватывал страх. Далеко в море в середине дня они обнаружили, что больше не отбрасывают тени, и все семиты бросились поминать полуденного демона, уносящего вместе с тенями души, в то время как греки и киприоты верили в присутствие здесь сирен и nereид. Остров Кармин (соответствует Асталу, между современными мысами Джадди и Нух), в 100 стадиях от берега, считался посвященным солнцу и служил пристанищем nereид, губивших корабли и превращавших неблагоприятных людей в рыб. Отважный флотоводец велел совершить здесь высадку; его не остановило даже исчезновение, вместе с матросами и имуществом, одного из *kerkouroi*. У моряков заканчивалось пропитание. Местные жители, те же ихтиофаги, предложили морякам овец, откормленных мукой из сушеной рыбы. Также греки ели верблюдов, мясо различных китообразных, горькие финики. Больше всего их пугали киты, выпускавшие из дыхательного отверстия целые фонтаны воды. Рулевые советовали Неарху обратить огромных чудовищ в бегство громкими криками, бряцанием оружия и звуками труб.

Последние планы

При входе в Ормузский пролив всё изменилось. Главный порт Гармозия обязан своим названием финику, основному продукту Кармании. Но здесь выращивали также хороший виноград, пшеницу, ячмень, сахарный тростник. Жители рассказывали о золотых и серебряных рудниках, различных минералах, которые они добывали у Бахрейна и в глубине Персидского залива. Около современного Бендер-Аббаса командующий флотом поставил корабли на стоянку и поднялся по Хану до Сальмунта, где доложил полному воодушевления «совету гетайров» («друзьям») Александра, что существует прямой и быстрый морской путь из Суз и Вавилона до Индии. Все берега, все острова разведаны. Это новый мир, открытый для средиземноморской торговли через Оманский залив. «Царь пожелал узнать об этом больше и снова приказал им плыть вдоль берега, пока они не подведут флотилию к устью Евфрата, а оттуда подняться по реке до Вавилона» (*Квинт Курций*, X, 1, 16). Онесикрит, страстный исследователь, хотел сперва обогнуть Аравийский полуостров. Он робко намекал царю на всем протяжении 324 года, что для столь уставшего флота это был бы лучший выход из положения вместо того, чтобы барахтаться в грязи Каруна, гнить в болотах Евфрата и тащиться вдоль берега в Вавилон. Царь, мечтавший о всемирном господстве, говорит себе, что у него остался лишь один враг, которого следует победить: торговый флот Карфагена. Как в славные времена ассирийцев, в порт Тапсака приходили огромные караваны с кедром и сосной из Армении и Ливана. На Евфрате строились флотилия, такая же большая, как на Инде, и причалы на тысячу торговых кораблей в Вавилоне и в двух новых портах, в месте слияния Тигра и Евфрата. Обустраивали остров Икар, современную Файлаку. Неарху, получившему от царя золотой венец и женившемуся на дочери Барсины, будет поручено исследовать берега Аравии и возвратиться в Средиземное море через Красное, если даже для этого придется погрузить суда на повозки и так пересечь Суэцкий перешеек. Веками именно так люди пере-

секали Коринфский перешеек, а во времена аргонавтов — пустыню Сирт*. Морской путь был проложен до Ормузского пролива. Множество больших кораблей, курсировавших возле Пиратского берега, должны были повести флот к стоянкам Аравии, откуда привозили ладан, мирру, кардамон, жемчуг. Отплытие завоевателей намечалось на середину мая 323 года. Целую неделю царь исследовал рукава реки, питающие Вавилонский оазис. Он столь страстно интересовался третьей морской экспедицией, что обсуждал ее с Неархом еще за восемь дней до своей смерти. Он собирался погрузить на корабли войско и отправиться, чтобы проплыть кругом земли. Мы не грезим, мы не бредим, как царь, сотрясаемый малярийной лихорадкой. Все это описано в официальных документах, царских «Ежедневниках» и «Переписке», опубликованных Эвменом из Кардия, и об этом можно подробно прочитать у Арриана и Плутарха.

Что от этого осталось

Смерть прервала все планы. Или, вернее, она придавала развитию событий новое направление. Армия не погрузилась на тысячу своих кораблей. Она разделила судьбу военачальников, разорвавших Азиатскую державу на куски. Во время первого распределения провинций в 323 году Неарху достался юг Малой Азии, на котором он правил как сатрап десятью годами прежде. Мы обнаруживаем его в 320 году в ближайшем окружении Антигона I Одноглазого, сражавшегося с критянами за сохранение наследия Александра в целостности. В 314—313 годах он оборонял Сирию, находясь при юном сыне Антигона Деметрии. После этого упоминаний о нем больше нет. Можно предположить, что он последовал за Антигонидами в Грецию, поскольку дельфийцы выбили в храме Аполлона его имя в списке

* Эпизод, когда аргонавты на руках в течение двенадцати дней переносят свой корабль через пустыню. Все же вряд ли правильно называть Сирт пустыней. Греки опасались этих заливов с их блуждающими отмелями, но с сушей не путали.

привилегированных лиц. Как и многие другие участники великого предприятия, он написал мемуары. Красочный и правдивый рассказ об этом он вставил в свой «Paraplous» («Прибрежное судоходство»), который неустанно цитируют историки и географы. Государственный человек, воин, верный моряк, критянин по рождению, столь же великий на свой лад, как Магеллан, именно Неарх больше, чем все остальные, заслуживает быть прославленным современными гуманитариями, и именно поэтому среди всех основателей империй, всех великих исследователей он известен менее всех. Судьба, ревнивая к его отваге, стерла на Крите даже следы его имени. Еще в 1975 году на скале на берегу Эгейского моря, в трех километрах к северо-западу от порта Итанос (ныне Эримвполис, «Пустой город») можно было прочесть почти стертую надпись греческими буквами эллинистического периода. Там можно было распознать имя Неарха, *to Nearkho*. Потом здесь пробили дорогу; динамит разрушил скалу; надпись рассыпалась в прах. Пусть хотя бы эта книга сохранит память о нем, так же как о сорока тысячах моряков, соратниках сорока тысяч пехотинцев армии Александра, и пусть им воздадутся на этих страницах те почести, которых они заслуживают. Царь умер, но остались тысячи кораблей вместе со своими командами. Они установили самую крепкую, самую прочную связь между Ближним и Средним Востоком.

ЭЛЛИНИЗМ ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ

Для начала зададимся вопросом: кем они были, сопровождавшие Александра в его походе мужчины (да и женщины!), — разрушителями или создателями, завоевателями или строителями империи? Ответ, учитывая такое огромное количество македонян и их союзников, проведенных в походе двенадцать лет, был бы, очевидно, неоднозначным. Они не были ни теми и ни другими. Можно быть уверенным только в одном: их жизнь, столь наполненная приключениями, удачами и несчастьями, вовсе не была повседневностью, а чем-то исключительным, всегда на грани, подобно какой-нибудь трагедии или рождению нового мира.

Трагический итог

Эпопея Александра была записана, положена на стихи и исполнена теми людьми, которые в ней не участвовали. Иначе они описали бы невероятные тяготы армии, потерявшей девять солдат из десяти в ледяных и огненных пустынях, в болотах и при переправах через огромные реки. А также их моральное опустошение, их отчаяние и страх, которые война внушала и грекам, оставшимся на Балканах, потому что в последний год уже невозможно было отыскать

десять тысяч добровольцев, чтобы бросить их на смерть. Золото Гарпала, мародерства, предательства больше никого не прельщали. Итог двенадцатилетних походов и отступлений оказался весьма тяжелым. Уцелевшие ветераны, которых расспрашивал Клитарх, рассказывали не о славных подвигах. Они говорили о своих руках и ногах, отмороженных в снегах Гиндукуша или Алайских гор, о своих товарищах, оставшихся в водах Инда и раскаленных песках Белуджистана, о жажде, об изнуряющем голоде, об одежде, ставшей лохмотьями под дождем на берегу Биаса, реки, оказавшейся вовсе не последней рекой Индии. Другие рассказывали о своих болезнях, или как им удалось избежать холеры, дизентерии, малярии, или о внезапном укусе змеи, броске тигра или акулы. С одной стороны — четыре великих победоносных сражения, где было смертельно ранено столько людей, с другой — множество маленьких реальных поражений, ежедневных, ежеминутных! Так стоило ли им хвастаться резней, бесчисленными грабежами, пожарами, оргиями, по поводу которых персидские историки негодуют еще и сегодня? На самом же деле жизнь в армии являлась длинной чередой тягот, трудов, поручений, прерываемых редкими моментами безумных кутежей и радостью разрушения. И закончилось все это после смерти царя двадцатилетней войной между его наследниками, диадохами, все яростнее вырывавшими друг у друга куски державы. Нам безразлично, на кого или на что возлагать ответственность за столько смертей и тягот: на полководца, охваченного манией величия и опьяненного успехами и лестью; македонских военачальников, жаждущих высоких постов, земель и золота; на иллюзии, которые жители Европы всегда питали в отношении Азии и своего утраченного рая; или просто на изменения климата, опьяняющее или отравленное питье... Мы можем только констатировать, что за попытку колонизации державы Дария войском Александра греческая молодежь на протяжении тридцати лет расплачивалась своими бесценными жизнями. Но, возможно, требовалось как раз такое испытание, чтобы Греция наконец повзрослела.

Череда приключений

Но во многом Азиатский поход был также и чередой приключений или, скорее, одним великим приключением. Оставшиеся в живых сохранили о нем воспоминание какого-то невероятного, неизгладимого удивления, того же самого, что испытывают сегодня путешественники, которые в наши дни спускаются из ужасных ущелий Афганистана — на равнины, где текут Пять Рек. Греки не были к этому готовы. Как и к стольким смертям, стольким страданиям и такому великолепию. Некоторые прошли пешком 18 тысяч километров, чтобы возвести призрачную империю и грезить о ней остаток своих дней. Какими глазами эти македоняне, пеонийцы, жители Балкан, предки сербов и болгар, созерцали нагие горы Бактрианы, болота, заставившие Инд отступить до самой Патталы, китов, выдыхавших белые фонтаны воды из своих спин на Эритрейском море? Для греков, влюбленных, как писал Платон, в «прекрасную опасность», этот поход остался самым прекрасным приключением и самой прекрасной пьесой. В ней они получили роль, которую следовало исполнить, подражать ей и углублять ее. Действие стало легендой, которую надо было поддерживать. В публике греческих театров они получили самую признательную и уже заранее горячо симпатизирующую аудиторию. Все жаждали узнать, научиться, вообразить. Да и сам Александр не столько хотел завоевать мир, сколько открыть и познать его до самых границ великого Океана. Ведь истина не в том, что *чем больше ты имеешь, тем больше ты живешь*, а в том, что *чем больше ты живешь, тем больше ты имеешь*.

Другие точки зрения

На смену предубеждениям при выступлении в поход приходили удивление и изумление. Эти впечатления вскоре уступали место любопытству, горячей симпатии, восхищению. Отправляясь в путь, греки были уверены, что жители Азии ленивы, изнеженны и жестоки.

Столкнувшись с ними, они поняли, что народы Востока стоили многого и даже превосходили самих греков в гостеприимстве, щедрости, умении жить, человечности. Это восхищение открыто выражается в некоторых дошедших до нас описаниях роскоши Вавилона и Персеполя, отваги защитников крепостей, укрывшихся на склонах Гандхара, в приписываемом Аристотелю сборнике «О чудесных явлениях» или в «Романе об Александре», приписываемом Каллисфену. Наконец, жители Запада открыли для себя, что такое величие — величие стихий, таких как душа, величие гор, рек, рудников, величие Азиатского царства. Греческие мыслители, радикально изменив собственное видение мира, не могли больше сказать, как философы-досократики, что человек является мерой всех вещей. Отныне Вселенная мерила человека своей истинной, эталонной меркой. Это и дало толчок скептицизму, зародившемуся в IV веке до нашей эры. Все участники великого похода, пускай не так систематически и более непосредственно, испытывали одни и те же чувства, когда, на манер Геродота, меняли берега Эгейского моря на берега Персидского залива, дельфинов Средиземноморья — на китов Индийского океана, жалованье серебряными монетками — на плату золотыми статирами.

Золото, нефть, ароматические вещества, торговля

В который раз мы произносим главное слово: «золото». Потому что золото, столь вожаделенное для воинов, испарялось из их рук быстрее, чем нефть Оксианы или ароматические вещества Аравии. Великие победители умели сражаться, но они проигрывали торговцам и посредникам, их сопровождавшим. Пытаясь прокормиться, одеться, даже развлечься, воины попадали в зависимость от своих поставщиков. Тексты только и говорят, что о долгах, с легкостью делавшихся ветеранами и наемниками, которые вынуждена была возмещать царская канцелярия. Оставив службу и поселившись в колониях, они еще сильнее попадали в

зависимость от ростовщиков и менял, одалживавших им деньги и обменивавших монеты, и сборщиков налогов. От всех колоний и факторий Согдианы, Бактрианы и Верхнего Инда остались лишь жалкие развалины, практически неспособные подтвердить греческое присутствие. Зато мы располагаем обширной коллекцией греческих монет из этих государств периода с 323 года по середину I века нашей эры. Правители носили греческие имена и титулы, что никоим образом не означает, что их матери и супруги были гречанками, но доказывает, насколько монетарная экономика греческих деловых людей смогла заместить меновую экономику. Тысячи кораблей, построенных на великих реках для армии и морских экспедиций 325 и 323 годов, послужили для установления регулярных торговых связей между Вавилоном, Персией, Аравией и Индией. И сделали это не воины, не сумевшие воспользоваться плодами своих побед, а судовладельцы, исследователи и моряки. Для воинов, а также ученых и художников, сопровождавших армию, это были двенадцать лет открытий и исследований. Для деловых людей — два или три века извлечения выгоды. Войско стало наконецником копья, завоевавшего рынки. Почти все военные были убиты, и практически ничего они для себя не извлекли. Зато Европа получила тонны золота, пряностей, ароматических веществ, драгоценных камней, сакской и дахайской бирюзы, оритских изумрудов и рубинов, битума для своих кораблей, фиг, абрикосов и персиков из Гиркании на свой стол, люцерны для своего скота... Нужно ли напоминать, что Александрия «подле реки Айгюптос» сделалась с 331 года двойным транзитным портом, то есть портом обмена? То же самое касалось других новых столиц образованного государства.

Рождение понятия «государство»

Основанная Александром держава не была исключительно торговой или торгашеской. Распространяя повсюду греческий язык и обычаи, как, например, дель-

фийские *Максимы* в Ай-Ханум, отпущенные из войска солдаты, ремесленники, колонисты распространяли также все самое оригинальное, что было в их цивилизации. Они несли другим народам некоторые духовные ценности, например ценности своей религии, искусства и техники. Отметим, что и христианство вначале распространилось именно там, где уже была распространена легенда об Александре — от Иерусалима до несториан из тохарских оазисов. Однако следует видеть и обратный процесс, всё то, чем западная мысль обязана этим духовным искателям приключений и покорителям пространств. В области политики в сознании граждан на берегах Средиземного моря изменилась концепция государства. На место старинного понятия города, *polis*, образа правления, установленного ограниченной группой индивидуумов, обладавших политическими правами, пришло, по образцу Персидской державы, понятие правительства, *arhe*, поддерживавшего и управлявшего страной и часто олицетворявшегося с ней. Таков *imperium romanum*^{*}, одновременно являющийся и личностью, и Римской империей.

Побуждение к открытию

Интеллектуальное столкновение столь разнообразных умов: учеников Аристотеля и персидских магов или индийских брахманов — и способов рассуждать породило новый гуманизм, во всяком случае, расширивший понятие человека и цивилизации. Что в свою очередь вызвало к жизни миф о восточной мудрости. Существование в Александриях и соперничавших с ними в следующих веках Антиохиях и Селевкиях жителей Запада и Востока приучало к космополитизму и медленно вырабатывало новые стили. Греки при контакте с египтянами, персами, столь различными народами Индии перенимали у них любовь к чрезмернос-

^{*} Буквально «римская власть», как называли Римскую империю в Античности. Зачастую ассоциировалась с личностью императора.

ти — как к колоссальному, так и к миниатюрному. Созерцание пирамид и кишаших людьми городов Нила привело к строительству Фаросского маяка высотой 97 метров и к желанию строить города в десять раз больше старых греческих городишек. Вавилонские зиккураты породили идею о мавзолее Гепестиона. Глава государства возводился в ранг бога на земле, непобедимого и милостивого спасителя. Что касается литературы, везде, как в прозе, так и в стихах, наблюдался расцвет превосходной степени. Но в это же время в новой аттической комедии, дабы оставить в дураках солдата-фанфарона, появляются и такие приземленные персонажи, как хитрый раб и падшая девица. Здесь уже недалеко до духа искусства барокко. Повсюду множатся и укрепляются размышления и опыты. Целая команда ботаников, географов, историков, врачей, сопровождавших Великую армию в Африку и Азию, немедля — через обучение или свои записи — распространяла всё лучшее, что дала экспедиция: позитивное знание. Такковы завоевания ума.

Возможно, это были наиболее прочные и солидные приобретения. Мужчины и женщины греко-македонской армии исчерпали свои силы до предела и, свершив это, узнали, что никогда бы не дошли до конца мира, потому что мир этот безграничен, как наше неведение. По другую сторону Сырдарьи — бесконечная степь. На другом берегу Биаса — бесконечные саванны, пустыни и бассейн реки Ганг с его животными и людьми. За пределами нашего познания — безгранично неведомое, но ясное осознание этого также спасительно, как и огромно. Какое прекрасное приглашение со стороны греков, от природы столь любознательных, отважных, готовых на риск, поиск, открытия! Что за побуждение последующих поколений к многогранной деятельности, к «благой опасности» бытия! Да, маленькому народу Балкан потребовалось такое испытание или такая встряска, чтобы в один прекрасный день можно было говорить не просто об эллинистической эпохе (смешное слово, неведомое греческому языку), но о торжествующем эллинизме.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

а. Историки — современники похода

Die Fragmente der Griechischen Historiker, édition de Felix Jakoby, 2 partie B, Leyde (Brill), 1962, № 117—153, p. 618—828, основные документы: царские ежедневники (№ 117), отчеты бематистов (№ 119—123), истории или записки Каллисфена из Олинфа (№ 124), Харета из Митилены (№ 125), Нейарха (№ 138), Онесикрита из Астипалеи (№ 134), Клейтарха (Клитарха) из Александрии (№ 137, p. 741—752), царя Птолемея I Лагида (№ 138), Аристобула из Кассандреи (№ 139) и анонимный фрагмент из Сабы (№ 151).

б. Эпиграфические документы

Tod Marcus N. A selection of greek historical inscriptions, vol. II, № 183—205 («The reign of Alexander»), Oxford (Clarendon press), 1950, p. 240—315.

Leroy Ch. Alexandre à Xanthos, in Actes du Colloque sur la Licie antique, Paris (Maisonneuve), 1980, p. 51—62.

Jameson D. M., éd. princeps de La Stèle de Trézène, Hesperia, 1960, p. 198—223.

с. Нумизматика

Head B. V., Hill, MacDonald, Wroth. Historia Numorum, a Manual of Greek Numismatics, new and enlarged edition, Chicago, 1957.

Seltman Ch. Greek Coins, Lnd., 3 éd., 1960, p. 200 sqq.

Bellinger A. R. Essay on the coinage of Alexander the Great, Numismatic Studies 11 (New York, 1963).

Le Rider G. Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294, Paris, 1977.

д. Произведения искусства

Bieber M. Alexander The Great in Greek and Roman Art, Chicago (Heinemann), 1964.

е. «Вульгата» истории Александра

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, книга XVII (написана между 54 и 36 гг.), текст восстановлен и переведен Полем Гуковски, Париж («Les Belles-Lettres»), 1976.

Помпей Трог. История Филиппа (между 20 и 2 гг.) = Юстин (M. Junius Justinus), Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi, книги XI, XII, éd. Fr. Ruehl, Leipzig (Teubner), 1886. Французский перевод: J. Pierrot, E. Boitard, revue par E. Personneaux, Paris (Garnier), 1925, p. 120—160.

Квинт Курций. История (издана при Клавдии между 42 и 50 гг. н. э.), текст восстановлен и переведен H. Bardon, Paris («Les Belles-Lettres»), t. I, 1948; t. II, 1961 (3-е издание в 1976 г.).

Плутарх. De Alexandri Magni Fortuna aut Virtute, libri II, два трактата из *Moralia* (ок. 75—80 гг. н. э.), изданы и переведены на английский F. C. Babbitt, Lnd. (Heinemann), 1962, Coll. Loeb, t. IV, p. 379—487.

Плутарх. Жизнеописание Александра (около 110—115 гг.), текст издан и переведен R. Flacelière, Emilie Chambry, Paris («Les Belles-Lettres»), 1975 (= *Плутарх*. Жизнеописание. Т. IX. С. 30—125). Информация эклектичная, но часто зависящая от Клитарха, «Писем» и «Царских ежедневников».

Epitomè de Metz, Incerti Auctoris Epitoma rerum gestarum Alexandri Magni cum libro de morte testamentoque Alexandri (IV или V в.), ed. P. H. Thomas, Leipzig (Teubner), 2 ed., 1966.

f. Критическая традиция

Страбон. География (между 3 и 18 гг. н. э.), кн. XI, гл. 6—13, текст издан и переведен F. Lasserre, Paris («Les Belles-Lettres»), 1975; кн. XVII, издано и переведено на латынь С. Müller, Dübner, Paris (Didot), т. II, Geographica, 1877 (пер. Эратосфена Киренского, род. ок. 290—285 гг.), издано и переведено на английский H. L. Jones, Coll. Loeb № 40, t. VIII, Lnd. (Heinemann), 1949.

Плиний Старший. Естественная история (ок. 70 г.), кн. VI, гл. 38—144, ed. Lahn, Leipzig (Teubner), 1898, част. изд. (с 46 по 106) и перевод на французский J. André, J. Filliozat, Paris («Les Belles-Lettres»), 1980 (по «Переписке» Александра и утраченным произведениям Клитарха, Онесикрита, Непарха, Эратосфена).

Арриан из Никомедии. Anabasis Alexandri, кн. I—IV (ок. 140—150 гг.), по изд. Roos et Wirth (Teubner, 1967), английский перевод, введение, комментарий, XV приложений Р. А. Brunt, Cambridge (Massachusetts), Lnd. (W. Heinemann. The Loeb Classical Library), 1976; Anabasis Alexandri, кн. V—VII, Indika (по *Néarkhos*), изд. и английский перевод E. Iliff Robson, Lnd. (тот же издатель, та же серия), 1933 (на основе утраченных произведений Аристобула, Птолемея I, бематистов, Непарха и местных получивших распространение «рассказов», *logoi*); ср. *Arrien*. L'Inde, é d. Chantraine, Paris («Les Belles-Lettres»), 1927.

Itinerarium Alexandri, анонимное произведение (ок. 340 г. н. э.), издание с комментариями H. J. Hausmann, Dissertation, Cologne, 1870 (частично по Арриану).

g. Романтическая традиция

Псевдо-Александр. Письма, в частности Аристотелю, царю Дарию, царю Пору и ответы Пору, завещание Александра (сборники составлены во III и II вв. до н. э.): ср. *Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexander-romans, Zetemata, vol. 9, München, 1954, а также вступление и комментарий в издании P. H. Thomas уже упоминавшейся «Метцкой эпитомы».

Псевдо-Аристотель. Чудесные рассказы (эллинистической эпохи), De Mirabilibus auscultationibus, translatio Bartholomaei de Messana, et Anonyma Basileensis, éd. G. Cornelia-J. Livius-Arnold, thèse de lettres, Amsterdam, 1978.

Псевдо-Каллисфен. Роман об Александре (вероятно, был составлен на греческом в Египте при императоре Александре Севере, 222—

235 гт. н. э.). Нам он известен по переводу и латинской адаптации Юлия Валерия Полемия (ок. 338—340 гт.) под названием «Res Gestae Alexandri Macedonis», ed. В. Kuebler, Leipzig (Teubner), 1888, произведение, очевидно вдохновившее многих средневековых авторов «Романа об Александре». Византийские версии (возможно, IX в.) можно прочитать на греческом в издании *Kroll W. Historia Alexandri Magni* (1926), *Van Thiel H. Leben und Taten Alexanders von Makedonien* (1974). Имеется множество восточных версий, довольно далеких от греческого оригинала: армянская (ed. Raabe, 1896), эфиопская (ed. W. Budge, 1889), еврейская (ed. J. Ben Gorion, 1896), сирийская (ed. V. Ryssel, 1893)*.

Нони Панополитанский. *Dionysiaka* (ок. 460—470 гт.), песни XIII—XL (военные кампании Дионисия от Фригии до Индии и Тира), ed. R. Keydell, t. I—II, Berlin, 1959.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ,

касающиеся Александра и его времени, в хронологическом порядке на немецком, английском, французском, новогреческом и русском

Droysen J. G. Geschichte Alexanders des Grossen, Gotha, 1833; 2 éd. пересм., 1877; перевод на французский A. Bouché-Leclercq, Paris (E. Leroux), 1883, Jacques Benoist-Méchin, Paris (Grasset), 1935 et février 1982.

Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage, I Bd: Darstellung; II Bd Prosopographie, München (C. H. Beck), 1926.

Radet G. Alexandre le Grand, Paris (L'Artisan du Livre), 1931, 1950.

Wilcken U. E. Alexander der Grosse, Leipzig, 1931; перевод на французский Rober Bouvier, Paris (Payot, Bibliothèque Historique), 1933; на английский с введением E. N. Borza, New York, 1962.

Glott G., Roussel P., Cohen R. Alexandre et l'hellénisation du monde antique, Paris (P. U. F.), 1945.

Robinson Ch. A. Alexander the Great, the meeting of East and West in World Government and Brotherhood, New York (Dutton and Co.), 1949.

Robinson Ch. A. The History of Alexander the Great, 2 vol., Providence, 1953—1963.

Tarn W. W. Alexander the Great, 1 vol., Cambridge (University Press), 1950—1951; переиздан I, Boston, 1956.

Homo L. Alexandre le Grand, Paris (Arthème Fayard), 1951.

Cloché P. Alexandre le Grand et les essais de fusion entre l'Occident gréco-macédonien et l'Orient, Neuchâtel (Messeiller), 1953.

Benoist-Méchin J., Bourbon-Busset J. de, Flacelière R., Romains J. et collab., *Alexandre le Grand*, Paris (Hachette, Collection Génies et Réalités, № 12), 1962.

Benoist-Méchin J. Alexandre le grand ou le rêve dépassé, Lausanne, Clairefontaine et La Guilde du Livre, 1964.

* Славянская версия «Александрии» Псевдо-Каллисфена приведена в кн.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. // Изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л., 1965.

Amir Mebdi Badi. Les Grecs et les Barbares. L'autre face de l'histoire, Paris-Lausanne (Payot), 1963, p. 19—21, 74—75, 106.

Daskalakis A. B. Ho Mégas Alexandros kai ho Hellénismos, Athènes, 1963.

Bamm P. Alexander oder die Verwandlung der Welt, Zurich (Droemer), 1965; на французском: Alexandre le Grand, Paris-Bruxelles (Ed. Sequoia, Elsevier), 1969.

Green P. Alexander the Great, Lnd. (Weidenfeld and Nicholson), 1970.

Sarantis T. Ho Mégas Alexandros: apo tèn historia heòs ton thrylo, vol. 2, 1970.

Kraft K. Der «rationale» Alexander, éd. Helga Gesche, Frankfurter Althistorische Studien, 5, Kallmünz Opf. M. Lassleben, 1971.

Fox R. L. Alexander the Graet, Lnd. (Allen Lane), 1973.

Schachermeyer F. Alexander der Grosse: das Problem seiner Persönlichkeit und Wirkens, Vienne (Oesterr. Akad. der Wissenschaften, Philos. Klasse, t. 285), 1973.

Hamilton J. R. Alexander the Great, Lnd. (Hutchinson University library), 1973.

Kanellopoulos P., Kalogeropoulou A., Despotopoulos A., Loukopoulou L. Megas Alexandros, 336—323 p. Kh., Historia tou Hellènikou Ethnous, t. IV, p. 2—235, Athènes (Ekdotikè Athènon A. E.), 1973.

Briant P., Bernard A., Leriche P. Alexandre le Grand dégage de l'histoire conventionnelle. Les Dossiers de l'archéologie, № 5, juillet-août 1974, p. 5—114, Paris (Impr. Edicis), 1974.

Malraux A. Hôtes de passage, Le Miroir des Limbes II, Paris (Gallimard), 1975, ch. II, p. 85—158 (взгляд на Александра).

Goukowsky P. Alexandre et la Conquête de l'Orient (336—323), dans *Will E.* Le Monde grec et l'Orient, Paris (P. U. F., Peuples et Civilisations, t. II), livre II, 1975.

Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336—270 av. J.-C.), I, Les origins politiques, Nancy (Université II. Annales de l'Est, Mémoires, 60), 1978, p. 9—71, 167—224 (XXVIII Appendices).

Entretiens sur l'Antiquité classique, Alexandre le Grand. Images et Réalité, Fondation Hardt, Entretiens du 25 août 1975, № XXII, Vandœuvres-Genève, 196. Compte rendu par P. Goukowsky, *R. E. G.*, 1977, p. 124—130.

Гафуров Б., Цибукидис Д. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

Chatoux F. La Civilisation Hellénistique, ch. I, «Alexandre», Collection «Les Grandes Civilisations», Paris (Arthaud), 1982.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Глава I

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ

Adcock F. E. The Greek and Macedonian Art of War, Sather Clasical Lectures, № 30, Berkeley and Los Angeles (University of California Press), 1957.

Andronikos M. Les tombes royales de Vergina // Archéologia, № 125, décembre 1978, p. 16—25, et Courrier de l'Unesco, 1979 (7), p. 3 et suiv. (cf. *Touchais G.* Chronique des fouilles // B. C. H., 1978, p. 706—713, et annes suivantes; Guides de Musée archéologique de Thessalonique, 1980—1981, avec les notices de Catherine Romiopoulou, derectrice de Musée, et de Manolis Andronikos, professeur à l'Université).

Andronikos M. Sarissa // B. C. H., 1970, p. 91—107, spécialement fig. 5—7, p. 99.

Berve H. Das Alexanderreich // o. c., t. I (1926), ob. II: das Heer, p. 103—217.

Brunt P. A. Alexander's Macedonian Cavalry // J. H. S., 83 (1963), p. 27—46.

Brunt P. A. Arrian «Anabasis Alexandri I», Introduction, p. LXIX—LXXXII (Alexander's army): Appendix XIII, p. 526—532 (Alexander's army 331—326) // Cambridge, Massachusetts (Harvard University Press), 1976.

Collart P. Les milliaires de la Via Egnatia // B. C. H., 1976 (1), p. 177—200.

Connolly P. (при помощи Н. Gatling, А. Snoggrass, F. Wallbank, Н. Russel Robinson). L'armée grecque, trad. De L. E. Junker, Aartselaar, Belgique (Ed. Chantecler), 1979.

Daux G. Aigéai, site des tombes royales de la Macédoine antique // C. R. des séances de l'Académie des Inscription et Belles-Lettres, Paris, 18 nov. 1977, p. 620—630.

Domaszewski A., von. Die Phalangen Alexanders und Caesars Legionen, Sitzungsber. Heidelberger Akad. d. Wiss., 1925—1926, Abh. 1.

Droysen H. Untersuchungen über Alexanders des Grossen Heerwesen und Kriegsführung, Freiburg 1885.

Hammond N. G. L. A History of Macedonia, vol. I // Historical Geography and Prehistory, Oxford (Clarendon Press), 1972 (предисловие сентябрь 1969). C. R. de G. Daux, R. E. G., 1977 (1), p. 122—124.

Hammond N. G. L., Griffiths G. T. A History of Macedonia, vol. II // 550—336 BC, Oxford (Clarendon Press), 1979. C. R. de Yves Béquignon R. A., 1981 (1), p. 135—138.

Harmand J. La Guerre antique de Sumer à Rome, Paris (P. U. F), 1973.

Kalléris J. N. Les Anciens Macédoniens, Étude linguistique et historique, Athènes, 1954.

Kromayer J. et *Veith G.* Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer, Handbuch der Altertumswissenschaft, IV, 3,2, München (Beck), 1928.

Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques, Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, № 169, 2 vol., Paris, 1949—1950.

Petsas P. Pella, Alexander the Great's Capital, Thessalonique, 1978.

Snodgrass A. M. Arms and Armour of the Greeks, Aspects of Greek and Roman Life, Lnd. (Thames and Hudson), 1967.

Tarn W. W. The Cambridge Ancient History, vol. VI: Macedon 401—301 BC, 3 éd. Cambridge, 1953, p. 358 sqq. (состав армии Александра).

Zachos K. et *Marathos G.* Carte métallogénique de la Grèce, éch. 1: 1 000 000, partie septentrionale, Athènes (Institut de Géologique et de Recherches souterraines), 1965.

Глава II

ВОЙСКО И КОМАНДНЫЕ КАДРЫ

Кроме цитируемых в главе античных текстов и произведений, указанных в библиографии предыдущей главы, можно обратиться к следующим работам.

Cramer H. Beiträge zur Geschichte Alexanders des Grossen, die Taxeis, Dissertation, Marburg, 1893 (стр. 28: женщины и дети на войне).

Griffith G. T. A Note on the Hippiarchies of Alexander // J. H. S., t. 83 (1963), p. 68—74.

Parke H. W. Greek Mercenary Soldiers, from the Earliest Times to the Battle of Ipsus, Oxford, 1933.

Для сравнения дисциплины в македонской армии и армий начала XX века можно обратиться к:

Manuel d'infanterie à l'usage... des élèves officiers de réserve, Paris (Ch. Lavauzelle), 1910.

О Парменионе, Филоте, Кратере, Гефестионе и кадрах экспедиционного корпуса можно также узнать:

Badian E. Transactions of the American Philological Association, 1960, p. 324 et suiv.

Berve H. // о. с., т. II, № 606, 801, 446, 357.

Goukowsky P. Essai... // о. с., p. 169—170: разногласия между Александром и Парменионом; p. 176—178: кавалерийская хилярия.

Pauly-Wisowa-Kroll-Zeigler. Real Encyclopädie der Altertumswissenschaft.

Глава III

ВОЙСКО И ЦАРЬ

1) Военные собрания

Aymard A. Sur l'Assemblée Macédonienne // R. E. A., 1950, p. 115—137, 127.

Briant P. Antigone le Borgne, les débuts de sa carrière et les problèmes de l'Assemblée Macédonienne, Paris (Les Belles Lettres), 1973.

Cesar. De Bello gallico, VI, 23, 4; *Tacitus.* Germania, 7; 11; 13.

Lock R. The Macedonian army assembly in the time of Alexander the Great, Classical Philology, 72 (1977), p. 91—107.

2) О титуле и функциях царя

Adcock F. E. Greek and Macedonian Kingship // Proceedings of the British Academy, 39 (1953), p. 163—180.

Aymard A. Basileus Makedonôn // Études d'Histoire ancienne, Paris, 1967, p. 100—122 (опубликовано в Rev. intern. des Droits de l'Antiquité, 4, 1950, p. 61—97).

Burn A. R. The Generalship of Alexander, Coll. Greece and Rome, 2 série, t. XII, 1965, p. 140—154.

Fuller J. F. C. The Generalship of Alexander the Great, Lnd., 1958; 2 éd. New Brunswick, 1960.

Leroy Ch. Alexandre à Xanthos // о. с., 1980, прежде всего p. 57—62.

3) О людях царской свиты (гетайрах, друзьях, Совете)

Deger-Jalkotzy S. E-ge-ta, Zur Rolle des Gefolgschaftswesens in der Sozialstruktur mykenischer Reiche, Vienne (Akad. d. Wiss.), p. 147—156.

4) О красоте Александра

Zagdoun M. A. Collection Paul Cannellopoulos: sculptures II, № 11: Portrait d'Alexandre, B. C. H., 1979, p. 411—416.

5) О культуре правителя

Goukowsky P. Essai... // о. с., (thèse, Nancy, 1976), spéc. p. 57—68 et note p. 277—289 (Theos Aniketos, с. -à-d. le dieu invincible); appendice XXIII, p. 206—212 (Alexandre et les exuviae elephantis).

Wilcken U. Zur Entstehung des hellenistischen Königskultes, Sitzungsberichte der Preuss. Akad. D. Wiss., Phil.-Hist. Kl., № 28 (1938), p. 298—321.

6) О письме Аристотеля Александру об управлении

Bielauski J. et Plezia M. Lettre d'Aristote à Alexandre sur la politique envers les cités, texte arabe établi, traduit et commenté, Archivum Filologiczne XXIV Wroclaw-Warczawa-Krakow, 1970.

Goukowsky P. Essai... // о. с., p. 49—55 et notes p. 270—276.

Stern S. M. Aristotle on the World-State, Oxford (Cassirer), 1968.

Thillet P. Aristote conseiller d'Alexandre vainqueur des Perses? // R. E. G., 85 (1972), p. 527—542.

7) О легенде и «Романе об Александре»

Callu J. P. Les Constitutions d'Aristote et leur fortune au Bas Empire // R. E. L., 53 (1975), p. 268—315.

Frappier J. Le Roman d'Alexandre et ses diverses versions au XII siècle, Grundriss der romanischen Literaturen des Mittelalters, vol. IV, Heidelberg, 1978, p. 149—167.

Mederer E. Die Alexanderlegenden bei den ältesten Alexander-historikern, Stuttgart (Kohlhammer), 1936.

Merkelback R. Die Quellen des griechischen Alexanderromans, Zetemata, vol. 9, München, 1954.

Pfister Fr. Alexander der Grosse in den Offenbarungen der Griechen, Juden, Mohammedaner und Christen // Denkschr. d. Akad. d. Wis. zu Berlin, Sect. F. Altertumswiss., 3, 1956.

Pfister Fr. Studien zum Alexanderroman // Würzburger Jahrb. f. d. Altertumswiss., 1 (1946), p. 29—66.

Глава IV

АРМИЯ НА МАРШЕ

1) Маршрут и хронология экспедиции

Кроме карт и комментариев, содержащихся в произведениях нашей «Общей библиографии» и особенно в наиболее ранних изданиях Арриана (Anabasis, par P. A. Brunt, 1976; Indica, par E. I. Robson, 1933), Страбона (Géographie, livre XI, par Fr. Lasserre, 1975), Диодора

(Bibliothèque Historique, livre XVII, par P. Goukowsky, 1976), Плиния Старшего (Histoire Naturelle, I. VI, 46—106, par J. André et J. Fillozat, 1980), в статьях уже упоминавшегося Пьера Бриана (*Pierre Briant*) и Поля Бернара (*Paul Bernard. Les Dossiers de l'Archéologie*, № 5, июль-август 1974), А. Карогелопулу (*A. Karogelopoulou*), А. Деспотопулоса (*A. Despotopoulos*) и Л. Лукопулу (*L. Loukopoulou*, Magas Alexandros, 1973), кроме личных путевых заметок, написанных И. Г. Дройзенем (*J. G. Droysen*, 1833), Г. Берве (*H. Berve*, 1926), Ж. Раде (*G. Radet*, 1931), У. Вилькеном (*U. Wilcken*, 1931), У. Тарном (*W. Tarn*, 1950), Ф. Сарантисом (*Th. Sarantis*, 1970), Роже Пейрефиттом (*Peyrefitte R. Les Conquêtes d'Alexandre*, Paris, A. Michel, 1979—1981), можно также ознакомиться:

Bickerman E. J. Chronology of the Ancient World, Revised Edition, Lnd. (Thames and Hudson), 1980. В этом произведении, из которого мы взяли подсчеты, смерть Александра датирована 10 июня 323 года (с. 38, 67 и 179).

Boulanger R. et coll. Iran-Afghanistan, *ibid.*, 1974.

Boulanger R. Les Guides bleus, Turquie, Paris (Hachette), 1958.

Brunt P. A. Arrian «Anabasis Alexandri», I, Appendix VIII (Geographical and chronological questions, 333—326 BC), p. 487—509; Appendix XII (Caspian, Caucasus, Tanais), p. 522—525, Cambridge (Harvard) et Lnd. (Heinemann), 1976.

Murray J, Anderson J. G. A Classical Map of Asia Minor, revised by W. Calder and G. Bean, Lnd. (British Institute of Archaeology at Ankara. Impr. by J. Bartolomew and Son), 1958, Масштаб 1: 2 000 000.

Naher Osten, Autokarte, Road Map, 1: 5 000 000, éd. Kümmerly und Frey, Berne (Suisse), 1970.

Schmidt J. Les routes d'Alexandre // L'Histoire, № 22, avril 1980, p. 52—63.

2) Переходы и места

Balsan F. Dans le secret du Béloutchistan, Paris (Grasset), 1946.

Balsan F. De Kaboul au golf Persique, Paris (J. Peyronnet), 1949.

Eggermont P. H. L. Alexander's Campaign in Sind and Baluchistan and the siege of the brahmin town of Harmatelia, Leuven-Louvain (University Press) // *Orientalia lovaniensia Analecta*, 3, 1975.

Fakhry A. The Egyptian deserts, Siwa oasis, its history and antiquities, Service des Antiquités de l'Égypte, Le Caire, 1944.

Foucher A. et Bazin-Foucher E. Mémoires de la Délégation archéologique française en Aghanistan, t. I, II, Paris, 1942, 1947.

Goukowsky P. Le franchissement de l'Oxos par Alexandre, dans *Essai sur les origines du mythe d'Alexandre // o. c.*, Appendice XXVII, p. 218, 219—221.

Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East, Wiesbaden (Franz Steiner), 1968.

Holdich T., sr. Alexander's the Great retreat from India // Journal of the Society of Arts, 39 (1901), p. 417—431.

Jouguet P. Alexandre à l'oasis d'Ammon et le témoignage de Callisthène // Bulletin de l'Institut d'Égypte, 26 (1943—1944), p. 91—107.

Leclant J. Per Africae sitientia // B. I. F. A. O., 49 (1950), p. 193—250.

Schwarz F., von. Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan, 2 éd., Stuttgart, 1906.

Stein A. sir. Alexander's Campaign on the Indian N. W. frontier // The Geographical Journal, 70 (1927), p. 417—440; 515—540.

Stein A. sir. On Alexander's route into Gedrosia: an archaeological tour in Las Bela // The Geographical Journal, 102 (1943), p. 193—227.

Stein A. sir. On Alexander's track to the Indus, 1929, C. R. par *G. Radet*, Journal des Savants, Paris, mai 1930, p. 207—227.

Strasbourg H. Alexanders Zug durch Gedrosische Wüste, Hermes, 80 (1952), p. 456—493.

Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India, 3 éd., Cambridge, 1966.

3) Четыре великих сражения

Подробные планы с комментариями в: *Historia tou Hellènikou ethnous* // о. с. (1973), p. 51 (Граник), 80—81 (Исс), 118—119 (Гавгамелы), 182—183 (Джелампур, называемый также битвой при Гидаспе).

Davis E. W. The Persian battle-plan an the Granicus, *Mélanges Caldwell*, 1964, p. 34—44.

Glover R. The elephant in ancient war // *The Classical Journal*, 39 (1944), p. 257—269.

Goukowsky P. Compte rendu critique de N. T. Nikolitsis, The battle of the Granicus, Stockholm, 1974, *Bull. de l'Assoc. G. Budé*, 1975, p. 424—430.

Griffith G. T. Alexander's generalship at Gaugamela // *J. H. S.*, 67 (1974), p. 77—89.

Hackmann F. Die Schlacht bei Gaugamela. Eine Untersuchung zur Geschichte Alexanders des Grossen und ihren Quellen, Halle, 1902.

Hamilton J. R. The Cavalry Battle of the Hydaspes // *J. H. S.*, 76 (1956), p. 26—31.

Janke A. Auf Alexanders des Grossen Pfaden, eine Reise durch Kleinasien, Dissert., Berlin, 1904, p. 49—59 (Issos).

Janke A. Die Schlacht bei Issos // *Klio*, 10 (1910), p. 137—177.

Lehmann K. Die Schlacht am Granikos // *Klio*, 11 (1911), p. 230—244.

Marsden E. W. The Campaign of Gaugamela, Liverpool (University Press), 1964.

Miltner F. Alexanders Strategie bei Issos // *Oesterr. Archäol. Institut*, 28 (1933), p. 69—78.

Radet G. Alexandre et Poros: le passage de l'Hydaspe // *R. E. A.*, 37 (1935), p. 349—356.

Stein A. sir. The site of Alexander's passage of the Hydaspes and the battle of Poros // *The Geographical Journal*, 80 (1932), p. 31—46.

Veith G. Der Kavalleriekampf in der Schlacht am Hydaspes // *Klio*, 8 (1908), p. 131—153.

5) После сражений

Durcey P. Le Traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique, des origines à la conquête romaine, Ecole Française d'Athènes, Travaux et Mémoires, XVII, Paris (E. de Boccard), 1968.

Picard Ch. Manuel d'archéologie grecque, La Sculpture, IV, quatrième siècle (2e partie): Le bûcher d'apothéose d'Hèphaïstion à Babilone, Paris (éd. A. et J. Picard), 1963, p. 1180—1185.

Глава V ВЗЯТИЕ ГОРОДОВ

1) Полиоркетика и античные механики

Connolly P. L'Armée grecque // о. с., p. 64—71 (illustrations de l'auteur).

Garlan Y. Fortifications et Histoire grecque. Problèmes de la guerre en Grèce ancienne, Civilisations et Sociétés, 11. Paris-La Haye (Mouton), 1968, p. 245—260.

Garlan Y. La Guerre dans l'Antiquité, Paris (F. Nathan), 1972.

Garlan Y. Recherches sur la Poliorcétique grecque, в приложении — V книга Syntaxe mécanique de Philon de Byzance (fin III siècle av. J. C.), Athènes (Ecole française d'Archéologie) et Paris (E. de Boccard), 1974.

Gille B. Histoire des techniques // Encyclopédie de la Pléiade, Paris (Gallimard), 1978.

Gille B. Les Mécaniciens grecs. La Naissance de la technologie. Paris (Seuil), 1980, p. 7—52.

Hoffmeyer A. B. Antike Artillerie, Bonn, 1958.

Lindsay J. Blast-Power and Ballistics. Concepts of Force and Energy in the Ancient World, Lnd. (Frederick Miller), 1974.

Marsden E. W. Greek and Roman Artillery. I, Historical development; II, Technical treatises. Oxford (The Clarendon Press), 1969, 1971.

Martin R. Manuel d'architecture. Matériaux et techniques. Paris (A. Picard), 1965 (также касается искусства фортификации).

Poidebard A., S. J. Un grand port disparu, Tyr, Paris (Guethner), 1939.

Radet G. Aornos // Journal des Savants, 1929, p. 69—73.

Rochas d'Aiglun A., de. Traduction du Traité des Machines d'Athénée (I siècle ap. J. C.), Mélanges Graux, Paris, 1844.

Enée le Tacticien. Poliorcétique, texte établi par A. Dain, traduit et annoté par A. M. Bon, Paris (Les Belles-Lettres), 1967 (произведение написано между 360 и 355 гг. до н. э.).

Wescher C. La Poliorcétique des Grecs, Paris, 1867 (сборник античных произведений, в том числе Битона Механика, писавшего ок. 225 г. до н. э.).

Winter F. E. Greek Fortifications, Lnd., 1971.

2) Страсть к золоту и металлам

Faur P. La Vie quotidienne des colons grecs... au siècle de Pythagor, Paris (Hachette), 1978, о купелировании p. 213—221.

Littlepage J., Bess D. In Search of Soviet Gold, New York (Brace and Co), 1938.

Forbes R. J. Studies in Ancient Technology, vol. VII—VIII, Leyde (Brill), 1963—1964.

Ramin J. La Technique minière et métallurgique des Anciens, Collection Latomus, vol. 153, Bruxelles, 1977.

3) Ароматические вещества Аравии

Dictionnaire archéologique des techniques, Paris (Ed. de l'Accueil), 1963—1964.

Pirenne J. et coll. Au pays fabuleux de la reine de Saba // Les Dossiers

de l'Archéologie, № 33, mars-avril 1979: сокровища античных арабов, сокровища царей Авсана, Шаба, столица царства ладана.

Robin Ch. et coll. Dossier Yémen, sur la piste de l'encens // *Archéologia*, № 160, nov. 1981, p. 26—53.

Глава VI

ОСНОВАНИЕ ГОРОДОВ

1) Греко-македонские колонии

Bernard A. Alexandrie la Grande, Paris (Arthaud), 1966.

Bey M. Mémoire sur l'antique Alexandrie, Le Caire, 1872.

Bradford Welles C. The discovery of Sarapis and the foundation of Alexandria // *Historia, Zeitsch. f. alte Gesch.*, XI (1962), p. 271—298.

Cavenaille R. Histoire d'Alexandrie, les origines. *L'Antiquité Classique*, 41 (1972), p. 94—112.

Chapot V. Alexandre fondateur de villes, *Mélanges Glotz*, t. I, Paris (P. U. F.), 1932, p. 173—181 (подтверждает список *Berve H.* *Das Alexanderreich...* // о. с., I, 278).

Fraser P. M. Ptolemaic Alexandria, I, Text; II, Notes; III, Indexes, Oxford, 1972.

Jouquet P. La date alexandrine de la fondation d'Alexandrie // *R. E. A.*, 1940, p. 192—197.

Leroy Ch. Les Oiseaux d'Alexandrie // *B. C. H.*, 1981, p. 393—406.

Martin R. L'urbanisme dans la Grèce antique, Paris (A. et J. Picard), 1956; 2 éd., 1974.

Martin R. Recherches sur l'agora grecque, Paris, 1951, p. 197—201; 412—415.

2) Греки и не-греки

Bernard P. Ai Khanoum, une ancienne cité grecque d'Asie centrale // *Pour la Science*, mars 1982, p. 88—97.

Dalton O. M. The Treasure of the Oxus, Lnd., 1903; переиздана в 1964 году (сокровища, найденные в 1877 году, вероятно, находились в цитадели Тахт-и-Сангин, в месте слияния Вашха, «Кипящей воды», как по-персидски назывался греческий Окс, и современной Амударьи, немного к северу от Тахт-и-Хубада)*. Ср. две следующие статьи:

Tsoulianos D. Arkhaia Hellènikè Tekhnè kai Sovietikè Mesè Asia // *Hellènosovietika Khronika*, № 54 (oct. 1980), p. 32—33. Кроме окского сокровища упоминается кратер из Ленинабада (Таджикистан), сбруя из Душанбе, Лаокоон из Сурхан-Дарьи и мех из Термеза (Узбекистан).

Литвинский В. А., Пичикян И. П. Открытие в святилище [Тахт-и-Сангин, III в. до н. э.] Окса, бога северной Бактрии. 1981. С. 195 и след.

Frumkin G. Archaeology in Soviet Central Asia, *Central Asian Review*, Lnd. (The Eastern Press), 1963—1970.

* Строго говоря, здесь сливаются Вахш и Пяндж, давая начало новой реке — Амударье.

Graeve V, von. Der Alexandersarkophag und seine Werkstatt // Istanbuler Forschungen, 28 (1970).

Hardt F. Entretiens sur l'Antiquité classique № VIII (1961), Grecs et Barbares, Vandœuvres-Genève, 1962.

Marshall J, sir. Taxila, 3 vol., Cambridge, 1951.

Robert L. De Delphes à l' Oxus, inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // C. R. de l'Acad. des Insc. et Belles-Lettres, 1968, p. 416—457. Клеарх из Сол был учеником Аристотеля. Запись датируется началом III в. до н. э.

Schefold K, Seidl M. Der Alexander-Sarcophag, Berlin, 1968.

Schlumberger D. L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie non méditerranéenne. Collection «L'Art dans le monde», Paris, 1970.

Schlumberger D, Bernard P. Ai Khanoum // В. С. Н., 1965, p. 590—657.

3) Продукты Азии (кроме золота, металлов и ароматических веществ)

Bretzl H. Die botanischen Forschungen des Alexanderszuges, Leipzig, 1903.

Forbes R.J. Studies in Ancient Technology, Bitumen and Petroleum in Antiquity, 2 éd., Leyde (Brill), 1964.

Forbes R.J. Studies in early petroleum industry, Leyde, 1958.

Ramin J. Les Hydrocarbures dans l'Antiquité // Archéologia, № 69, avr. 1974, p. 10—15 (со ссылкой на: Histoire mondiale du pétrole, de J.J. Berreby, Hachette).

Глава VII

МОРСКОЙ ФЛОТ

Barnett R. D. Early Shipping in the Near East, Antiquity, vol. 32 (1958), p. 229 sq.

Basch L. Eléments d'architecture navale dans les lettres grecques // L'Antiquité Classique, t. XLVII (1978), fasc. 1, p. 5—36.

Basch L. Le navire mnš et autres notes de voyage en Egypt, The Mariner's Mirror, vol. 64 (1978), p. 99—123.

Basch L. Phoenician Oared Ships // The Mariner's Mirror, vol. 55 (1969), № 2, 3, p. 139—162, 227—246.

Basch L. Roman triremes and the outriggerless Phoenician trireme // The Mariner's Mirror, vol. 65 (1979), № 4, p. 289—326.

Basch L. The Athlitram, A preliminary Introduction and report // Ibid., 68 (1982), p. 3—7.

Basch L. Trières grecques, phéniciennes et égyptiennes // J. H. S., vol. XCVII (1977), p. 1—10.

Boudriot J. Le vaisseau de 74 canons, Grenoble (Ed. des Quatre Seigneurs), 1976.

Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World, Princeton, 1971.

Dictionnaire Gruss de marine, Paris (Ed. Maritimes et d'Outre-Mer), 1978.

- Forbes R. J.* Bitumen and Petroleum in Antiquity, Studies in ancient technology, Leyde (Brill), 2 ed., 1964, p. 1—124.
- Gassend J. M., Frost H., Basch L., Thurneysen J.* La Navigation dans l'Antiquité // Les Dossiers de l'Archéologie, Fontaine-lès-Dijon et Bruxelles (Soumillion), № 29, juillet-août 1978.
- Gianfrotta P. A., Pomey P.* Archeologia subacquea, Milan (Mondadori), 1980.
- Gille P.* Les navires à rames de l'Antiquité: trières grecques et liburnes romaines // Journal des Savants, 1965, p. 36—72.
- Göttlicher A.* Materialien für ein Corpus der Schiffsmodelle im Altertum, Mayence (Ph. von Zabern), 1978.
- Hornell J.* Water transport, origins and early evolution, Cambridge, 1946.
- Morrison J. S.* Hemiolia, trihemiolia // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration, 9, 2 (1980), p. 121—126.
- Morrison J. S., Williams R. T.* Greek Oared Ships, 900—322, Cambridge, 1968.
- Petsas Ph.* Pella, Alexander the Great's capital, Thessalonique, 1978, p. 68—69, № 5 (стела Макара).
- Rost G. A.* Vom Seewesen und Seehandel in der Antike, Amsterdam, 1968.
- Rougé J.* La Marine dans l'Antiquité, Paris (P. U. F.), 1975.
- Ships and parts of ships on ancient coins, the National Maritime Museum Haifa (при сотрудничестве Lionel Casson), I, Haifa, 1975.
- Taillardat J.* La trière athénienne et la guerre sur mer aux Ve et IVe siècles // dans Problèmes de la guerre en Grèce ancienne, Civilisations et Sociétés, 11, Paris-La Haye (Mouton and Co.), 1968, p. 184—205.
- Wachsmuth D.* Pompimos ho daimôn, Untersuchungen zu den antiken Sakralhandlungen bei Seereisen, Dissertation, Berlin, 1967.
- Wirth G.* Nearchos. Der Flottenschef, Acta Conventus IX. Eirene 7, 1968.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Abh. — Abhandlung.
 BC — before Christus.
 B. C. H. — Bullutin de Correspondance Hellé nique.
 C. R. — Compte rendu.
 J. H. S. — Journal of Hellenic Studies.
 P. U. F. — Presses Universitaires de France.
 R. A. — Revue Archéologique.
 R. A. — Revue des Études Grecques.
 Wiss. — Wissenschaften.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Маханьков. Конечно, Александр Македонский герой...

7

Пролог

БОГ ИЛИ ЧЕЛОВЕК?

Двойственный персонаж — Источники. — Клитарх. —
Хронология. — Дух похода. — Моральные факторы. — Роль
Филиппа, отца Александра. — Государственное устройство
Македонии. — Мнение персов. — Уместный вопрос

13

Глава первая

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ

Личный состав. — Македоняне. — Языки. — Агриане. — Конница. —
Македонская фаланга. — Вспомогательные корпуса и наемники. —
Инженерные войска. — Обоз. — Сбор сведений. — Почта. —
Прорицатели. — Ученые и интеллектуалы. — Атлеты и художники. —
Женщины и дети. — Нестроевые. — Пополнение личного состава. —
Жалованье. — Надежда на обогащение. —
Психологический фактор

37

Глава II

ВОЙСКО И ЕГО КОМАНДОВАНИЕ

Подчинение. — Награды. — Муштра. — Корпоративный дух. —
Диета. — Гарнизоны. — Командные кадры царя. — Пажи. —
Продвижение по службе. — Послужные списки. — Парменион. —
Кратер. — Гефестион. — Еще несколько биографий. — Свобода слова. —
Жалобы. — Падение авторитета

78

Глава III

ВОЙСКО И ЦАРЬ

Навязанный выбор. — Воинское собрание. — Верность. —
Физические достоинства. — Назидательные сцены. — Царская
щедрость. — Успех царя. — Перемены 330 года. — Проскунесис. —
Письмо Аристотеля. — Смерть Каллисфена. — Обожествление. —
Человек, слишком человек. — Отступление из Индии. — Бунты. —
Основания для осуждения. — Царь из легенды. —
Роман об Александре

119

Глава IV
АРМИЯ НА МАРШЕ

Парад 336 года. — Парад 334 года. — Походы по Малой Азии. — Передвижения в Африке. — Преследование Дария. — Кампании 330—323 годов. — Скорость передвижения. — Подготовка. — Лагерь. — Снабжение. — Один день военной кампании. — Сражения в правильном строю. — Граник. — Исс. — Гавгамелы. — Джелампур. — Избиения. — Пленники. — Передышки. — Охота. — Пиры. — Соревнования. — Похороны. — Отношения между полками. — Другие приключения

162

Глава V
ВЗЯТИЕ ГОРОДОВ

Инженеры и техники. — Метательные орудия. — Осадные башни. — Другие машины. — Первые осады. — Осада Тира. — Осада Газы. — Аварана, Аорн. — Города Индии. — Грабежи. — Сокровища и монеты. — Колдовская власть золота. — Экономические последствия. — Пурпур. — Ароматические вещества. — Драгоценности. — Для чего это делалось? — А после?

209

Глава VI
ОСНОВАНИЕ ГОРОДОВ

Работы стратегического характера. — Что такое город? — Колонии нового типа. — Александрия в Египте. — Александрия Паропанисадская. — Александрия на Оксе. — Александрия на Яксарте. — Александрии Индийские. — Александрия Сузианская и александрийские порты. — Организация. — Греки и не-греки. — Предшествовавшие учреждения. — Ссоры. — Попытки объединения. — Взаимные связи. — Ненадежность колонизации

225

Глава VII
МОРСКОЙ ФЛОТ

Необходимость флота. — Морские операции 334 года. — Жалованье. — Операции с 334 по 332 год. — Новый флот. — Жизнь на корабле. — Жизнь на суше. — Финикийские и кипрские корабли. — Морские орудия. — Другие новшества. — Понтонные мосты. — Плоты и поплавки. — Сплав по крупным рекам. — Экспедиция Нейрха. — Последние планы. — Что от этого осталось

298

Заключение
ЭЛЛИНИЗМ ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ

Трагический итог. — Череда приключений. — Другие точки зрения. — Золото, нефть, ароматические вещества, торговля. — Рождение понятия «государство». — Побуждения к открытию
340

Библиография
347

Фор П.

Ф 79 Повседневная жизнь армии Александра Македонского / Поль Фор; пер. с фр. Т. А. Левиной. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 362[6] с.: ил.— (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03028-2

Эта книга — плод многолетней исследовательской работы известного историка Античности П. Фора, связанной с личностью Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.) и его великого Азиатского похода. В свое время, будучи молодым человеком, ученый повторил путь греко-македонского войска, пройдя пешком большую часть маршрута. Эта экспедиция позволила ему рассуждать о трудностях похода, опираясь не только на теоретические источники, но и на собственный практический опыт.

Книга призвана сделать более понятной для читателя обстановку, в которой проходил поход, и обрисовать его участников. В этом масштабном полотне отыскивается место едва ли не каждому — и заслуженным военачальникам, служившим еще отцу Александра Македонского Филиппу, и рядовым воинам, и морякам, и пестрой толпе обоза, образованной учеными и художниками, снабженцами и купцами, слугами и рабами, женами воинов и девицами для утех.

УДК 94(3) “-4”: 355.1
ББК 63.3(0)32

Фор Поль

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АРМИИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. В. Черников**

Художественный редактор **Е. В. Кошелева**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 27.03.2007. Подписано в печать 23.10.2007. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 19,32+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 74685.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03028-2

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов отвечают книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

У. Макдональд

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА**

С. Лолаева, Г. Черкасов

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

Л. Реньё

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ**

Н. Будур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВИКИНГОВ. IX-XI ВЕКА**

Т. Диттрич

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ**

А. Каспи

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
США В ЭПОХУ
«СУХОГО ЗАКОНА»**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов отвечают книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Вульф

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ**

Ж. Сустьель

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЦТЕКОВ НАКАНУНЕ
ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ**

Б. Мейер-Стабли

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА
ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ II**

Н. Никитина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ**

В. Малявин

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КИТАЯ В ЭПОХУ МИН**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Ю. Зобнин
«МЕРЕЖКОВСКИЙ»

В. Демин
«АНДРЕЙ БЕЛЫЙ»

В. Крейд
«ГЕОРГИЙ ИВАНОВ»

Г. Пржиборовская
«ЛАРИСА РЕЙСНЕР»

А. Жидель
«ПИКАССО»

В. Боккарди
«ВИВАЛЬДИ»

К. Дюфрен
«МАРИЯ КАЛЛАС»

А. Хорт
«ЛЮБОВЬ ОРЛОВА»

М. Гейзер
«ЛЕОНИД УТЕСОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

К. Ковалев
«САВВА СТОРОЖЕВСКИЙ»

В. Козляков
«ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»

Н. Павленко
«ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ»

И. Кузьмина, А. Лубков
«КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ»

А. Варламов
«ГРИГОРИЙ РАСПУТИН-НОВЫЙ»

Б. Соколов
«БУДЕННЫЙ»

Ж. Эрс
«ЛЮДОВИК XI»

М. Дюшен
«ГЕРЦОГ БЕКИНГЕМ»

А. Панцов
«МАО ЦЗЭДУН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
<http://mg.gvardiya.ru> E-mail: mol_gvard@mail.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

А. Каспи

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
США В ЭПОХУ
«СУХОГО ЗАКОНА»
1919—1929

А. Вульфов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Ж. Мартино

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ

В. Матюшкин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АРЗАМАСА-16

Л. Реньё

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ

С. Ру

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПАРИЖА

ISBN 978-5-235-03028-2

9 785235 030282 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ